

Федеральное агентство по образованию

**Волгоградский государственный
педагогический университет**

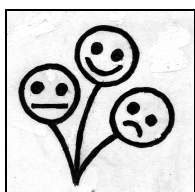
**Воронежский государственный
университет**

**Научно-исследовательская
лаборатория
«Аксиологическая лингвистика»**

**Межрегиональный центр
коммуникативных
исследований**

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 3

Волгоград
«Парадигма»
2006

ББК 81.0 + 81.432.1
А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

А 21 Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006. –
381 с.
ISBN 5-902942-02-0

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале русского, английского, немецкого, французского языков.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2006.
© Коллектив авторов, 2006.

ISBN 5-902942-02-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	<i>В.И.Карасик, И.А.Стернин</i>	4
Концепты		
Русский язык	<i>Л.А. Тавдгиридзе, И.А. Стернин (Воронеж)</i>	6
Родной язык	<i>Г.Н. Милованова (Нальчик)</i>	39
Добро и зло	<i>Н.Ю. Моспанова (Брянск)</i>	50
Воля	<i>Р.И. Веселова (Иваново)</i>	67
Свет и тьма	<i>Т.М. Григорьева, Р.М. Гайсина (Уфа)</i>	85
Рай и ад	<i>А.Ф. Гершанова (Стерлитамак)</i>	106
Правда и истина	<i>М.И. Агиенко (Кемерово)</i>	118
Бог	<i>А.В. Полина (Харьков)</i>	138
Ангел	<i>И.П. Черкасова (Армавир)</i>	151
Бог и дьявол	<i>Т.Ю. Передриенко (Челябинск)</i>	167
Надежда	<i>Е.А. Мошина (Кемерово)</i>	184
Любовь	<i>Л.Э. Кузнецова (Краснодар)</i>	199
Дружба	<i>М.А. Хизова (Краснодар)</i>	216
Стыд и вина	<i>Е.А. Дженкова (Волгоград)</i>	230
Мечь	<i>И.И. Чесноков (Волгоград)</i>	247
Долг	<i>Г.В. Елохова (Абакан)</i>	260
Судьба	<i>Е.Н. Сергеева (Уфа)</i>	279
Мечта	<i>С.А. Сергеев (Кемерово)</i>	294
Одиночество	<i>Н.В. Подзолкова (Волгоград)</i>	316
Мысль	<i>Е.П. Бондарева (Кемерово)</i>	331
Интеллект	<i>А.В. Крюков (Волгоград)</i>	344
Смерть	<i>А.А. Осипова (Магнитогорск)</i>	364

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вниманию читателей очередные два тома серии предпринятого нами продолжающегося научного издания «Антология концептов».

Задачей данной серии, как мы указывали в первом томе вышедшей «Антологии», является представление результатов фундаментальных исследований российских ученых в области концептологии, понимаемой нами как *наука о концептах, их содержании и отношениях концептов внутри концептосферы*.

Концептология исследует национальные, групповые и индивидуальные концепты и концептосферы. Разумеется, в «Антологии» представлены результаты, полученные в рамках *лингвистической концептологии – науки, ставящей своей целью описать концепты и концептосферы лингвистическими средствами*.

Мы видим свою задачу в том, чтобы отразить в «Антологии» результаты, достигнутые в различных российских лингвоконцептологических школах, на материалах разных языков и культур.

В «Антологии» нами представлены описания концептов, выполненные только на уровне защищенных диссертаций, что является нашим принципом и обеспечивает, с нашей точки зрения, авторитетность и достоверность полученных результатов.

Редакторам-составителям известны в настоящее время уже более 200 защищенных в России диссертационных исследований (преимущественно кандидатских, а также ряд докторских), посвященных изучению и описанию отдельных концептов.

Основными принципами отбора исследований для публикации в «Антологии» являются:

лингвоконцептологическое направление исследования;

разделение исследователем общего положения о том, что концепт является единицей сознания и через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта и описать его;

наличие эксплицитно сформулированной методики описания концепта, которая могла бы быть воспроизведена другими исследователям, или отсылка к той или иной уже известной методике;

наличие у того или иного исследователя целостного итогового описания исследуемого концепта.

Исследования, в которых понятие концепта используется лишь для решения тех или иных частных лингвистических проблем или ограничения материала исследования, в «Антологию» не вошли.

В основу третьего тома «Антологии» положены диссертационные исследования, выполненные в Абакане, Армавире, Брянске, Волгограде, Воронеже, Иваново, Кемерово, Краснодаре, Магнитогорске, Нальчике, Стерлитамаке, Уфе, Харькове, Челябинске.

В четвертом томе представлены исследования ученых из Астрахани, Барнаула, Белгорода, Владивостока, Волгограда, Воронежа, Иркутска, Кемерово, Краснодара, Самары, Таганрога, Уфы, Элисты.

Концептуарий культуры по своей сути не может быть завершённым списком концептов, и мы надеемся, что и у этой книги будет продолжение.

Некоторыми авторами исследований, с которыми составителями удалось установить связь, были предоставлены в распоряжение составителей статьи, лично подготовленные ими на основе защищенных диссертаций, от других авторов составители имели возможность получить только авторефераты диссертаций (в этом случае соответствующие статьи, вошедшие в «Антологию», были подготовлены на основе авторефератов самими составителями). Эта работа не была легкой, но мы считали необходимым ее сделать, поскольку соответствующее исследование заслуживало того, чтобы с его результатами ознакомился широкий круг когнитологов и лингвокогнитологов.

Ссылки на теоретические работы, лежащие в основе концепций авторов, в ряде статей даны без полного библиографического описания – через указание фамилии ученого и года опубликования соответствующей работы. Этого в принципе достаточно, чтобы читатель составил представление об исходных теоретических позициях автора статьи, тем более что, как правило, эти авторы общеизвестны в когнитологической среде и ссылки на них повторяются во многих других работах. Составители считали более важным привести список публикаций авторов статей, посвященных описываемому концепту, чтобы читатель имел возможность получить по данному концепту максимально полную информацию. Такой список есть в каждой публикуемой статье.

Составители надеются, что, как и первые два тома «Антологии», публикуемые тома вызовут интерес научной общественности и послужат дальнейшему совершенствованию лингвоконцептологической методики и распространению результатов лингвоконцептологических описаний.

В.И. Карасик, И.А. Стернин

РУССКИЙ ЯЗЫК

Рассмотрим последовательно процедуру и результаты анализа концепта *русский язык* по этапам семантико-когнитивного описания.

1. Построение номинативного поля концепта

Для данной цели были выделены и проанализированы различные номинации исследуемого концепта *русский язык*. Основными способами прямой номинации данного концепта в русском языке оказались такие единицы как устойчивое словосочетание *русский язык*, реже используемое *родной язык* разг. *русский*, лексемы *речь*, *слово*, дейктические обозначения *язык*, *наш язык*, *наше слово*, а также метафорическая номинация «*великий и могучий*».

Ключевой номинацией выступает устойчивое сочетание *русский язык* как наиболее частотное, стилистически нейтральное.

Номинативное поле исследуемого концепта, образуемое прямыми номинациями, невелико, у ключевой номинации нет развернутой синонимии и симиларов, мало устойчивых единиц с данным значением, в связи с чем развернутое лексико-фразеологическое поле ключевой номинации построить не представляется возможным. Деривационное поле ключевой номинации также невелико: *русский язык – русскоязычный*.

В связи с этим основными приемами построения номинативного поля концепта *русский язык* оказываются: экспериментальные методики, анализ художественных текстов, фразеологизмов и паремий.

В качестве основной экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент *Русский язык – какой?*

Этот вид эксперимента был предпочтен свободному ассоциативному эксперименту и рецептивному эксперименту, поскольку предварительные пилотажные эксперименты с небольшим количеством испытуемых (10-15 человек) показали, что свободный ассоциативный эксперимент со стимулом *русский язык* и рецептивный (в частности, «кратко напишите, что такое *русский язык*», «дайте определение русскому языку – русский язык это...» и под.) дают мало релевантного для исследования материала, а направленный ассоциативный эксперимент дает максимальное число

реакций, позволяющих сформировать ассоциативное поле стимула *русский язык*.

В направленном ассоциативном эксперименте приняло участие 1790 испытуемых — 1256 женщин и 534 мужчин. Из числа опрошенных — 669 в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа); 781 человек в возрасте 26–40 лет (средняя возрастная группа) и 340 человек в возрасте 41–60 лет (старшая возрастная группа).

Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 25–40 испытуемыми за один сеанс.

Испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к словосочетанию «русский язык» и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову. Просим дать не менее 5 определений». В начале опросного лист приводилась фраза:

Русский язык – какой?

В результате эксперимента от испытуемых было получено 7190 реакций. При этом 919 человек дали по 5 реакций, 366 человек по 4 реакции, 232 — по 3 реакции, 155 — по 2 реакции, 105 — по 1 реакции, 20 — отказались участвовать в эксперименте. Таким образом, процент отказа составил 1%, что является незначительной величиной и свидетельствует о том, что анализируемый концепт актуален для языкового сознания. Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции и в некоторых случаях давали ассоциаты, выраженные не определениями, как того требовало наше задание. Количество таких ассоциатов 350 (4,9% от общего количества реакций). Эти ассоциаты тоже были обработаны.

В результате было сформировано ассоциативное поле стимула *русский язык*, которое имело следующий вид:

Русский язык – какой? (7190): красивый 846; богатый 560; трудный 501; родной 232; великий 203; интересный 190; сложный 182; хороший 113; любимый 102; могучий 101; древний 95; разнообразный; народный 85; простой 61; умный 60; лёгкий 58; разносторонний 57; разный 56; ласковый 55; нежный 52; свободный, наш родной, мат 50; матерный 48; наш родимый, непонятный, международный 43; многообразный 42; содержательный 41; доступный 39; нецензурный, мягкий, удовлетворительный 36; самый любимый, огромный 35; красочный 34; тяжёлый 32; необъятный 31; близкий, увлекательный 30; занимательный, эмоциональный, безграничный 29; многосторонний, знакомый 28; выразительный, бескрайний, главный 27; обширный 25, благородный 24; интеллектуальный, объёмный, распространённый, непостижимый, звучный 23; матершинный 21; мой, яркий, запутанный, старый 20; цветной, поэтический, понятный 19; щедрый, ясный, колоритный, волшебный, поэтический, масштабный,

мировой, грубый, культурный 18; всемирный, многоликий, самый сложный 17; образный, светлый 16; самый лёгкий, важный, разговорный, насыщенный, выразительный, недостижимый, многогранный, российский, национальный, школьный, поэзия, свой, добрый, лучший, самый лучший 15; славный, разумный 14; наш, милый, доброта, истинный, заботливый, литературный 13; теплый, мудрый, правдивость, нужный, необходимый, обязательный 12; широкий, интеллигентный, интернациональный, музыкальный, необычный, разговор (ы) 11; габаритный, песня, переливающийся, межнациональный, сказочный, Россия, плавный, красноречивый, школа, близкий, настоящий, звонкий, уникальный, точный, лаконичный 10; благозвучный, необыкновенный, идеальный, стихотворный, пошлый, засорённый, превосходный, замечательный, изумительный, познавательный, продвинутый, развитый, первый 9; основной, глубокий, созвучный, восхитительный, чистый, урок, Родина, неограниченный, матный, достигаемый, учебный, Ленин, пушкинский, много нецензурных слов, всероссийский, многонациональный, человечный, смешной, средство общения 8; единственный, грамотный, обычный, ругательный, спорный, вульгарный, общероссийский, отличный, всенародный, пословица, учительница, песенный, громкий, своеобразный, практичный, эффективный, конкретный, игривый 7; живой, средство ежедневного общения, универсальный, регламентированный, логичный, полезный, деловой, странный, самый главный, певучий, учитель, много поговорок, частушки, содержит диалекты, ненормативная лексика, родная страна, Липецкая область, берёза, народ, противный, общенародный, общепринятый, объединяющий, правильный, общеславянский, деревенский, разноголосый, прикольный 6; веселый, понимание, удобный, задорный, многозвучный, специфический, славянский, старинный, справедливый, роскошный, бесподобный, великолепный, суровый, честный, привычный, труднодоступный, солнечный, общий, общеупотребительный, много выражающий, берёзы, русские люди, Путин, Есенин, Толстой, Москва, нравственный, гостеприимный, привычный, искренний, святой, чувственный, алфавит, книга, учебник, мелодичный, цивилизованный 5; системный, резкий, страстный, букварь, предмет, фольклор, божественный, открытый, лермонтовский, пластичный, грациозный, язык Пушкина, дерзкий, заимствующий, смелый, задушевный, тонкий, простонародный, самобытный, грамматика, знания, голосистый, популярный, дисциплинированный 4; стандартный, воспитанный, тактичный, орфография, мягкое произношение, традиция, сочинение, душевный, чуткий, отзывчивый, гениальный, одаренный, изящный, природа, потрясающий, впечатляющий, уроки, ромашка, словарь русского мата, уматный, запрещённый, раскованный, славяне, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, есенинский, Горбачев, Воронеж, мудрёный, тяжело даётся, общественный, гуманный, человеколюбивый, милосердный, вольнодумный, решительный, прямой, экспрессивный, многовековой, известный, знаменитый, удивительный, счастье, языковое общение, язык информации 3; выражение мысли, язык, на котором я общаюсь, нужен для общения, приветливый, радость, изучаемый, юмористический, темпераментный, прямолинейный, стойкий, единый, Зюганов, Гагарин, берёзка, Ломоносов, русские писатели, же-

ланный, достоверный, верный, обычный, хреновый, образовательный, правило, правописание, грамотность, шумный, ведущий, нестандартный, востребованный, меткий, болтливый, многофункциональный 2; идеальный, неповторимый, с его помощью можно четко выражать свои мысли, многоцелевой, жив да и все!, четко выражает мысли, хочу знать, хочу хорошо знать, не похож на другие языки, неординарный, самобытный, причудливый, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, имеет значение в повседневной жизни, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный; основа всех основ; журчащий; частично резкий; правильность речи; врожденная грамотность; диктанты на «2» «3», диктанты на «4», у меня по русскому «3», первое слово — «мама»!, знаки препинания, чистописание, учебный предмет, дисциплина, язык как дисциплина, мне все равно, хуже, чем английский, глюканутый; совершенно правильный, объективный; правдолюбивый, говорить можно обо всем, взаимопонимание, всеми любимый, его надо любить, только бы его и слушала б, язык эмоций, своё родное, привычный с детских лет, командный, армейский; отца и матери, душа народа, много диалектов, кладёшь пословиц и поговорок; душа нации; выросли с ним; моя ДНК; им можно выразить все чувства, всеобъемлющий; учат в других странах; учат в других странах в привилегированных семьях; государственный; дипломатический; один из рабочих языков ООН; интеграция; Санкт – Петербург; огромная территория; деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, тайга, лес, дуб, речка, поле, пшеница, снопы, хлеб, яблоневый сад, мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки, человек, книга такая, словарь Ожегова, толковый словарь Даля, толковый словарь, чтение, письмо, чтение книг, перо, указка, тетрадь, ручка, карандаш, родители, распространенные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, картошка, валенки, блины, пиво, русская водка, рубль, революция, революции, война, войны, бедность, безработица, невоспитанность, нет будущего, государственность, общность, коммунизм, преданность родине, патриотизм, президент, петровский язык, на нем говорили Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Ахматова, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, даётся не всем, требуются усилия, слишком много правил, сложен грамматически, в грамматике очень сложен, очень сложная грамматика, много исключений, объединяющий нации, лучистый, играющий цветами, художественно-тёплый, медовый, золотой, морской, зелёный, жгучий, мяукающий, находка для поэтов, льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения, самый матерный, отрицательная сторона – мат, мат без предела, отвратительная сторона – мат, матерно богат, льющийся мат, иногда самый нецензурный, много ругательных выражений, ругань в транспорте, с ругательствами, беспардонный, смелый в выражениях, может быть решительным и жестким, крепкий, один из самых жестоких языков мира, жестокость, обломный, разбитый, разоренный, колючий, зубастый, враждебный, сленг, жаргон, жаргонный, деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят

люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, забываются литературные нормы, упрощен без смысла, заимствованный, 70% заимствований, много заимствований из английского, много заимствований из английского, а это плохо — лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными и нецензурными словами, выражает мысли в облегченной форме, простой для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост в изучении, быстро учится, легко изучается, как русский человек с широкою душою, этот язык во всем мире самый лучший!, клевый, прикольный, класс!, самый лучший на земле, самый лучший язык в мире, горжусь им!, только бы его и слушал! язык чувств, заводящий, благословенный, училка, учитель строгий, учитель Николай Иванович, учительница Светлана Николаевна, синонимы, предлог, буквы, знак, деепричастие, ударение, определения, которые не учатся, морфемы, морфемный, в нем всего 33 буквы, словосочетание, вопросительный знак, вечный, долговечный, один из древних языков, родоначальник всех языков, язык многовековой культуры, язык, на котором говорили наши предки, имеет большую историю, старина, хорошо звучит, красиво звучит, перспективный, современный, модный, стильный, неожиданный, непредсказуемый, в нем тайна, комфортный, уютный, характеризует культуру, самый грамотный, вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие замысловатый 1, отказы 13.

Анализ фразеологических словарей русского языка позволил выделить следующие фразеологизмы, содержащие слово *язык* или номинирующие язык или его использование:

бес дернул за язык
болтать языком
вертится на языке
давать волю языку
держат язык за зубами
длинный язык
язык заплетается
злые языки, злой на язык
держат язык за зубами
мозолить язык (чесать)
молотить языком
наступать на язык кому
найти общий язык
остер на язык
острый язык
язык отнялся
язык не повернулся, не поворачивается
по(чесать) язык
попасть на язычок
(по) трепать язык
чесать языком

(язык) плохо /хорошо подвешен
держать язык на привязи
прикусить язык
прочистить язык
как будто язык проглотил
просится на язык
развязать язык
язык развязать кому-либо
говорить на разных языках
распускать язык (прост.)
дар речи
говорить русским языком
язык сломаешь
сорваться с языка
типун тебе на язык
трепать язык, языком
трещать языком
укоротить язык – заставить поменьше болтать
чесать язык – заниматься пустой болтовней
эзоповский язык
держать язык за зубами, на привязи
длинный язык
попридержать язык
приходить на язык
язык без костей
язык прилип к гортани
не сходит с языка
язык чешется

Большинство из этих фразеологизмов характеризуют различные признаки функционирования или возможного использования языка.

Анализ художественных и публицистических текстов был выполнен по сборникам высказываний русских писателей и поэтов о русском языке. Были проанализированы высказывания русских писателей и публицистов о русском языке из следующих литературных источников:

1. Писатели о русском языке; Хрестоматия / Под общей ред. Докусова А.М. – Л. 1955.-451с.,

2. Словарь афоризмов русск. писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов; А.Н. Тихонов; под ред. д-ра филологических наук, проф. А.Н. Тихонова. – М: Рус. яз. – Медиа, 2004, — XX, 636с.

Были проанализированы также более 200 поэтических произведений, посвященных русскому языку, из них было получено 323 когнитивных признака, характеризующих русский язык.

Материалом для анализа послужили стихотворения из сборника Кавецкой Р.К. «Поэты о русском языке». Воронеж, 1988; Словаря афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; — М., 2004.

Общий материал – высказывания писателей, поэтов и публицистов о русском языке, его свойствах, качествах, назначении, преимуществах русского языка и т.д. – составил более 700 примеров. Приведем примеры таких высказываний, характеризующих отдельные стороны русского языка и ставших материалом когнитивного анализа:

«Справедливо сказал *Гоголь*, что «в *Пушкине*, будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка» (Белинский В.Г.).

«Является *Пушкин*, поэт и художник по преимуществу, окончательно преобразовывает язык русской поэзии, возведя его на высочайшую степень художественности, — и с ним первым является в русской литературе искусство как искусство, поэзия — как художественное творчество» (Белинский В.Г.).

«Начиная с *Пушкина*, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали «великий, прекрасный язык»...» (Горький М.).

«Язык *Гоголя* в наше время — образцовый русский язык, лучше Гоголя никто не писал прозой по-русски» (Чернышевский Н.Г.).

«Люблю *определенное, ясное* и красивое, и умеренное, — и все это нахожу в народной поэзии и в языке, в жизни» (Толстой Л.Н.).

«Наша *речь* преимущественно афористична, отличается своей *сжатостью, крепостью*» (Горький М.).

«Органичность произведения явится сама собой, явится язык сильный своей красочностью, потому что наш русский язык в высшей степени благодарен в этом отношении, яркок, удивительно *четок и компактен*» (М. Горький).

«Вникайте в прелесть простонародной *речи*, в строение фразы в песне, сказке, в псалтыре, в песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, *меткость сравнений, простоту* — чарующую силой, изумительную красоту определений». (Горький М.).

«Язык чистый, простой, *точный*, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.).

«Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским языком. Звучание музыки, *блеск красок, игру света*, шум и *тьнь садов, неясность сна*, громыхание

грозы, детский шепот и шорох морского гравия, нет таких звуков, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения» (Паустовский К.Г.).

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах — *красив, певуч, выразителен, гибок*, послушен, ловок и вместителен» (Чуковский К.И.).

«*Красота, великолепие*, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«Русский язык *чрезвычайно богат...*» (Белинский В.Г.).

«Наш русский язык, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим *по своему богатству*, силе, свободе расположения, *обилию форм*» (Добролюбов Н.А.).

«Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем *все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких...*» (Гоголь Н.В.).

«... действительно, ни один из европейских языков не сохранил всего богатства, *флексий столько, как русский*» (Бестужев-Марлинский А.А.).

«Язык *правдивый и свободный, и величав он, и могуч*» (С.Сергеев-Ценский).

«О, как ты *свободен* и велик...» (К. Акаев).

«*Великий, мощный, благозвучный, язык славянский...*» (А. Ашкерц).

«*Умейте же беречь* хоть в меру сил, в дни злобы и страдания, наш дар бесценный — речь» (И. Бунин).

«Язык *расширяется* снова и снова...» (Б. Слуцкий).

«Язык! Его же — *не изговорить. Слова! Им нет числа...*» (Б. Слуцкий).

«Люблю тебя всей жизнью, всей судьбой...» (М. Дудин).

«Горжусь ее *певучей* речью...» (М. Парану).

«*Звучащий, как музыка*, русский язык...» (К. Алтайский).

«Слова в иной пословице *поются*, а не молвятся» (В. Гордейчев).

Был также проведен анализ русских *паремий*, характеризующих русский язык.

Корпус исследуемого паремиологического материала, связанный с концептом «русский язык», составил более 200 паремий, характеризующих разные стороны использования языка.

Примеры паремий, номинирующих признаки и свойства языка:

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова.

Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь; Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Бабий язык, куда не завались, достанет.

Язык поит и кормит, и спину порет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык хлебом кормит и дело портит; Язык до Киева доведет и до кия.

Горе в чужой земле безъязыковому.

Поменьше говори, побольше услышишь; В запертой рот муха не пролетит; Кстати промолчать, что большое слово сказать; кто мало говорит, тот больше делает; Лучше недоговорить, чем переговорить; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Молчи глухая, меньше греха; Молча отмолчишься, как в саду отсидишься; Сказано – серебро, а не сказано – золото; Меньше говорить, меньше грешить; Меньше врется – спокойнее живет; Щи хлебай, да поменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту.

Языком капусты не шинкуют; Языком и лаптя не сплетешь; Кто языком штурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Горлом дело не спорится; Языком масло не собьешь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть.

Рассказчики не годятся в приказчики; Хороший рассказчик – плохой приказчик.

Язык лепечет, а голова не ведает; Язык болтает, а голова не знает; Язык наперед ума рыщет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет (чего не хочет, и то лопочет); Что знает, все скажет, — и чего не знает, и то скажет.

Доброе слово и кошке приятно; Ласковое слово и кость ломит.

Таким образом, номинативное поле концепта русский язык составили прямые номинации (*русский язык, русская речь, слово, русское слово, наш язык, русский, родной язык* и др.), ассоциативное поле стимула *русский язык*, фразеологические единицы, паремии и высказывания о русском языке писателей, поэтов и публицистов.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта

На данном этапе анализируется семантика единиц номинативного поля концепта с использованием словарей, методики

компонентного анализа, контекстуального анализа и выделяются семантические компоненты, характеризующие денотат концепта.

Анализ семантики номинативного поля, включающего прямые номинации исследуемого концепта — *русский язык, родной язык*, разг. *русский, язык, русское слово, русская речь, наш язык, «великий и могучий»*, а также деривата *русскоязычный* путем обращения к словарям русского языка и анализа их словарных дефиниций позволил выделить следующие семантические компоненты (семы): *средство общения, славянский, используется в России, родной, великий, могучий, им владеют русские*.

Анализ значений слов — ассоциатов, составивших ассоциативное поле *русский язык*, позволил выявить многочисленные признаки русского языка, названные ассоциатами. Толкования значений ассоциатов выполняются исследователем в опоре на системные значения этих слов, словарные дефиниции, с учетом их реальной отнесенности к денотату — конкретному предмету номинации (в нашем случае — русскому языку) в конкретном тексте или эксперименте. Например:

красивый 846 – хорошо звучит, богатый 560 – богатый словарный запас и выразительные средства; трудный 501- трудный для изучения; родной 232 – родной для граждан России; великий 203 – великий по своему значению; интересный 190 – интересный для изучения; сложный 182 — сложный для изучения; хороший 113 – вызывает положительные эмоции; любимый 102 – вызывает любовь носителей языка; могучий 101- эффективный; древний 95 – имеет длительную историю и т.д.

Анализ семантики фразеологизмов со словом *язык* также позволяет выявить ряд признаков, характеризующих использование языка:

бес дернул за язык – язык может использоваться необдуманно

вертится на языке – языковое выражение мысли требует усилий

*давать волю языку – можно говорить лишнее, избыточное
язык заплетается – пользование языком может быть в определенных условиях затруднено*

молоть языком – речь может быть необдуманной

язык отнялся – способность использовать язык может исчезнуть

язык не повернулся, не поворачивается – языковое выражение мысли в обществе может быть ограничено определенными условиями

язык плохо /хорошо подвешен – *способность к владению языком может быть хорошей или плохой* и т.д.

Анализ высказываний писателей и поэтов позволяет определить те признаки русского языка, которые деятели слова рассматривают как существенные, важные, отличительные, как предмет осмысления и обсуждения. Каждое высказывание интерпретируется как характеристика конкретного признака языка, который формулируется исследователем в виде отдельного утверждения:

«Справедливо сказал *Гоголь*, что «в *Пушкине*, будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка» (Белинский В.Г.) – *образцовый носитель русского языка — Пушкин*.

«Начиная с *Пушкина*, наши классики отобрали из речевого хоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали «великий, прекрасный язык»...» (Горький М.). — *создатель русского литературного языка — Пушкин*

«<*Л. Толстой*> — хранитель русского классического языка. По манере он — наследник наших классиков» (Фурманов Д.А.). – *носитель образцового русского языка – Л.Толстой*

«Люблю *определенное, ясное* и красивое, и умеренное, — и все это нахожу в народной поэзии и в языке, в жизни» (Толстой Л.Н.). – *народный язык красив и ясен*

«Наша *речь* преимущественно афористична, отличается своей *сжатостью, крепостью*» (Горький М.). — *русская речь афористична*

«Язык чистый, простой, *точный*, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.) – *русский язык точен*

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, *гибкого, роскошного языка* более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.) – *русский язык гибок и богат*.

«Язык чистый, простой, *точный, образный*, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.) – *русский язык образный*

«В русский язык по необходимости вошло *множество иностранных слов*, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей» (Белинский В.Г.) – *в русском языке много заимствований* и т.д.

Аналогично описывается значение паремий, номинирующих различные свойства языка:

Язык царствами ворочает — *язык является могущественным средством воздействия на людей;*

Язык до добра не доведет — *язык может причинить говорящему вред;*

Не ножа бойся — языка! — *языком можно причинить ущерб человеку;*

Больше говорить — больше согрешить — *многословие причиняет вред говорящему* и т.д.

На данном этапе исследования каждая языковая единица, являющаяся компонентом номинативного поля концепта, должна получить толкование, характеризующее конкретный признак или признаки языка.

Подобное описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта, подготавливает базу для их когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств

Когнитивная интерпретация представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу. Когнитивная интерпретация осуществляется как обобщение семантических признаков, выявленных при анализе семантики языковых единиц, образующих номинативное поле концепта, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами.

Так, например, когнитивная интерпретация результатов проведенного ассоциативного эксперимента будет иметь следующий вид (сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством ассоциатов он объективирован в эксперименте, затем приводятся языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации данным когнитивным признаком):

Богатый 1125

(*богатый* 560; *безграничный* 295; *разнообразный* 85; *разносторонний* 57; *разный* 56; *многообразный* 42; *содержательный* 41; *огромный* 35; *необъятный* 31; *многосторонний* 28; *бескрайний* 27; *обширный* 25; *объемный* 23; *масштабный* 18; *многоликий* 17; *многогранный* 15; *широкий* 11; *габаритный* 10; *неограниченный* 8; *много выражающий* 5; *им можно выразить все чувства, всеобъемлющий* 1);

Красивый 846;

Сложный 808

(сложный 753; непостижимый 55; сложная грамматика 5, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов);

Выразительный 502

(ласковый 55; нежный 52; мягкий 36; красочный 34; эмоциональный 28; выразительный 27; яркий 20; цветной, поэтический 19; поэтический, колоритный 18; страстный; светлый, образный 16; насыщенный, поэзия 15; теплый 12; переливающийся, красноречивый, плавный 10; стихотворный 9; чистый 8; солнечный 5; пластичный, грациозный 4; лучистый, играющий цветами, художественно-теплый, медовый, золотой, морской, зеленый, жгучий, мяукающий, находка для поэтов; изящный 3; льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения 1);

Родной 497

(родной 232; наш родной 50; наш родимый 43; Родина 41; близкий 30; знакомый 28; мой 20; свой 15; наш 13; славянский 11; привычный 5; известный 4; свое родное, привычный с детских лет, отца и матери, выросли с ним, моя ДНК 1);

Грубый 279

(мат 193; грубый 77; деградирующий 9);

Интересный 277

(интересный 250; познавательный 27);

Хороший 236

(хороший 115; лучший 98; славный 14; идеальный 9);

Доступный 225

(простой 181; знакомый 28; прост для изучения 10; обычный 7);

и т.д.

Аналогично обобщаются результаты семантического описания фразеологизмов, высказываний писателей и поэтов и паремии.

Примеры когнитивной интерпретации фразеологизмов:

Язык может использоваться необдуманно (10 примеров):

бес дернул за язык, молоть языком, (по) трепать язык, чесать языком, распускать язык (прост.), сорваться с языка, трепать языком, трещать языком, чесать язык, болтать языком;

Можно говорить лишнее, избыточное, неуместное (5 примеров):

давать волю языку, молоть языком, бес дернул за язык, длинный язык, сорваться с языка;

Мысль может требовать языкового выражения (5 примеров):

просится на язык, приходить на язык не сходит с языка, вертится на языке, дать волю языку и т.д.

Примеры когнитивной интерпретации паремий:

Язык является могучим средством воздействия на людей (6 примеров):

Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит. Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет;

Язык может причинить ущерб говорящему (7 примеров):

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова и т.д.

Примеры когнитивной интерпретации высказываний писателей и поэтов:

Богатый (28 примеров):

«Красота, великолепие, сила и *богатство русского языка* явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«С одной стороны *обилие* и сила, с другой — гибкость и способность русского языка к изображению всех чувств сердца человеческого» (Державин Г.А.).

«Да будет же честь и слава нашему *языку*, который в самородном *богатстве* своем, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река» (Карамзин Н.М.).

«Пред вами *грозда* – русский язык!» (Гоголь Н.В.).

«...он *беспределен* и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно» (Гоголь Н.В.).

«Наш русский *язык*, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим *по своему богатству*, силе, свободе расположения, *обилию форм*» (Добролюбов Н.А.).

«Гибок, *богат* и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития» (Чернышевский Н.Г.).

«Русский язык *чрезвычайно* богат...» (Белинский В.Г.).

«Русский язык *так богат* и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (Тургенев И.С.).

«*Язык как море*. У одного берега воды моря прозрачны и солонны, у другого — опреснены впадающей в него рекой и полны мути. И все это в одно и то же время, только в разных точках пространства» (Успенский Г.И.).

«Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей» (Горький М.).

«Язык наш достаточно гибок и богат — следует глубже всмотреться в него...» (Горький М.).

«Язык особенно быстро обогащается в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности» (Горький М.).

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, гибкого, роскошного языка более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.).

«Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем» (Пришвин М.М.).

«Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий» (Паустовский К.Г.).

«Нам дан во владение самый богатый, меткий, поистине волшебный русский язык» (Паустовский К.Г.) и т.д.

Красивый (3 примера):

«Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«Язык, которым Российская держава великой частью света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоте и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (Ломоносов М.В.).

«Красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности» (Писарев Д.И.).

Гибкий (7 примеров)

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, гибкого, роскошного языка, более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.).

«Язык чистый, простой, точный, образный, *гибкий*, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.).

«Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и *гибкостью*, не зря Тургенев называл его «великим, прекрасным» (Горький М.).

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, *гибок*, послушен, ловок и вместителен» (Чуковский К.И.).

«С одной стороны обилие и сила, с другой — *гибкость* и способность русского языка к изображению всех чувств сердца человеческого» (Державин Г.А.).

«Русский язык так богат и *гибок*, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (Тургенев И.С.) и др.

Необходимость широко изучать народную речь (15 примеров):

«Изучение старинных песен, сказок и т.д. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» (Пушкин А.С.).

«Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! — *обычай, история, песни, сказки — и проч.*» (Пушкин А.С.).

«*Разговорный язык простого народа* (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) *достоин также глубочайших исследований*» (Пушкин А.С.).

«Развитие литературного языка теперь должно идти путем изучения народной речи, народного синтаксиса, путем уплотнения, прояснения и экономии языка и, что очень важно, — путем развития глаголов, столь обильных, ярких и мощных в народной речи...» (Толстой А.Н.)

и так далее.

Подчеркнем, что отнесение ассоциатов к определённом когнитивному признаку (а также, аналогично, отнесение к определённому когнитивному признаку фразеологизмов, паремий, афоризмов и авторских высказываний) представляло в ряде случаев значительную трудность, поскольку многие ассоциаты, фразеологизмы, паремии весьма объёмны по своему смысловому содержанию, широкозначны и многозначны, и подчас весьма трудно определить, в каком конкретно смысле испытуемый использовал данное слово в качестве ассоциативной реакции на предъявлен-

ный стимул, какой признак концепта объективирован данным фразеологизмом, паремией и т.д.

В случае затруднений такого рода целесообразно опираться на следующие принципы:

- 1) логический критерий;
- 2) вероятностный критерий (выбирается наиболее вероятная интерпретация);
- 3) принцип аналогии (если ряд слов или выражений сходной семантики без сомнения может быть отнесён к тому или иному когнитивному признаку, то близкое к ним по смыслу слово или выражение также будет отнесено к данному признаку);
- 4) дополнительную верификацию ассоциативной связи стимула и реакции у информантов (в затруднительных случаях мы обращались к информантам с просьбой объяснить, например, какую связь имеет данный ассоциат со стимулом «*русский язык*»).

4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка

В ряде случаев по мере необходимости проводилась дополнительная верификация результата когнитивной интерпретации связи стимула и реакции у информантов.

Мы обращались к информантам с просьбой объяснить, какую связь имеет тот или иной ассоциат со стимулом «*русский язык*». Испытуемым предъявлялись стимул и спорная реакция и ставилась задача предложить свою интерпретацию этой связи, подобрать синоним или симиляр или просто пояснив, что, по их мнению, имеется в виду.

Например: русский язык – *медленно текущий*: это какой?

Ответы: *неторопливый, неспешный, приятный*; на этом основании ассоциат интерпретировался как языковая репрезентация положительно оценочного когнитивного признака «приятный».

В интерпретационном эксперименте принимало участие небольшое количество испытуемых – 10-15, и если большинство давало сходные ответы, дальнейший опрос не проводился.

Подобная верификация оказалась необходимой и при когнитивной интерпретации некоторых паремий и фразеологических единиц.

Также мы обратились к небольшой группе испытуемых (15 человек) с просьбой пояснить, в каком смысле используется в паремиях (предлагалось 10 паремий) и фразеологизмах (предлагалось 10 фразеологизмов) слово *язык* – имеется ли в виду *русский язык* или *язык вообще*.

Опрос испытуемых показал, что под языком в пословицах, поговорках и фразеологизмах подавляющее большинство испытуемых понимает *язык вообще*, но при этом *язык вообще* в их сознании, по их собственному признанию, представлен *русским* языком. На этом основании соответствующий языковой материал интерпретировался как характеристика русского языка.

Верификация может также использоваться для подтверждения испытуемыми всех выделенных когнитивных признаков (генеральная или итоговая верификация). Для этого испытуемым предлагается полный список выделенных исследователем когнитивных признаков с полным списком обобщенных ими лексем, фразеологизмов, афоризмов и под. и предлагается подтвердить или отвергнуть эти признаки (в случае несогласия испытуемые должны вычеркнуть те или иные языковые примеры, иллюстрирующие когнитивный признак, или целиком когнитивный признак).

Подобная процедура необходима, если когнитивные признаки выделялись не экспериментальными, а лексико-семантическими приемами – в опоре только на данные словарей и тексты. В таком случае когнитивные признаки, подтвержденные всеми испытуемыми в процессе верификации, составят ядро концепта, остальные отойдут к периферии.

В случае с описанием концепта *русский язык* процедура генеральной верификации не проводилась, поскольку данные о яркости отдельных признаков были получены в ходе экспериментальной процедуры – направленного ассоциативного эксперимента.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков

На этом этапе осуществляется описание содержания концепта в форме перечисления выявленных когнитивных признаков.

Признаки перечисляются в порядке убывания их яркости; яркость определяется количеством испытуемых, выделивших тот или иной признак.

Когнитивные признаки, полученные из разных источников — путем когнитивной интерпретации значений ассоциатов, фразеологизмов, паремий и высказываний писателей и поэтов о языке — унифицировались, то есть приводились к единой метаязыковой формулировке. Например, признаки *прекрасный*, *восхитительный*, *отличный*, *великолепный* унифицировались формулировкой *прекрасный* как наиболее обобщенной по содержанию и стилистически нейтральной.

В описание концепта включались только те когнитивные признаки, которые нашли подтверждение в эксперименте. Подавляющее большинство признаков, полученных в ходе когнитивной интерпретации значений фразеологизмов, паремий и высказываний мастеров слова, нашли подтверждение в результатах ассоциативного эксперимента. В этом случае можно говорить о том, что полученный список отражает *национальную концептосферу*. Зафиксированная объективация одного и того же когнитивного признака в разных языковых источниках – в ассоциативном поле, во фразеологии, в паремиях, в афоризмах и др. свидетельствует о коммуникативно релевантном характере данного признака и является аргументом в пользу признания его ярким, существенным для когнитивного сознания народа.

Вместе с тем, выявились когнитивные признаки, которые зафиксированы только в паремиях, только во фразеологии или только в высказываниях писателей и поэтов. Они рассматриваются нами как реальные, существующие в концепте, но относящиеся к периферии когнитивного сознания народа. Такие когнитивные признаки включаются в описание концепта, но как принадлежность крайней периферии концепта.

Наличие таких признаков подтверждает относительную автономность существования в сознании народа паремиологической, фразеологической и художественно-публицистической концептосфер, в рамках которых есть свои особенности категоризации предметов и явлений, отличающиеся от категоризации их национальной концептосферой.

Подтвержденные экспериментально когнитивные признаки концепта *русский язык* позволяют следующим образом представить содержание исследуемого концепта (признаки представлены списком по убыванию количества объективирующих их ассоциатов):

богатый 1125
красивый 846;
сложный 808
выразительный 502
родной 497
грубый 279
интересный 277
доступный 225
благородный 224
международный 219
великий 203;
народный 174
нужный 165
школьный предмет 154

старый 131;
умный 123
звучный 117
могучий 101;
необычный 76
культурный 54
удовлетворительный 51
свободный 50;
используемый известными писателями и поэтами 44;
средство общения 43;
непонятный 43;
точный 40;
понятный 37;
связан с русской природой 37;
универсальный 24;
используемый известными русскими людьми 22;
живой 21;
веселый 21;
используемый рядовыми жителями России 20;
засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;
на нем написаны известные произведения художественной литературы 10;
часть быта 10;
радость 10;
используется бедными людьми 8;
неприятный в звучании 8
выражает нравственные ценности (идеалы) 6
официальный 4
директивный 2

Когнитивные признаки, представленные единичными реакциями, здесь не приводятся.

1. Моделирование концепта

Первым этапом моделирования концепта является описание макроструктуры концепта. Выявленные когнитивные признаки концепта подлежат распределению по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Образное содержание концепта

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о русском языке (кодирующий образ УПК, по Н.И.Жинкину и И.Н.Горелову), а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами.

Перцептивный образ концепта русский язык по данным эксперимента может быть представлен следующим образом (указывается яркость соответствующих чувственных признаков в структуре концепта; яркость этих признаков не может быть велика, поскольку чувственный образ в сознании носителя языка индивидуален, можно лишь сопоставить образную «нагруженность» разных органов чувств в формировании перцептивного образа данного концепта):

Зрительный образ 229 – 2,8%: *красочный* 34; *яркий* 20; *цветной* 19; *колоритный* 18; *светлый* 16; *насыщенный, выразительный* 15; *переливающийся* 10; *чистый* 8; *Липецкая область, береза* 6; *солнечный, Москва, березы* 5; *Воронеж, природа, ромашка* 3; *березка* 2; *лучистый, играющий цветами, медовый, золотой, морской, зеленый, Санкт – Петербург, огромная территория, деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, лес, тайга, яблоневый сад, хлеб, снопы, пшеница, поле, дуб, речка, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, валенки, картошка, русская водка, рубль, блины, пиво* 1.

Тактильный образ 158 – 2,2%: *ласковый* 55; *нежный* 52; *мягкий* 36; *теплый* 12; *художественно-теплый, жгучий, пластичный* 1.

Вкусовой образ 3 — 0,4%: *медовый, сочный, сладкий* 1.

Звуковой образ 125- 1,7%: *звучный* 23; *музыкальный* 11; *песни, звонкий* 10; *благозвучный* 9; *созвучный* 8; *песенный, громкий* 7; *певучий, разноголосый* 6; *мелодичный, многозвучный* 5; *голосистый, резкий* 4; *шумный* 2; *хорошо звучит, красиво звучит, журчащий, частично резкий, мяукающий, приятный для слуха, ласкающий слух, мягкое произношение* 1.

Обонятельный образ 1 – 0,01%: *пахучий* 1.

Некоторые признаки – светлый, яркий, ласковый, и др. включенные в рубрику перцептивных образов, могут одновременно рассматриваться и как когнитивные образы в силу того, что соответствующие номинации имеют в русском языке и переносное значение.

Перцептивный образ составляет 7% от общего количества когнитивных признаков.

Когнитивный образ представляет собой уподобление качествам людей, народа, говорящего на нем, создаваемых на нем произведений и др., то есть некоторые признаки людей и предметов, соприкасающихся с языком, переносятся на сам язык. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта:

Моральные качества 227 — 3,2%: *благородный* 24; *щедрый* 18; *добрый* 15; *славный* 14; *доброта, истинный, заботливый* 13; *правдивость* 12; *настоящий* 10; *идеальный* 9; *человечный* 8; *правильный* 6; *святой, гостеприимный, справедливый, честный* 5; *смелый, задушевный, божественный, тонкий* 4; *вольнодумный, решительный, милосердный, гуманный, человеколюбивый, душевный, чуткий, отзывчивый* 3; *достоверный, стойкий, верный* 2; *как русский человек с широкою душою, правдолюбивый, совершенно правильный, объективный, взаимопонимание, благословенный* 1.

Психические качества 36 — 0,5%: *смешной* 8; *прикольный* 6; *искренний, веселый* 5; *открытый* 4; *прямой* 3; *юмористический, прямолинейный* 2; *говорить можно обо всем* 1.

Интеллектуальные качества 123 — 1,7%: *умный* 60; *интеллектуальный* 23; *разумный* 14; *мудрый* 12; *глубокий* 8; *гениальный, одаренный* 3.

Физические качества 44 — 0,6%: *плавный* 10; *игривый* 7; *живой* 6; *запорный* 5; *грациозный* 4; *изящный, льющийся* 3; *приветливый, болтливый* 2; *парящий, медленно текущий* 1.

Вызываемые чувства 8 — 0,1%: *счастье* 3; *радость* 2; *вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие* 1.

Культурные навыки 41- 0,5%: *культурный* 18; *интеллигентный* 11; *цивилизованный* 5; *тактичный, воспитанный* 3; *характеризует культуру и др.* 1.

Когнитивные образы составляют 6,7% всех когнитивных признаков.

Образный компонент в целом объединяет 13,7% когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Информационное содержание концепта

Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта.

Информационное содержание концепта «русский язык» образуется следующими когнитивными признаками:

Средство общения 0,6%

(средство общения, с его помощью легко общаться, с его помощью легко выражать свои мысли, средство ежедневного общения, языковое общение, язык, на котором я общаюсь, нужен для общения, разговор (ы), понимание, язык информации, выражение мысли, с его помощью можно четко выражать свои мысли).

Распространен в России 0,5%

(Россия, Родина, страна, родная страна, Москва, Воронеж, Липецкая область), огромная территория, деревня).

Близость носителям 5,7%

(родной, родимый, близкий, привычный, мой, свой, наш, привычный с детских лет, отца и матери, выросли с ним, моя ДНК, Родина).

Предмет изучения в школе 2%

(учитель, школа, урок, уроки, школьный, образовательный, учебный, предмет, букварь, книга, учебник (и), алфавит, сочинение, правило, грамматика, орфография, правописание, грамотность, знание, знаки препинания, чистописание, правильность речи, врожденная грамотность, диктанты на «2» и «3», диктанты на «4», у меня по русскому «3», первое слово — «мама»! синонимы, предлог, знак, буквы, деепричастие, ударение, определения, которые не учатся, морфемы, морфемный, в нем всего 33 буквы, словосочетания, вопросительный знак).

Информационное содержание концепта составляет 9,8% содержания концепта.

Интерпретационное поле концепта

Интерпретационное поле концепта очень объемно и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение народа к своему языку, а также различные энциклопедические и выводные знания о его признаках и функционировании, полученные из опыта.

В интерпретационное поле концепта «русский язык» входят следующие когнитивные признаки:

Оценочная зона

Красивый 11,8%.

Выразительный 6,7% *(выразительный, впечатлительный, экспрессивный, поэтический, поэтический, стихотворный, об-*

разный, поэзия, красноречивый, красочный, яркий, цветной, колоритный, насыщенный, переливающийся, грациозный, медовый, золотой, морской).

Хороший 4% (*хороший, лучший, самый лучший, превосходный, замечательный, восхитительный, изумительный, прелестный, роскошный, бесподобный, отличный, великолепный, клёвый, любимый, самый любимый, милый, желанный, только бы его и слушала, его надо любить, всеми любимый, только бы его и слушала, лучше нет, самый лучший на земле, самый лучший в мире, горжусь им, прикольный, класс; удовлетворительный, противный, обычный, хреновый, мне всё равно, хуже чем английский, глюканутый).*

Мифологическая зона

Мифологическая характеристика 4,9% (*могучий, великий, свободный).*

Энциклопедическая зона

Огрубляется 2,8% (*много ругательных выражений, ругань в транспорте, с ругательствами, грубоватый, иногда пошлый, беспардонный, смелый в выражениях, может быть решительным и жестким, крепкий, один из самых жестоких языков мира, жестокость, обломный, разбитый, разоренный, смелый в выражениях, колючий, зубастый, враждебный, сленг, жаргон, жаргонный).*

Широкая распространенность языка 2,2%

(международный, распространенный, всемирный, мировой, общепринятый, общеупотребительный, общероссийский, всенародный, общенародный, общий, общественный, российский, всероссийский, огромная территория объединяющий нации, государственный, дипломатический, учат в других странах, учат в других странах в привилегированных семьях, один из рабочих языков ООН, интеграция).

Древний 1,8%

(древний, старый, многовековой).

Народный 1,6% (*традиция, общеславянский, самобытный, деревенский, славянский, народный, простонародный).*

Не похожий на другие 1% (уникальный, единственный, исключительный, неповторимый, не похож на другие языки, необычный, специфический, необыкновенный, странный, своеобразный, нестандартный, удивительный, самобытный, причудливый, неординарный, не предсказуемый, неожиданный, в нем тайна).

Объединяющий характер языка 0,7%

(национальный, интернациональный, межнациональный, многонациональный, объединяющий, единый, общность).

Универсальный 0,3% (универсальный, системный, многофункциональный).

Носители – рядовые люди 0,3% (славяне, народ, русские люди); рядовые лица б: мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки, человек, распространенные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров).

Много заимствований 0,3% (70% заимствований, много заимствований из английского, а это плохо – лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными словами).

Громкий 0,2%

(громкий, резкий, громкий, шумный).

Известный 0,2% (известный, популярный, изучаемый, знаменитый).

Деградирует 0,1% (деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, теряет красоту и чистоту, забываются литературные нормы).

Утилитарная зона

Большой объем словарного состава 15,6%

(бескрайний, безграничный, необъятный, неограниченный, широкий, обширный, объемный, емкий, масштабный, огромный, содержательный, необъятный, разнообразный, разный, многообразный, многозначный, многогранный, многоликий, многосторонний, много выражающий, им можно выразить все чувства, всеобъемлющий).

Сложный 14,5 % (тяжелый, мудреный, задачливый, замысловатый, тяжело дается, трудно доступный, малопонятный: непонятный, непостижимый, самый сложный, дается не всем, требуются усилия, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, много правил, сложный грамматически, в грамматике очень сложен, много исключений, очень сложная грамматика).

Интересный 3,9% (увлекательный, занимательный, интересный, хочу хорошо знать, хочу знать).

Доступный 3,1% (простой, легкий, простой, доступный, самый легкий, достигаемый, понятный, ясный, выражает мысли в облегченной форме, прост для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост в изучении, быстро учится, легко изучается).

Необходимый 2% (необходимый, востребованный, обязательный, практичный, удобный, полезный, эффективный, деловой, ведущий, главный, самый главный, важный, основной, основа всех основ, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный, перспективный, модный, стильный).

Точный 0,6% (точный, конкретный, лаконичный, меткий).

Безграничность тематики 0,1% (говорить можно обо всем, взаимопонимание).

Социально-культурная зона

На нем говорят известные деятели 0,9% (Ленин, Горбачев, Зюганов, Путин, Гагарин, президент, Петровский язык, Пушкин, пушкинский, язык Пушкина, Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Некрасов, Есенин, Тургенев, есенинский, русские писатели).

На нем написаны любимые литературные произведения 0,1% (литература, классика, поэзия, стихи, «Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...», любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»).

Источник фольклора 1% (много поговорок, разговорный, сказочный, волшебный, русские народные песни, частушки, со-

держат диалекты, пословицы, фольклор, много диалектов, кладёшь пословиц и поговорок).

На нем говорят страдающие люди 0,1% (революции, война, войны, бедность, безработица, нет будущего).

Паремиологическая зона

Отдельно описывается паремиологическая зона интерпретационного поля. Эта зона отражает преимущественно исторические когнитивные представления народа. Паремии отражают интерпретацию концепта сознанием народа преимущественно в исторической перспективе.

Анализ русских паремий, объективирующих концепт *русский язык*, показывает, что представление русского народа о родном языке представлено следующими когнитивными признаками:

Молчание полезно (24%)

Поменьше говори, побольше услышишь; В запертой рот муха не пролетит; Кстати промолчать, что большое слово сказать; кто мало говорит, тот больше делает; Лучше недоговорить, чем переговорить; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Молчи глухая, меньше греха; Молча оттолчишься, как в саду отсидишься; Сказано – серебро, а не сказано – золото; Меньше говорить, меньше грешить; Меньше врется – спокойнее живется; Щи хлебай, да поменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту.

Говори с другими поменьше, с собой побольше; Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Загороди рот топором, заставь молчать; Держи язык короче, держи язык на привязи; Держи язык за замком.

Слушай больше, а говори меньше; Да побольше бы слушал, поменьше бы говорил; Бог дал два уха и один язык; Поменьше говори, побольше услышишь; Меньше бы говорил, да побольше бы слушал; Кто говорит, тот слеп, кто слушает – собирает и пожинает.

Зерна мели, а лишнего не ври; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Врал бы, да меру знал бы.

Практическая деятельность важнее речевой (23,5%)

Меньше говори, да больше делай; Кто мало говорит, тот больше делает; Кто много говорит, тот мало делает; Не спеши языком, торопись делом; Языком не торопись, а делом

не ленись; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Языком капусты не шинкуют; Языком и лаптя не сплетешь; Кто языком штурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Горлом дело не спорится; Языком масло не собьешь; Сколько не говорить, а с разговору сытым не быть.

Словом человека не убьешь; Слово не обух, в лоб не бьет; Словом не перелобанишь; Сколько не говорить, а с разговору сытым не быть; Не все то делается (творится), что говорится; Все мы говорим, да не по говоренному выходит.

Язык способен причинить человеку вред (17%)

Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут.

Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего не хочет; Говоря про чужих, услышишь и про своих; Больше говорить – больше согрешить; От худого слова – да на век ссора.

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь; Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Бабий язык, куда не завались, достанет.

На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке; На словах, что на санях, а на деле, что на кобыле; По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Не все то верится, что говорится.

Никто бы про тебя не знал, когда б сам не сболтал; Сама скажет сорока, где гнездо свила; Птица поет – сама себя продает.

Говорение легче практической деятельности (6%)

Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать. Рассказчики не годятся в приказчики; Хороший рассказчик – плохой приказчик.

Язык часто действует без контроля со стороны человека (4,5%)

Язык лепечет, а голова не ведает; Язык болтает, а голова не знает; Язык наперёд ума рыщет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет (чего не хочет, и то лопочет); Что знает, все скажет, — и чего не знает, и то скажет.

Язык, что вехотка: всё подтирает; Язык – жернов: мелет, что на него ни попало; Бабий язык – чёртово помело; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Действие языка может быть противоречивым (3%)

Язык поит и кормит, и спину порет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык хлебом кормит и дело портит; Язык до Киева доведет и до кия.

Язык – эффективное средство воздействия на людей (3%)

Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит.

Необходимость вежливого слова (1%)

Доброе слово и кошке приятно; Ласковое слово и кость ломит.

Необходимость знания языка страны, где находишься (0,5%).

Горе в чужой земле безъязыковому.

Интерпретационное поле концепта русский язык в целом составляет 76,8% его когнитивного содержания.

Вторым этапом моделирования концепта является описание его категориальной структуры, то есть выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков.

Анализ когнитивных признаков концепта показывает, что они организованы и обобщаются следующими классифицирующими признаками (приводятся в порядке уменьшения яркости соответствующего классификационного признака в категориальной структуре концепта; процент вычисляется от общего количества полученных ассоциативных реакций, которых каждый испытуемый давал 5, поэтому общая сумма процентов превышает 100):

1. **Эстетическая оценка** (1348 – 75,3%). Признаки дают эстетическую характеристику языку.
2. **Объем словарного состава** (1125 – 62,8%). Характеризует язык с точки зрения объема его лексических и выразительных средств.
3. **Возможность освоения** (1033 – 57,7%). Характеризует как степень сложности, так и степень легкости освоения языка.
4. **Степень близости носителям** (534 – 29,8%). Когнитивные признаки подчеркивают связь носителей с родным языком.
5. **Мифологемы** (354 – 19,8%). Когнитивные признаки отражают стереотипное представление о родном языке его носителями (*великий, могучий*).
6. **Сфера использования** (343 – 19,1%). Когнитивные признаки отражают социальные условия, статус функционирования языка, многообразие людей, которые им пользуются.
7. **Особенности словарного состава** (298 – 16,6%). Когнитивные признаки отражают лексические особенности русского языка, огрубление русского языка, сожаление по поводу присутствия в нем большого количества заимствованной лексики; желание видеть родной язык свободным от этих негативных черт.
8. **Общая оценка** (287 – 16%). Дает общую оценочную характеристику языку (хороший, плохой).
9. **Вызываемый интерес** (277 – 15,6%). Когнитивные признаки указывают на степень интереса к родному языку со стороны его носителей.
10. **Нравственная оценка** (224 – 12,5%). Когнитивные признаки содержат позитивную нравственную оценку языка (благородство, искренность, справедливость, святость, смелость, нравственность).
11. **Эмоциональная оценка** (216 – 12,1%). Дает общую эмоционально-оценочную характеристику (милый, любимый, родной и др.).
12. **Связь с национальными традициями** (174 – 9,7%). Когнитивные признаки отражают связь русского языка с фольклором, со славянскими традициями.
13. **Престижность** (162 – 9%). Когнитивные признаки указывают на известность русского языка, на важность, необходимость знания родного языка для его носителей.
14. **Необходимость изучения** (154 – 8,6%). Признаки, указывающие на принятые средства, приемы, формы и условия обучения русскому языку; особенности структуры языка, указания на результаты изучения родного языка.

15. **Темпоральная характеристика** (131 – 7,3%). Когнитивные признаки характеризуют временные параметры языка (древний, старый).

16. **Особенности звучания** (125 – 7%). Признаки раскрывают звуковые характеристики языка (звонкий, звучный и др.).

17. **Интеллектуальная оценка** (123 – 6,9%). Когнитивные признаки указывают на интеллектуальный потенциал языка.

18. **Индивидуальная характеристика** (76 – 4,2%). Когнитивные признаки подчеркивают неповторимость, уникальность, своеобразие родного языка.

19. **Функциональная характеристика** (68 – 3,8%). Когнитивные признаки характеризуют степень универсальности, регламентированности, точности родного языка.

20. **Необходимость соблюдения норм культуры общения** (54 – 3%). Характеризует русский язык с точки зрения соблюдения норм культуры поведения и речевых норм.

21. **Основная функция** (43 – 2,4%). Когнитивные признаки характеризуют язык как средство общения, передачи информации и выражения мыслей.

22. **Физическая характеристика** (21 – 1,2%). Характеризует живость, динамичность, «энергетическую» сторону языка.

Третьим этапом моделирования концепта является описание полевой организации выявленных когнитивных признаков — выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных когнитивных признаков в структуре концепта, которая отражается в вычленении в структуре концепта ядра и различных зон периферии.

Членение содержания концепта на ядро и периферию осуществляется по критерию яркости когнитивных признаков. Яркость когнитивного признака определяется количеством ассоциатов, объективировавших этот признак в ассоциативном эксперименте.

В ядро концепта по признаку яркости могут войти как образные, эмоциональные, так и рациональные компоненты концепта, как компоненты его информационного содержания, так и компоненты интерпретационного поля концепта.

По соотношению ядерности — периферийности тех или иных структурных элементов концепта (образа, информационного содержания, интерпретационного поля) концепты будут существенно различаться — в одних ядерными компонентами могут стать

образы – перцептивный или когнитивный, в других – информационное содержание, в третьих – интерпретационные компоненты (например, оценка).

Полевое описание структуры концепта является результатом его моделирования. Оно может иметь словесную (описание в форме текста) либо графическую (изображение в виде рисунка) форму. В данном случае мы используем словесную форму представления результатов полевого описания структуры концепта.

Полевая структура концепта *русский язык* может быть представлена в следующем виде:

Ядро

богатый 1125;

красивый 846;

сложный 808;

выразительный 502;

родной 497;

Ближняя периферия

грубый 279;

интересный 277;

хороший 234;

доступный 225;

благородный 224;

международный 219;

великий 203;

народный 174;

нужный 165;

школьный предмет 154;

старый 131;

умный 123;

звучный 117;

могучий 101;

Дальняя периферия

необычный 76;

культурный 54;

удовлетворительный 51;

свободный 50;

используемый известными писателями и поэтами 44;

средство общения 43;

непонятный 43;

точный 40;

понятный 37;

связан с русской природой 37;

универсальный 24;

используемый известными русскими людьми 22;

живой 21;

веселый 21;

используемый рядовыми жителями России 20;

засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;
на нем написаны известные произведения художественной литературы 10;
часть быта 10;
радость 10;
Крайняя периферия
используется страдающими людьми 8;
неприятный в звучании 8
выражает нравственные ценности (идеалы) 6
официальный 4
директивный 2

В целом в концепте РУССКИЙ ЯЗЫК в русском когнитивном сознании ведущую роль играет эмоционально-прагматическое содержание интерпретационного поля концепта. Концепт выступает как двуоценочный с ярким преобладанием положительной оценки. Положительная оценка в структуре концепта характерна для 63% когнитивных признаков, отрицательная оценка — для 17%, неоценочные признаки составляют всего 20% от общего числа признаков.

Литература

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «русский язык» в русской концептосфере / Л.А. Тавдгиридзе // Язык и национальное сознание. Научное издание. — Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 3. С. 89–93.

Тавдгиридзе Л.А. Интерпретационное поле концепта «русский язык» / Л.А. Тавдгиридзе // Культура общения и ее формирование. — Воронеж: Истоки, 2003. — Вып. 10. С.61–65.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «русский язык» как компонент коммуникативного сознания / Л.А. Тавдгиридзе // Вестник ВОИПКРО. — ВОИПКРО. — Воронеж, 2003. — Вып. 8. С. 152–157.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «русский язык» в гендерном языковом сознании средней и старшей возрастных групп / Л.А. Тавдгиридзе // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции 1–2 ноября 2003 / Научн. ред. А.Д. Черенкова: в 2ч. — Ч.2. — Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2003. — С. 22–26.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «русский язык» в русском коммуникативном сознании / Л.А. Тавдгиридзе // Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции 29–31 января 2003. — Москва, 2003. — С. 323–324.

Тавдгиридзе Л.А. Объективация концепта «русский язык» в коммуникативном сознании сельских жителей / Л.А. Тавдгиридзе // Культура речи и ее формирование. — Воронеж: Истоки, 2004. — Вып. 10.— С.63–66.

Тавдгиридзе Л.А. Возрастные и гендерные особенности концепта «русский язык» / Л.А. Тавдгиридзе // Язык и национальное сознание. Научное издание. — Воронеж: Истоки, 2004. — Вып. 7. — С.46-51.

Тавдгиридзе Л.А. Возрастная динамика развития концепта «русский язык» / Л.А. Тавдгиридзе // Язык и национальное сознание. Научное издание. — Воронеж: Истоки, 2005. — Вып. 7. — С.237–245.

Тавдгиридзе Л.А. Паремии как средство объективации концепта «русский язык» / Л.А. Тавдгиридзе // Культура общения и ее формирование. — Воронеж: Истоки, 2005. — Вып. 14. — С.184–186.

10. Тавдгиридзе Л.А., Стернин И.А. Концепт *русский язык* в русском когнитивном сознании // Коммуникативное поведение. Вып. 23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2006. С.154 -167.

Г.Н. Милованова (Нальчик)

РОДНОЙ ЯЗЫК

Объектом исследования в настоящей работе являются понятия «язык» и «родной язык» в языковой картине мира русской, немецкой и японской лингвокультур. В качестве предмета исследования выступает лексика, связанная с концептуализацией соответствующих понятий.

Концептуализацию понятий «язык» и «родной язык» мы исследуем через описание номинативных характеристик лексики как совокупности культурных смыслов в разных культурных областях. Понятие номы мы трактуем, по Г.И. Богину, как самую малую единицу с функцией установления связи и отношений между элементами коммуникативной и деятельностной ситуации, которая необходима для смыслообразования (Богин 1986).

Целью данной работы является исследование концептуализации понятий «язык» и «родной язык» в культурно значимых областях русской, немецкой и японской языковых картинах мира.

Исходя из указанной цели, в диссертационном исследовании ставятся следующие теоретические и практические исследовательские задачи:

выявление специфики лингвокультурологического подхода к исследованию языковых явлений;

рассмотрение основных теоретических подходов к пониманию языковой картины мира;

описание понятия концепта и концептуального анализа в лингвокультурологии;

рассмотрение концептуализации понятий «язык»/«родной язык» в традиции европейского и восточного (японского) языкознания;

описание лексики сферы «язык» и «родной язык» в русской, немецкой и японской языковых картинах мира;

систематизация описания слов-понятий сферы «язык» относительно различающихся картин мира.

Рассмотрение сущности лингвокультурологического подхода показало, что его непосредственным предметом могут быть лексические и фразеологические единицы, концепты, концептуализированные области, лингвокультурные области, способы языкового мышления, характерные для разных лингвокультурных типов и т.д. Результаты исследования в каждом случае обуславливаются избранным подходом и методами исследования. В настоящей работе мы рассматриваем ноэматические характеристики лексики сферы «язык»/«родной язык» как совокупность культурных смыслов в разных культурных областях различающихся языковых картин мира.

История европейского языкознания представляет собой историю рефлексии относительно объекта «язык» и концептуализацию «продуктов» этой рефлексии в соответствующих понятиях. Первые попытки осмысления феномена языка осуществлялись в античной философии, являющейся тем источником, от которого обособилась впоследствии сама наука о языке. Древнегреческие философы стремились постигнуть сущность языка, в той мере, в какой она вообще может быть постигнута. Древнегреческое философское мышление осуществляло рефлексии на уровне чистого мышления, поскольку задавалось вопросом об онтологии Логоса, понятия, соединявшего в себе мышление и язык. В Средние века осознается множественность существования языка. Впервые «родной язык» противопоставляется «чужим языкам», но лингвистического осознания этого факта не происходит: множественность языков объясняется множественностью конкретных реализаций некоего единого Человеческого Языка. После Пор-Рояля лингвистическое мышление становится «научным» в традиции европейского научного мышления: к исследованию языка применяется естественнонаучная методология, а сам объект «язык» получает ограничивающие определения. Современное языкознание представляет собой совокупность отдельных, вполне самостоятельных лингвистических областей, образованных рефлексивными вопросами типа: «Что есть язык, если язык – X?», где X — некоторый аспект языка (язык как система, как структура, как тип и характер, как язык индивида, как выразитель

культуры народа и т.д.). Концептуализация понятия «язык» в рамках этих «лингвистик» осуществляется по-разному. Фактически, любое определение слова «язык», соотнесение понятия «язык» с другими феноменами (мышление, культура, индивид, общество, этнос, ребенок и т.д.) способно задать новую область лингвистических исследований.

Для восточного языкознания характерно понимание нормы как следования традиции, изучение языка только в его письменной форме: отведение центральной роли иероглифически записанному слову, а не звучащему слову. Концептуализация понятия «язык» в японском языкознании представляет собой концептуализацию понятия «письменный язык», а концептуализация понятия «слово» осуществляется как концептуализация «иероглифически записанного слова». Теоретическое обсуждение «слова» и «языка» (言葉 *котоба*) возникает только в XX веке и осуществляется в новой европейской традиции языкознания в Японии.

Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в русской языковой картине мира характеризуется большим нозматическим разнообразием. Это характерно как для «наивной» лингвистической картины мира, так и для художественной литературы и философии.

Слово «язык» обнаружило следующие нозматические характеристики: человек с его положительными и отрицательными нравственными характеристиками, которые переходят на «язык»; среди положительных коннотаций: мудрость, благородство, помощь; среди отрицательных: враг, грех, искушение; народ, нация – «язык» объединяет их прошлое (как опыт предыдущих поколений), настоящее (духовная жизнь) и будущее (дальнейшее развитие, т.е. жизнь будущих поколений); культура; мышление/ орудие мышления; природные явления, в частности — вода; языковая норма (чистота языка и т.д.); например: «Язык есть исповедь народа, / Его душа и быт родной» (П.Вяземский); «Язык есть драгоценнейшее сокровище народа, первое средство его развития и залог всех духовных успехов, главное право на славу в потомстве» (М.Погодин); «Берегись изысканного языка! Язык должен быть прост и изящен» (А.Чехов).

Концептуализация понятия «родной язык» осуществляется с помощью словосочетания «родной язык». Заметим, что уже в самом словосочетании «родной язык» заложена соборность русского народа: родной – род – Родина. В нашей выборке примеров выявлены следующие нозматические характеристики, свойственные рассматриваемому концепту: высшая ценность русского народа; великий язык дан великому народу; природа; творчество;

однозначная ясность выражения (по сравнению с иностранными языками); языковая норма. В качестве примера приведем следующее высказывание А.Куприна: «Нет ни одного тончайшего движения души, которое нельзя было бы не выразить на русском языке. Русский язык — величайший язык. Я много писал о нем. И чем дольше живу, тем больше робею перед этой великой стихией. В русском языке есть тайна».

Центральным в концептуализации понятий «язык» и «родной язык» в русской языковой картине мира является слово «слово». Оно реализует следующие нозмы: высший подарок от Бога человеку; мистика (загадка, тайна); творчество; орудие/ оружие; живое существо; мысль; например: «Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей» (Л.Толстой).

Русскую философию отличает склонность к интуитивному, мистическому познанию языка, его сущности, глубоко личностное отношение к языку как к моменту самопознания и собственного житнетворчества. Это познание, а точнее переживание, достигается не логическим путем, а посредством создания образа.

В русской философии максимально нагруженными смыслами являются концепты «слово» и «имя». Следует особо подчеркнуть, что в философских текстах обнаруживается богатый нозматический ряд, который с трудом поддается исчислению. Например, «имя» по А.Ф.Лосеву, это: энергия сущности вещи; умная или смысловая энергия вещи; смысловое семя вещи; смысловой зародыш вещи; смысловое излияние вещи и откровение ее; энергия взаимодействия вещи с ее окружающим; живая смысловая энергия жизненно самоутвержденной индивидуальности; орудие отличия вещи от всего иного; орудие общения вещи с ее смыслом; откровение личности, порождение живых, взаимодействующих личностей; лик личности; личностный смысл; орудие индивидуально-личных взаимодействий; основание, сила, цель, творчество, подвиг жизни; направленность, стремление, обращение, обращенность, образ, форма, излучение вещи и т.д.

«Язык» рассматривается в максимально широком экзистенциальном и понятийном – теoантропокосмическом — контексте (Бог, человек, мир) как необходимый элемент Богочеловекокосмической реальности.

Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в немецкой языковой картине мира также проявляет большое нозматическое богатство. Отличительной чертой современной ситуации является

проблематизация понятий «язык» и «родной язык» в связи с обсуждением распространения английского языка.

Как и в русской языковой картине мира, максимально заполненным для всех исследуемых нами слов является пояс мыследействия. Пояс М-К и пояс М оказываются в количественном отношении значительно менее заполненными.

В обыденной речи наиболее частотными являются слова «die Sprache»/ «язык» и «das Wort»/ «слово». Наименее частотным оказалось слово «der Name»/ «имя». Наибольшее количество употреблений слова «die Rede»/ «речь», согласно нашей выборке, приходится на устойчивые выражения, однако их намного меньше по сравнению с широко употребляемыми выражениями со словами «die Sprache» и «das Wort».

В поясе М-К рассматриваемые нами слова получают дополнительные нозматические характеристики. Помимо художественной литературы, достаточно много примеров было обнаружено в высказываниях политических деятелей Германии, что можно объяснить обеспокоенностью государства относительно «засилия английского языка». Ср.: “Es geht uns darum, unsere kulturelle Tradition zu bewahren und die Bildungschancen für unsere Kinder zu verstärken. Heute sehen viele die Gefahr einer Nivellierung der Kulturen im weltweiten Maßstab. ... Das zeigt sich vor allem an unserem täglichen Umgang mit Sprache: wir sprechen von ‚shops‘ und ‚centers‘, von ‚fast food‘ und ‚lifestyle‘, von ‚websites‘ und ‚notebooks‘ und ‚high tech‘..... Wir müssen uns immer wieder bewusst machen: Sprache ist Kultur, Sprache ist Identität, Sprache ist Heimat” (Huber) – «Для нас важно сохранить нашу культурную традицию и укрепить шансы на образование нашим детям. Сегодня многие замечают опасность нивелирования культур в мировом масштабе... Это видно, прежде всего, в нашем ежедневном обращении с языком: мы говорим ‘шопы’ и ‘центры’, ‘фаст фуд’ и ‘лайфстайл’, ‘вебсайты’ и ‘ноутбуки’ и ‘хай тех’. Мы снова и снова должны осознавать: язык – это культура, язык – это самоопределение, язык – это Родина».

В процессе анализа нами были выявлены следующие нозматические характеристики слова «die Sprache»: народ, нация – «язык» определяет дух народа, его индивидуальность, свободу, культуру; мышление, мысль; орудие/ оружие; “правила обращения с языком”; женщина.

Как и в русской языковой картине мира, в немецкой в сфере «язык» выделяется понятие «родной язык» («die Muttersprache»), которое получает дополнительные аксиологические нозматические характеристики: ценность народа – история, традиции, религия, культура, «сердце» и «душа» народа; Родина; женщина (мать,

жена, возлюбленная). Ср.: „Ich gebe zu, dass mein Verhältnis zur deutschen Sprache wie mein Verhältnis zu meiner Frau ist: Ich liebe sie, ich bewundere sie, ich verstehe sie meistens, aber ich beherrsche sie nicht“ (Blix) — «Я сознаюсь, что мое отношение к немецкому языку такое же, как и к моей жене: Я люблю ее, я ею восхищаюсь, я в большинстве случаев ее понимаю, но я никогда не владею ею».

Для слова «das Wort» были выявлены следующие нозмы: человек с его положительными и отрицательными нравственными характеристиками, которые переходят на «язык»; творчество; оружие/орудие; осязаемая вещь. Например: „Es kann kein Zweifel darüber sein, dass auch Worte wie Waffen eine Verwundung oder Verletzung hervorbringen können. Denn Worte erwecken Vorstellungen und Vorstellungen können den sogenannten Willen zu Taten bringen, die verwunden oder verletzen“ (Mauthner) — «Не может быть никаких сомнений, что слова как и оружие могут нанести повреждения. Поскольку слова вызывают представления, а представления ведут к действиям, которые ранят или наносят повреждения»; „Jedes Wort durchdrang mich mit freudigem Schrecken“ (Hesse) — «Каждое слово пронизывало меня сладким ужасом».

Для «речи» («die Rede») наиболее характерна нозма «человек».

Относительно «имени» («der Name») пояс М-К в немецкой языковой картине мира остается незаполненным, поскольку нами были обнаружены лишь несколько примеров, в которых реализуются нозмы «Бытие», «душа», «человек»: «Der Name ist ein Stück des Seins und der Seele» (Th.Mann) – «Имя – это кусочек Бытия и души».

Максимально нагруженной смыслами относительно концептуализации понятия «язык» в немецкой языковой картине мира является немецкая философия. При этом концепт «die Sprache», который, являясь «просветляюще-утаивающим явлением самого Бытия», связывает воедино все остальные концепты. М. Хайдеггер, на примере которого мы рассматриваем философское осмысление данного концепта, осуществил творческую «переработку» лексики, семантически по-новому фиксируя целые группы слов и ассоциативно связывая их. «Die Sprache» берется в качестве исходного как максимально абстрактное и семантически пустое. Внутри логических мыслительных переходов это исходное понятие постоянно переопределяется, тем самым, порождая новые смыслы и участвуя в образовании новых слов-понятий с «языковой» семантической основой: die Sprache – das Gesprochene – das Zugesprochene – das Ungesprochene – ein noch-nicht-

Gesprochenes- das Angesprochene – das Besprochene — das Sprechen — das Nichtsprechen – das Sagen – das Gesagte – die Sage etc. Всю совокупность логических переходов можно представить схематично в виде некоторого дерева порождения: die Sprache → die Sage; die Sage → die Zeige; das Zeigen → das Eignen; das Eignen → das Ereignen; das Ereignen → das Ereignis; das Ereignis → der Weg; der Weg → die Bewegung → die Sprache. Таким образом, можно сказать, что Хайдеггер в своем способе философствования демонстрирует, насколько философия зависит от языка, в котором она выражена.

Для японской лингвокультуры в целом не характерно вербальное обсуждение сущности понятий. Японская культура ориентирована на «намек» на смыслы, принадлежащие Небытию. Иероглифическая письменность также реализует эту тенденцию: иероглифы существуют как рисунки смысла или символические указания на смысл. Как следствие, в основе японского языкового мышления лежит не Слово, а Образ, идеограмма, иероглиф. В результате, для иероглифического слова первичны смыслы, а не значения.

В японской лингвокультуре концептуализация понятий «язык» и «родной язык» интерпретируется как исследование иероглифической смысловой структуры лексики. Знаковый ряд, представляющий собой последовательность иероглифов, семантически застраивается не только линейно, как это происходит в языках с фонетическим письмом, но, что самое существенное, «вертикально», образуя некоторое смысловое поле.

Рефлексивные акты, выводящие к культурным смыслам, в иероглифической культуре не вербализуются, но в потенции заложены в иероглифике, поскольку обычные слова оказываются не в состоянии раскрыть переживание однобытия с Абсолютом.

Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» осуществляется на базе иероглифов-морфем 言 *кото* / «язык», «слово» и 語 *го* / «слово», «речь». Причем, 言 *кото* проявляет тенденцию к выражению базовых культурных смыслов, а 語 *го* – к дифференциации понятий сферы «язык» для обозначения лингвистической терминологии. Объединение иероглифов-морфем 言 *кото* и 語 *го* в одном слове дает наиболее общий термин для обозначения всего многообразия явлений языковой сферы - 言語 *гэнго* («язык», «речь», «слово»).

Основным словом, нагруженным культурными смыслами, когда говорят о «языке», является 言葉 *котоба* — «язык, речь, слово». 言 *кото* этимологически представляет собой изображение рта и иглы, посредством чего передается идея четкой артикуляции, и

поэтому сам по себе этот иероглиф означает «слово», «говoreние» Второй иероглиф 葉 ба означает «лист, листья» и состоит из следующих элементов: «дерево»; «мир, свет» (этимологически – «поколение») и «растение, трава». Идеограмма иероглифа указывает на основную «смысловую» характеристику листьев относительно дерева – на дереве ежегодно сменяются поколения листьев, но посредством них дерево способно «выходить к свету». Термин был заимствован из поэтики и переосмыслен в грамматическом плане.

Несмотря на большое разнообразие идиоматических выражений и действительно огромное количество их в языке, идиом, содержащих размышления по поводу «языка» 言葉 *котоба* достаточно мало, причем понятие «язык» употребляется, как правило, со знаком «минус». Ср.: 言葉多ければ恥多し — *котоба о:кэрэба хадзи о:си* — «чем меньше сказано, тем легче исправить» (букв. «много слов – много стыда»); 言葉は物に入らぬ — *котоба ни моно ва ирану* — букв. «делам слова не нужны»; 悪口雑言 — *акко:дзо:гон* — «злой рот многословен»; 不言実行 — *фугэндзикко*: — «отсутствие слов ведет к реальности» и др.

Осмысление сущности слова в японской культуре связано со словом 言霊 *котодама*, однако, осуществляется это отличным от европейского мышления образом. Отношение к слову как к чему-то божественному, «сакральному», свойственное практически всем культурам, получает в японской лингвокультуре особую значимость и выражается особым понятием 言霊 *котодама* «душа слова», «душа языка». Ср.: «Со времен богов передают из уст в уста, что Земля Ямато, где небо видно, — это чудская земля богов царственных и что в ней цветет душа слова» («Манъёсю»).

Иероглиф-морфема 語 *го* представляет собой стилизацию изображения двух одинаковых катушек, передающих идею «подходить кому-либо вербально»; «хорошо говорить»; «говорить».

Одной из особенностей японского языка является дробность выражаемых понятий. Детализированные понятия часто выражаются не словосочетаниями, а отдельными словами, что проявляется в большом количестве слов, имеющих в своем составе морфему 語 *го*: 文語 *бунго* – «культурный язык» (имеется в виду «письменный язык», «язык философской и литературной классики»), 口語 *ко:го* «устный язык», 標準語 *хё:дзюнго* «стандартный язык», 共通語 *кё:цу:го* «общий язык», 自国語 *дзикокуго* – «родной язык» (букв. «собственный язык»), 母国語 *бококуго* – «родной язык» (букв. «язык матери») и т.д.

Концептуализация понятия «родной язык» осуществляется с помощью слова 国語 *кокуго* (букв. «язык страны»). 国語 *кокуго* проти-

вопоставляется, с одной стороны, языку вообще (言語 *энго*), с другой – диалектам и языкам народностей, не образующим самостоятельного государства (первый компонент слова 国 означает «страна», «государство»; «родина»). Значение, приобретаемое при втором противопоставлении, точно выражается словом 国家語 *коккаго* «государственный язык». Значение «родной язык» может быть также передано следующими словами 自国語 *зикокуго* («собственный язык») и 母国語 *бококуго* («язык матери»).

短語 *танго* «слово» (букв. «короткое слово», 語 *го* «слово», 語彙 *гои* «слово»), 用語 *ё:го* «слово-термин» (букв. «используемое слово») являются терминами, появившимися после знакомства японцев с европейской лингвистической традицией. Культурных смыслов они не имеют и функционируют в грамматических описаниях японского языка, выполненных в европейской лингвистической традиции.

Исследовав ноэматические характеристики лексики, связанной с концептуализацией понятий «язык» и «родной язык», и выявив ноэмы в отдельных культурных областях, мы попытались представить системную иерархию ноэм. При этом мы выделили три уровня ноэм: а) ноэма – культурная основа (указывает на некоторые базовые культурные смыслы лингвокультуры), б) ноэмы-доминанты (воспроизводят стереотипы и константы культуры) и в) периферийные ноэмы (представляют собой устойчивые тематические направления развертывания ноэм-доминант).

В русской языковой картине мира ноэмой — культурной основой является ноэма «Бог» (иногда она реализуется совместно с ноэмами «осмысленное Бытие» и «мир-космос»). Данная ноэма выявляется при концептуализации понятия «язык» в русской философии и художественной литературе.

К ноэмам-доминантам можно отнести следующие: народ/нация, человек, природа, религия, мистическое начало, языковая норма.

Список периферийных ноэм достаточно объемён и остается открытым. К данным ноэмам можно отнести следующие: прошлое, настоящее и будущее нации и человека, нравственные качества человека (мудрость, благородство, дружелюбие, верность, лживость, греховность, враждебность, коварство); орудие/оружие; природные стихии (вода); соблюдение языковой нормы (чистота языка, простота высказывания) и т.д.

Рефлексия по поводу «языка» и «родного языка» в очень высокой степени характерна для русской художественной литературы, особенно 18 – 19 вв., когда пристально изучается внутренний мир человека, «человека рефлектирующего»: человек рефлек-

тирует не только над проблемами своей индивидуальной быденной жизни, но и над проблемами духовного развития своего народа, всего человечества.

В целом, можно сделать вывод, что понятие «язык» в русской лингвокультуре, соединяя такие наиважнейшие для русского человека смыслы как «Бог», «человек», «мир», в очень высокой степени эмоционально «переживается» и является одним из основных концептов русской языковой картины мира.

Для немецкой языковой картины мира схема нозм, выявленных при анализе концептуализации понятия «язык», выглядит следующим образом:

а) нозма – основа – «Бытие»;

б) доминантные нозмы – народ/нация, человек, женщина, природа, сохранность немецкого языка;

в) периферийные нозмы – духовная жизнь нации (индивидуальность, традиция, история, родина, свобода); нравственные качества человека (дружественность, доброта, честность, грубость, нетерпение и т.д.); творчество; орудие/ оружие; возлюбленная и т.д.

В немецкой языковой картине мира понятие «язык» «выводит» через философскую рефлексию над словом к базовому смыслу западной (немецкой) культуры «Бытие». «Die Sprache»/«язык», являясь универсальным прафеноменом, который самостоятельно создает и передает свое содержание, оказывается центральным в концептуализации понятий «язык» и «родной язык» в немецкой языковой картине мира и связывает воедино остальные концепты.

Для немецкой лингвокультуры, как и для русской, характерна вербализация эмоциональной и аксиологической рефлексии, что предположительно является типичным для лингвокультур европейского типа в целом. Смыслы в русской и немецкой лингвокультурах вербализуются и выявляются в процессе интерпретаций.

Для японской лингвокультуры не характерно вербальное обсуждение сущности понятий. Смыслы изначально заданы и принадлежат Небытию. Смыслы задаются посредством «показа» иероглифа, который существует как «рисунок» смысла, и не подлежат вербализации, на них можно лишь намекнуть: мир, человек, общение, поколения людей, сменяющие друг друга, и др.

В японской лингвокультуре концептуализация понятий «язык» и «родной язык» интерпретируется как исследование иероглифической смысловой структуры лексики, поскольку рефлексивные акты, выводящие к культурным смыслам, в иероглифической

культуре не вербализуются, но в потенции заложены в иероглифике. В этом проявляется главенствующее отношение к языку и слову в восточной культуре – самые важные смыслы находятся за пределами слова.

Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» осуществляется на базе иероглифов-морфем 言/кото/«язык», «слово» и 語/«слово», «речь». Основным словом, нагруженным культурными смыслами, когда говорят о «языке», является 言葉 *котаба* — «язык, речь, слово». Осмысление же сакральной сущности слова в японской культуре связано со словом 言霊 *котадама* («душа слова», «душа языка», причем не просто «языка», а «японского языка»). Однако в текстах культуры это почти не вербализовано, а существует как иероглифический намек на свою сущность: божественную трансляцию речи из Небытия в проявленное Бытие. Исходя из этого, в японской лингвокультуре складывается особое отношение к своему языку, который имеет определенный дух, принципиально отличающий его от других языков мира.

Основные выводы сводятся к следующим положениям.

1. Рассмотрение способов концептуализации понятий как различных «способов» смыслообразования создает базу для описания языковой картины мира в ее деятельностном аспекте. Лингвокультурологический подход к проблеме языковой картины мира заключается в описании «множественности» способов смыслообразования в различающихся лингвокультурах.

2. Традиционная процедура лингвокультурологического концептуального анализа дополняется анализом рефлексивных актов, приводящих к номатическим изменениям лексики. Распределение всех случаев по поясам мыследеятельности позволяет судить о тенденциях смыслообразования в исследуемых лингвокультурных областях трех лингвокультур.

3. Выявленные нозмы составляют следующую системную иерархию: а) нозма – культурная основа (указывает на некоторые базовые культурные смыслы лингвокультуры); б) нозмы-доминанты (воспроизводят стереотипы и константы культуры); в) периферийные нозмы (представляют собой устойчивые тематические направления развертывания нозм-доминант).

4. Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в русской языковой картине мира характеризуется большим номатическим разнообразием, указывающим на склонность к интуитивному, мистическому познанию сущности языка. Центральным в концептуализации понятий «язык» и «родной язык» в русской языковой картине мира является «слово».

5. Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» в немецкой языковой картине мира проявляет большое ноэматическое богатство. Максимально нагружен смыслами концепт «die Sprache»/ «язык», который, являясь «просветляюще-утаивающим явлением самого Бытия», связывает воедино все остальные концепты.

6. В японской лингвокультуре исследование концептуализации понятий «язык» и «родной язык» осуществляется как рассмотрение иероглифической смысловой структуры лексики. Концептуализация понятий «язык» и «родной язык» осуществляется на базе иероглифов-морфем 言語/ «язык», «слово» и 語/ «слово», «речь». Причем, 言語 проявляет тенденцию к выражению базовых культурных смыслов, а 語 – к дифференциации понятий сферы «язык» для обозначения лингвистической терминологии.

Литература

Милованова, Г.Н. Понятие «родной язык» в лингвокультурологии // Русский язык и межкультурная коммуникация: Сб. науч. тр. – Пятигорск: ПГЛУ, 2003. – С. 7-10.

Милованова, Г.Н. Язык, имя, слово в религиозно-философской концепции русских символистов // Вестник ПГЛУ. Вып. №1. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. — С. 48-50.

Милованова, Г.Н. Образ слова в русской языковой картине мира // Симпозиум VIII. Часть 1. Материалы докладов IV Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 21-24 сентября 2004 г.- Пятигорск: ПГЛУ, 2004.- С.62-64.

Милованова, Г.Н. Концептуализация понятия «язык» в языке немецкой философии (на материале работ М.Хайдеггера) // Вестник ПГЛУ. Молодежное приложение. – Вып.№3. — Пятигорск: ПГЛУ, 2004. — С. 79-83.

Н.Ю. Моспанова (Брянск)

ДОБРО — ЗЛО

Последние десятилетия отмечены появлением лингвистических исследований, показывающих, что изучение системы и структуры языка дает объективные данные, позволяющие судить о базовых ценностях обслуживаемой этим языком культуры (См. Н.Д.Арутюнова, Ю.Д.Апресян, А. Вежбицкая, С.Г.Воркачев, С.Е.Никитина, Ю.С.Степанов, А.Д.Шмелев). Важнейшими в этих исследованиях являются понятия картины мира, языковой картины мира, концепта и др.

В этой связи представляется, несомненно, интересным изучение репрезентации в русском языке концептов «Добро» и «Зло», образующих универсальную оппозицию.

Основными теоретическими направлениями, в русле которых выполнено исследование, являются:

1. Когнитивное, согласно которому, концепт представляет собой идеальную сущность «высокого уровня и значительной степени обобщенности» (Кубрякова, 1988) и рассматривается как дискретная единица ментальности, вобравшая в себя всю стоящую за ним информацию, логическую и сублогическую (З.Д.Попова, И.А.Стернин, Е.С.Кубрякова, А.П.Бабушкин и др.). Для указанной оппозиции важно, что в концепте на первый план выдвигается либо понятийный уровень, либо фоновые знания, культурные приращения смысла,

2. Культурологическое, в котором подчеркивается: концепт — «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов 1997, с.43). Одной из главных составляющих концепта является этнокультурный компонент, отражающий национальное своеобразие представлений этноса (Н.Д.Арутюнова, Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев и др.).

Таким образом, концепт рассматривается нами как единица языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии, как ментальная единица, отражающая опыт и знания, несущая информацию о действительности и особенностях мировосприятия этноса, обладающая культурно-национальным своеобразием и имеющая, как правило, языковое выражение.

Концепт – единица двуплановая. План содержания составляют семантические признаки, эксплицированные в наборе сем (актуальных и потенциальных). Все языковые средства, с помощью которых данный концепт реализуется в языке, составляют его план выражения, выступают как средства вербализации.

Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» исследовалась нами в фольклорной языковой картине мира на материале русских народных сказок.

Исследование концептов «Добро» и «Зло» осуществлялось: выявлением этимонов имен (т.е. с ориентацией на *conceptum* – зародыш, зерно) *добро* и *зло*; сопоставлением репрезентантов с аналогичными словами в других языках; описанием словарных дефиниций имен; выявлением валентности ключевых лексем; рассмотрением их дериватов; выявлением текстовых парадигматических связей; описанием частеречной реализации; установлением словообразовательных особенностей слов-репрезентантов;

выявлением наиболее распространенных синтаксических средств выражения и характеристикой особенностей текстов.

Указанные исследовательские операции проводились на широком экстралингвистическом фоне.

В рамках концептосферы концептуальная оппозиция «Добро — Зло» построена на антонимичности содержательных признаков и средств их выражения, обладает спецификой содержания и структуры и является одной из базовых в русских сказках.

Добро и зло рассматриваются как наиболее общие понятия морали, предельные полярные характеристики человеческого мира (оппозиция подчеркивается уже в словарных дефинициях), противоположные и взаимосвязанные, обладающие большой степенью абстрактности, а потому не определенные во внутреннем плане в виде отдельных составляющих их компонентов.

Ключевыми лексемами, через которые язык представляет исследуемую оппозицию, являются добро и зло. Анализ данных лингвистических словарей позволяет сделать вывод, что для русского языка семантическая структура этих лексем выглядит следующим образом: самым общим является противопоставление компонентов «все положительное, хорошее, нравственное (противоположное злу)» / «все дурное, плохое, безнравственное (противоположное добру)». Каждый из компонентов конкретизируется соответствующими смыслами:

«Добро — благо; благополучие; доброта; честность; польза; счастье; удача; успех; долг; хорошее дело, поступок; доброе отношение; имущество; достаток; знак согласия».

«Зло — вред; беда; несчастье; напасть; неприятность; злое чувство: гнев, досада; грех; месть; обида; вина; лукавство».

Как видно уже из лексикографического описания, оппозиционны и многие из частных признаков: «благо — беда»; «польза — вред»; «счастье — несчастье».

Сложность семантической структуры ключевых лексем проявляется в том, что, с одной стороны, исходное толкование включает самый общий компонент, с другой — перечень дифференциальных признаков в производных значениях не является закрытым, т.к. само понятие добра и зла не представляет собой конечный набор характеристик, соответственно, сами концепты «Добро» и «Зло» являются концептами с размытыми, «нечеткими» краями.

Исходя из признания полевой структуры концепта (Попова, Стернин 2001, с.60-64), рассматриваемая оппозиция может быть представлена в виде взаимодействующих полей, объективация

содержательных и структурных свойств которых осуществляется с помощью языка.

Ядро концептов составляют самые основные, актуальные признаки (они репрезентированы лексемами-именами); существенные, но не основные представления образуют приядерную зону (репрезентанты — синонимы и дериваты); периферийные элементы составляют собственное содержание других концептов, но в текстах сказок это отдельные содержательные компоненты концептов «Добро» и «Зло» (репрезентированы соответствующими лексемами и другими языковыми средствами). При отнесении признаков к ядру или периферии учитывается значимость в сказочном тексте и особенности их выражения на различных языковых уровнях (например, частотность).

Ядерные смыслы концептуальной оппозиции «Добро – Зло», представленные одноименными лексемами, эксплицируют лишь часть содержательных признаков, отраженных в лингвистических словарях. Это самые общие компоненты «все положительное, хорошее, нравственное» / «все дурное, плохое, безнравственное», образующие основу концептуальной оппозиции: *Иван... старика подозвал и народу сказал: «Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея»* (№ 560, с.325). В ряде случаев актуализируется только часть этого значения: «противоположное злу» / «противоположное добру»: *«Наперед надо с бабой ягой порешить: коли нам ее теперь простить, так самим добра не видать – она всю жизнь будет зло мыслить!»* (№ 198, с.78). Яркость этих компонентов усиливается за счет введения антонимичной пары *добро – зло*, эксплицирующей противоположные члены оппозиции.

Названные компоненты потенциально могут включать любой частный содержательный признак. Компоненты, которые характеризуют положительное / отрицательное начало в поступках, намерениях и мыслях героев, наиболее актуальны для сказок. Функционируют они, как правило, в виде оппозиционных пар. Например:

- «польза – вред»: *«...ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Обьедало и Опивало, попадетя еще Мороз-Трескун – всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся...»* (№ 219, с.174). Полезность оценивается с позиции героя, с точки зрения его целей и задач. Ср.: *«...а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшей сестре, начали ей зло мерить»* (№ 283, с.374);

- «хорошее дело, поступок — плохое дело, поступок» (второй член оппозиции словарями не выделяется): *Орел встрепенулся,*

упал мужик в море... Орел вытащил его и говорит: «За зло мы рассчитались; давай добром считаться» (№ 220, с.178). Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло сделать...» (№ 382, с.161).

Примером оппозиции служит и сказочный бином «благо – несчастье»: С тех пор стали они жить во всяком добре и в счастии... (№ 219, с.177). Кто пойдет направо, тот царство получит, а кто пойдет налево, тот много зла и горя примет...! (№ 197, с.68).

Ядерные компоненты могут не образовывать оппозиций, но представлять ряд важных для сказки признаков. Например, «помощь»: «Ты всем людям добро делаешь (деньги раздаешь – Н.М.); дай мне хоть займы денег» (№ 278, с.363); «благодарность» (в сочетании с глаголами действия): «Кто бы съездил за молодой и живую воду? Я бы тому добро сделал?» (№ 175, с.444); «полезный совет» (в сочетании с глаголами речи в значении сказуемого): Приходит к старухе; она его накормила – напоила и добру научила: «Ступай ты по этой дорожке,... и сделай вот так-то и так-то» (№ 215, с.155). «Стала я ему добро говорить, а он надо мной насмежается» (№ 198, с.75).

Для «Зла» актуальны «месть»: «Все забыто, сестры любезные! – говорит она им.... а кто старое зло попомнит, тому глаз вон!» (№ 569, с.356); «гнев»: Мачеха злится пуще прежнего..., а, проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе (№ 104, с.160).

Лексемы *добро* и *зло* обладают пассивной валентностью и обычно выступают в роли косвенного объекта при глаголах. Их сочетания обнаруживают, что добро мыслится и существует как понятие духовно-рационалистическое, морализаторское (сочетаемость с глаголами речи *посоветовать*, *говорить* и др.). Ярко представлен в фольклорном этическом лексиконе волевой аспект морального сознания, т.е. готовность к нравственным (добрым) поступкам (употребляются существительные и глаголы с модальной семантикой: *воля*, *радеть*, *желать* и др.).

Зло, напротив, рационалистично, злой поступок обдумывается, планируется, просчитывается (*мыслить*, *рассчитываться*). Интеллектуальное и рациональное стремление ко злу выражают и сочетания с глаголом *творить*. Соединение лексемы *зло* с глаголом *мерить* актуализирует компонент «размер» и, главное, — неоднократность, повторяемость действия. Зло в глагольных сочетаниях характеризуется как активное, энергичное и целеустремленное начало (*рассчитаться*, *мерить*, *причинить*, *делать*, *вымещать* и др.).

Сказочные примеры выявляют еще один аспект оппозиции: доброе дело предполагает благодарность, злое – наказание, возмездие: *Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро – не кайся, а делай зло – сподевайся*» (№ 301, с.428).

Приядерная зона концептуальной оппозиции репрезентирована дериватами ключевых лексем, а также лексемами-синонимами и их дериватами. Так, дериваты лексемы *добро* представлены лексемами: *добрый, добро (нареч.), доброта, добродетель, добродей, добренькое, подобру-поздорову*. Наиболее частотны *добрый*, примеры остальных однокоренных образований единичны. Лексемы репрезентируют содержательные смыслы концепта «Добро», которые зафиксированы в словарях или являются сугубо сказочными. Примерами традиционных являются компоненты «расположенный к людям»: «*Финист Ясный сокол ...он такой добрый да ласковый*» (№ 234, с.241); «близкий, преданный»: «*Верный мой и добрый кавалер Луга! Сослужи ты мне службу...*» (№ 195, с.67); «уважаемый, почтенный»: «*Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить – добро или худо?*» (№ 259, с.310) и др.

Дополнительными, собственно сказочными смыслами являются: «бесхитростный» (частная сказочная оппозиция «добрый – плутоватый»): «*Одному доброму старичку досталась молодая жена – плутоватая баба...*» (№ 446, с.261); «ласковый, любящий»: «*Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы*» (№ 104, с.159); «справедливый» и «милосердный»: «*...тут сам царем сделался...– такой добрый для подданных, особливо для солдат!*» (№ 273, с.356). В русском сознании в содержании значения слова *добрый* важен оценочный признак, связанный в одном случае с личностной характеристикой персонажа (добрая мать и жена), а в другом – с социальной (добрый царь); «доброе дело, поступок»: «*он меня от злой неминуемой смерти освободил и сюда в родные места привел!*» – «*За твою добродетель наградить тебя надо*» (№ 190, с.46); и др.

Дериваты-репрезентанты концепта «Зло» более частотны и разнообразны: *зло (нареч.), злость, злоба, злодей, злоехидна, презлой, Злыдни, злой-злой, озлиться, злиться, озлобиться, разозлиться, назло, злобно, злющий, озлившись, распрезлющий*. Это отмечено лингвистами (См. А.Вежбицкая, Н.Б.Лаврентьева, Т.А.Трипольская, А.Д.Шмелев и др.) и объясняется тем, что наше представление о норме связано с положительной величиной, отразить отступление от нормы и свое к нему отношение для гово-

рящих всегда актуальнее. Кроме того, для русского языкового сознания вообще характерны категоричные оценки.

Большинство приведенных дериватов эксплицирует один из основных содержательных компонентов концепта – «злоба, недоброжелательство». Это может быть представлено как чувство, черта характера, поступок персонажа. Например: *...собаки улеглись под столом, а сами все на ухват смотрят да злобно рычат* (№ 202, с.102). *Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела* (№ 102, с.157). Злость проявляется особым образом: она сама может быть причиной соответствующих поступков (*от злости*). Как видно из примеров, действия, вызванные злостью, носят агрессивный характер (*зубами заскрипела*).

Представление зла как чувства подтверждают в сказках такие репрезентанты, как лексемы *злость*, *злоба*, где сема «чувство» эксплицитна. Глагольная лексика из этой тематической группы обозначает действия и состояния, приводящие к негативным последствиям: *...а случится старику со старухой подраться да поколотить ее – она озлится и побежит по людям ..., всю подноготную расскажет* (№ 441, с.254). Чувство злобы рождает желание отомстить, наказать: *Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть* (№ 198, с.84); и т.п.

Наиболее распространена в сказке лексема *злой*, эксплицирующая традиционные и дополнительные компоненты. Например, отмеченные в словарях: «исполненный чувства недоброжелательства, злобы, злости»: *«Дай-ка, — думает девица, — зайду я в этот дворец, не все же злые люди, авось худа не будет!»* (№ 210, с.127); «жестокий»: *...попался ему на глаза злой мальчишка: поймал тот мальчишка кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку* (№ 190, с.44) и др.

Прилагательное *злой* может вступать в отношения ослабленной антонимии с другими прилагательными. При этом возникают частные оппозиции, первый член которых представлен периферийной лексемой-репрезентантом концепта «Добро», а второй – ядерной лексемой-репрезентантом концепта «Зло». Например: *кроткий – злой: ...в ту же минуту она ожила и сделалась столько же кротною, сколько прежде была злою* (№ 575, с.370); *мирный (мирный) – злой: Он был так мирен, как теленок, а же на его так зла, как змея лютая* (№ 565, с.341).

Не отмечены словарями такие семантические компоненты, как: «коварный»: *Жил-был брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами...* (№ 279, с.370); «противник добра и блага»: *Огненный царь пошел к озеру, на песчаные берега, злого змея караулить* (№ 206, с.112); «связанный с колдовскими сила-

ми»: «...Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» (№ 297, с.187).

Экспликаторами концепта «Добро» выступают синонимы и аналоги (термин Ю.Д.Апресяна). Компонентный анализ значения и дефиниции толковых словарей показывают, что синонимические отношения могут связывать слова *добро* и *благо*. В семантическом поле «Добра» представлены также лексемы: *благодать* (реализует компонент «благо»), *счастье* и *удача* (эксплицируют одноименные компоненты). Среди аналогов лексемы *добро* выделяется лексема *радость*, эксплицирующая в тексте сказок компонент «хорошее дело, поступок»: *Да ведь он сюда пришел и мне большую радость сделал – Гриб-птицу изрубил!* (№ 271, с.347).

Репрезентируют концепт «Добро» и производные от синонима *благо* (лексемы и отдельные ЛСВ): *благодетель*, *благословение*, *поблагодарить*, *благополучно*. Так, *благодетель* предстает в сказке как «творящий добро», «помогающий в трудной ситуации». Это имеет высокую ценность в народном сознании: «Вечные веки бы вам по мне сокрушаться, коли б не сыскался мне благодетель – он меня три года лечил и кормил, чрез него свет божий вижу» (№ 221, с.184); компонент «благодарность» эксплицирован лексемой *поблагодарить*: «...будет там один мужичок лошадь продавать крепко худую, паршивую; ты ее и выбери». Иван поблагодарил старика за науку и пошел в город... (№ 185, с.26).

В качестве общеязыковых синонимов к злу выступают *лихо* и *худо*. Значение «состояние или событие, вызывающее душевное страдание» репрезентируют синонимичные лексемы *беда*, *горе*, *несчастье*, *невзгода* и синонимически сближенные *кручина* и *бездолье*, выделяя различные аспекты в характеристике зла. Например: *Эта птица ... много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала* (№ 273, с.354). «Ох, детушки мои, козлятушки! Он вас поел, и меня, козу, со великим горем, со кручиною оставил» (№ 53, с.76).

Репрезентантами концепта «Зло» являются и аналоги слова *зло*, среди которых, например, лексема *пакость*: *Гриб-птица много пакости делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение* (№ 271, с.346).

Синонимы существительного *зло*, репрезентирующие те же компоненты, что и *злой*, употребляются наряду с дериватами-прилагательными *худой*, *лихой*, *дурной* (при отсутствующем производящем слове). Например: *...обвенчались и жили так, что добрые люди, глядя на них, радовались, а дурные завидовали* (№ 260, с.318). Контекст может определять дополнительные смыслы, не отмеченные словарями, например, «отсутствие помощи (детей

как опоры в старости)»: *Худое житье было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили...* (№ 112, с. 183).

Таким образом, с одной стороны, синонимы и их дериваты репрезентируют те же содержательные компоненты концепта «Добро», что и ядерная лексема. Это подчеркивает их важность и устойчивость в структуре концепта, а следовательно, и в традиционном сознании. С другой стороны, они реализуют и иные компоненты, углубляя таким образом содержание концепта.

В периферийной зоне взаимодействуют разноуровневые языковые средства.

Наиболее ярким средством является лексика, представленная тремя тематическими группами (ТГ): «Человек как индивид», «Человек как член коллектива», «Внешние силы». Отдельно выделяется группа «Персоносфера», т.к. каждый персонаж связан с другими, наделен собственными атрибутами, «погружен» в те или иные ситуации и тем самым обнаруживает принадлежность к полю «Добра» и «Зла»: сказка не знает полутонов.

Каждая из ТГ включает в себя несколько микрогрупп, члены которых – ядерные или периферийные репрезентанты других концептов, но в сказочных текстах эксплицируют оппозицию «Добро – Зло». Всего нами выделено 24 микрогруппы, важнейшие из которых называют:

- качества нравственной сферы (ТГ «Человек как индивид»): *кроткий, заботливый, правдивый, послушный, работающий* и др. (компоненты «кротость», «забота», «правдивость», «трудолюбие» и др.); *корысть, жадность, немилостивый, спесивый* и др. («корыстолюбие», «безжалостность», «спесивость» и др.). Например: *Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная да работающая, не упрямилась...* (№ 95, с.140). /...*все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать* (№ 123, с.205).

- взаимоотношения между персонажами и их оценка-предписание / осуждение (ТГ «Человек как член коллектива»): *лад, сообща, согласие, дружба, почитать, тихо, мирно* и др. («согласие», «дружба», «уважение» и др.); *война, неволя* и др. («насилие», «принуждение»). Например: *Все у них идет ладно и любовно, всякое дело сообща делают* (№ 336, с.76). / *Занесла меня к вам неволя горькая – нарядил царь на службу...* (№ 213, с.148).

- собственно природа (ТГ «Внешние силы»): *солнце, осиять, рассветает, чистое поле, раздолье, вольный свет* и др. («защита», «свобода», «воля»); *буря, огонь, смеркаться* и др. («разрушение», «погибель», «темнота», «опасность»). Отнесенность

их к сфере Добра или Зла связана с древнейшими представлениями славян и с той ролью, которые эти предметы и явления играют в сказочном тексте. Например: *Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон* (№ 259, с.314).

- отдельную группу составляют «пространственные» слова и словосочетания: *своя земля, Русь, правая сторона; левая сторона* и др., репрезентирующие положительно / отрицательно окрашенный член архетипической бинарной оппозиции «свое – чужое». Например: *Она (ведьма – Н.М.) еще поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и ее не опасался: сюда она скакать не смела* (№ 172, с.433). *Кто поедет от столба сего в левую сторону, тот сам будет убит...* (№ 168, с.416) и др.

Исследование лексической периферии позволило выявить некоторые различия представлений русского народа в общеязыковой картине мира и сказочной. Например, в сказках употребляются *добро* и *правда*, но нет *блага* и *истины* (как их синонимов). Как представляется, понятия добра и правды более близки простому человеку; слова *благо* и *истина* являются стилистически маркированными (заимствованные, книжные).

«Удаль» в сказочной картине мира связана не только со «смелостью», но и с «удачливостью»: *...нагоняют его старшие братья, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали...* (№ 242, с.271) – на дополнительный компонент «удачливость» указывает контекст (лексемы *счастье, позавидовали*).

«Грех» рассматривается не как отступление от веры, а как «плохой поступок» и «блуд», «кровосмешение»: *«За грехи у тебя эти рога выросли! Повинись: не обманывала ли кого, не обирала ли кого?»* (№ 192, с.59). *Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!»* (№339, с.82) — на негативную оценку явления указывает лексема *нечистый* (Ср.: любовь – нечистая любовь).

Анализ лексической периферии позволяет в общем противопоставлении выделить частные концептуальные оппозиции: «любовь — ненависть», «трудолюбие — лень», «правда — неправда», «жалость — безжалостность», «жизнь — смерть» и др. Оппозитами являются и лексемы-репрезентанты: *правдивый – кроводушный, болен – здоров, живой – мертвый* и др.

Семантические компоненты находят дополнительное выражение в тропах:

- эпитетах (усилительных и уточняющих): *удалой удалец, горе горькое; дочь послушная да работающая* («трудолюбие», «кро-

тость»), *святое* дело («праведность»); *распутная* девка («безнравственность»), *лютый* змей («жестокость»), *нечистая* дума («грех»).

- сравнениях: чуден, как *ясный сокол* («красота»), смирен, как *теленочек* («уравновешенность», «кротость»); лютая, как *змея* («злоба»). Сравнение может быть в форме отрицания, противопоставления, что свойственно фольклору: *Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее* (№ 161, с. 324) (компонент концепта «Добро» «доблесть»).

- парафразе, которую находим в примерах, отражающих представление славян о дне и ночи (о добре и зле) как белом и черном всаднике. Например: *Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник – и совсем стемнело, только светились глаза у черепов* (№ 104, с. 162).

Среди нелексических средств выделяются морфологические, морфемико-словообразовательные, синтаксические, текстовые.

Морфемы могут участвовать в выражении некоторых концептуальных признаков, создавать дополнительные оценочные значения, выступать как яркое экспрессивное средство. В основном это суффиксы субъективной оценки существительных и прилагательных (-ок, -ек, -очек, -к, -ишк, -ушк, и др.; -еньк, -охоньк, -ошеньк и др.), выделяющиеся в следующих группах лексем: 1) называющих лицо, животное, волшебный персонаж: *сыночек, матушка, мужичок не дурачок, лебедушки* и др.; 2) обращения, создающих положительное представление как об адресате, так и об адресанте речи: *«Тепло, батюшко-Морозушко!»* (№ 95, с. 141); 3) атрибутах персонажей: *челночек, крылышки, перышко, голосок* и др.; 4) волшебных силах и предметах: *солнышко, клубочек, колечко* и др.; 5) выражающих отношение субъекта к объекту, характеризующих «лицо» (герой и его помощник): *старенький, здоровешенек, бедненькая, хорошенькая* и др.

В выражении семантики отрицательной оценочности важна также роль аффиксов: *неволя, несчастье, несчастье* (компоненты «беда», «несчастье»), *презлой* (очень злой); *злющий; распрезлющий*.

В качестве средств репрезентации концептуальной оппозиции выступают слова различных частей речи. Наиболее частотные экспликативы концепта «Добро» — имена прилагательные, описывающие персонажей сказки, дающие характеристику предметам и явлениям; они составляют 49% лексем-репрезентантов (самые распространенные лексемы — *добрый* — 42%, *белый* — 4%, *хороший* — 3%, *счастливый* — 3%, *правдивый* — 3%, *мудрый* —

3%, *сильный* – 3%). Краткие прилагательные в сказочном тексте могут терять обычное для литературной формы значение временного признака, называя постоянные качества, например: «*Ванюша был славный молодец – и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял*» (№ 185, с.26).

Среди существительных подавляющее большинство — отвлеченные, называющие общие нравственные понятия, чувства, состояния и эмоции. Они составляют 27% (самыми распространенными являются лексемы *добро* — 31% , *радость* – 8%, *счастье* – 7%, *любовь* – 6% и *красавица* – 6%.)

Глаголы, на долю которых приходится 13% лексем-репрезентантов концепта «Добро», организуют ситуацию, дают характеристику персонажу: называют проявления чувств, физических состояний, «целенаправленную деятельность социального типа» (термин Н.Д.Арутюновой). Наиболее частотны *помогать* — 15%, *любить* — 10%, *сжалиться* — 7%.

Значительно реже встречаются в сказке качественные наречия (всего 10%), участвующие в репрезентации концепта «Добро». Самыми частотными являются *благополучно* — 16%, *дружно* — 9% .

Общее число морфологических средств-репрезентантов концепта «Зло» в 1,5 раза больше, чем у концепта «Добро». Среди них наиболее частотны имена существительные, составляющие 44% (самые распространенные — *зло* — 10%, *худо* — 8%, *беда* — 5%, *горе* — 4%). Это еще раз подтверждает мысль о разнообразии проявлений зла, его многоликости, более четкой дифференциации.

Прилагательных, характеризующих, как правило, внутренние и внешние качества антагонистов, в текстах 30% (*злой* — 30%, *худой* (плохой) – 5%, *черный* — 4%, *лютый* — 4%).

Значительна роль глаголов в репрезентации концепта «Зло» — 21% (*озлобиться* — 8% и *завидовать* — 8%. Полагаем, это связано с тем, что именно отмеченные чувства вызывают все последующие негативные поступки персонажей и движут сказочное действие). Менее частотны глаголы *умереть* — 6%, *известности* — 4%, *сгубить* — 4%.

Качественные наречия немногочисленны – 5% . Они характеризуют действия отрицательных персонажей. Самые распространенные — *зло*, *завистно* и отрицательное наречное выражение *не к добру* — по 11%.

Средством экспликации выступают и синтаксические единицы, что связано с их структурно-семантической характеристикой и лексическим наполнением. Репрезентантами различных призна-

ков концептов могут служить: 1) словосочетания: *о хозяйстве радела, ни от какого труда не отказывается, без наряду все делает* («трудолюбие»); *горе мыкать, опойть зельем, силой взять* («бедность, нужда», «колдовство», «насилие»);

2) простые предложения. Например, определенно-личное с одним главным членом в форме императива, выражающего наказ: *...смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся* (№ 336, с.73) («строгость в нравственном отношении»); двусоставное предложение, где важно указание на действующее лицо: *Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу* (№ 260, с.316) («колдовство»);

3) элементы, осложняющие структуру предложения:

а) обращения, обусловленные этикетностью русской сказки. Основная часть их принадлежит полю «Добра», реализуя некоторые содержательные компоненты: *Она* (девочка – Н.М.) *постучалась: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девуцу!»* (№ 234, с.238) («хороший, уважаемый, почтенный»). / *Говорит чудо-юдо шестиглавое* (коню – Н.М.): *«Что ты, собачье мясо, спотыкаешься...?»* (№ 137, с.278) («неуважение», «пренебрежение»);

б) однородные члены предложения. В сказке они чаще всего отличаются трех-четырёхчленным составом сочиненных рядов, что придает фразе гармоничность, способствует полноте описания. Например: *Привела ее красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату* (№ 211, с.129) («гостеприимство», «воспитанность»). / *...твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает* (№ 211, с.126). Однородные сказуемые вместе с примыкающими к ним второстепенными членами репрезентируют компонент «распущенность»;

4) сложные предложения с разными видами связи, выражающие различные смысловые отношения, например, предложение с отношениями противопоставления со взаимоисключающими понятиями (вместе с ядерной лексемой): *«Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица – заколдованная королевна»* (№ 271, с.348) («противоположный злу»). Этот компонент актуализирует и структура бессоюзного сложного предложения, где вторая часть поясняет содержание первой, а в первой ядерную лексему *добро*. / *Аннушка из досады, что отец не ей купил пояс, озлившись, убила своего брата и схоронила его в том лесу* (№ 244, с.278) («злоба», «зависть»).

Полярно противопоставленные признаки концептуальной оппозиции, репрезентированные частями предложения, могут быть даны в пределах одного высказывания, что делает оппозицию более наглядной. Например: *Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да прихотить нет никого!* (№ 100, с. 150) («ласка», «любовь» — «грубость», «безразличие»).

Элементы текста способны отражать макроконтекстные связи фольклорного слова и представлять отдельные содержательные признаки концептов.

Так, одним из структурных компонентов выступают заглавия, занимающие в тексте сильную позицию. В сказках представлены в основном собственно назывные заглавия, в которых: 1) обозначена тема («*Оклеветанная купеческая дочь*», «*Неосторожное слово*», «*По щучьему веленью*»; «*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*» и др.); 2) заявлен основной конфликт, развивающийся на протяжении сюжета («*Правда и Кривда*», «*Счастье и Несчастье*»); 3) представлено противоборство героя и антигероя («*Ивашко и ведьма*», «*Смирный мужик и драчливая жена*», «*Вдова и бес*», «*Дочь и падчерица*», «*Марко Богатый и Василий Бессчастный*») и др. Названия участвуют в репрезентации различных компонентов, например: «*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*» («удаль»), «*Мудрая жена*», «*Мудрые советы*» («ум», «помощь»); / «*Оклеветанная купеческая дочь*» («клевета»), «*Заколдованная королева*» («колдовство») и под.

По замечанию В.Я. Проппа (Пропп 1984, с.201), в основе сказочных сюжетов лежат функции, большинство из которых можно представить в виде бинама: *борьба – победа, преследование – спасение, беда – ликвидация беды; запрет – нарушение запрета* и др. На члены этих бинамов во многих случаях накладывается центральный конфликт сказки – борьба Добра и Зла, и, следовательно, они участвуют в организации концептуальной оппозиции; происходит чередование положительно и отрицательно маркированных функций, каждая из которых предопределяет последующую.

В языковом выражении этих функций участвуют не только лексемы и их сочетания, но и целые фрагменты текста. Так, чаще всего начальная ситуация характеризуется подчеркнутым «благополучием», фрагменты текста эксплицируют эквивалентный компонент: *Жил-был царь, у него была дочь, царевна Неоцененная Красота, что ни в сказке сказать, ни пером описать...* (№ 183, с. 15). *В одном городе жил купец с купчихою, и дал им гос-*

подъ сына не по годам смышленного, по имени Василий (№ 247, с.280).

За ситуацией благополучия, как правило, следует неожиданная кража, болезнь и т.п. Источником беды может служить нарушение запрета (фрагмент текста репрезентирует одноименный содержательный компонент концепта «Зло»): *Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; ...заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльшках* (№ 113, с.185).

Другими компонентами, эксплицированными частями текста в рамках сказочных функций, являются «соблюдение норм поведения», «помощь», «хороший поступок, дело», «благодарность», «бескорыстие» и др. / «болезнь», «вред», «жестокость», «нарушение норм поведения» и др.

Важные семантические компоненты анализируемых концептов обнаруживаются и через закономерности построения сказочного сюжета, причем один и тот же элемент сюжета может иметь отношение к «Добру» и «Злу», актуализируя его на шкале аксиологичности (ср.: «соблюдение / нарушение норм поведения»; «наличие / отсутствие детей»).

К персонифицированным концептам, которая в русской народной сказке представлена лицами, антропоморфными и мифическими существами, животными, относятся прежде всего персонажи, которые выступают в сказке в качестве положительных или отрицательных, именно они совершают добрые или злые поступки, следовательно, относятся к полю Добра и Зла. Их «репрезентантами» являются имена. Нами выделено 6 основных групп:

1. Мужские образы; 2. Женские образы; 3. Образы детей; 4. Сказочные персонажи; 5. Сказочные антропоморфные персонажи-явления природы; 6. Персонифицированные отвлеченные понятия.

Например, сказочные персонажи – «волшебные помощники» (термин В.Я.Проппа для персонажей поля «Добра»): «зооморфные»: *Жар-птица, Моголь-птица, Сивко-бурко вещей воронко, Серый волк и др.*, «антропоморфные помощники фантастического характера»: *Усыня, Горыня, Дубыня, Обьедало, Опивало, Мороз-Трескун и др.*; «невидимые духи»: *Шмат — Разум, слуга Мурза, Саура — слуга, Никто; / Чудище, Чудо-Юдо, Идолище, Змей Горыныч, Некрещеный Лоб, Морской царь, Кощей Бессмертный.*

В тематическую группу «Персонифицированные» входят также и лексемы, выступающие в роли онимов (*солдат, падчерица, старик, коровушка / генерал, приказчик, мачеха, черт, ведьма* и т.д.). Апеллятивы становятся здесь именами собственными потому,

что важно указать на обобщенность характера представителя определенного пола, возраста или социальной группы. Имена персонажей-репрезентантов концептуальной оппозиции «Добро – Зло» рассматриваются через описание их семантики, этимологии и роли в сказке. Они выполняют в тексте номинативную, дифференцирующую, эстетическую и другие функции.

Анализ персониферы концептуальной оппозиции «Добро — Зло» позволяет выделить такие противопоставленные компоненты концептов, как «правда — ложь», «счастье — горе», «тот свет — этот свет», «белый — черный», «бог — черт», «друг — враг» и др. В свою очередь они объединяются в стержневые оппозиции «жизнь — смерть», «свет — тьма», «свой — чужой», которые связаны с исследуемой нами.

Относительность, взаимосвязанность и взаимообусловленность добра и зла находит отражение в сказке. Сказочная картина мира накладывает свой отпечаток на восприятие этих понятий. При нарушении меры (например, сказка «Терем мухи», где добро оборачивается злом), переосмыслении, трансформации понятий каждого из оппозиционных полей (что связано с положительными и отрицательными героями и их действиями) можно говорить о зоне пересечения полей как зоне нейтрализации оппозиции (амбивалентности), когда один и тот же компонент принадлежит обоим полям.

В зоне пересечения концептов попадают частично лексемы тематических групп обоих полей и проявляются следующие концептуальные признаки:

- «Черты характера и действия героев» («красота», «сила», «обман», «хитрость», «плутовство», «воровство», «похищение»). Например: положительные героини в сказке почти всегда наделены привлекательными внешними чертами (компонент «красота»): *... у окна в далеком тереме сидит красавица царица, румяна, белолица и тонкокожа, аж видно, как мозги переливаются по косточкам (№ 145, с.321)*. Отрицательные герои (а точнее, героини — только им присуща эта особенность) также часто наделены красивой внешностью, но в этом случае внешняя красота противопоставлена отрицательным качествам характера и поступкам. Например: *...княгиня была красавица, черноброва, да уж некстати спесива (№ 202, с.106). В некоем царстве есть прекрасная царица ..., только на казну больно завистная (№ 197, с.69)*.

- «Особенности персониферы» (есть основание говорить об онимах-омонимах, т.е. онимах, имеющих одинаковую семантику имени, но указывающих на разные типы героев, а, следовательно-

но, репрезентирующих противоположные компоненты оппозиции «Добро-Зло»): *Марко, Белый Полянин, Елена Прекрасная, Аленушка, Морозко, Идолище, царь, Баба-яга* и др.). Например: в одних сказках Баба-яга дарительница и советчица: *«Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с нее три зеленых прутика и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится.... Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя»* (№ 201, с.93). В других – воительница и отрицательный персонаж: *...баба-яга побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя* (№ 232, с.229).

- «Материальный компонент» («имущество», «вещи», «пожитки», «деньги», «богатство», «бедность»), выделяемый как содержательный признак концептуальной оппозиции «Добро – Зло», репрезентирован одним из ЛСВ лексемы *добро*. Он не принадлежит этическому полю, но в самом отношении к имуществу, богатству проявляются нравственные качества человека. Например: *Батрак взял себе его имение и стал себе жить-поживать, добра припасать, лиха избывать* (№ 150, с. 334). *Обвенчались и стали жить да быть да добро копить* (№ 232, с.230). В этих случаях положительной оценочности способствуют и глаголы-актуализаторы.

Особо выделяется важный для сказки компонент «магия», включающий «волшебство» (концепт «Добро») и «колдовство» (концепт «Зло»), репрезентированный лексемами и текстовыми фрагментами..

Таким образом, анализ концептуальной оппозиции «Добро – Зло» показал, что она представляет собой сложное по содержанию и структуре образование и в сказочной картине мира не существует изолированно от других концептов, в частности, тесно связана с макроконцептами «Человек» и «Природа».

Выделенные содержательные признаки концептуальной оппозиции «Добро – Зло» являются прежде всего компонентами общекультурными, этико-философскими, но несут в себе и черты национального своеобразия. Последнее особенно важно и перспективно в плане лингвокогнитивных исследований.

Литература

Моспанова Н.Ю. О содержании концепта «Зло» в русских народных сказках // Структурно-семантический и функционально-стилистический анализ единиц языка и речи: Межвуз. сб. науч. тр. – Тула: ТГПУ, 2003. – С. 85 – 94. Рукопись деп. в ИНИОН РАН 10 апреля 2003г., № 57920.

Моспанова Н.Ю. «Добро» и «Зло» в фольклорной картине мира (русские сказки) // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и

вузовском курсах русского языка: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2003. – С. 211 – 216.

Моспанова Н.Ю. Добро: концепт и имя в зеркале словарей // Вестник БГУ. № 2: Социально-гуманитарные науки. – Брянск: БГУ, 2004. С. 29–31.

Моспанова Н.Ю. Краткие прилагательные-репрезентанты концептов «Добро» и «Зло» в русских народных сказках // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте: Межвуз. сб. науч. тр., посв. 85-летию А.Н.Кожина. – М.: МГОУ, 2004. — С. 313 – 316.

Моспанова Н.Ю. Добро и Благо в языковой и фольклорной картине мира // Актуальные проблемы функционирования и развития лексики славянских языков: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 60-летию университета. – Мозырь: УА МДПУ, 2004. – С. 78 – 81.

Моспанова Н.Ю., Гехтляр С.Я. Персоносфера как компонент концептов «Добро» и «Зло» (на материале русских народных сказок) // Историко-культурное освещение слова и языковая экология: Материалы Всероссийской конференции. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – С. 66 — 70.

Орлова Н.В. Лексемы добро, зло и их производные по данным словарей различного типа // Miscellanea: памяти Александра Борисовича Мордвинова. – Омск, 2000. – С. 155 – 169.

Р.И. Веселова (Иваново)

ВОЛЯ

Концепт *воля* исследуется на материале трудов В.И.Даля.

Наследие В. И. Даля позволяет изучать концепт *воля* в двух культурно-языковых пластах: через художественное творчество — в элитарной культуре, через Словарь и Сборник пословиц, которые воссоздают представления о мироустройстве и мировосприятии русского народа (крестьянства) — в народной культуре.

Материалом исследования послужили лексические единицы с корнем — вол – (волевой, обневоливать и т. п.), паремии (Воля Божья, закон царев; От мужа поволька — жене самовольна и т.п.), устойчивые сочетания, содержащие слово *воля* и его дериваты {вольный казак, воля ваша и т. п.}, а также их речевые реализации. Языковой и речевой материал извлекался методом сплошной выборки из текстов В.И.Даля (повестей, рассказов, очерков, сказок, Словаря и Сборника). Было собрано и проанализировано 3328 языковых единиц и речевых произведений (около 350 лексических единиц, 850 паремий и 2100 слово- и фразоупотреблений), в которых объективирован концепт *воля*.

Термин "концепт", получивший распространение в языке современной науки, является одним из центральных понятий логики, философии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Многообразие взглядов на проблему привело к появлению в науке нескольких десятков определений понятия "концепт", которые имеют различные наборы признаков и зачастую противоречат друг другу. Под концептом подразумевают и единицу ментальных и психических ресурсов: «...оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга...» (Е.С. Кубрякова и др.); и неисчерпаемый символ культуры: «многомерное культурно значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной форме» (В.И. Карасик); и «сгусток культуры в сознании человека» (Ю.С. Степанов). По наблюдениям А.В. Костина, существующие подходы к вопросу о природе и функционировании концептов можно определить как ментально-деятельностный (С.А. Аскольдов), индивидуально-речевой (Д.С. Лихачев), семантический (Н.Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, В.В. Колесов), логический (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев), когнитивный (А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова; З.Д. Попова, И.А. Стернин), культурологический (Ю.С. Степанов) и лингвокультурологический (С.Г. Воркачев, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Ф.Ф. Фархутдинова, В.М. Шаклеин).

На решение проблемы природы концепта влияет позиция исследователя в вопросе о соотношении языка и мышления. Концепция, согласно которой когнитивные структуры и языковые категории находятся в отношении прямого тождества, называется вербалистской, именно она позволяет некоторым ученым рассматривать язык, сознание, мышление и культуру как разные ипостаси единой лингвоментальной сущности. Исследователи, убежденные в авербальности мышления, доказывают, что мысль опосредована знаковыми, но не всегда языковыми структурами.

Нельзя утверждать безапелляционно, что мышление осуществимо только с помощью слов, но можно говорить о языковой природе сознания. Мы считаем, что концепт как содержащая вербализованное знание единица выступает структурным элементом единой лингвоментальной сущности (язык, мышление, сознание, культура). В лингвоментальной сфере (синтез языка, мышления, сознания) концепты вербализованы и объективируются в установках на действие, в поведении, становясь элементами этнокультурного пространства.

Изучение литературы по проблемам когнитивной лингвистики и лингвокультурологии выявило, что концепты *воля* и *свобода*,

находясь в центре внимания исследователей, получают разный статус.

В работах А.Г. Лисицына они рассматриваются как единый концепт *свобода-воля-вольность*, при этом *воля* выступает как народное имя концепта *свобода*.

В исследованиях Д.С. Лихачева, А.Д. Шмелева концепт *воля* выступает как самостоятельный, национально-специфичный и единый. В.А. Маслова выделяет три одноименных концепта: *воля* вольная, *воля* — свобода от прав, от принципов, *воля* — хотение. В нашем исследовании показана тесная и культурно значимая взаимосвязь всех значений полисеманта *воля*, что свидетельствует о единстве концепта *воля*.

Язык Словаря Даля — не только язык русской культуры, но, прежде всего, язык автора, отражающий знания, установки, ценности, мировоззрение личности, что и обусловило обращение к Словарю как источнику познания личности.

Словарь Даля занимает особое место среди отечественных лексикографических изданий. В академической лексикографии эталоном толкования слова является наиболее адекватное представление его понятийной составляющей, толкования слов характеризуются беспристрастностью и объективностью, поскольку их основная задача — точно представить понятие, отражающее достижения в разных областях науки. Таким образом, в словаре определяется слово не как единица языка, обладающая национально-культурной спецификой, а как научное понятие, когнитивная сущность.

Влияние подобного подхода к слову ощущается в исследованиях современных ученых-лингвистов. Слово представляется в виде мельчайших единиц смысла, семантических элементов, что привело к своеобразному парадоксу — для понимания национальной специфики слова ученые пытаются представить его как набор универсальных семантических примитивов (А. Вежбицкая). Напротив, в Словаре Даля лексема не просто толкуется как понятие, а представляется с помощью различных языковых средств, объективируется в конкретных формах иллюстративного материала. Отражение в толковых словарях парадигматических, синтагматических, деривационных и других связей слова имеет большое значение для реального понимания специфики его существования и функционирования. Представление слова "в языке" наиболее близко идеальному отражению, поскольку человек выводит значение слов из соотношения их с другими.

Осуществленное нами исследование концепта *воля* на материале Словаря Даля представляет собой описание лексикогра-

фического варианта концепта. Исследование представления концепта *воля* включает анализ и сопоставление целого ряда особенностей метаязыка и структурных элементов Словаря, а также других толковых словарей; анализ метаязыка толкований слов, тематически сопряженных с лексемой *воля*, в СД и других лексикографических изданиях и их сопоставление; анализ метаязыка словарных статей с исходным словом-синонимом слову *воля*; сопоставление членов синонимического ряда и анализ их коннотативной семантики; анализ представления лексемы *воля* и ее дериватов в одноименной словарной статье; анализ авторской интенции при толковании и сравнение толкований с осуществленными в других изданиях.

В.И.Даль с необыкновенным вниманием и основательностью подходил к толкованию слова *воля*, и сопряженных с ним слов: *человек, душа, дух, нрав, разум, истина, закон, вера, любить*. Современные толковые словари в метаязыке словарных дефиниций не содержат слово *воля* и не дают отсылки к нему в определении приведенных выше лексем. Существенные различия в толковании основополагающих понятий бытия человека подвигли нас к подробному анализу метаязыка ряда лексикографических изданий.

В СД слово *человек* толкуется как «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесной речью». Указанные признаки можно назвать категориальными. Толкования в МАС, Словаре Ушакова (СУ) и Ожегова (СО), в отличие от Словаря Даля, содержат принятый в современном научном мире отличительный признак человека как вида живых существ: способность создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Также в определениях есть указания на мыслительную деятельность человека и на дар речи.

Отметим, что для Даля является принципиальным наличие у человека свободной воли. Это служит основой для различения растений, животных и человека: «Побудка (инстинкт животного), соединенье низшей степени рассудка и воли, заменяет ему дары эти, разрозненные в человеке и даже вечно спорящие между собой — это сердце и думка. Высшая степень человечности была бы та, где разум и воля слились бы в одно, сознательно во всем согласуясь взаимно. Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью, и образует не род и не вид животного, а царство человека» (СД).

Рассудок и воля в форме инстинкта присущи и животным, но это, по мнению В.И. Даля, не является основанием для отнесения человека к классу животных. Своими рассуждениями автор словаря затрагивает актуальнейшую проблему своего времени — вопрос о происхождении человека (достаточно вспомнить возникшее в то время учение Ч. Дарвина).

Можно говорить о том, что отраженные в словаре знания и убеждения имеют прямое отношение к личности В.И. Даля как носителя языка и культуры. Нельзя не отметить, что культура эта была христианской. Высказанную мысль подтверждает приводимая в словарной статье классификация: «Человек плотской, мертвый...; человек чувственный, природный...; человек духовным...; человек благодатный... Это степени человечества, достигаемые всяким по воле его».

Христианство представляет человека наделенным свободной волей, поскольку это качество дает личности возможность осуществлять нравственный выбор, который и составляет сущность теоцентрического бытия христианина. При переходе к атеистическому сознанию были утрачены специфические знания духовной сферы, отраженные и закрепленные в языке. Закономерно появление в толкованиях слова нового категориального признака человека, характеризующего эволюцию вида, — способность создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда — и вытеснение "устаревшего" — одаренность свободной волей.

В СД синонимом слова *человек* выступает слово *душа* (в одном из значений): «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем знач. человек с духом и телом; в более тесном: //человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: //жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа...».

Обращение к другим классическим толковым словарям показывает, что наиболее близкое значение зафиксировано в СУ (1935), однако без упоминания слова *воля*: «В религиозных и идеалистических представлениях- нематериальное начало жизни, противоположаемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека».

В.И. Даль обращается к слову *воля* и в словарной статье «Дух»: «Относя слово это к человеку, иные разумуют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному». В тексте статьи очевидна синонимия: ум и воля — стремление к небесному.

Комментарии В.И. Даля в словарной статье «Разум» также содержат слово *воля*: «Дух человека двуполовинчат: ум и воля; ум самое общее, а в частном значении самое высокое свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям; разум... ближе подходит к смыслу, рассудку, применяясь к обиходному и насущному». Если обратиться к толкованиям в других словарях, то можно обнаружить не формальные, а содержательные изменения в соположении ума и воли. Разум — это «способность логически и творчески мыслить, высшая ступень познавательной деятельности человека, ум, интеллект, в противоп. чувству» (СО).

Модель духовного сознания человеками — воля, в которой интеллектуальные чувства уравнивались нравственными, со временем изменилась. На смену ей пришла иная модель личности разум — чувства, где рациональное начало рассматривалось как более предпочтительное и надежное, нежели сенситивное, что вполне отражало реалии европейской культуры. Чувства не стали полноценной заменой воли, поскольку за последней предполагались чувства нравственные. Заметим, что слово нрав, которое когда-то дало семантическую базу для именованного целого комплекса чувств (нравственность), безвозвратно утратило свое первоначальное значение, абстрагировавшись до известной степени: «1. Совокупность душевных, психических свойств; характер. 2. Обычай, уклад жизни» (МАС).

Анализ толкования словарной статьи «Нрав» помогает понять смысл, который слово *воля* имело для В. И. Даля и его современников. «НРАВ одна половина или одно из двух основных свойств духа человека: ум и нрав слитно образуют дух (душу в высш. знчн.): ко нраву относятся, как понятия подчиненные: воля, любовь, милосердие, страсти и пр. Согласный союз нрава и ума, сердца и думки, образует стройность, совершенство духа: раздор этих начал ведет к упадку, В животном не может быть такого разлада; там нрав и ум, воля и рассудок слиты нераздельно в одно в побудке (инстинкт); и человек должен достигать такого же единства, но высшим путем: убежденьем, обузданьем страстей и умничанья, сознанием долга... II. Общее выражение свойств человека, постоянных стремлений воли его; характер...» (СД). *Воля* поставлена в один ряд с любовью, милосердием, страстями, выступая и как один из видов нравственных чувств, и как общее их название. Согласие между волей и разумом достигается преодолением и крайностей ума — "умничанья", и крайностей воли — "страстей".

Воля в одном из своих значений это желание и стремление человека к добру. В.И. Даль, толкуя слово истина, пишет: «Исти-

на от земли, достояние разума человека, а правда с небес, дар благодетели. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, нраву и воле». Очень показателен отрывок из словарной статьи «Вера»: «Слепая вера противна рассудку. Вера по убеждению, слияние разума с волей». В Словаре Даля среди значений, представленных в словарной статье «Воля», есть и то, которое отсутствует в современных толковых словарях: «...вся нравственная половина человеческого духа...».

Анализ толкования слов *человек, душа, дух, нрав, разум, истина, закон, вера, любить* в СД и в других лексикографических изданиях позволяет говорить о том, что современные толковые словари в перечисленных словарных дефинициях не содержат слово *воля* и не дают отсылки к нему. В.И. Даль при толковании основополагающих понятий бытия человека активно использовал слово *воля* прежде всего потому, что для него как личности это слово имело значимость в духовной и нравственной сферах. Причина, по которой исследуемое слово ушло из современных дефиниций, вероятно, состоит в том, что идеалистическая (христианская) система мировоззрения была вытеснена материалистическими принципами в науке, и соответственно были постепенно утрачены актуальные для христианства оттенки значений общеупотребительных слов, особенности их понимания.

Толкования лексикографов позволяют диагностировать изменения в когнитивной сфере носителей русского языка. Духовная сфера человеческой личности осмыслялась во времена Даля как единство двух составляющих: ума и воли; со временем разум стал противопоставляться чувствам, что свидетельствует о влиянии европейской культуры. В связи с переходом к атеистической и рациональной парадигме в общественном сознании можно говорить об изменении в понимании центральных понятий русской культуры носителями языка.

Слово *воля* и его дериваты используются В.И. Далем в словарных статьях «Хотеть», «Желать». «Власть», «Право», «Свобода», «Зависеть», «Независимый» как при толковании заголовочных слов и их производных, так и в иллюстративном материале. В словарной статье «Хотеть» заголовочное слово толкуется с помощью синонимического ряда; «желать, волишь, иметь охоту, охотиться, стремиться, побуждаться к чему, намереваться, собираться». В числе иллюстраций к этому значению есть авторское речение дневникового характера (Хочу — половина могу, твердая воля), опосредованно отражающее личностное понимание воли В.И. Далем. Отметим позитивность оценки слова *воля* в конкретном авторском контексте.

Дериваты от слова *воля* представлены в синонимическом ряду «хотенье, желанье, воление, охота», толкующем слово *хатенки*, которое не имеет в словаре ограничительных помет; а также а ряду «хотеть, желать, валить», использованном для толкования диалектного слова *хотенить* (арх.)- Следует обратить внимание на то, что слово *воля* и его производные в словарной статье «Хотеть» появляются при толковании нейтральных и по существу общественно одобряемых смыслов. При толковании же нравственно порицаемых смыслов ни слово *воля*, ни его производные не используются, что хорошо видно на примере слова *хотенье*, которое называет «сильное страстное желанье; // похоть, плотское стремление»: а также слова *хоча* «охота, хотенье, желанье, склонность, поползновение; прихоть» и др.

В словарной статье «Желать» при толковании слова *желанье* Даль обращается к производному слову *воление*: «чувство желающего: жаданье, воление, хотенье, стремление». В отличие от словарных статей «Хотеть» и «Воля», в синонимических рядах словарной статьи «Желать» появляются и выступают как смысловые доминанты слова с корнем — жад — (жадать, жаданье, жадобный).

Слово *воля* и его дериваты также используются при толковании лексем с корнем — власт -: власть «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление», властонавистник «возмутитель: своевольник, не терпящий властей» и др. В последнем случае слово *своевольник* содержит не одобряемые с точки зрения социума смыслы. *Воля* по отношению к власти может выступать как начало супротивное, *воля* и *власть* могут представлять и одну сторону, и противоположные.

Наблюдения над метаязыком дефиниций словарной статьи «Власть» дают основание говорить о том, что *воля* в значении «власть» — понятие более широкое, нежели то, что стоит за словом *власть*. Семантика слова *власть* включает в себя понятие об официальных органах власти и их представителях, что подтверждается толкованиями: «начальство, начальник «владычество, господство, полномочное управление», «державно властный, самодержавный, вседержавный, всевластный» и т.п. В статье «Воля», напротив, нет наименований субъектов власти.

Заголовочное слово *неволя* толкуется как «противоп. *воля*, непростор, несвобода, принуждение, нужда, нуда, подвластность силе, зависимость, покорность чужой воле, внешнее ограничение хотения, желания и самого действия». Слово *неволя* в отличие от своего однокоренного антонима менее абстрактно и метафизич-

но, так, второе значение слова демонстрирует "предметность" неволи «// Рычаг; подвести неволи, рычаги, подъемы». Интересен комментарий В.И. Даля: «Степени неволи, как состояния, весьма различны: невольничество, рабство, крепостной быт (стар, холопство), кабала, плен, заключение (узничество); зависимость, подвластность, подчиненность и пр.», что свидетельствует о восприятии этого слова в социальном, а не бытийном аспекте.

В словарной статье «Свобода» в метаязыке дефиниций используются 19 слов с корнем -вол'-. В словарных статьях «Воля» и «Свобода» совпадает определенный сегмент используемой лексики: слова с корнем — простор-, — стесн' —, — сам —, встречаются выражения *не раб, не крепостной*. В словарной статье «Свобода» в иллюстративном материале отсутствуют пословицы и поговорки, что свидетельствует о чуждости данного понятия народному сознанию. Иллюстративный материал представлен исключительно авторскими речениями: «Он свободен выбирать любое. Это его свободное желанье».

Метаязык толкований словарной статьи «Воля» имеет специфический набор лексем. Интерес представляет группа слов, называющих социально негативные явления (оценка поведения людей): беглый, бродяга, бродячий, буйный, булдыга, забулдыга, волдать, волдыга, гулливый, гуляка, разбойник, сорванец, ушкунник, шайка, шаловливый, шатающийся, шатун, шатуший.

Лексику словарных дефиниций статьи «Воля» в целом можно объединить в четыре тематические группы: 1) хотение, желание; 2) власть; 3) свобода; 4) негативные социальные явления, связанные с характеристикой человеческого поведения. В первой группе относятся слова хотеть, желать и их дериваты, слова и выражения добровольный, по доброй воле, по своей воле и др.

К лексико-тематической группе «власть» относятся слова право, власть, властный, неподвластность, независимость, независимый, дозволяться, мочь, перемочь, получивший, кабальный, крепостной и выражения дать несколько воли, дана воля, лишать воли.

К тематической группе "свобода" относится значительное число слов. При этом в данной группе актуальны следующие смыслы: наличие комфорта (удобный, удобно, удобство, легкий, легко, непринужденно), наличие привилегий (льгота, льготник, льготно), отсутствие обязанностей или должной морали (без запрету, не стесняющийся приличием, не стесняясь, умствования противные началам веры и др.), отступление от нормы (не в точности следующий подлиннику, отступление от правил языка или стихосложения, не строго).

Четвертую группу составляют слова, называющие "негативные социальные явления": гуляка, разбойник, сорванец, ушкунник и т. п.

В словарной статье «Воля» содержится 70 толкуемых слов, начинающихся с морфемы — вол'-. Из них в Словаре Академии Российской 1789-1794 гг. (САР) зафиксировано только 12. Соответственно к сфере литературного языка относится незначительное количество лексем.

Словарь Даля содержит около 350 слов, образованных от слова воля. В метаязыке толкований родственных слов также используется слово воля и его производные. На момент составления СД словообразовательное гнездо с исходным словом воля было значительно большим, нежели теперь (146 лексем — Словарь Тихонова (СТ)). Во-первых, часть слов перестала соотноситься со словом *воля*. Некоторые производные от слова *воля* (в СД) на современном этапе не являются родственными словами. Лексемы благоволить, позволять, увольнять, удовлетворять, удовольствоваться, а также образованные от них, в САР 1789-1794 гг. даются в словарной статье «Волю». В СТ приводимые выше лексемы даются в отдельных статьях. Во-вторых, значительная часть слов с корнем — вол'- исчезла вместе с изменением социальной жизни страны и появлением новой идеологии в обществе. Так, перестали использоваться в речи слова божеволиться «сходить с ума; дурить, сумасбродить», невольный «своевольный, самовольный, самоуправный», извольщина «своевольщина, вольница» и т. п.

Слово валить — исторически производящая основа для приставочных глаголов с этим же корнем. Симптоматично, что именно базовое слово и, соответственно, понятие было утрачено за относительно небольшой период времени. В народной речи использовались приставочные глаголы и их дериваты, многие из которых были также утрачены: взводить «захотеть, пожелать, быть угодну», выневоливать «вынуждать», завалить «захотеть, пожелать сильно», заволье «преступная вольность» и др.

Словарная статья «Воля» включает 108 однокоренных слов, 91 паремию, 29 ФЕ. Объем, приемы организации содержания словарной статьи и ее композиция позволяют говорить о концептуальном характере представления понятия *воля* в Словаре Даля.

Слово воля, безусловно, значимое в русской культуре, представлено Далем через сопоставление с другими. В начале словарной статьи дается основное значение: «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи,

насилования, принуждения», где воля соотносится со словами произвол, свобода, простор и противопоставляется словам неволя, насиливание, принуждение. Следующие далее оттенки значения расширяют представление о воле, вводя это понятие в определенные смысловые ряды: «власть, сила, нравственная мочь, право... желанье, стремление, хотенье, похоть... независимость, свобода... самоволие, произвол... свобода от рабства, крепостного состояния...». Необычным для современного носителя языка оказывается толкование воли как «всей нравственной половины человеческого духа...», а также само противопоставление воли и разума. Чтобы обеспечить понимание, В.И. Даль приводит такие суждения: «Разум количественная собь души, воля качественная. Разум отвечает истине и лжи, воля добру и злу». Приводимые примеры позволяют сделать вывод о том, что понятия воля и нравственность имели непосредственное отношение друг к другу в сознании автора.

В.И. Даль дает концептуальное представление слова воля в народной культуре. Понятие воли связано с понятием о законе: Твори Бог волю свою; Божьей воли не переводишь; Выше Божьей воли не будешь. Воля Божья — это порядок, закон, организующий и быт, и нравственную жизнь. Выказывать волю можно по отношению к себе, к ближним, у себя дома, в хозяйстве: Своя воля во щах (да в бане, да в жене).

Анализ пословиц выявляет смысловые доминанты значения слова в народной культуре, например: *воля* — власть. В семье волей-властью должен обладать мужчина (отец, муж): Своя волюшка у батюшки; Покрасуйся, девушка, до святой воли батюшкиной; Дал муж жене волю — не быть добру; Воля и добрую жену портит. Воля накладывает ответственность на человека, требует от него знания меры и строгих ограничений, поэтому нельзя давать волю не только другим, но и себе: Дай черту волю — живьем проглотит; Глупому в поле не давай воли; Волю дать — добра не видать; Дай душе волю, захочет и боле; Языком болтай, а рукам воли не давай. В пословицах также отражены оппозиции народного сознания: воля — доля: Боле воли — хуже доля; Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю; воля — неволя: Дай сердцу волю, заведет тебя в неволю; Воля губит, неволя изводит. Паремии, размещенные В.И. Далем в статье «Воля», отражают установки и ценности русского крестьянства XIX века.

Концепт *воля* предстает как структурно и образно организованное инвариантно-вариативное знание о данном абстрактном понятии, реализующееся в пространстве разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков (например, волюшка; вольная

одежда; Во хмелю, да во сне, человек и сам в себе не волен) и речевых произведений (Ты что завольничал? Он завольничался, забылся). Содержание концепта складывается из устойчивых и изменчивых элементов 1) мифологических, 2) религиозных, 3) научных, 4) обиходно-бытовых знаний. Они отражены в словарной статье в виде лексем (вольный — "леший"), устойчивых выражений (Божья воля, предать воле Божьей и т. п.), научных терминов (вольная, вольноотсужденный, вольная продажа). Более полно отражены в словарной статье обиходно-бытовые знания о воле, воплощенные в оценочных наименованиях, характеризующих поведение людей (вольнопляс «беглый, бродяга», волипец «вольный гуляка, своевольник» и пр.), род их занятий или характер труда (вольник «охотник, наймит, наемщик»), социальные отношения (вольник «ниж. названный сын»).

Особенности метаязыка СД позволяют говорить о том, что в элитарной культуре слово воля имело специфические коннотации в употреблении. Принадлежность этого слова к библейской лексике {Воля Божья, творить волю Бога и т. п.} придавало ему при употреблении в светской речи «возвышенность», что показывает сравнение воли с синонимами: хотение, желание, жадание. Сопоставляемые слова имеют житейский смысл, а *воля* — смысл высокий. Поскольку в народной культуре концепт *воля* существует в устной форме, то он имеет более утилитарную направленность, что и отражено в соответствующей словарной статье.

Статья «Воля» отражает вербальную репрезентацию концепта в книжно-письменной и народной культуре. Для обеих культур характерен общий религиозный компонент. Он объединял два культурных страта в самом глобальном вопросе культуры — метафизических основах. Анализ языкового материала позволяет говорить о существовании стратовых различий в представлении и содержании концепта воля в русском языке. Культурная разобщенность социальных слоев способствовала расхождению аксиологических приоритетов, а значит, и различию смыслового наполнения отдельных общественно значимых понятий в народной и элитарной культурах.

В художественных текстах В.И. Даля частично отразилась концепция воли, какой она была представлена в элитарной культуре первой половины 19-го века. Одной из важнейших характеристик общественного сознания той поры, а значит, и традиционной культуры в целом, была их религиозная основа. Отметим, что все произведения В.И. Даля идейно решены в богоцентричной парадигме, в духе христианского реализма, что свидетельствует об

укорененности духовного сознания писателя в религиозной морали.

В повести «Бедовик» (1839) писатель затрагивает вопрос о свободе воли. Центральный внутренний монолог главного героя, совпадающий с кульминационным моментом, представляет собой размышление о судьбе и свободной воле. В размышлении резко сменяют друг друга две противоположные мысли, отражающие, по сути, идеи двух философских направлений — волюнтаризма: «... судьба пустое слово; моя свободная воля идти туда, сюда, куда хочу, и соображать и оглядываться, чтобы не подставлять затылка коромыслу» — и фатализма: «... так что мне тогда в свободной воле моей и в хваленом разуме, коли у меня звезды — путеводительницы нет, и я иду наугад?».

Противопоставление свободы воли и Фатума (судьбы, рока) восходит к античности. В русской народной культуре данное соотношение понятий отражено в устойчивой ассоциативной связи слов *воля* и *доля*, в элитарной культуре — *воля* и *судьба*. В повести «Бедовик» *судьба* — это не просто часто встречающееся в тексте слово (16 раз), а одушевленный, антропоморфный действующий персонаж. Судьба управляет героем: «... судьба играла обыкновенно Лировым», «норовистая судьба также нашла дорогу из Малинова до московской дороги, на которой теперь снова так жестоко и неотвязчиво преследовала свою игрушку». Слово *доля* употребляется 2 раза. С судьбой тесно связаны понятия беда, несчастье, рок, удача. В повести «Бедовик» В.И. Даль очень часто прибегает к использованию слова *беда* и его производных. Выражение *бедный Евсей* употребляется писателем 11 раз, слова *беда* и *бедовик* – 13, встречаются и другие слова с тем же корнем: *бедненький*, *бедность*, *бедняк*, *бедняжка*, *бедовать*, *бедовый*, *бедствие*.

Несмотря на тягостные размышления героя повести «бедовик», для В.И. Даля-рассказчика вопрос о свободе воли не имеет трагической стороны. Эта проблема понимаема писателем, как видно и из метаязыка «Толкового словаря живого великорусского языка», в свете христианских философских традиций.

В художественном творчестве, как и в Словаре Даля получает отражение индивидуально-авторская картина мира, основа которой — религиозное сознание. Воля как «вся нравственная половина человека» есть стремление к добру. Эту идею христианской философии В.И. Даль невольно отразил в метаязыке ряда словарных статей. Напротив, в языке художественных произведений, в силу намеренно несакрального характера повествова-

ния, не могли отразиться в полной мере подобные идеи и образы элитарной культуры.

Специфика лексемы *воля* проявляется в стойкой взаимосвязи лексико-семантических вариантов слова с теми или иными предложно-падежными конструкциями и фразеологическими единицами. В художественных текстах В.И. Даля слово *воля* в значении «нравственная мощь, сила характера» встречается крайне редко, например, при описании состояния героя: «Ольга оглянулась, увидела мать и полетела в ее объятия. Ольге стало легче, она несколько успокоилась, чувствовала в себе более силы и воли. Молитва ее была услышана» (Гофманская капля), в размышлениях героев и автора о жизни и поведении: «... Гаврило Степанович... всегда держался того правила, что человеку нужна воля, что он должен действовать по разумному убеждению, а не по слепому повиновению; но... в обращении с сыном, не умел держать языка своею на привязи, и потому сын с давнего времени почти не слышал от него доброго слова» (Отец с сыном).

Слово *воля* в значении «власть» употребляется в подавляющем большинстве случаев, как правило, в составе синтаксических конструкций: *воля чья, воля кого*. Структурно к подобным словосочетаниям относятся и фразеологизмы: *твоя воля, ваша воля, Божья воля* — частотность использования которых значительна: « — Да и о чем же ты хлопчешь, Сеня? Я тебя, воля твоя, не понимаю! Ну, так чем же она тебе не дружка? Сам говоришь: и хороша, и мила, и достойна...» (П.А. Игивый).

Особенности повествования, стиль и язык произведений часто зависят от того, кто является героем повестей и рассказов В.И. Даля и к кому адресован текст. Анализ словоупотреблений позволил установить, что существуют соответствующие различия и в представлении в текстах концепта *воля*.

В произведениях, повествующих о дворянском и купеческом быте, о жизни разночинцев, часто встречаются выражения, содержащие глаголы, исторически образованные от лексемы *воля* и, по данным Словаря Даля, сохранявшие семантическую связь с исходным словом. Так, с использованием слова *воля* и его дериватов толкуются глаголы: благоизволить «соизволять, объявлять волю, согласие свое на доброе дело», благоволить, позволять, изволить ««.хотеть, желать, требовать, набирать по своей воле. Как прибавка к глаг. выражает вежливость, почет», обневолить «покорить безусловно и подчинить своей воле...», позволять, соизволять и др. В произведениях, повествующих о жизни дворян, купцов и разночинцев, используются слова с корнем *-вол'*—, имеющие абстрактное значение: непозволительность, вольность, вольнодумство, — также характерны для таких текстов специ-

фичные словосочетания: опасный вольнодумец, непозволительные шалости и др.

В повествовании о жизни крестьян слово *воля* употребляется еще и в значении «отсутствие крепостной зависимости»: «А над Григорием господу помаленьку трунили, что захотел на Кавказе побывать, воли поискать, от подушного, от барщины уйти, да вместо воли попал в неволю» (Ключ, лад и строй песни). Данное значение сопровождается у В.И.Даль негативной оценкой, непривычной для современного сознания, и соотносением со словом *неволя*, так как побег крестьянина часто оборачивался пленом и рабством.

Отрицательное отношение к попыткам изменения крестьянами своего социального положения проявляется на уровне текста в семантике слов, которые сопровождают слово *воля* в тексте, например: сманить на волю, проклятая воля и др. Характер эпитетов при слове *воля*, используемых В. И. Далем, позволяет говорить о том, что они многое проясняют в личности писателя и в его гражданской позиции. Известно, что он был активным противником отмены крепостного права и выступал против всеобщей грамотности. Интересно, что слово *неволя* в художественных текстах употребляется В. И. Далем в значении «плен, рабство», а не в значении «крепостная зависимость»: «Но молодые матери, которых брали в неволю, разлучая с детьми, нередко посягали на жизнь свою, если им не было средств и надежд к побегу (Бикей и Мауляна).

В.И. Даль, создавая художественный текст, преследовал и воспитательные цели воздействия. Религиозная и общественная позиция художника явно ощущается в рассказах на острые общественно-политические темы. Как известно, в народном сознании имя Пугачева было связано с понятием *воля*. Данный факт отражен и в «Толковом словаре живого великорусского языка». В словарной статье «Воля» приводится приписываемое Емельяну Пугачеву выражение: «Жалую вас крестом (старым), бородой и вечной волей, Пугачев» (СД). В.И. Даль оценивал личность «самозванца» негативно. Написанный им «Рассказ Верховонцева о Пугачеве» ведется от лица походного сотника, который в 1831 году состоял в «шайке Пугачева». В этом тексте автор ни разу не использовал ни слово *воля* в значении «свобода», ни слово *вольный*. Возникает вопрос, какими словами автор описывает события рассказа и его героев. Пугачева В.И.Даль называет — Пугач, самозванец, мнимый царь, несомненный обманщик, христонаступник, разбойник. Автор пытается показать, что Пугачев принес народу «безначалие», беззаконие: «... крестьяне и

работники перепились, гуляли пьяные по улицам, кричали и бушевали; коли кто кричал: за здравие Государя Петра Федоровича, то этим покрывал все грехи, всякое буйство, и мог делать, что хотел».

Анализ произведений позволяет исследовать динамику индивидуальной картины мира писателя. Сравнение нескольких редакций одного текста рассказа В.И.Даля — один из возможных путей выявления того влияния, которое оказала на личность носителя элитарной культуры культура народная. Через анализ концепта *воля* в редакциях текста рассказа «Беглянка» прослеживается эволюция взглядов писателя.

Рассказ «Беглянка» был опубликован в 1848 году, последняя редакция вышла в свет в 1862 году. Событийная канва рассказа такова: путешественник, проезжая по турецкой земле, попадает в русскую деревню, останавливается на ночлег в одном из домов, узнает историю русской женщины, попавшей "в туречину" из-за желания своего мужа получить волю, сбежав от господ. Фабула в переизданиях сохранена, изменения же в тексте коснулись элементов сюжета, т. е. самой ткани текста и стилистики рассказа. Обращение к переработке текста в 1861-62 годах было вызвано общественной позицией В.И.Даля. Он предвидел, что недостатки проводимой реформы вызовут массовый уход крестьян с земель. Преобразование текста говорит о своеобразной попытке сохранить русский крестьянский быт и культуру.

В тексте слово *воля* входит в один смысловой ряд со словом *туречина* и противопоставлено другому смысловому ряду: дом — крестьянский быт — барская неволя — доля. Слова *туречина* и *воля* функционируют в тексте как синонимы. В разных редакциях одно слово может появляться на месте другого. Также слово *туречина* поясняется в одной из редакций словом *воля*: «...старый бродяга... колобродил по кабакам и базарам, подбивая народ идти с ним в туречину, на волю». Таким образом, смысловое соотношение этих двух слов фиксируется и на формальном уровне.

В поздней редакции рассказа В. И. Даль намеренно усиливает противопоставление двух смысловых доминант текста: *воля* и русский крестьянский быт. Это отражается в ряде изменений текста, одно из них — появление у слова *воля* эпитета *проклятая*. Негативное отношение к воле переходит и на ее текстовый синоним — *туречина*. Так, следующая часть текста, передающая благорасположение, восхищение и удивление путешественника, была изъята из последней редакции: «Услужливый и толковый проводник по земле турецкой привез меня к ночлегу в русскую деревню. Поразительно было встретить тут все обычаи и весь быт

русский, коренной, исконный, который даже не всегда и не везде можно найти в России» (1848). Вместо этого появляется упоминание о войне с турками, историческая справка о переселенцах.

Анализ произведения позволяет говорить о двух соотносимых противопоставлениях, реализованных в рассказе, которые наиболее явно оформляются в последней редакции: 1) дом (крестьянский быт, доля) — воля, 2) Россия — Туречина. Вторая пара текстовых антонимов характеризует пространственную метафору *воли*. Примечательно то, что В.И.Даль создает образ воли за границами России.

В осмыслении и оценке понятия *воля* В.И. Даль близок к суждениям, выраженным в паремиях. При сравнении способов концептуализации в пословицах и художественных текстах В. И. Даля можно обнаружить сходство, проявляющееся в противопоставлении понятий *воля — доля* (крестьянский быт) (Не в воле счастье, а в доле. Своя волюшка доводит до горькой долюшки), сходство также наблюдается в локализации понятий *воля и доля* в пространственном отношении: в паремиях она охарактеризована менее конкретно: там — тут (Там своя воля, а тут своя доля), в рассказе противопоставление получает конкретное воплощение: Россия — Туречина. Представление воли как источника грехопадения в рассказе имеет свои соответствия в пословицах: Своя воля — клад, да черти его стерегут. В художественном тексте это суждение развернуто в сюжет.

В.И. Даль испытал влияние интересовавшей его народной культуры на когнитивную, эстетическую, мировоззренческую сферы. Анализ особенностей употребления слов в тексте дает представление о понимании автором той или иной исторической реальности. Трансформация текста конкретного рассказа — следствие преобразований когнитивной сферы личности писателя.

Таким образом, концепт как содержащая вербализованное знание единица выступает структурным элементом единой лингвоментальной сущности (язык, мышление, сознание, культура). В лингвоментальной сфере (синтез языка, мышления, сознания) концепты вербализованы. Они объективируются в установках на действие и в поведении, становясь элементами этнокультурного пространства.

Концепт *воля* относится к числу этнокультурных концептов. Многозначность слова *воля* осложняет структуру концепта, но не нарушает его единства, обусловленного запечатленной в языке нормативно-ценностной картиной мира.

Своеобразие языковой личности В.И. Даля заключается в том, что, являясь носителем книжно-письменной культуры, он испытал на себе сильнейшее влияние народной культуры (языка, нормативно-ценностной картины мира), что отразилось на характере его деятельности и его дискурсе.

Сравнение «Толкового словаря живого великорусского языка» с лексикографическими источниками позволяет говорить о семантических трансформациях, произошедших с денотатом лексемы *воля*, а также о переходе от христианского православного мировоззрения к атеистическому (вплоть до постсоветского). Данные процессы привели к тому, что в толковых словарях XX века слово *воля* исключено из метаязыка дефиниций слов, не связанных с ним синонимическими отношениями.

Концепт *воля* как инвариантно-вариативная сущность по-разному вербализован в различных социальных стратах, что проявляется при исследовании особенностей концептосферы народной и индивидуально-авторской картины мира В.И. Даля.

Исследование художественного творчества В.И. Даля позволяет говорить о том, что в своих произведениях писатель отразил вариативные представления и знания об одном из важнейших концептов русской культуры — *воле*. Значимая вариативность знаний и представлений свидетельствует о существовании проблемы адекватного понимания между представителями разных стратов одного этноса.

Литература

Веселова Р.И. «Воля» в русской народной языковой и концептуальной картинах мира // Молодая наука в классическом университете. Иваново, 2002. С. 12-13.

Веселова Р.И. Концепт «воля» в русских поговорках // Фразеология и миропонимание народа: В 2 ч. 4.1. Фразеологическая картина мира. Тула, 2002. - С. 163-168.

Веселова Р.И. Свобода и воля как единицы лексического и лингвокультурологического уровней // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Иваново. 2003. — С. 20-23.

Веселова Р.И. Специфика сочетаемости слова в народных и авторских текстах // Молодая наука в классическом университете: В 8 ч. Ч. 2. Иваново, 2004. — С. 39-40.

Веселова Р.И. Сравнение редакций художественного текста как способ исследования динамики индивидуально-авторской картины мира // Проблемы преподавания русского языка и культуры речи в школе и вузе. Иваново, 2004. - С. 123-129.

Веселова Р.И. Понятие воля в Словаре Даля // Проблемы преподавания русского языка и культуры речи в школе и вузе. Иваново. 2004. -

С. 129-135.

Веселова Р.И. Словарная статья как способ концептуального представления слова // Словарное наследие В.П.Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Новгород, 2004. С.129-132.

Т.В. Григорьева, Р.М. Гайсина (Уфа)

СВЕТ и ТЬМА

СВЕТ и ТЬМА – сложные антонимические концепты, представляющие две сферы единого многообразно структурированного когнитивного пространства со взаимопересекающимися семантическими участками. Эти сферы, качественно и количественно отличаясь друг от друга своей представленностью в языке, играют важную роль в составе единой аксиологической метафоры в когнитивном механизме познания мира и тем самым выступают в русском языковом сознании как своеобразное «мерило» действительности.

Полное представление о содержательной сущности концептов СВЕТ и ТЬМА возможно получить, исследуя их от этимологических истоков через динамику становления к устоявшемуся состоянию с привлечением деривационных связей имен концептов и далее – к функционированию их структурно многообразных вербальных представителей в различных текстах, позволяющему описать дальнейшие смысловые «приращения» изучаемых концептов. В связи со сказанным материалом для анализа послужили данные различных словарей (этимологических, исторических и современных толковых, словообразовательных, синонимических, антонимических, паремиологических, ассоциативных) и фразовый материал из текстов разных жанров. Ведущим в исследовании является метод концептуального анализа; при описании этимологических исходов использовался метод этимологической реконструкции; при описании семантической структуры вербальных представителей концепта – метод описания словарных дефиниций в сочетании с приемами семемного и компонентного (семного) анализа; при исследовании ассоциативно-вербального поля имен концептов и их ближайших синонимов – методы ассоциативного эксперимента и ассоциативного описания (Ю.Н. Караулов); при характеристике текстовых приращений концептов – методы контекстуального анализа и общий филологический метод интерпретации текста; при сопоставлении лингвокогнитивных ми-

ров СВЕТА и ТЬМЫ – сравнительный метод и элементы статистического анализа.

Слова свет и тьма, являясь именами концептов, определяют ядро их семантического пространства, поэтому изучение семантики этих слов помогает выявить основные направления содержательного насыщения соответствующих концептов. Этимологический смысл этих слов как своеобразное «преддверие» (Ю.С. Степанов) семантического развития предопределяет становление их полисемии, во многом влияя на дальнейшее формирование языкового пространства концептов СВЕТА и ТЬМА.

В мифологическом сознании человека свет и тьма увязывались с постоянно наблюдаемыми природными явлениями дня и ночи и воспринимались как две враждебные друг другу силы, находящиеся в постоянной борьбе, сопровождающейся победой то одной стороны, то другой. Светлые силы воспринимались как силы добра, справедливости; с темными силами связывалось все таинственно-страшное, злое, пугающее (Афанасьев 1988, с.93–139). Чувства, которые овладевали доисторическим человеком при наблюдении и постижении дня и ночи, нашли отражение в народных преданиях, мифах, религиозных верованиях и в «культурной памяти» слов свет и тьма, их ближайших синонимов и ассоциатов день, ночь, мгла, мрак, темнота, в их синтагматических отношениях (в эпитетах – ясный, лучезарный, радужный свет и кромешный мрак, гробовая, зловещая тьма; в предикатах – свет затеплился, день зарождается, тьма грозит, наползает и т.д.). Таким образом, СВЕТА и ТЬМА, будучи антонимической диадой и представляя собой дискретно-континуальное пространство, требуют не только отдельного, но и взаимоувязанного описания.

Концепт СВЕТА. Слово свет (имя концепта) имеет общеславянское происхождение и встречается во всех славянских языках: о.-с. *svěť (с ѣ из oi) из и.-е. корня *k'uei-, расширитель -t- (*k'uei-t-:*k'uoit-). Анализ его значений в разных языках позволяет нам говорить об этимологической связи этой лексемы с ее ближайшими синонимами, ассоциатами, омонимами: блеск, мир – день, белый (ср.: словен. svet, чеш. svět «мир», полаб. sjot «день», др.-инд. śvitraś «белый», лат. и др. – ПЭС, ФЭС). Кроме того, усматривается и генетическая связь слов свет и цвет (ЦЭС).

Особый статус в семантическом пространстве лексемы свет имеет значение «мир», которое в словарях современного русского языка рассматривается как омонимичное основному значению «лучистая энергия». В то же время данные этимологических словарей позволяют предположить, что эта омонимия является гомогенной и в сознании древнего человека эти значения были син-

кретично представлены в одной лексеме. Процесс возникновения омонимичного значения «мир», как считает П.Я. Черных (ЧЭС), относится к эпохе распада общеславянского единства и расселения славянства. Не случайно в некоторых современных славянских языках значение «мир, земля» сохранили непроизводные слова с корнем свет (например, словен. svet, чеш. svět), а дериваты с суффиксом -л- (например, укр. світло; блр. святло; болг. светлина; с.-хорв. свѣтлоет, свѣтло; словен. svetlova; чеш. svetlo; словац. svetlo; польск. światło ; в.- и н.-луж. swětło) имеют значение «блеск, наличие лучистой энергии, позволяющей видеть». С обоими значениями непроизводное свет функционирует только в русском языке (ЧЭС).

Вслед за представителями когнитивной лингвистики (А.Н. Барановым, Н.Н. Болдыревым, Д.О. Добровольским), постулирующими, что омонимия и полисемия для слова несущественны, так как за словом стоит единая континуальная сущность, мы рассматриваем весь массив значений имени концепта СВЕТ (включая и семемы слова-омонима), как компоненты единого концепта. При этом мы исходим из предположения, что омонимичные лексеммы репрезентируют общий глубинный концепт, отражающий совокупность всех знаний о явлении действительности в сознании языкового сообщества.

Этимология вскрывает не только формальные связи лексемы свет с другими лексемами (сходство их звуковых оболочек, что с большой вероятностью может свидетельствовать о соотносительности в сознании древнего человека и тех понятий, которые представлены этими лексемами), но и связи смысловые (близость концептов, выраженных разными языковыми средствами).

Ученые этимологически связывают понятия «свет» и «зрение». Об этом свидетельствуют многочисленные параллели древнеродственных слов: готское sauil, литовское saule «солнце» — древнеирландское súil «глаз»; литовское merkti «мигать, моргать, смежить глаза» – славянские меркнуть, смеркаться (Степанов 1971, с.137). А.Н. Афанасьев отмечает, что «стихия света и глаза, как орудия зрения, в древнейшем языке обозначались тождественными названиями: зреть, взор, зоркий, зорить «присматриваться, наблюдать», зырить «зорко смотреть», зарница «отдаленная молния», зарево «отражение пламени», зорко (вятск.) «ясно», зазорить «зажечь, засветить свечу» (Афанасьев 1988, с.140–142).

В народных представлениях тесно увязывались друг с другом концепты СВЕТ и СВЯТОСТЬ. А.Н. Афанасьев писал об их «филологической тождественности»: «по древнейшему убеждению,

святой есть светлый, белый; ибо самая стихия света есть божество, не терпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле – греховного. Понятие светлого, благого, божества и святости неразлучны, и последнее – прямой вывод из первого...» (Афанасьев 1988, с.126; об этой взаимосвязи см. также: ППЭС, 1912; Шкуркина 2001, с.167–173). Впоследствии связь понятий «света» и «святости» стала неразрывно связываться с христианской религией. В былинах прилагательные «светорусская» и «святорусская» употребляются как синонимы. А.Л. Топорков (Славянская мифология 1995) подчеркивает, что «народом было усвоено и развито библейское учение о божественном происхождении света и его отделении от тьмы как божественном деянии (Бытие, I, 1–4). Согласно «Стиху о Голубиной книге» небесные тела имеют светоносную природу: «У нас белый свет зачался от лица Божьего...». Сверхъестественным происхождением солнечного света обусловлен и его ослепительный характер, непереносимость для человеческого глаза. По украинским поверьям, только праведник может смотреть на солнце и видеть, как оно «играет, переливается разными цветами» (Славянская мифология 1995, с.350). Отсюда выражение «свет божий». Русские люди клялись светом божьим: «Чтоб мне света божьего не взвидеть». Солнечный свет, по народным представлениям, «изливается на человека как Божья благодать и отвращает нечистую силу» (Афанасьев 1994, с.230–231), а светоносность рассматривается как проявление истинности, праведности и святости (ср. нимб в иконописи). Эта связь подтверждается и этимологическими данными (рус. святой, укр. святий, блр. святы, болг. свет, сербохорв. свет, словен. svêt, польск. święty).

В.М. Мокиенко (1999, с.217–218) подчеркивает этимологическую соотносительность понятий «свет», «солнце» и «хороший», подтверждая это семантическими параллелями из разных языков: польское *światny* – «великолепный, прекрасный, отличный» – прямо производное от *świat*, значащего сейчас «мир, вселенная», а первоначально имевшего значение «свет»; чешское слово *skvely* «отличный» точно так же восходит к древнему *sveteti* – «светить». Он объясняет это фонетической связью имени бога солнца Хорса и слова *хороший* (Мокиенко 1999, с. 218).

Таким образом, в этимологических истоках слова *свет* представлены в синтезе семантические компоненты «блеск», «день», «зрение», «цвет», «мир», «хороший», «святость», обусловившие в дальнейшем его полисемию, которую мы наблюдаем у этого слова в исторических и современных толковых словарях, и обес-

печившие направления семантического насыщения соответствующего концепта в процессе развития и функционирования языка.

Первичное значение слова *свет* – «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению», проходящее как основное во всех исследуемых нами исторических и современных толковых словарях, соотносится с этимологическим синонимом «блеск». В процессе развития основное значение порождает три семемы: «освещение», «источник освещения», «место, откуда исходит освещение».

К этимологическому компоненту «день» восходит семема, которая по-разному интерпретируется в словарях: обобщенно – как «освещение, характерное для какой-либо части суток» (МАС) и конкретизированно – как «рассвет, восход солнца» (БАС).

Семантический компонент этимологического гнезда «зрение» лежит в основе лексико-семантического варианта «зрение, возможность видеть», который встречается только в исторических словарях, что позволяет говорить о его архаизации.

Семантическая связь слова *свет* с этимологически соотносимой лексемой *цвет* прослеживается слабо. Сема «цвет» эксплицируется в толковании омонима *свет*₃ в «Словаре XI-XVII веков». Определенную связь с понятием «цвет» обнаруживает значение: «светлое место, светлое пятно в картине, блик в отличие от тени» (с пометой *слец.*) у лексемы *свет*, представленное в современных словарях.

Этимологический компонент «мир» дал жизнь нескольким лексико-семантическим вариантам, отмечаемым в исторических словарях, а впоследствии и соответствующему омониму. В процессе развития этого компонента в семантике слова *свет* происходит переход от общего к частному: от глобального понимания – значение «земля» (*ходить по свету*) – через значение «окружающие люди, общество» (*весь свет рад солнцу*) к более конкретному – семема «ограниченный круг людей» (*принят в свете*).

Этимологический компонент «хороший» мог послужить отправной точкой для развития у слова *свет* трех значений – «ласкательное, приветливое именование уважаемого человека», которое прослеживается во всех известных толковых словарях; «сияние, блеск глаз, внутренняя озаренность глаз, лица под влиянием к.-л. чувства» и перен. «символ истины, разума, просвещения или радости, счастья».

Этимологический компонент «святость» отразился в одноименном лексико-семантическом варианте лексемы *свет* только в исторических словарях. Можно предположить, что с проникно-

вением христианства на славянскую почву данная семема стала восприниматься в неразрывной связи с этой религией.

В семантической структуре слова *свет*, представленной в современных толковых словарях, присутствует сема «просвещение, знание», входящая в состав значения «символ истины, разума, просвещения или радости, счастья». Эта сема не выявлена нами среди понятий, этимологически связанных с исследуемой лексемой. Ее появление можно связать с периодом расцвета Евангельского учения (ср.: зафиксированные в СЦСРЯ значения – «проповедник Евангельской истины», «просветитель, просвещающий духовным светом, сын Божий», «Евангельское учение и все, что просвещает разум человека»).

Семантический анализ дериватов слова *свет*, зафиксированных в исторических и современных словарях, позволил выявить наиболее значимые для соответствующего концепта семантические участки: 1) «лучистая энергия» (*отсвет, светить, просвет*), 2) «время суток» (*рассвет, светает, засветло*), 3) «цвет» (*светлобородый, светло-русый*), 4) «зрение» (устар. *светлость*), 5) «мир» (*кругосветный, светский, всесветный*), 6) «эмоциональное состояние» (*светиться* «радоваться», *светлая* «счастливая»), 7) «оценка» (*пресветлейший, светоносный, мой свет*), 8) «познание, знание» (*просвещать, освещать, просветление*). Сопоставление значений дериватов разных временных пластов дает возможность определить, КАК именно словообразовательное пространство реагирует на процесс семантического развития мотивирующей леммы. Например, с архаизацией семем «зрение» и «святость» слова *свет* выходят из употребления и соответствующие дериваты, в частности такие, как *светило* перен. «о глазе», *светлый* «видящий ясно, отчетливо» и *светлице* «святотерпение», *световидение* перен. «святость». Такое сопоставление помогает выявить важные для конкретного периода развития языка явления, тенденции и ценностные ориентиры. Так, в XVI-XVII вв. доминируют оценочные дериваты с религиозным значением (*светносец* перен. «носитель духовного света, света просвещения»), в то время как в современных словообразовательных и толковых словарях преобладают однозначные номинации, выражающие новые понятия эпохи бурного развития науки и техники (*светофор, светотерапия*).

В фразеологизмах и пословицах свет интерпретируется прежде всего как пространство, наделенное разными свойствами и характеристиками, довольно часто противоречивыми. Это пространство может быть представлено как пустое, лишенное каких-либо предметов, ориентиров (*в белый свет* – «в воздух, не по

цели»); как сходящееся в одной точке (*свет клином сошелся* – «кто-нибудь, что-нибудь является единственным»); как не имеющее предела (*в окно всего света не оглянешь; свет не баня, для всех места будет*). Одновременно с этим свет может интерпретироваться как ограниченное пространство (место), где реально живет человек. С этого пространства человека можно сгонять, создавая невыносимые условия для жизни (*знать со света, сгонять со света, выживать со света, сводить со света* – «создавать невыносимые условия»), это место можно добровольно оставить по истечении срока жизни (*оставить свет, покинуть свет* – «умереть»). На мир реальный часто указывает местоимение ближнего дейксиса *этот* (*этот свет*). Но свет может восприниматься и как иное измерение жизни человека, иное пространство, то, где находится только дух человека, – загробный мир. На него указывает местоимение дальнего дейксиса *тот* (*тот свет, отойти на тот свет* и т.д.). *Тот свет* выступает как вечность (*отойти на тот свет* – то же самое, что отойти в вечность), и в этом проявляется связь временной и пространственной характеристик СВЕТА. Кроме того, *тот свет* связывается со смертью человека. Здесь обнаруживается взаимосвязь СВЕТА и ТЬМЫ («смерть» – компонент семантического пространства концепта ТЬМА). В фразеологических единицах представлено довольно простое, обывательское отношение людей к жизни и смерти. Это два пространства, два места, расположенных по вертикали и находящихся недалеко друг от друга, так что из *этого света* можно смотреть на *тот свет* (*смотреть вон из света* – «смотреть в гроб, доживать последние дни жизни»). На *тот свет* переселяются, как в другую квартиру (*переселяться на тот свет*), отправляют кого-либо, как в другой город (*отправлять кого-либо на тот свет*), с того света даже можно выйти, как из любого другого помещения (*выходец с того света*).

Для *этого света* важна идея горизонтальности. Но, будучи горизонтально ограниченным, он может иметь самую разную протяженность: может быть бесконечным (*ходить, скитаться по белу свету* – «повсюду, везде»), а может иметь какой-то очень отдаленный предел (*на край света, на краю света* – «очень далеко»). В устойчивых выражениях *все на свете, никто на свете, ни за что на свете, ни из чего на свете* свет мыслится как ограниченное горизонтальное пространство, выступающее в роли некоего абсолюта: идея горизонтальности передается предположно-падежной сочетаемостью (*на свете* – ср.: *на столе, на полу* и т.п.), а идея абсолюта предопределяет у леммы *свет* функцию интенсификатора (*все на свете* – «абсолютно все»).

В пространственной семантике СВЕТА подчеркивается и факт присутствия людей. В фразеологизмах *на весь свет* и *весь свет* свет осмысливается как бесконечное пространство, густонаселенное людьми. С другой стороны, свет как пространство, где находятся люди, может быть в разной мере ограниченным. Степень этой ограниченности предопределяется семантикой приставочных глаголов, входящих в состав фразеологизма. В словосочетаниях *вывозить в свет*, *выезжать в свет*, *выходить в свет* («посещать балы, вечера в светском обществе») ощущается переход из узкого пространства в более широкое. Попадая туда из своего маленького мира (дома, семьи), человек может пообщаться, узнать что-то новое, расширить свой кругозор, показать себя. Во фразах *входить в свет*, *войти в свет* («делаться равноправным членом высшего общества») наблюдается сужение пространства; здесь свет – это ограниченное пространство, ограниченный круг людей, где свои законы, правила и куда не всякий может быть допущен (*Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решает часто судьбу целой жизни*. Фонвизин).

Свет во фразеологической интерпретации может персонифицироваться – ему могут быть присущи человеческие качества: он может видеть, знать, производить, стоять (*свет не видывал*, *свет не знал*, *каких свет не производил*, *свет стоит*, *на чем свет стоит*). Явление персонификации восходит к языческим верованиям древних людей – отождествлению явлений природы и богов (см. об этом: Афанасьев 1988), оно лежит в основе образного языка предков и находит отражение в современном русском языке. В выражениях *свет стоит*, *на чем свет стоит* проявляются древние (языческие) представления людей о том, что земля (свет) держится на трех китах (в разных культурах количество и вид животного варьировались). Отсюда и значение фразеологизма – «все основано, держится на ком-либо, чем-либо, является основой, не может существовать без кого-либо или чего-либо». В устойчивом словосочетании *на чем свет стоит* «доходя до самого основания, очень сильно» сема «основание» также присутствует (история развития этого фразеологизма представлена в: Мокиенко 1999, с.284-299).

Пространственная семантика в фразеологизмах и пословицах взаимодействует и с эмоционально-оценочной, при этом СВЕТ мыслится как бескрайнее чистое, светлое пространство, очень нужное человеку для нормальной, полноценной жизни. Любое покушение на него воспринимается негативно. Так, неприемлемо загрязнение этого чистого пространства (*коптит свет* – «жить бесцельно, не принося пользы»). Сужение этого пространства не

дает человеку возможности нормально жить (*свет в рогожку покажется, свет с овчинку покажется* – «кому-либо станет невыносимо тяжело, плохо»). Если же такое важное условие для жизни человека не приносит радости и не является необходимым, то это свидетельствует о подавленности и об угнетенном состоянии субъекта (*невзвидеть света божьего, на свет божий не глядел бы, свету белому не рад; дружбы нет – не мил и белый свет; не мил и свет, когда милого нет*).

Пространственная семантика связывает другие сферы содержания концепта СВЕТ, в частности гносеологическую, в которой СВЕТ является воплощением ясности, точности, искренности, знаний и т.п. В устойчивом словосочетании *вытаскивать* (*выплывать, всплывать, выходить, выступать, выводить*) на свет буквальное значение фразеологизма вскрывает локальную характеристику концепта «пространство, где все видно»; а значение «вскрывать, разоблачать» основывается на ассоциативном семантическом компоненте «где ничего невозможно скрыть». Буквальное значение фразеологизма *пролить (бросить) свет на что-то* свидетельствует о том, что свет – это некая субстанция, позволяющая видеть (визуальный аспект); образная семантика этого фразеологизма расширяет объем представления о свете: как о световом спектре, дающем возможность видеть, а значит и познавать, понимать что-то (гносеологическая сфера).

При определении ассоциативного поля концепта СВЕТ использовались данные ассоциативного словаря (РАС 1994-1998). Многообразие представлений о свете, присутствующих в сознании человека и обнаруживающихся в различных ассоциативных реакциях на имя концепта *свет*, а также на его синонимы и дериваты, упорядочивается в несколько семантических участков:

«разновидности света» — *блеск, отражение, освещение; «формы света»* — *луч, круг, конус, полоса, шар, овал; «характер проявления света»* — *энергия, вспышка, поток; «источник света»* — *фотон* (научные представления), *солнце, звезда, луна, месяц, молния, гроза, заря* (наивные представления о естественных источниках света), *лампа, прожектор, свеча, фонарь, экран, светофор, маяк, лампада, люстра, торшер, машина* (наивные представления об искусственных источниках света);

«характеристика света» в различных аспектах: по степени интенсивности свечения (освещения) – *яркий, насыщенный, слабый, тусклый*; по ширине – *тонкий, узкий*; по объему – *полный, глубокий*; по температуре – *горячий, теплый, холодный*; по степени прозрачности – *ясный, прозрачный, чистый, неясный, непроглядный, мутный*; по степени ординарно-

сти/неординарности – *необыкновенный, неземной, будничной*; по качествам – *напористый, неприступный, непролазный, ломкий, угрюмый, робкий*; по назначению – *лечебный*; по характеру свечения – *одинаковый, ровный, постоянный, различный, неожиданный*; по степени отдаленности – *дальний, далекий, поближе, ближний*; по субъективности восприятия – *золотистый, лучистый, мягкий, зеркальный, приятный, чудесный, плохой, резкий, наихудший, противный, нестерпимый, несусветный*; по временным характеристикам – *начинаться, появляться, завершающий, конец, вечный*;

«зрительное восприятие» — *зрение, глаз, видеть, наблюдать, не вижу, ослепительный*;

«цвет» — *цвет, белый, зеленый, желтый, голубой, малиновый, оранжевый, красный, розовый, черный*;

«время» — *рассвет, утро, полдень, день, вечер, сумерки, день, ночь* (части суток); *весна, вешний, весенний, май, лето, осень* (времена года; привлекает внимание отсутствие ассоциации *зима*); *детство, юность, молодость* (ранние этапы жизни человека); *час, период, пора* (разномасштабные временные единицы); *былое, уже* (прошлое); *всегда, вечность, вечный* (вечное);

«пространство, где светло»: как достаточно ограниченное — *помещение, комната, дом, кабинет, класс, кинотеатр, зал*; как более широкое — *город, в городе, проспект, на улице, за окном, на дворе*; как предельно широкое — *всюду, везде, вокруг, кругом*; как далекое по отношению к субъекту — *вдали, даль*; как природное — *горизонт, край, небо, небосвод*; как ассоциируемое с прецедентными текстами, в которых СВЕТ выступает как символ надежды и оптимизма, — *в горнице* (стихотворение Заболоцкого «В горнице моей светло»), *тоннель, в конце тоннеля* (название книги «Свет в конце тоннеля»), *в темном царстве* (статья Н.Добролюбова «Луч света в темном царстве»), *в окне* (фразеологизм *свет в окне*);

«свет как пространство» — светлое пространство может быть *просторным, большим, небольшим, ближним, быть общим, нашим*, может делиться на *части*, вызывать положительные или отрицательные ассоциации с соответствующими фразеологическими сочетаниями – *новый (новый свет), белый (белый свет), высший (высший свет), буржуазный (буржуазный свет), появиться (появиться на свет), выходить (выходить в свет), пойти (пойти в свет), тот (тот свет)*;

«положительные эмоции» — *чудесный, праздничный, милый, радостный, счастливый, приятный, улыбаться, смеяться, любить, шутить*;

«оптимизм» — *надежда, надеяться, будущее, будет, впереди, виднеется, мечтать, на лучшее, светлое, путь;*

«положительная оценка» — в ассоциациях отражается материальный или духовный объект, представляющий особую ценность для человека: *хорошо, лучший* (общая положительная оценка); *о доме, мама, дочь, ребенок, ребяенок* (семья как ценность), *хлеб* (главный продукт как ценность); *добро, добрый, совесть, духовный, возвышенный, душа, людям, личность, сердце, намерение* (нравственные ценности); *талант, мастер, идея, решение* (талант, мышление как ценности); *слово, русский язык, речь, чтение, беседа* (язык, слово как ценность); *женщина, мать, девушка, девочка, 8 Марта* (женщина как ценность); *мир, мирный* (мир как ценность); *жизнь, жизненный* (жизнь как ценность); *права человека, в обществе, стран, США, колхоз, экономика, социализм, коммунизм* (различные идеологические ценности);

«познание, разум» — *разум, ум, мысль, умнейший, разумный, ученье, знания, истина, учиться, учительница, наука, культура, чтение, познание, думать, голова, лоб;*

«религия» — *божий, ангел, от Бога, религия, лик, Иисус, рай, Богородица, вера, Бог;*

«отрицательная оценка» — *в глаза, мучения, режет, война, увечье, жестокий;* в ассоциациях *вышка, синяк, фингал, фонарь под глазом* отражается жаргонное употребление глаголов *светит, светится;*

«отрицательные эмоции» — *тяжело, хреново, гнев, страдания;*

«противоположные явления» — *тьма, темнота, мгла, мрак, темень, темь, полумрак, мрачный.*

Таким образом, концептуальный анализ структурно разнообразного материала когнитивного поля СВЕТА позволяет вскрыть логику постижения человеческого сознанием того референта действительности, на котором базируется рассматриваемый концепт. Базовый слой концепта составляет наглядно-чувственный (эмпирический) уровень, который включает в себя семантические участки «блеск», «источник света», «рассвет», «возможность видеть», «цвет», «мир» и некоторые другие. Эмпирическое познание света обуславливает собой определенное эмоционально-оценочное отношение к нему. Эмоционально-оценочный уровень концепта вбирает в себя семантические участки «эмоциональное состояние», «положительная оценка», «отрицательная оценка» и др. Особый слой семантического пространства концепта представляет гносеологический уровень, включающий семантический участок «познание».

Концепт ТЬМА. Слово *тьма* произошло из общеславянского языка: о.-с. **тъта* из и.-е. корня **tem(э)-* (**tm-*). В славянских языках оно в основном имеет значение «полное отсутствие какого-либо света, освещения; мрак» (ПЭС, ШЭС, ЧЭС): укр. *тьма* (*пiтьма*), блр. *цeмpa, процьма*, болг. *тъма*, с.-хорв. книжн. *тмă, тмiна, тмiца, тмiша*, словен. *tema*, чеш. *tma, temnota*, словац. *tma, temnota* и т.д.

В словарях русского языка и некоторых других славянских языков у слова *тьма* отмечается омонимичное значение – «множество, десять тысяч» (укр. *тьма*, блр. *цьма*, словен. *тэма* «множество», др.-польск. *ста* – «десять тысяч»), которое считается (см.: ФЭС, ЦЭС) калькой тюркского *tūtan* «десять тысяч» (на славянской почве гласный *ū* после полумягкого *t* дал *ь*). Однако, как и в случае с омонимичными значениями слова *свет*, нам представляется оправданным рассмотрение всех полисемичных и омонимичных значений слова *тьма* как единого когнитивного пространства, единого концепта. Как нам кажется, переход слова *tūtan* в лексему *тьма* произошел в первую очередь потому, что значение «десять тысяч, множество» у этого слова не противоречило русскому языковому сознанию, которое воспринимало идущее десяти тысячное войско как темную тучу. Это подтверждает и Г.П. Цыганенко, отмечая, что у славян слово *тьма* со значением «десять тысяч, множество» сближено с существительным *тьма* со значением «мрак»: «великое множество» > «неисчислимое, темное множество» (ЦЭС). К тому же в Этимологическом словаре Фасмера есть указание на то, что и в тюркских языках (откуда считается заимствованным омоним²) это слово тоже имеет, кроме значения «множество», значение «мгла».

По мнению ученых, понятие тьмы связано с отсутствием зрения, что подтверждается этимологическим анализом и диалектным материалом; ср.: **тъта* и перс. *tām* – «болезнь глаз» (ЧЭС), *темнота* и диал. *темный* – «слепой», *отемнять* – «слепнуть», *туман* и диал. *тумата* – «слепота» (Афанасьев 1988, с.140–187).

Существует предположение и об этимологической соотнесенности слов *мрак* (*морок*) и *мразь, мерзкий*, диал. *мрась* «негодяй», что подтверждает наличие уже в истоках концепта ТЬМА отрицательного коннотативного смысла. В языке находит отражение представление о «царстве тьмы» как о загробном мире, противопоставленном «белому свету», характерное, как отмечает Н.И. Толстой, для всех славян (СлД, с.152): ср. **mor* – «смерть», санскр. *mṛi* и **mork* (*мрак*); *Мо(а)рана* или *Мо(а)рена* – богиня смерти, зимы и ночи (Афанасьев 1988, с.129), *сумерки* и *уме-*

реть, смерть; мрак (морок) и мор, умерить, диал. поморщина – «большая смертность».

Таким образом, анализ этимологических значений лексемы *тьма* и его парасемантов дает возможность выделить семантические компоненты «мрак», «сумерки», «слепота», «плохо», «смерть» «множество», «десять тысяч», на которые изначально базируется зарождающийся концепт ТЬМА.

В исторических словарях из названных этимологических компонентов в первую очередь актуализируется компонент «мрак», давший жизнь основному значению лексемы *тьма* «отсутствие света, темнота», представленному во всех словарях. Это значение, не претерпев значительных модификаций в исторических словарях, приобретает, по данным БАС, несколько семантических оттенков, среди которых выделяются семемы «о неосвещенном, темном месте, пространстве», «о состоянии слепоты, невозможности видеть», «неизвестность» и «о чем-либо находящемся вне нашего сознания» (последние два оттенка значения обнаруживают ассоциативную связь с потенциальной семой «скрыть, спрятать» основного значения слова *тьма*, конкретизируя это значение в первом случае – как сокрытие от познания обществом, во втором случае – как сокрытие от сознания). Семантический компонент «смерть» этимологического гнезда *тьмы* не создает самостоятельного ЛСВ, но тем не менее сохраняется в «памяти» слова, реализуясь в метафорических употреблениях, приведенных в качестве примеров в «Словаре древнерусского языка» (ср.: *Не сверше нь и сквернень, въ адъ съшѣ, въ тмь и исхнеть*. Георг.Ам.(Увар.)л.52.) и в иллюстративных примерах в БАС (ср.: *смертная, предсмертная тьма*).

Этимологические компоненты «множество» и «десять тысяч» лежат в основе формирования современной семантической структуры слова *тьмы*₂, квалифицируемого в современных словарях в качестве омонима. Одноименные семемы прослеживаются без изменений во всех рассмотренных нами толковых словарях.

Значение «невежественность, культурная отсталость» не выделено среди компонентов этимологического гнезда слова *тьма*. Впервые оно отмечается в образных выражениях: *тьма невеждения, ум его тьмою омрачен*, приведенных в СДЯ, и получает статус самостоятельной семемы в СД.

Словообразовательное гнездо слова *тьма* содержит семантические подгнезда с общими семантическими компонентами: «отсутствие света» (*темнота, тьма, темень*), «сумерки» (*темнеть, темно, затемно* «о наступлении вечерних сумерек»),

«тьень» (устар. *темки* «тьень на картине»), «цвет» (*темнобровый, темнолиций*), «слепота» (*темный* устар. «слепой»), «обморок» (*темнота* перен. «о потере сознания»), «эмоциональное состояние» (*темный* «безрадостный»), «оценка» (*темный* перен. «несущий зло»), «скрытый» (*темнить* «скрывать правду»), «много» (*тьма-тьмущая*), «десять тысяч» (*темник* «татарский военачальник, командующий десятитысячным войском»).

Во фразеологизмах и пословицах тьма интерпретируется как воплощение непонимания, неясности (*темный лес, темная вода на облацах, покрыто мраком неизвестности, Божья примета темнотой одета, Чужая душа – потемки*), невежественности, незнания (*темное царство*); необдуманности, рискованности действий вследствие невладения ситуацией (*играть в темную*), непостижимого множества (*чертова тьма, тьма тьмущая*).

В рамках ассоциативного поля концепта ТЬМА выделяется несколько семантических участков, большинство из которых обнаруживает антонимические связи с семантическими участками ассоциативного поля концепта СВЕТ:

«разновидности тьмы»: *темнота, темень, мрак, сумрак, мгла, тень, туман, полное отсутствие освещения*;

«характеристика тьмы»: *беспросветная, непросветная, крошечная, тьмущая, полная, полнейший (мрак), египетская, абсолютная, непролазная, сгусток непроницаемости, густая, сплошной (мрак)*;

«отсутствие возможности что-то видеть»: *непроглядная, без глаз, хоть глаз выколи, невидимость, неприятное ощущение для глаз, ничего не видно, слепота, а также исчезать, скрыть*;

«цвет» (реализуется в мрачных тонах): *черный, серость, чернота, черный цвет*;

«время» как ночное время суток: *ночь, сумерки, всю ночь, покров ночи, темна украинская ночь, но сало надо перепрягать*; как вечность: *вечный, вечность, бесконечная*; как состояние в различных временных фазах: *наступила, конец*;

«темное пространство» — ввиду его ограниченности: *мешок, чердак, чулан, подвал, тоннель, коридор, подземная, сценическая, тюрьма, в доме, подъезд, закоулок*; ввиду отсутствия солнца: *небесная, Джомолунгма, в лесу, снаружи, впереди, кругом, везде, всюду, вокруг*;

«тьма как пространство»: *бездна, пропасть, пустота*;

«религия»: *ад, в аду*;

«противоположные явления»: *свет, просвет, солнце, огонек, рассвет, блеск, отражение, свет, свеча, звезды, костер, луч*;

«дискомфортное эмоциональное состояние»: *страх, жуть, кошмар, устрашение, жуть, жуткий, ужасный, бояться, в душе, разочарование, страшная, одиночество, опасность.*

«дьявольская сила»: *бес, повелитель (тьмы), князь (тьмы), фея (тьмы);*

«обитатели тьмы» — бытовые: *таракан, крыса*; созданные воображением человека: *ведьма, бес крошечный, а также мистика*;
«смерть»: *смерть, гроб, могила, кладбище, Апокалипсис, смертный;*

«преступные действия и противодействие им»: *насилие, ЧП, красть, тюрьма, решетка; бороться, смелость;*

«отрицательные эмоции и состояния»: *неразбериха, тяжесть, одиночество, бедность, безделье;*

«положительные эмоции и состояния»: *покой и тишина, тишина, тепло, великолепно, весело, хорошее время, друг, друг молодежи, это хорошо;*

«отрицательная оценка»; в ассоциациях отражаются явления, вызывающие негативную оценку: *мразь, зла, злость (общая оценка); СССР, коммунизм, 1917 год, тоталитаризм, наша жизнь (идеология); химия, школа, МГУ, экономика, в учебе, учеба, курсовая, интеграл, русский язык (учение);*

«невозможность познать, понять, неизвестность»: *непонятно, дебри, таинственный, неизвестность, тьма познания, муть, ничего не понятно, неуч;*

«непостижимое множество»: *друзей, много, народу, неучей, денег, разбойников, времени, очень много, сокровищ.*

Таким образом, когнитивный анализ семантического поля ТЬМЫ на базе разного материала позволяет вскрыть логику постижения человеческим сознанием референта действительности, лежащего в основе этого поля, и выявить послойное строение концепта. Базовый слой концепта составляет наглядно-чувственный (эмпирический) уровень, который включает в себя следующие семантические участки: «отсутствие света», «отсутствие возможности видеть», «цвет» и др. На эмпирический уровень наслаивается эмоционально-оценочный уровень, содержащий семантические участки «отрицательные эмоции», «отрицательная оценка», «смерть» и др. Самым тонким слоем семантического пространства концепта является гносеологический уровень, который нарастает на эмоционально-оценочный уровень, вбирающий в себя семантические участки «неизвестность», «невозможность познать, понять», «невозможность подсчитать».

Взаимодействие концептов СВЕТ и ТЬМА. В результате анализа когнитивных структур СВЕТА и ТЬМЫ нами были выде-

лены устойчивые семантические зоны, т.е. более крупные содержательные образования, включающие в себя совокупности содержательно сходных семантических участков:

возможность / невозможность физически и чувственно воспринимать мир (например, «разновидности света», «возможность видеть», «цвет», «характеристика тьмы»);

эмоциональное состояние, вызванное светом / тьмой (например, «положительные эмоции», «явления, объекты, свойственные тьме, рождающие отрицательные эмоции»);

оценочная характеристика явления (например, «положительная оценка», «отрицательная оценка»);

возможность / невозможность мысленно постичь что-либо (например, «возможность познания», «невозможность подсчитать»).

Выявленные зоны СВЕТА и ТЬМЫ симметрично совпали, что свидетельствует о единой природе данных концептов и об общих закономерностях их развития.

Анализ функционирования языковых репрезентантов СВЕТА и ТЬМЫ в текстах разных жанров (научных, художественных и публицистических) и временных срезов (от начала XIX-го до начала XXI веков) позволяет разграничить и описать образные и символические составляющие данных концептов.

Свет и тьма, как чувственно воспринимаемые сущности, создают в сознание человека и, соответственно, в языке **образы** – некие зримые картинки, призванные раскрыть разные признаки этих явлений. При образном их осмыслении важную роль играют другие предметы действительности, типичные свойства которых человек приписывает свету и тьме. Исследование представлений об изучаемых явлениях в индивидуальном и коллективном языковом сознании на материале текстов разных жанров позволило выявить похожие, но вместе с тем во многом разные образные смыслы, обогащающие содержание концептов СВЕТА и ТЬМА. Представим наиболее выразительные из них, иллюстрируя их текстовыми фрагментами (словосочетаниями, простыми предложениями) (подробнее, на большом текстовом материале образные смыслы рассматриваются в работе: Григорьева 2004).

Свет образно интерпретируется как жидкость, обладающая признаком текучести (*Яркий, блестящий, радостный свет лился потоками из ее преобразившегося лица* (Л. Толстой); *Кто-то тайным, тихим светом напоил мои глаза* (С. Есенин); *Ущербная луна струит холодный свет* (А. Городницкий)); как воздух, которым можно дышать (*Дивным светом ночь дышала*), который не имеет веса (*невесомый свет, легкий свет*); как сила, преодоле-

вающая препятствия (*И если дух людской пронизан светом, что шлет ему небесная звезда* (К Бальмонт); *Ни один луч света не мог пробиться через толщу земли* (А. Волков)); как инструмент (*Я хочу посмотреть украдкой на того ненасытного, что устроил фейерверк, раздвигая светом стены гробницы* (Т. Толстая); *Нужно зажечь свечу, «очищая огнем и светом» каждый уголок, каждый закоулок... непрерывно читать молитву* (Тайны здоровья, 2000)); как предмет, который способен двигаться (*Доктор физико-математических наук Михаил Лукин вместе с коллегой... сумели не только остановить луч света, но и вновь «запустить» его с помощью другого луча...*(МН, февраль, 2001)); как близкое, любящее, нуждающееся в ком-либо существо (*У осеннего месяца тоже Свет ласкающий, тихий такой* (С. Есенин); *Синий вечер. Ветры кротко стихли, Яркий свет зовет меня домой* (А. Ахматова)).

Тьма образно воспринимается как жидкость, обладающая непроницаемостью, способностью поглощать (*Кто-то сгиб, кто-то канул во тьму* (С. Есенин); *утонуть во тьме; тьма поглотила* (Слово и грамматические законы языка... 1989); *Все лондонское метро погрузилось в зловещую темноту* (КП, 2003)); как пропасть, скрывающая все (*провалиться во тьму, упасть в темноту* (Слово и грамматические законы языка... 1989); *Мы рухнули в бархатную тьму ночи* (Ю.Нагибин)); как преграда, мешающая свободно действовать (*Уже три дня и три ночи пробились сквозь тьму* (С. Есенин); *Когда начинается речь, что пропала духовность, Что людям отныне дорога сквозь темень лежит...*(Б. Окуджава)); как враждебное, хищное животное, несущее опасность (*Клещи рассвета в небесах Из пасти темноты Выдергивают звезды, словно зубы* (С.Есенин). *Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать* (С. Есенин)); как человек, обладающий властью (*властная тьма*); как укрытие, защищающее от недругов и любопытных глаз (*Тьмою здесь все занавешено И тишина, как на дне...* (Б. Окуджава); *Как площади эти обширны, Как гулки и круты мосты! Тяжелый, беззвездный и мирный Над нами покров темноты* (А. Ахматова)).

Будучи универсально важными для языкового коллектива концептами, СВЕТ и ТЬМА не только содержат в себе образные компоненты, но и выступают носителями глубокого **символического** смысла, возвышая эти образы до символов и перенося их в разные важные сферы жизни человека. Становясь символами, СВЕТ и ТЬМА не отражают признаков каких-либо конкретных реалий, а сами помогают в интерпретации других, на сей раз – умопостижимых явлений. Поэтому мы можем говорить о СВЕТЕ и ТЬМЕ как

о символах радости и горя, надежды и безнадёжности, знания и незнания и т.п.

Именно благодаря символической насыщенности концепты СВЕТ и ТЬМА составляют культурно значимую аксиологическую метафорическую оппозицию, которая лежит в основе интерпретации разных сфер жизнедеятельности человека. В работе выделено и охарактеризовано шесть таких сфер:

1) **эмоциональная**: СВЕТ – символ радости, счастья, любви, надежды, ожидания и т.п. (*Ее лицо озарилось от радости, радость осветила ее лицо. И вдруг лицо мальчика освещает луч надежды* (В. Мокиенко)); ТЬМА – символ печали, грусти, горя, несчастья, безнадёжности (*Иван Федорович потемнел лицом* (В. Дудинцев); *Он почернел от горя*);

2) **гносеологическая**: СВЕТ – символ знания, истины, просвещения, учения, понятности, ясности, ума, образования, известности (*Чтобы дать ученику искорку знания, учителю надо впитать целое море света* (В. Сухомлинский); «Огонек» – *естественное освещение жизни* (реклама журнала); *Убийственная мысль как молния озарила ум бедного горбача...* (М Лермонтов); *в светлой зоне его сознания...* (Л. Чернейко)); ТЬМА – символ незнания, непонимания, невежества, необразованности, неясности, таинственности, необозримости, неизвестности (*Во тьму филологии влязьте* (В. Маяковский), *Когда из мрака заблужденья Горячим словом убежденья Я душу падшую извлек* (Н. Некрасов), *темные места произведения*);

3) **этическая**: СВЕТ – символ добра, нравственности, порядочности (*при свете совести* (Н. Минский); *Мы живем в непростую эпоху, когда люди, на каждом шагу сталкивающиеся с чернухой в жизни, всей душой стремятся к чему-то светлomu, добромu* (Республика Башкортостан, 2002)); ТЬМА – символ зла, безнравственности, подлости (*Когда начинается речь, что пропала духовность, Что людям отныне дорога сквозь темень лежит...* (Б. Окуджава); *темные дела*);

4) **религиозная**: СВЕТ – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры (*божественный свет*); ТЬМА – символ темных, дьявольских сил, неверия (*слуга тьмы*);

5) **онтологическая** (бытийная): СВЕТ – символ рождения, жизни, возрождения, начала (*искорки жизни*); ТЬМА – символ умирания, смерти, конца (*И душа отлетает во тьму*);

6) **эстетическая**: СВЕТ – символ прекрасного (*Лицо человеческое представляется светлым, то есть прекрасным*); ТЬМА – символ безобразного (*мрачная, безобразная одежда*).

Можно предположить, что рассмотренные символические смыслы концептов СВЕТ и ТЬМА, лежащие в основе аксиологической метафорической диады, носят универсальный характер. Они свойственны не только русскому языковому сознанию, но и многим другим, например английскому (Скворцов 1991; Воеводская 1999), татарскому (Гайсина, Григорьева 2000).

Таким образом, концепты СВЕТ и ТЬМА имеют многослойное строение. Языковой и речевой материал позволяет выделить следующие слои, которые вскрывают логику постижения данных концептов человеком: эмпирический – гносеологический – эмоциональный – оценочный.

Эмпирический аспект рассмотрения исследуемых концептов – это первый этап столкновения человека со светом и тьмой, при котором осмысливаются физические свойства явлений: свет позволяет видеть, а тьма скрывает мир от зрительного восприятия. Гносеологический аспект вытекает из предыдущего: свет, открывающий мир для наглядно-чувственного восприятия, способствуя его познанию, обладает гносеологическим эффектом; тьма же, скрывающая мир от зрительного восприятия, изначально лишена такого эффекта. Эмоциональный аспект вытекает из первых двух: свет – это не опасно, так как делает видимым мир и позволяет ориентироваться в нем, – тьма же опасна, она, скрывая мир, мешает ориентироваться в нем и делает его таинственно-страшным. Оценочный аспект логически вытекает из предыдущих: свет – это хорошо, поскольку он, не мешая видеть окружающий мир, делает его неопасным; тьма же – это плохо, поскольку она скрывает мир за своим покровом и делает его опасным. Сказанное можно представить схематично следующим образом:

свет → видно → понятно → не опасно → хорошо,

тьма → не видно → не понятно → опасно → плохо.

Выделенные аспекты абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через переживания, через интуицию) СВЕТА и ТЬМЫ как концептов: от освоения значимости физических свойств явлений света и тьмы для практической деятельности человека – через освоение значимости их физических свойств для эмоционального состояния человека – к освоению значимости их физических свойств для оценочной деятельности человека. Эмпирический материал нивелирует отмеченную схематичность. Выделенные аспекты рассмотрения концептов не предполагают жестких границ, не исключают совмещения и частичного взаимоналожения. Известно, что познание сопровождается эмоциями и связано с рациональными, нравственно-этическими оценками; присутствие эмоций в рационально-

оценочной деятельности мозга также не подвергается сомнению. Язык – это «мостик между образным и рациональным в языке» (Любич 1998, с.258). Выделение названных аспектов необходимо для постижения логики и философии языка на примере анализа отдельного фрагмента языкового материала.

Отмеченная выше логика постижения мира сквозь призму СВЕТА и ТЬМЫ в процессе формирования символических смыслов преобразуется: на первый план по значимости выдвигается оценочный аспект, который распространяется на все символические значения концептов и рождает новые грани символа (этическую, религиозную, онтологическую). Аксиологическая метафорическая диада СВЕТ–ТЬМА отражает важнейшую особенность человеческого сознания – субъективное восприятие явлений действительности с точки зрения их положительных и отрицательных качеств.

Таким образом, СВЕТ и ТЬМУ можно отнести к базовым категориям, с помощью которых осуществляются когнитивные операции по глубинному познанию действительности.

Литература

- Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. – М., 1988.
- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1994. – Т.1.
- Воеводская О.М. Лексико-семантическое поле в лексиконе языка: (на материале поля *свет – тьма* в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1999.
- Воеводская О.М. Концепты света-тьмы в русском и английском языках // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. – Тамбов, 1999.
- Гайсина Р.М. Концепты «свет» и «тьма»: семантические истоки и диалектика развития // Русский язык и культура (изучение и преподавание): Материалы конференции. – М., 2000.
- Гайсина Р.М. Межъязыковая стереотипность образов света и тьмы (на материале русского, башкирского и татарского языков) // «Закон о языках Республики Башкортостан» и проблемы двуязычия: Материалы конференции. – Уфа, 2000.
- Гайсина Р.М. Наивная философия света и тьмы // Культура народов Башкортостана: история и современность: Материалы конференции. – Уфа, 2003.
- Гайсина Р.М., Григорьева Т.В. Сопоставительный анализ образов света и тьмы в русском и татарском языковом сознании // Теория поля в современном языкознании. Часть IV: Материалы заочного научно-теоретического семинара / Изд. Башкирск. ун-та. – Уфа, 2000.

Гайсина Р.М., Григорьева Т.В. Образы света и тьмы в русском языковом сознании // Лингвистический семинар: Межвузовский сб. науч. ст. – СПб.; Бирск, 2001. – Вып. 3.

Гайсина Р.М., Григорьева Т.В. Образы света и тьмы в русском языковом сознании // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – Т. II.

Григорьева Т.В. Ассоциативное поле концепта «Тьма» // Проблемы филологии: Сб. науч. раб. аспирантов, соискателей и молодых ученых / Изд. Башкирск. ун-та. – Уфа, 2001. — Часть I.

Григорьева Т.В. Вехи семантического движения слов *свет* и *тьма* // Исследования по семантике: Межвузовский науч. сб. в честь доктора филологических наук, профессора Л.М.Васильева. / Отв. ред. Р.М. Гайсина. – Уфа, 2001. – Вып. 21.

Григорьева Т.В. «Преддверие» семантического развития слов *свет* и *тьма* // Проблемы филологии: Сб. науч. тр. аспирантов, соискателей молодых ученых. – Уфа, 2003. – Вып. 2.

Григорьева Т.В. Пословичная картина мира СВЕТА и ТЬМЫ // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник: Взгляд ученых Башкортостана разных поколений. – Уфа, 2004. — Вып. 22.

Губенко Е.В. Лексико-семантическое поле цвета и света в лирике Б.Л. Пастернака: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Кеворкова З.Г. Опыт описания словообразовательного гнезда *свет* как лексической микросистемы: Дис. канд. ... филол. наук. – М., 1985.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.

Куликова И.С. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных словосочетаний (на материале световых и цветовых прилагательных в произведениях К.Г.Паустовского и М.М.Пришвина): Дис. канд. ... филол. наук. – Л., 1966..

Любич Д.В. Языковые игры. – СПб., 1998.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб., 1999.

Пелевина Н.Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей: (значения цвета и света): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Л., 1971.

Сергеева Е.В. Особенности семантики лексемы свет в религиозно-философском тексте конца 19 – начала 20 века // Текст как объект многоаспектного исследования. – СПб.; Ставрополь, 1998. – Вып.3. – Ч. 2.

Скворцов О.Г. Происхождение и структурно-семантические особенности поля английских существительных, обозначающих понятия «света» и «темноты»: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1991.

Скворцов О.Г. Идентификация ЛСВ «свет физический» многозначных слов поля «свет-темнота» в контексте // Лингвистические исследования: Эволюция и функционирование языка. Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1993.

Скворцов О.Г. Методы исследования лексических систем. – Екатеринбург, 2001.

- Степанов Ю.С. Семиотика. – М., 1971.
- Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. – М., 1998.
- Чумакова Ю.П. Языковая картина мира и этимология: русские *хороший – плохой* // Человек. Язык. Культура: Тезисы докладов научно-теоретического семинара. Апрель 1996 г. – Уфа, 1996.
- Шкуркина Ю.А. О концептуализации понятия «свет» в русском языковом сознании // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии. – Калининград, 2001.
- Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1979.

Список словарей

- БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л, 1962. – Т. 13.
- МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981. – Т. 3,4.
- ППЭС: Полный православный энциклопедический словарь. – СПб., 1912. – Т.2.
- ПЭС: Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1957.
- РАС: Русский ассоциативный словарь: Ассоциативный тезаурус современного русского языка. – М., 1994–1998.
- САВ: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1972.
- СДЯ: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. — СПб, 1903. – Т. 3.
- СД: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М, 1978. – Т. 3, 4.
- СлД: Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – Т. 1, А – Г.
- СМ: Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995.
- С XI-XVII вв.: Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1996. Вып. 23.
- СЦСРЯ: Словарь церковно-славянского языка. – СПб., 1847. – Т. 4.
- ТСУ: Толковый словарь русского языка / Под ред. Б.М. Волина и Д.Н. Ушакова. – М., 1940.
- ТСС: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М., 1985. – Т. 2.
- ШЭС: Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь. – М., 1975.
- ФЭС: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1987. – Т. 3, 4.
- ЧЭС: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 1984. – Т. 2.
- ЦЭС: Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Изд-е 2-ое. – Киев, 1989.

А.Ф. Гершанова (Стерлитамак)

РАЙ и АД

Концепты "рай" и "ад" относятся к ключевым концептам русской культуры.

Представление рая и ада в сознании носителей русского языка, раскрытие содержания данных концептов, представление их структур, выявление специфики концептов "рай" и "ад" в индивидуально-авторской картине мира предполагает комплексное описание всех языковых средств их объективации его, что и является целью исследования, предпринятого в данной статье.

Когнитивный подход, реализуемый в нашем исследовании, позволяет декодировать "скрытые" механизмы вербализации мыслительных структур в процессе познания; аксиологический подход позволяет интерпретировать концепты "рай" и "ад" как культурно значимые для русского языкового сознания, определяющие выбор пути человека в познании действительности.

В основу исследования положены методика изучения средств репрезентации концепта в языке и текстах с целью выявления их культурологической значимости, разработанная Ю.С. Степановым, а также методика описания структуры концепта З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Использование данных методик в совокупности представляет комплексное изучение концептов, проходящее поэтапно. Первоначально мы проанализировали репрезентации концептов на разных уровнях языковой структуры, что предполагало:

1) соотнесение смыслового содержания с этимонами соответствующих слов;

2) изучение путей семантического развития слов "ад" и "рай" посредством изучения пассивного исторического слоя концептов, а также мифологического и религиозного слоев;

3) исследование новейшего, наиболее актуального и активного слоя концептов посредством анализа данных современных, толковых, фразеологических, синонимических и антонимических словарей, что дало возможность выделить ядро концепта и выявить ментальные модели концептов;

Нами проводился анализ фразеологического и паремического материала, а также семантической сочетаемости ключевых слов с целью выявления интерпретационных признаков концептов. Результаты исследования выявили представления о рае и аде, восходящие к мифическим, а также позволили проследить прагматический слой концептов.

Наконец, нами проводилось исследование функционирования концептов в индивидуальном художественном сознании. Проведенный анализ романа В.В. Набокова "Дар" позволил выявить структуру соответствующих художественных концептов, обнаружить их индивидуальные отличия, а также сделать вывод о расширении структуры концепта (в его периферийной зоне), что обусловлено множественностью вербальных репрезентаций концептов в художественном тексте и множественностью интерпретаций концептов в индивидуальном сознании.

В ходе исследования репрезентации концептов "рай" и "ад" на разных уровнях языка нами использовались элементы этимологического анализа, компонентный и сопоставительный анализ, анализ словарных дефиниций и лексической сочетаемости, контекстуальный анализ, таксономические методы, методы моделирования и деконструкции.

В качестве источников материала выступали данные 38 словарей (энциклопедических, мифологических, толковых, этимологических, исторических, фразеологических, синонимических, ассоциативных и др.), а также художественные тексты (около 300 микроконтекстов).

Концепт, в нашем понимании, – это, во-первых, лингвокультурологическая единица, единица коллективного сознательно-го/бессознательно-го знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой, этнокультурной авторизацией семантических единиц (по определению С.Г. Воркачева). Во-вторых, это базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом (П. Ришар).

Осмысление многомерной сущности концептов открыло возможности для их дискурсивно–концептуального описания. Так, рассматриваемые нами концепты "рай" и "ад" представляют собой коррелирующие концепты-мифемы, ибо, во-первых, они представляют собой результат мифологического осмысления действительности; во-вторых, отражают объекты возможных миров, в вербальной форме представленных в национальной памяти носителей языка. Уникальность концептов "рай" и "ад" заключается в том, что их ядерные слои представлены прежде всего мифологическими компонентами. Именно анализ мифологических воззрений открывает дуалистическую сущность данных концептов и показывает необходимость рассматривать их только в сопоставлении. "Рай" и "ад" – наиболее типичные концепты, имеющие место в мифологических воззрениях всех народов. В-третьих, мифемы "рай" и "ад" отличаются высокой степенью образности и множественностью способов ментальной репрезента-

ции, имеющей лингвокультурологическую специфику: так, в языках по-разному представлены когнитивные модели концептов "рай" – это и 'райские небеса', и 'первобытный райский сад', и 'высокая гора', "ад" – 'преисподняя', и 'подземное царство мертвых' (**локальные модели**), и 'состояние души человека' (**каузальная модель**).

В результате исследования мифических и религиозных представлений выявлены следующие составляющие **концептов-мифем** "рай" и "ад":

ад и **рай** – 'место для душ умерших';

рай – 'небеса', **ад** – 'преисподняя';

рай – 'праведники', **ад** – 'грешники';

рай – 'прекрасный сад, Адам и Ева до грехопадения';

рай – 'чудесный город', 'прекрасный сад с великолепной природой', 'чистый, прозрачный воздух', 'благоуханные ветра', 'сладкие прозрачные воды', **ад** – 'пламя', 'жар', 'духота', 'смрад';

рай – 'вечное блаженство', **ад** – 'вечные муки', 'неимоверные страдания';

в **раю** – 'Господь', 'ангелы', в **аду** – 'Сатана', 'черти'.

Как видно, рай и ад представляют собой оппозицию по вертикали "верх-низ", что соответствует индоевропейской локальной модели представления о мироустройстве, и по горизонтали "добро-зло", отражающей каузальную модель. Следует отметить, что в славянской мифологии каузальная модель является приоритетной, так как представления о двух мирах сопряжены со знанием о смерти и последующем Страшном Суде, перед которым предстанет всякая душа.

Собственно языковой анализ позволяет соотнести изначальное содержание концептов "рай" и "ад" с этимонами соответствующих слов, которые формируют образ рая и ада как воздаяния земным делам людей. Этимологические исследования показывают, что этимон лексемы *рай* включает в себя 'богатство', 'счастье', 'состояние', 'сокровище', 'имущество', 'дар', 'сад' (первобытный рай Адама и Евы), 'парк', 'небеса'. Этимон лексемы *ад* представлен значениями 'часть того света, где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи' 'преисподняя', 'место, лишённое света', 'подземелье', 'озеро кипящей смолы', 'пекло'.

Изменения в семантических структурах лексем *рай* и *ад* наблюдаются на современном этапе. Так, значения 'богатство', 'состояние', 'сокровище', 'имущество' лексемы *рай* утрачиваются, вместо них появляется 'условия земной жизни'. Последнее значение появляется и у лексемы *ад*. В образы загробных миров приносится знание о земной жизни, о том, что человек испытывает при жизни. На наш взгляд, значения 'условия земной жизни' и, как

следствие, 'состояние человека', испытываемое в данных условиях, составляют смысловой центр концептов "рай" и "ад", внутреннюю форму данных слов. Именно эти значения становятся производящими для появившихся позже. Происходит метонимизация образов, в результате которой возникает обыденное понятие о рае и аде, формирующее символические значения слов. Таковыми для слова *рай* является значение 'блаженство', для слова *ад* – 'муки'. В связи с этим можно говорить о расширении смысловых полей концептов "рай" и "ад", об их динамическом развитии.

Как отмечалось выше, загробная жизнь (в раю или аду) предопределялась поступками человека, благими либо грешными, в земной жизни. Данный признак обусловленности сохраняется в сознании современных людей, но интерпретируется иначе: не Бог определяет место обитания души после смерти, а человек сам, творя благо либо грех. Следовательно, можно говорить о выделении еще одного значения слов *рай* и *ад* – 'выбор жизненного пути'.

Итак, мы отметили следующие смысловые уровни концептов "рай" и "ад": "выбор жизненного пути", "условия жизни", "воздаяние", "место после смерти". Первые два отражают отношение человека к собственной жизни, последние связаны с ее оценкой (что я делаю сейчас и что мне за это будет потом – где я потом окажусь).

Выделение смысловых уровней концептов позволяет сделать вывод об их ядерно-периферийной организации. Так, ядерную зону концептов составляют два прототипических параметра, каузальный и локальный, каждый из которых имеет набор определенных признаков рая и ада. Каузальный представлен значениями лексем *благо*, *святость*, *блаженство* (рай), грех, муки (ад), локальный — значениями лексем *небеса*, *сад* (рай), *преисподняя*, *подземелье* (ад). Локальный параметр концептов отражает в языке первые представления человека о дуалистичности мироустройства. Расширение концептуальных полей "рая" и "ада" происходит за счет включения в ядерную зону компонентов '**высшая сила**', '**обстановка**' (природа, запах, атмосфера, свет, звуки и т.д.), '**населяющие**' (по иерархии). Они репрезентированы следующими близкими по смыслу лексемами:

Рай – Бог (Господь), **ад** – Сатана, Дьявол;

Рай – эдем, парадиз, элизиум, небесный рай, первобытный рай, цветущий сад, красивый благодатный уголок природы, аромат, сияние, прохлада, простор, гармония, божественная музыка, прекрасные условия жизни, обитель блаженных, райские кущи, елисейские поля; **ад** – пекло, Аид, тартар, геена огненная, царство теней, пропасть, под-

земный мир, огонь, смрад, тьма, пекло, жара, теснота, скрежет, стоны;

Рай – ангелы, Ева, Адам (до грехопадения), святые, праведники; **ад** – черти, всякая нечисть, грешники.

Второй (каузальный) прототипический параметр концептов соотносится с ранними представлениями людей об ответственности и последующем воздаянии за земные дела, позволяет нам выделить следующие ядерные компоненты, которые вербализируются соответствующими синонимическими лексемами:

'причина' – праведность, святость (рай), грех, (ад),

'следствие' – блаженство, наслаждение, счастье, радость (рай), муки страх, боль (ад).

Следует отметить, что концепты "рай" и "ад" входят не только в когнитивную структуру сознания, но и, безусловно, в оценочно-прагматическую, что отмечается исследователями этих концептов (С.Е. Никитина).

Обозначенные нами когнитивные параметры рая и ада взаимосвязаны: если локальный параметр осмысливается как место и все, что к нему относится, то каузальный является основанием для того, чтобы в этом месте оказаться, то есть заключает в себе *сознательный выбор человека в земной жизни*. Кроме того, данные когнитивные параметры обнаруживают одинаковые концептуальные связи. Ядерные зоны концептов аналогичны, они являются областями пересечения с концептами "судьба", "Бог", "смерть", "Добро-зло" и т.п. Все это позволяет сделать предположение о рассмотрении данных концептов как единого, выступающего в двух ипостасях. Однако анализ периферийных зон концептов "рай" и "ад", которые представлены их интерпретационными признаками, показывает, что перед нами два самостоятельных концепта.

Интерпретационные поля концептов описывались нами в два этапа: 1) по данным фразеологии, паремииологии, 2) по текстовым источникам (роман В.В. Набокова "Дар").

Анализ фразеологического и паремического материала показал, что локальный параметр интерпретационного поля представлен достаточно скупо. Смысловой компонент "ада" 'населяющие', персонифицированный женщиной (*Пусти бабу в рай, она и корову за собой ведет*), восходит к библейскому представлению о первобытном грехе прародительницы Евы, а также более древним мифам о темном женском начале. Данный параметр представлен компонентами 'родина' для концепта "рай" и 'чужбина' для концепта "ад": *Город – царство, а деревня – рай, Москва людна и хлебна. Москва – царство, деревня – рай.*

Выделение компонента 'деревня' в структуре концепта "рай" сопряжено с развитием мысли об аде и рае в конце XIX начале XX веков: оказалось, что в русской истории миф о золотом веке, земном рае имел место. Это была дореволюционная патриархальная Россия, воплотившая в себе гармонию духа и тела, гармонию природы и человека, репрезентацией которой стал образ русской деревни, в укладе которой все по-Божески.

В современной русской языковой картине мира концепты "ад" и "рай" приобрели четкую пространственную локализованность: "рай" – 'Россия', "ад" – 'чужбина'. Такое распределение было связано с душевным состоянием людей, пребывающих вне дома, вне России, испытывающих ностальгию по потерянному, оставленному, ушедшему.

Существует точка зрения, что подобное соотношение (рай – Россия) – чисто русский национальный феномен, основанный на консервативном неприятии каких бы то ни было перемен и твердом убеждении, что «раньше все было лучше». «Русский человек любит вспоминать, но не жить» (А.П.Чехов). Он не живет настоящим, а только прошлым и будущим. Именно в прошлом он ищет нравственное утешение и вдохновение своей жизнедеятельности. Прошлое всегда идеально, для будущего характерно наличие потенции идеального. Настоящее, сиюминутное окрашено пафосом трагизма. Подобными идеями проникнута вся русская культура, в частности, литература русского зарубежья, которая, по сути своей, есть ностальгический гимн дореволюционной России. Все, что составляло столпы русского национального сознания, было привезено и сохранено в эмиграции: традиции, культура, религия, быт, искусство, литература. Возрождение и сохранение всего оставленного в России стало целью людей, нашедших прибежище за рубежом.

Однако осознание себя изгнанниками, потерявшими дом, корни было настолько трагично, что вся последующая жизнь стала вечной попыткой восстановить, построить тот прежний мир, в котором прошло детство, юность. Так, в произведениях М. Алданова, И. Бунина, А. Белого, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Г. Иванова, В. Иванова, Б. Зайцева, И. Шмелева, Н. Ходасевича, З. Шаховской, И. Одоевцевой, Ю. Айхенвальда, В. Набокова и многих других «потерянный рай» и мысль о его возвращении становятся основой творчества.

В культуре русского зарубежья Россия, родной дом, детство явились элементами концепта "рай", определяющего всю картину мира, ибо рай – это есть счастливое прошлое и надежда на счастливое, райское будущее. Настоящее же (ад) выступает как

оппозиция, ибо непостоянно, неопределенно и трагично. Обращаясь к творчеству отдельных поэтов или писателей, на примере анализа их произведений, можно увидеть, каково языковое воплощение концептов “ад” и “рай” и насколько значимы они в русской языковой картине мира, какова их природа и пути формирования в национальном сознании.

Дальнейший анализ периферийной зоны концептов показывает, что каузальный параметр представлен следующими признаками:

в концепте "рай" – **'ум'**, **'знание'**, **'толк'** *Лучше с умным в аду, чем с дураком в раю,*

'смерть' *В рай просят, а сами смерти боятся,*

'вера', **'праведность'** *Рад бы в рай, да грехи не пускают,*

'любовь', *С милым рай и в шалаше,*

'воля' *Своя воля – либо в рай, либо в ад;*

'цель' *На чужом горбу в рай въехать;*

в концепте "ад" – **'глупость'** *Ни в рай, ни в муку, ни на среднюю руку,*

'суета' *Дантов ад,*

'смерть' *Сами смерти боятся, а сами в ад лезут,*

'кара' *Гореть тебе в аду синим пламенем Из светлого рая, да на трудную землю,*

'грех' *Ева прельстилась древом, простонала чревом; Адам грех сотворил – рай затворил,*

'богатство' *Пусти душу в ад – будешь и богат; В аду не быть – богатства не нажить,*

'худо' *Житье, словно в аду. Стою, как на угольях,*

'кривда' *На немилостивых ад стоит,*

'вина' *И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой вместо вил посадят, все легче,*

'беда' *Ад стонет и рыдает, грешных к себе прибирает (призывает,*

'неволя' – *В рай за волоса не тянут/ Вольному — воля, спасенному – рай, бешеному – поле, черту – болото и т.п.*

Отмеченный среди перечисленных выше смысл 'знание' сохраняется в сознании вплоть до начала XVIII века, когда человек сталкивается с неразрешимой дилеммой: постижение мира, в ходе которого человек стремится к райскому совершенству, ведет к аду. Всякое знание есть сомнение и муки, т.е. ад. Самодостаточность и цельность рая, в котором все предопределено, не устраивают человеческое сознание. Выбор между мучительным знанием и счастливым неведением приходится всегда на первое, тогда как оно есть путь в ад. Однако мысль о соблазнительной райской

жизни не покидает человека, и он предпринимает неоднократные попытки построить свой земной рай. Но и здесь его ждет разочарование, ибо путь к собственному раю лежит через испытания адом — грехопадение.

Проблема ада и рая оказалась одной из самых острых и неразрешимых в русской культуре, ибо ад, грозивший грешникам в конце жизни, все более проглядывался и чувствовался уже в земном, реальном мире. И чем трагичнее осознавалась жизнь, тем ощутимее и понятнее становился ад, тем более ожидаем был рай, который принес бы освобождение от жизненных мук.

Таким образом, в современных представлениях, по сравнению с более ранними, происходит перенос знания о рае и аде на житейскую, бытовую почву. Более того, рай и ад, независимо от веры, становятся являются принадлежностью жизни каждого человека, как совершающего те или иные поступки, так и безотносительно их. То есть и рай, и ад входят в жизненный процесс как составляющие его.

Это подтверждается анализом атрибутивно-именных сочетаний (какой – райский или адский – предмет?). Оценочный параметр, маркирующий реальность по ее сходству с раем и адом, выступает здесь определяющим. Так, прилагательное *райский* выступает не только в значении 'относящийся к раю' (райский сад, райские птицы, райское дерево, райские яблоки), но и 'доставляющий радость, удовольствие' (райский день), 'благодатный' (райская жизнь, райское житье), 'прекрасный', 'очаровательный', 'счастливый' (райские ночи), 'сладкий', 'блаженный', 'золотой', 'богатый', 'радужный'. *Адский* – 'относящийся к аду', 'принадлежащий аду', 'грешный', 'бесовский', 'пекельный', 'адожный' (сквернящий), 'злой', 'жестокий', 'коварный', 'необыкновенный' (адская сила, скука), 'невыносимый', 'мучительный', 'тяжелый', 'ужасный', 'дьявольский', 'лукавый', 'нечистый', 'мерзавец', 'гадливый', 'вызывающий отвращение', 'омерзение', 'жадный', 'скряга'.

Следует обратить внимание на то, что прилагательные райский и адский выступают как контрадикторные антонимы. При этом *райский* тяготеет более к норме, нежели к верхней границы вертикальной шкалы "положительный-отрицательный". Подобное восприятие наблюдалось в сознании древнего человека и нашло отражение в древнеславянской мифологии. Однако в сознании современного человека соотношение "райский – адский" не есть отражение нормы и ее отсутствия, а скорее выражение гедонистического параметра, который позволяет разграничивать концепты "рай" и "ад".

Результаты анализа сочетаемости имен с глаголами позволяют говорить о структурном изменении смысловых компонентов внутри концептов. Прежде нами отмечалась 'душа' как один из компонентов ядерного смысла 'населяющие', выделяющийся по локальному параметру. Глагольные сочетания выявляют еще один концептуальный смысл: земные ад и рай – творение рук человеческих, имеющее чувственно-зрительное воплощение: *попасть в ад / рай, быть в аду / раю, хотеть в ад / рай, жить в аду / раю, построить рай / сотворить ад, испытать ад / испытать рай, почувствовать себя в аду / раю, пройти все круги ада / (ответствий нет), узреть ад / узреть рай*.

Таким образом, мы можем говорить об изменениях ядерной части концептов "рай" и "ад" в сознании современного человека, о включении в них такого смысла, как 'человек', и о переходе мифем "рай" и "ад" к идиологемам. Человек не просто сам выбирает себе мир, в котором ему жить, он этот мир сознательно строит, причем способность человека к такому творчеству позволяет трансформировать один мир в другой: ад в рай и наоборот.

Анализ периферийной зоны концептов "рай" и "ад" привел нас к выявлению их репрезентаций в языке художественных произведений. Наблюдения за интерпретацией данных концептов в индивидуально-авторской картине мира и выявившиеся концептуальные различия позволили сделать вывод о том, что перед нами художественные концепты. Под художественными концептами мы понимаем ментальное образование, продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающееся к авторскому варианту проекции текста.

Анализ художественных концептов осуществлялся нами посредством выявления их ассоциативно-смысловых полей на материале контекстов романа «Дар». Под ассоциативно-смысловым полем мы понимаем концептуально организованную совокупность лексических "прагмем" и "информем", которые являются маркерами соотносительных смысловых признаков определенной художественной реалии и формируют в сознании читателя представления о данном элементе образного строя произведения (И.С. Болотнова).

Ассоциативно-смысловые поля художественных концептов "ад" и "рай" представлены двумя слоями смыслов: эксплицитными – *'пахло как в раю', 'чистильня-гладильня с избытком пара, словно в аду', 'нарядный, богатый розами и баранами рай Жаксыбая', 'однажды в Ордосе отец очутился в цветном воздухе, будто в раю', 'адская скука'*, и имплицитными – *'самая гуща счастья, засасывающая сердце', 'пустота, провал жизни'*. Имплицитные

смыслы выявляются в результате анализа сочетаемости. Концептуальный анализ слов "ад" и "рай" позволил нам вывести структуры концептов. Так, в структуре концепта "рай" – состояние" мы выделили смысловой компонент 'творчество' — *Он был исполнен блаженнейшего чувства: это был пульсирующий туман, вдруг начавший говорить человеческим голосом; ...сложный, счастливый набожный труд, ...стихотворное похмелье..., ...годные для дыхания слова.*

Дифференцируя объекты по принадлежности аду и раю, мы выделили признаки, которыми, как нам кажется, автор "кодирует" объекты: гармония – ее отсутствие, целостность – расчлененность, динамичность – статичность, свой – чужой (ср. *яблочно-прохладный слуга и угрюмый кондуктор с загнанными глазами и пластырем на пальце*) и другие.

Анализ ассоциативно-смысловых полей показал, что художественные концепты "рай" и "ад", так же как и языковые, представлены двумя когнитивными моделями: каузальной и локальной, различие заключается в смысловой наполненности каждого из концептов: ад — эмиграция, рай -детство. Следует отметить, что обе модели имеют хронотопическую природу, что не наблюдалось в общеязыковых концептах. Так, детский рай сопряжен с воспоминаниями о детстве **в доме отца**, а взрослый рай или эмиграционный ад осознаются в зависимости от состояния героя **здесь и сейчас**. Таким образом, мы можем говорить о синкретичности выражения времени и пространства у Набокова, например: *"Все проваливалось и падало, — прощальное сочетание деревьев, появившийся в стирке клочок радуги, дорожка", "возникла пустота в пальцах", "комната зарастала лопухами скуки"* в тот момент, когда главный герой романа Федор Годунов–Чердынцев ощущал мучительность своего пребывания в Берлине.

Хронотопический тип обозначения пространства и времени характерен для русской языковой картины мира. Специфичность художественных концептов заключается в том, что автор переосмысливает компоненты смысловых составляющих, соответствующих когнитивным моделям. Происходит модификация концептуальных полей за счет появления новых компонентов и признаков. Так, смысл "населяющие", выявленный нами в ядерной зоне концепта, в художественном концепте представлен лицами и живыми существами (сюда входят отец, мать, сестра, слуга Жаксыбай, бабочки, рыбки). Аналогичные изменения наблюдаются и в других компонентах. Например, в концепте "рай" цвет представлен только одним предикатом "золотой" (собственно поэтому мы и не сосредоточивали на цвете особого внимания); палитра цветообо-

значения у Набокова намного богаче: встречаются оттенки *молочно-белый, сливочно-белый, черно-белый, бледно-зеленый, кофе с молоком*, и даже *бриллиантово /лунно/ лилово / сине / лазорево / грозно / сапфиристый*.

При описании ассоциативно-смысловых полей художественных концептов мы обнаружили, что концепты "рай" и "ад" в тексте романа "Дар", во-первых, не имеют четкой противопоставленности (они соотносятся не по всем параметрам, и противопоставляются не столько рай и ад, сколько рай – не-рай, а концепт "ад" выделяется то как самостоятельный, то как смысловой компонент концепта "рай"), во-вторых, границы их концептуальных полей в силу вовлеченности в них большого количества единиц-носителей речевого смысла "размыты" и по сравнению с языковыми богаче представлены, в-третьих, данные концепты паралогичны по своей сути, так как репрезентируются подчас принципиально несовместимыми речевыми смыслами. Так, признак "блаженство", выделяемый в структуре языкового концепта "рай" как дифференциальный, у Набокова выступает и в концепте "ад–эмиграция", то же самое можно сказать о признаке "муки": *"муки и страдания людей в скотской тесноте трамвая в Берлине"* и *"муки творчества", "мучительное блаженство ожидания отца"*.

В целом можно отметить, что исследование концептов в об-разной перспективе художественного текста помогает выявить возможности языковых единиц, которые проявляются в процессе их функционирования. Так, исследуя сочетаемость лексических репрезентантов художественных концептов "ад" и "рай", мы получили различные речевые смыслы и многочисленные импликации, которые по численности превышают количество соответствующих лексем и значений. Таким образом, мы пришли к выводу, что данные концепты являются ключевыми в тексте романа, более того, они включают в себя и название "Дар". Данное значение было отмечено нами и в этимологии лексемы "рай", оно же выступает как речевой смысл в ассоциативно-вербальной сети художественных концептов (*"дар, который он как бремя чувствовал в себе"*).

Таким образом, сопоставляя структуры художественного и общезыкового концептов, мы можем сделать следующие выводы.

Ядро национального концепта шире ядра художественного за счет мифологических и религиозных представлений.

Периферийная зона национальных концептов расширяется за счет смыслов, выделяющихся во фразеологизмах, паремиях и т.д. В художественных концептах периферийная зона, как и око-

лоядерная расширяется за счет ассоциативно-смысловых связей, в которые вступают лексемы *рай* и *ад* в тексте романа.

Национальные и художественные концепты, содержа некую инвариантную часть и как бы пересекаясь в ней, обладают специфичностью, обусловленной картиной мира, которую фиксируют.

Литература

Никитина С.Е. Словарь языка фольклора: Принципы построения и структура // X Междунар. съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор слав, народов. М., 1982.

Гершанова А.Ф. Концепт «рай» в языке художественных произведений (на примере стихотворений А.С.Пушкина и В.В.Набокова) // Материалы научно-практической конференции «Пушкин и современность» / Изд. Башкирск. ун-та. – Уфа, 1999. – С.98-100.

Гершанова А.Ф. Соотношение языковых единиц функционально-семантических полей в романе В.В.Набокова «Дар» // Теория поля в современном языкознании: Межвуз. науч. сб. / Изд. Башкир. ун-та. – Уфа, 2001. – С.42-51.

Гершанова А.Ф. К вопросу об истории концепта «рай» в романе В.В.Набокова «Дар» // Русский язык и литература: вопросы истории, современного состояния и методики их преподавания в вузе и школе: Общероссийская научная конференция лингвистов России (6-8 мая 2001, Самара). В 3-х частях. Часть третья. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – С.145-157.

Гершанова А.Ф. Концепт как свойство декодирования языковой картины мира // Актуальные проблемы лингвистики: Юбилейный сборник. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2002. – С. 57-59.

Гершанова А.Ф. Функция художественных концептов в авторской языковой картине мира // Ученые записки Стерлитамакского государственного педагогического института и Стерлитамакского филиала АН РБ: Лингвистика. Литературоведение: Сб. науч. тр. – Стерлитамак. Стерлит.гос. пед. ин-т, 2002. – С.15-20.

Гершанова А.Ф. Концепты "рай" и "ад" в языковой картине мира В.В. Набокова (по роману "Дар"). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003.

М.И. Агиенко (Кемерово)

ПРАВДА и ИСТИНА

Слова *правда* и *истина* в русском языке являются синонимами и в словарях толкуются друг через друга. Рассматриваемые в широком контексте *правда* и *истина* объективируются разным набором концептуальных признаков и представляются как раз-

личные концепты. Слово *truth* в англо-русских и русско-английских словарях определяется словами *истина* и *правда*. Исследуемое в когнитивном аспекте слово *truth* существенно отличается от своих русских аналогов набором выражаемых признаков и вызываемых культурных ассоциаций. Исследования концептов *правда*, *истина* предпринимались на материале русского языка Н.Д. Арутюновой (1998), В.В. Колесовым (2002), С.Е. Никитиной (1995), М.В. Пименовой (2003), Ю.С. Степановым (1972, 1997), А.Д. Шмелевым (2002). В английском языке концепт *truth* являлся предметом исследования Т.А. Хромовой (2000, 2002), на материале произведений В. Шекспира слово *truth* изучалось А.И. Полторацким (1995). Слово *truth* в свете лингвистических проблем изучалось D.L. Bolinger (1973), A. Gupta (1987), G.L. Hallett (1988), H. Kamp (1981), E.L. Keeran (1983), G. Lakoff, M. Gohnson (1980), R.M. Martin (1958), J.M. Sadock (1977), F. Sommers (1969), K. Taylor (1998), R.H. Thomason (1976). Вместе с тем до настоящего времени не проводилось исследования концептов *правда*, *истина*, *truth* с применением сопоставительного метода.

Целью исследования данной работы является моделирование и описание структур культурных концептов *правда*, *истина*, *truth*. В соответствии с целью исследования в работе ставятся следующие задачи:

- определить мотивирующие признаки концептов *правда*, *истина*, *truth*;
- определить синонимический ряд слов *правда*, *истина*, *truth*; установить признаки, концептов *правда*, *истина*, *truth* на основе анализа слов – членов синонимического ряда;
- описать понятийные признаки концептов *правда*, *истина*, *truth*, зафиксированные в толковых словарях русского и английского языков;
- выявить образные признаки концептов *правда*, *истина*, *truth*; раскрыть в структурах трех концептов группы пространственных, витальных, антропоморфных, временных, предметных, биоморфных признаков, а также признаки Логоса;
- охарактеризовать признаки, при помощи которых объективируются концепты *правда*, *истина*, *truth* в русской и английской языковых картинах мира, и представить в упорядоченном виде соответствующие концептуальные признаки;
- выявить общие и дифференцирующие признаки концептов *правда*, *истина*, *truth*;
- на основе сравнения концептуальных структур *правды*, *истины*, *truth* описать их национальное своеобразие.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: концептуального анализа, описания концепта с помощью анализа словарных значений слова-репрезентанта концепта, элементы компонентного анализа, элементы этимологического анализа, описательный метод с применением приемов наблюдения, интерпретации, сравнения, обобщения, а также методика количественного подсчета.

Когнитивная лингвистика занимается объяснением и описанием ментальных языковых структур, которые репрезентируются в языке, и рассматривает языковую форму как отражение структур человеческого сознания, мышления и познания, а языковые данные – как ключи доступа к когнитивным процессам и механизмам. Объекты, изучаемые когнитивной лингвистикой, имеют ряд особенностей: во-первых, они находятся в основе психической и культурной деятельности человека, они инвариантны и достаточно масштабны и варьируются от поля значения отдельного слова до картины мира, во-вторых, они характеризуются особой образностью, не имеющей собственных средств языкового выражения. Объекты когнитивной лингвистики анализируются посредством моделей, описываются как совокупности признаков в результате исследования синонимических рядов, которые показывают множественность средств выражения одного и того же содержания, а также посредством описания внутренней формы слова, которая раскрывает отдельный признак объекта и особенности представления о нем и через определение переносов признаков из одной концептуальной области в другую. Понятийный аппарат когнитивной лингвистики составляют термины, важнейшими из которых являются *концепт*, *когнитивная модель*, *картина мира*, *языковая картина мира*, *концептуальная картина мира*.

Картина мира является глобальным образом мира, созданным в результате духовной активности человека. Языковая картина мира является основополагающей, так как человек познает окружающий мир и закрепляет знания с помощью языка. Основу языковой картины мира составляет концептуальная картина мира.

Антропоцентрическая установка на изучение языка является развитием и аккумулярованием ранее высказанных идей таких выдающихся философов языка, как В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, А. А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф, К. Ясперс и др., и предполагает решение вопроса о том, как человек влияет на язык и как язык влияет на человека. В данном параграфе анализируются концепции соотношения концептуальной и языковой картин мира в исследованиях Г. В. Колшанского, Б. А. Серебренникова и др. Введение в научный аппарат термина *языковая картина ми-*

ра предполагает изучение языка с позиций фиксации и хранения всего комплекса знаний о мире данного языкового сообщества. *Языковая картина мира* по отношению к *концептуальной картине мира* выполняет функции означивания основных элементов *концептуальной картины мира* и экспликации средствами языка *концептуальной картины мира* (Б. А. Серебренников).

Языковая картина мира задает нормы поведения человека в мире и определяет его отношение к миру. В то же время в *языковой картине мира* отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке. Наивные представления о мире фиксируются языком и отражают знания и культуру носителей данного языка. Содержание целостной *языковой картины мира* и отдельного его фрагмента складывается из универсальных и культурно специфических смыслов, обусловленных особенностями концептуализации.

Концепт не имеет однозначного толкования в науке о языке. В настоящее время выделяется **логический подход** к изучению концептов (Н. Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов), **психолингвистический подход** (А.А. Залевская), **лингвистический подход** (А.П. Бабушкин), **философский подход** (В.В. Колесов, А.Г. Лисицын) **психологический подход** (Д.С. Лихачев, М.А. Холодная), **интегративный подход** (С.Х. Ляпин, В.И. Карасик).

Изучение концепта в когнитивной лингвистике сводится к моделированию концепта, под которым понимается «упорядоченное, структурированное описание содержания концепта в когнитивных терминах» (З.Д. Попова, И.А. Стернин).

Выбор методики исследования концепта во многом определяется содержанием, которое вкладывает исследователь в термин *концепт*. Одним из основных способов концептуального анализа является описание концептов через выделение его концептуальных признаков. Используемая методика описания концепта через выделение признаков, формирующих его структуру, позволяет получить информацию об этноспецифике отражения знаний и опыта в языке носителей той или иной культуры. Согласно данной методике исследование проходит в несколько этапов.

1. Исследуется этимология слова-имени концепта, рассматривается история значений слова, выявляются мотивирующие признаки концепта.

2. Методом компонентного анализа исследуются словарные дефиниции слова-имени концепта и дефиниции слов синонимического ряда, в результате чего выявляются понятийные признаки.

3. Исследуется метафорическая сочетаемость, в результате которой выявляются образные признаки концепта.

4. На всех этапах исследования выделенные признаки концепта формируются в группы. Такие группы состоят из совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации. На основании количественной представленности той или иной группы признаков делаются выводы о значимости в языковой картине мира определенных когнитивных признаков в осмыслении концепта. Статистические данные фиксируются в таблицах, при этом указывается процентное соотношение соответствующих признаков с общим количеством языкового материала.

В настоящей работе, вслед за М. В. Пименовой, полагается, что концепт имеет сложную, не жестко организованную структуру, состоящую из признаков. «В концепте заключены признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» (Пименова, 2001). Концепт имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. «Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить практически весь набор значимых компонентов, которые формируют структуру того или иного концепта» (Пименова, 2001). Каждому концепту свойственен собственный набор признаков, а следовательно, описать концепт возможно, выделив признаки, формирующие его структуру, а также определить «структурные связи между её элементами и характер отражаемой в них когнитивной деятельности человека» (Гольдберг, 2005).

Структура концепта – «это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» (Пименова, 2005). *Признак* – мельчайшая единица концепта, «сходство между известным и неизвестным, утверждающееся на основе уподобления» (Пименова, 2004). Под *когнитивной моделью* понимается «некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также то, что мы хотим выразить. Когнитивные модели, так или иначе реализуемые в языковых знаках, обнаруживают относительную простоту структурных типов и представляют собой последовательную систему, построенную на универсальных законах» (Пименова, 2002).

Анализ данных этимологических словарей и лингвистической литературы по проблеме этимологии слов *истина*, *правда*, *truth* позволяет определить внутренние формы слов. Внутренняя форма слова – это базовая метафора концепта, обусловившая

модель смыслового развития концепта в языке. Проведенный анализ позволяет выделить в структурах концептов *правда*, *истина*, *truth* пространственный признак, положенный в основу номинации.

Определено, что внутренняя форма слова *правда* представлена признаком горизонтальной оси пространства, составляет первую часть антиномии «прямой – кривой» и содержит этический компонент значения, так как установлено, что все старославянские слова с корнем -прав- обладали положительным смыслом и «первичными, исходными значениями являются значения 'прямой, ровный, без выступов, извилин, отклонений (о дороге)' и 'устремленный прямо, вперед (о движении)» (Цейтлин, 1980). Так как «значение «истина» не было характерно для ст.-слав. **правь-да** ... ни одно из его пятнадцати производных... не имело в старославянском значений, мотивированных значением «истина» (там же), выносится предположение о том, что, возможно, в старославянском языке *правда* и *истина* обозначали разные фрагменты мира и имели лишь несколько общих концептуальных признаков. Внутренняя форма слова *истина* определяется признаком вертикальной оси пространства. Национальное своеобразие концепта *истина* заключается в особом взгляде на капитал, материальное благосостояние, так как значение «капитал», наряду со значением «сущий, настоящий», входит в число ближайших этимологических значений слова (ср.: «добро – ... все имущество или достаток В духовном значении – благо, что честно и полезно» (Даль, 2002). Внутренняя форма слова *truth* представлена символом Мирового Дерева и связана с правовой сферой и с религией.

Замечено, что для концептов *правда*, *истина* и *truth* различные уровни вертикальной оси пространства являются разными по значимости признаков. Для *истины* невозможно нахождение 'ниже уровня поверхности' и 'внутри', нежелательно 'нахождение на поверхности' (*поверхностная истина*), для неё характерна 'высота' и состояние 'открытия'.

Правде более свойственно положение 'глубоко', 'внутри', 'высоко'. Внутренняя *правда* не стремится выйти наружу, скрытость – её имманентная характеристика (*Они ...поражают доселе выражением искреннего чувства и той внутренней правдой мысли и ощущения, которой он научился у Пушкина.* Анненков). 'Глубина' – качественная характеристика *правды*, отражающая её всеохватность и 'истинность', символ местопребывания сущности и истока явления (*Вот он, явный трансмиф, глубочайшая правда, правда творенья.* Андреев). *Truth* более свойственны «поло-

жения» 'глубоко', 'внутри' и 'высоко'. Глубина для *truth* – положение, подчеркивающее её сокровенность. Глубокая *truth* не стремится освободиться и выйти на поверхность, она ждет того, кто её откроет, увидит (*The only openers of our eyes to the deepest levels of truth*. James). *Truth* присущ признак вертикального положения, выраженный корнем *st- (*Who, moreover, best knows how the truth stands in this matter*. Scott.).

Концепты *правда*, *истина* и *truth* в фактических примерах представлены метафорами самостоятельно движущихся объектов и места перемещения в пространстве. Из способов движения в пространстве исследуемым концептам более свойственен признак 'приход – уход' (10,2% у концепта *правда*, 7,1% у концепта *истина*, 7,4% у концепта *truth*) (*Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла*. Пог.; *Жилище тишины преобратилось в ад. Святая истина отселе удалилась, свобода, встрепетава, к паденью наклонилась*. Княжнин; *A kind of flattery that 's hardly fair is used until the truth arrives too late*. Byron).

Концептуально *правда*, *истина* и *truth* организуют также пространство поиска и пространство встречи. Поиск *правды* и *truth* происходит при 'целенаправленном движении в одну сторону' (22,9% и 28,2% соответственно) (*Не гонитесь, ...как звери, поодиночке за счастьем, гонитесь дружно за правдой*. Пришвин; *Better position for gaining truth*. James), поиск *истины* требует 'сопутствующих добродетелей' (62% в структуре пространственных признаков) (*Ты ...разумел человека прямого, кто не любит житья чужим, кто работает, истины ищет, не без пользы старается жить...* Некрасов). Встреча с *правдой*, *истиной*, *truth* происходит при 'наличии наставника' (3,4% у концепта *правда*, 3,1% у концепта *истина*, 2,5% у концепта *truth*) (*Мужайся ж, презирай обман, стезею правды бодро следуй*. Пушкин; *Я желал бы истинно спасти его от злого и ввести его на путь истины*. Л. Толстой; *We must be guided in our search of truth*. James).

Понятийная составляющая концептов – часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта. На данном этапе применяется метод описания концепта с помощью анализа словарных значений слов-репрезентантов концептов. Целью данного этапа исследования является вычленение и описание концептуальных признаков *истины*, *правды*, *truth*, зафиксированных в лексикографических источниках. Описание предпринималось на основании теоретического положения о том, что «концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы»

(Рудакова, 2005). На этом этапе применяется лексико-семантический анализ содержания концептов *истина*, *правда*, *truth*, а также метод компонентного анализа. Объектом исследования служат словарные статьи слов *истина*, *правда*, *truth* в современных и историко-этимологических словарях английского и русского языков. В результате была выделена понятийная сфера используемых для осмысления эквивалентных понятий и проведено сравнение понятийных зон исследуемых концептов. Несовпадение понятийных сфер концептов истолковывается как национальное своеобразие.

Понятийную часть структуры концепта *правда* по данным толковых словарей составляют четыре признака: 'модель поведения' / моральные качества', признак 'знание', признак 'объективный мир', 'социально-правовой признак'. Национальную специфику концепта *правда* составляет толкование понятия как терминами права, так и этическими терминами. Понятийную часть структуры концепта *истина* по данным толковых словарей составляют семь признаков: 'модель поведения' / моральные качества', признак 'знание', признак 'объективный мир', 'теологический признак', признак 'речь', признак 'право', 'предметные признаки'. Этическая ценность концепта представлена семой «идеал».

Понятийную часть структуры концепта *truth* по данным толковых словарей составляют пять признаков: 'модель поведения' / моральные качества', признак 'знание', признак 'объективный мир', 'теологический признак', признак 'речь', признак 'право'.

Признаки знания составляют 2,4% от общего количества примеров концепта *правда*, 18,6% от общего количества примеров концепта *истина* и 18,5% от общего количества примеров концепта *truth*. Наиболее полно представлены признаки 'знания' у концепта *истина*: частотными у концепта *истина* выступают признаки 'очевидность/неочевидность' (25%) (**Сомнительная истина; несомненная истина; бесспорная истина; Она никогда не сомневалась в истинах религии.** Л. Толстой) и 'познание' (22%) (**Познание истины есть перерождение, творческое развитие, посвящение во вселенскую жизнь.** Бердяев), специфическим признаком *истины* является признак 'откровение' (**Мистическое познание – это непосредственное откровение реальности в её истине.** Некрасова), концепт *truth* отличает актуализация посредством признака 'получение знаний' (53,2%) (*to know the truth*).

Самым многочисленным признаком Логоса является 'аудиальный способ восприятия' (75,6% у концепта *правда*, 51,7% у концепта *истина* и 78,8% у концепта *truth*). **Правду** можно **вымол-**

вить, объявить, порассказать, молвить невзначай, заявить, трубить вслух, брякнуть вслух, строчить, перешепнуть, пропеть, поведать, провозглашать, произносить, вещать, баять, изрекать. **Истину** можно сказать, объявить, изрекать, высказывать, возвещать, кричать, сообщать, прорекать. **Truth** также отличает преимущественно аудиальный способ передачи – *to tell the truth, speak truth, say the truth, report the truth, render the truth, declare the truth, whisper the truth*.

Если **правду** лучше не говорить (**Правду** говорят младенцы или дураки. Пог.), то **истину** необходимо высказывать. Неговорение **истины** вменяется в вину (*Вы можете быть виноваты только в том, что, зная истину, не сообщили её людям. Л. Толстой*). Говорить *truth* значит быть свободным (*Telling the truth often means no more that taking a liberty. Eliot*). Звучание слова при аудиальном способе передачи напоминает музыку, пение (Глухарь **поёт** теперь ту самую **правду**, какая остается человеку: «Помирать собирайся – рожь сей!» Пришвин; **melodious truth. Keats**). От говорящего **истину** и **правду** требуется поступать в соответствии со строгими моральными нормами. Признаки Логоса от общего количества примеров концепта **правда** составляют 32,3%, концепта **истина** –10,7%, концепта **truth** –16,7%.

Наиболее частотный признак права у исследуемых концептов – признак ‘закон’ (20,6% у концепта **правда**, 35,3% у концепта **истина**, 47,7% у концепта **truth**) (*Пускай плуты попрут и правду и законы. Сумароков; А иногда случалось, что и сами родители и прочие взяточхваты и преступники истины наказание от игроков получали. Лукин; She was once convinced by open facts of any breach of truth of honour in a person of high station. Swift*).

Truth не свойственны признаки божественного права. **Правда** характеризуется всеми признаками права, приписываемого деятельности Бога. **Истина**, **правда**, **truth** чаще всего объективируются признаком ‘атрибут Бога’ (14,7%, 30,9%, 13,1%) (**О боже истины! Вонми гонимых чад твоих молитве! Плещеев; В испуге ищут правду божью, очнувшись вдруг, все эти племена. Тютчев; God’s own truth. Tennyson**). **Истине**, **правде**, **truth** свойственен общий признак ‘жертва’ (*Жертвовать истиной; жертвовать правдой; The Dissenters, on their side, were not disposed to sacrifice the cause of truth and freedom to a temporizing mildness of language. Eliot. Truth* отличает признак ‘клятва’ (*Our brother here present hath already sworn to the truth of his accusation in the hand of the good Knight Conrade de Mont-Fitchet. Scott*).

Из религиозных признаков наиболее частотными является признак ‘высочайшая ценность’ (69,7% у концепта **правда**, 14% у

концепта *истина*, 45,5% у концепта *truth*) (*Умирая ж, каждый сыну наказывал, рубиться наказывал до смерти, полегти за правду, за истину;...и доселе их внуки рубятся, Все рубятся за правду, за истину (на великое себе разорение). А.Толстой; With too much passion will here stay and pity for the mere sake of truth. Keats*).

В целом, понятийные признаки составляют 45,3% от общего количества примеров концепта *правда*, 38,8% от общего количества примеров концепта *истина* и 41,5 % от общего количества примеров концепта *truth*.

Признаки концепта в языке могут быть выражены разными частями речи. Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка. Анализ семантико-синтаксических конструкций и метафорической сочетаемости соответствующей лексики – репрезентанта концепта – позволяет вывести образные признаки концепта.

По аналогии с источниками метафоризации, весь массив образных признаков делится на восемь групп: антропоморфные, биоморфные, витальные, признаки стихий, предметные признаки, признаки времени, количественные признаки, признаки Бога.

Антропоморфные признаки. Наличие антропоморфных признаков у концептов *правда*, *истина* и *truth* свидетельствует не только о том, что человек воспринимает мир через себя, наделяя его теми чертами, которые имеет сам. *Правда*, *истина* и *truth* – абстрактные концепты. Они не материализуются в вещах, находящихся в обиходе человека. Способность находить в абстрактных понятиях свои черты свидетельствует скорее о том, что человеку знакома эта область абстракции, что человеку свойственна реальная соотнесенность с космосом, самого человека именуют микрокосмом. Не случайно, Протагор считал человека «универсальным символом жизни, посредником между небом и землей, персонификацией божественных энергий» (Андреева, Ровнер, 2002). Идея тождества микрокосма (души как замкнутой целостной системы и тела как прототипа мироздания) и макрокосма, вселенной, проявляется в том, что у концептов *правда*, *истина* и *truth* имеются анатомические признаки.

Общими у концептов *правда*, *истина*, *truth* являются признаки 'тело' и 'нагота', у *правды* и *truth* – 'одежда' и 'глаза'. Признаки 'беременность', 'скелет', 'язык', 'слепота' составляют специфику концепта *truth*.

Являясь частью социума, человек не может упорядочивать информацию о мире, не используя знания, полученные им в ходе профессиональной деятельности. К способам профессиональной категоризации относятся названия форм человеческой деятельности в окружающем мире, «содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей» (Голованова, 2004), и глаголы, обозначающие физическое действие. Важность роли *правды, истины* в социальной жизни иллюстрирует признак 'монарх'. Как монарх, *правда* может быть государыней, царицей (*Не робеть перед правдой – царицею научила ты музу мою.* Некрасов; *Удалилась от меня радостная мысль о царстве истины.* Карамзин). Признак *truth* 'монарх' подтверждает метафора коронованности (*Crowned truth.* Shakespeare). *Truth* объективируется признаком 'министр' (*Now I am calm as truth — its chosen minister.* Shelly). В структурах концептов *правда, истина* и *truth* содержатся признаки 'судьи', 'законодателя'. *Истине* и *truth* присущ признак 'руководитель'. *Истине, правде* и *truth* свойственны общественно значимые социальные признаки 'помощника', 'защитника', 'руководителя', 'спасителя': они «помогают» двигаться к цели, «защищают» народы (***Спасительные истины; Правда из воды, из огня спасает.*** Пог.; *There is a self-contradiction here from which the radical dualism of thought and thing is the only truth that can save us.* James). Признак 'социальная активность' в большей степени характерен для концепта *truth* (10%).

Признаки, возникающие в отношениях «человек – человек», рождают новые категориальные признаки, позволяющие точнее определить место концепта в концептосфере народа. *Правда* характеризуется признаками родства по женской линии. Это не отстраненная Фемида и не удаленная от людей богиня. Родственная связь подчеркивает близость *правды* каждому человеку. Она близка Богу, так как она – его дочь, одновременно она близка любому человеку, так как находится в «статусе» сестры и матери (***Правда – матушка; Варвара мне тетка, а правда сестра.*** Пог.; *Слуга, сударыня, покорный, пускай ты божеская дочь...* Державин). Присутствие *правды* и *истины* в жизни человека как неотъемлемой части определяет характеристику *правды, истины* как хозяйки. *Правда* и *истина* занимают главенствующую позицию в жизни человека. *Правда, истина, truth* выступают как партнеры человека в жизни, с ними можно дружить, строить любовные отношения (*ревновать, любить, изменять, предавать, жить вместе* и т. д.).

Концепты *правда, истина, truth* обладают признаками разнообразных черт характера. В фактических примерах частотен общий признак – ‘жестокость’ (*Те две капли меда, которые дольше других отводили мне глаза от жестокой истины ...уже не сладки мне.* Л. Толстой; *Вы тогда всем нам говорили такие жестокие правды.* Л. Толстой; *He couldn't tell her the brutal truth.* Maugham). У концепта *правда* частотен признак ‘ассистивность’ (5,4%) (*Без правды не житье, а вытье.* Пог.), у концепта *истина* высокой частотностью обладает признак ‘бесстрашие’ (2,9%), (*Только истина не боится ничего.* Погодин), у концепта *truth* – признак ‘честность’ (3,2%), (*I'm not ashamed to tell you the honest truth.* Hardy). Немногочисленные эмоциональные признаки концептов *правда, истина, truth*, выявленные среди фактического материала, представляют собой исключительно негативные эмоции. В этом проявляется сходство концептов двух культур. У концепта *правда* наиболее частотен признак ‘грусть’ (2,7%), у концепта *истина* – признаки ‘печаль’ и ‘страх’ (по 1,2%), у концепта *truth* – признак ‘печаль’ (3,3%). Показательно малое количество примеров с признаками, отражающими собственно ментальную способность *правды, истины, truth*.

Биоморфные признаки представлены группами вегетативных и зооморфных метафор. Группа вегетативных признаков концептов содержит признаки ‘дерева’, ‘ствола’, ‘корня’, ‘семени’, ‘зерна’, ‘плода’, ‘урожая’, ‘цветка’, многие из которых символичны и связаны с этикой. Прямота ствола дерева может символизировать «путь правды» как единственно правильный, «прямой» путь жизни, ориентированный к нравственным высотам (*У дерева есть прямо путь к солнцу, и он один путь ... ствол идёт к солнцу по правде, а сучки по кривде.* Пришвин). Признак ‘ствол’ входит в биоморфную парадигму концепта *truth* (*Stem truth against the base-souled villain with a blow.* Dickens). С корнем связан образ мирового дерева; метафора глубины используется как символ познания. ‘Корень’ *правды* объективирует её суть (*Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем и выдрать её из памяти, из души человека, из всей жизни нашей тяжкой и позорной.* Горький). Начало, основание, духовную, нравственную причину чего-либо в славянской культуре символизирует семя (*семя правды, сеятель правды, planter of truth*). Способностью прорасти, обеспечивать продолжение, обновление жизни, идеи обладает ‘зерно’, символ плодородия, средоточие вегетативной силы, бессмертия (*зерно правды; grain of truth, kernel of truth*). Поиски *правды* завершаются нахождением новой жизнеспособной идеи, смысла, которые «прорастают» из зерна

правды (Когда посеяно зерно Добра и *правды* и свободы – Придёт пора, и даст оно Благие всходы. Чюмина). Группу зооморфных метафор составляют признаки 'кот', 'собака', 'птица', 'объект охоты', 'рыба'. *Истина*, за исключением признака 'объект охоты', не объективируется в фактических примерах ни одним из зооморфных признаков. Концепт *правда* чаще всего характеризуется признаком 'объект охоты' (18,7%). *Truth* характеризуется четырьмя из пяти вегетативных признаков, признак 'птица' составляет 8,7% от общего количества примеров зооморфных метафор. Выбор метафоры 'собака' как способа объективации концептов *правда* и *truth* предопределяется, видимо, этимологическими соответствиями первообраза – 'дерева'. Так, «в древней мифопоэтической традиции дерево олицетворяет связь «нижнего» и «верхнего» миров... Подобной же символикой наделялась собака» (Маковский, 1996).

Совокупность витальных признаков позволяет говорить о том, что одним из способов объективации концептов *правда*, *истина*, *truth* является действие когнитивной модели '*правда*, *истина*, *truth* – живое существо'.

Витальные признаки могут быть выражены физиологическими признаками и собственно витальными. Признак жизни выражается путем присоединения лексем *живой*, *жить* и т.п. к имени концепта (*Посмотреть выезжали молодцы, какова она, правда, на свете живет?* А.Толстой; *Истина имеет неодолимую силу живучести*. Писарев; *The children are not the future. The living truth is the future*. Galsworthy). Признаки 'рождение' и 'смерть' являются значимыми в представлении концептов *правда*, *истина*, *truth* в образе живого существа, но чаще всего *истина*, *правда*, *truth* 'бессмертны', 'вечны' (*Только правда бессмертна*. Сартаков; *Во имя правды вечной он за судьбой людей следит*. Ростопчина; *Truth should live from age to age*. Shakespeare; *I wandered to eternal truth*. Keats). К витальным признакам относятся также признаки 'воскрешение', 'вечность', 'дыхание', 'сила', 'несгибаемость', 'бодрствование', 'условие жизни', 'рост', 'свежесть', 'утомление', 'увядание'. Высокой частотностью у концепта *правда* обладают признаки 'жизнь' и 'смерть' (16% и 20,5% соответственно), у концепта *истина* – признаки 'жизнь' и 'вечность' (22,2% и 33,4%). Признаки 'жизнь', 'вечность' и 'сила' частотны у концепта *truth* (19,3%, 23,9% и 19,3% соответственно).

Следует отметить, что признак 'возраст' *правды*, *истины*, *truth* представлен этапами жизни – детством, старостью, они способны расти. «Старшинство» *правды*, *истины*, *truth* придают ей большую важность и авторитетность в обществе (*Правда старше*

старосмы. Пог.; *If the nebular hypothesis has any truth, older than our world and long before this earth ceased to be molten.* Wells).

Признаки стихий. Четыре первоэлемента бытия, четыре стихии – огонь, вода, воздух, земля – являются устойчивыми образами для создания метафор. «Жидкость в языческом сознании нередко уравнивается с речью (*речь течет*)» (Маковский, 1996). Слова, как сосуды, наполняются жидкостью *правды* (*Эти слова ...наполнены правдой, потому что революция явилась живой водой для народа.* Федин).

Древние считали воду священной и полагали, что вода обладает спасительной силой. *Правда и истина* определяются признаком 'спасительная влага' (*Поэт не всегда способен дать миру хотя бы «каплю спасительной истины».* Федин; *Но готовят, говорят, души ванны – правдой честной всех больных омыть хотят.* Ростопчина). Соединение потоков увеличивает силу воды, слияние 'потоков' *правды* усиливает её влияние (*Там, в бесконечности – свет обаяния, Праздник влияния правды слияния.* Бальмонт). В 'водоеме' слов и мыслей *правда* и *истина* могут «оседать на дно». Образ 'дна' – образ сокровенности и неизблемости *правды* и *истины* (*В природе всё, что там есть, на правде стоит, и он, рассказывая, как бы черпает воду глубоким ведром и вытаскивает её со дна из глубины на свет.* Пришвин; *Ответы и решения наполняют будут «собеседника» и составлять неиссякаемый источник размышлений, извлекающих со дна истину, толь возлюбленную монархине нашей.* Фонвизин).

Огонь – другой первоэлемент Вселенной, в отличие от воды считался язычниками мужским и жизнеподательным началом. С понятием огня как очищающей стихии было связано у древних понятие чистоты и искренности. Смысл очистительного действия придавался кострам как ритуальной форме возжигания огня. Как и огонь, *правда, истина, truth* характеризуются признаками 'пламя', 'неугасимость', 'искра'. Солнце как небесное светило почиталось славянами как источник жизни, тепла и света, солнце считали небесным огнем. «Древнерусская гимнография уподобляла Христа «праведному солнцу», а христианство – исходящему от него свету». (Топорков, 1995). Свет, который даёт солнце, значим в русской культуре. В христианстве «праведным солнцем» называли Христа, а христианство – исходящим от него светом. *Истина и правда* также излучают свет (*Для чего вы, не верующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда.* Л.Толстой; *Эта правда будет сквозить ...через войны народов и пожары столиц.* Андреев). Косвенно выраженный признак

солнца отмечен у *truth* (***Truth which spreads Light and Joy***. Coleridge). Признак 'солнце' является наиболее частотным у исследуемых концептов (18,6% у концепта *правда*, 12,5% у концепта *истина*, 13,1% – у концепта *truth*).

Наименее частотными среди признаков стихий оказываются признаки земли и воздуха, среди которых определяются признаки 'почва' (*Творчество именно в том и состоит, ...чтобы **вырастить на потусторонней безобразной истине** поюсторонние цветы*. Шестов; *Our affection be **rooted in the truth***. Eliot), 'небо' (***ясная правда***; *One **truth is clear***. Pope). *Truth* характеризуется признаком 'воздух' (*They **breathe truth***. Shakespeare). У *истины* также отмечаются признаки 'погоды' (...***Истин гром*** незапно поразил благоговейный слух властителей народов! Вяземский), *truth* описывается признаком 'климат' (*Beneath whose looks did my reviving soul **ripen in truth** and virtuous daring grow*. Shelly).

Предметные признаки исследуемых концептов представлены 50 признаками, которые организованы подгруппами 'имущество', 'капитал', 'вещество', 'продукт' и 'артефакт'.

Правда, истина, truth – это то необходимое и ценное, к чему стремится человек, поэтому она может быть представлена в образе имущества, которым 'владеют', которое 'хранят', 'покупают и продают', 'отдают в залог' (***На правду и цены нет***. Пог.; ***Правда – кус купленный, неправда – краденый***. Пог.; *Когда в опасности именье, жизнь и честь, коль **истину** серебром и златом **покупают**, ...грабитель и злодей без трепета живет*. Третьяковский; *Даже и в Египте видим мы только первые действия ума, первые **магазины** знаний, в которых **истины** были **перемешаны** с бесчисленными заблуждениями*. Карамзин; ***Buy the truth and don't sell it***. Proverbs 23:23).

Отдельная подгруппа признаков концептов *правда, истина, truth* является выражением когнитивной модели 'правда, истина, truth – капитал', которая подтверждает важность и ценность *правды, истины, truth* в обществе (*Почет завидный, истинный, не **купленный** ни деньгами, ни страхом: строгой **правдою**, умом и добротой!* Некрасов; ***Правда дороже золота***. Пог.; *It's **sterling truth***. Hawthorne).

Когнитивная модель 'правда, истина, truth – лекарство' косвенно утверждает, что их отсутствие в жизни человека равносильно болезни тела (*Она, правда-то, не всегда по недугу человеку ...не всегда **правдой** душу **вылечишь***. Горький; ***Истиной прочистите глаза***: она утешит вас моею наготою. Вяземский; ***If your truth happens to be such medicine as Holt's Pills and Elixir, the less you swallow of it the better,*** said Felix. Eliot).

Модель 'правда, истина, truth – продукт' подтверждает необходимость *правды, истины, truth* в жизни человека (*Ты жаждал правды, жаждал света*. Плещеев; *С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь*. Капнист). Теологическим по своей природе является признак 'пища' у *истины*, который не связан ни с этимологическим, ни с лексическим значениями слова, и объясняется памятью языка и близостью концепта *истина* к понятию Бог. У концепта *truth* признак 'пища' по фактическим примерам не выявлен.

Когнитивная модель 'правда, истина, truth – артефакт' подтверждает, что *правда, истина, truth* являются продуктом творчества, деятельной активности человека (*Господь ...поставил тебя царем – творить суд и правду!* Коростелев; *Истину ...нельзя урезывать по действительности, уж пускай действительность устраивается как она знает и умеет по истине*. Л.Толстой; *Truth falsified*. Coleridge).

Признаки времени у концептов *правда, истина, truth* представлены метафорами жизни и времени суток, образованные с помощью признаков 'год' и 'утро'. Концепт *правда* наделен признаками 'прошлое', 'настоящее', 'будущее' (*Смутная вера вопреки всему, в грядущую правду России*. Андреев). Концепт *истина* объективирует один признак времени из семи выявленных у других концептов признаков времени. *Истина* вечна, неизменна, время для *истины* наименее актуально. Самым большим количеством признаков времени характеризуется концепт *truth* (5 из выделенных 7). На материале фактических примеров признак 'длительность' у концепта *truth* обладает самой высокой частотностью – 37,5%.

Группа количественных признаков представлена признаками 'двойственность', 'единичность', 'целостность', 'много', 'мало', 'доля', 'неопределенная часть', 'отсутствие'. 'Двойственность' *правды* имеет в фактических примерах разную коннотацию (*Двойная правда создалась: для них – закон и равноправность, для нас – насилие и обман*. Тютчев; *Может быть в мире две правды даны, для душ и для жаждущих тел*. Бальмонт). Положительную коннотацию всегда предполагает 'единичность' *истины* (*Любовь и добро есть истина и счастье, одна истина и одно возможное счастье в мире*. Л.Толстой).

Признаки Бога у концептов правда, истина, truth. Благодаря длительной истории развития концептов, в их структурах можно найти признаки языческого и христианского сознания, признающего Всевышнего Бога как создателя вселенной и Иисуса Христа как «живого слова Божия», «Бога, открывшегося людям в образе

человека». Поскольку образ Бога, в силу специфики объекта, может осваиваться в культуре через посредство всех известных человеку реалий, теологический признак может присутствовать как в образной, так и в понятийной части структуры концептов. При этом метафора Бога всегда вторична по отношению к концептам. В данном параграфе исследуется сочетаемость слов *правда*, *истина*, *truth* с эпитетами, данными Богу в Библии. Установлено, что из одиннадцати библейских эпитетов Бога: 'Единый', 'Сущий', 'Бог', 'Первый и последний', 'Свет', 'Бессмертный', 'Страшный', 'Вечный', 'Царь', 'Святой', 'Вездесущий', все одиннадцать употребляются только со словом *правда*, восемь – со словом *истина*. Три эпитета – 'Первый и последний', 'Свет' и 'Вечный' – употребляются со словом *truth*. Это объясняется тем, что в соответствующих строках русскоязычной Библии словам *правда* и *истина* в Библии на английском языке соответствует слово *right*, 'право; правильность; справедливость; правое дело; правда; право; справедливое требование', либо отрывок вообще не содержит соответствующих признаков Бога. На основании этого наблюдения сделан вывод о национальной специфике концептов, заключающейся в тяготении *правды* и *истины* к понятию «Бог», *truth* – к понятию «право».

Оценочные признаки составляют 3,2% примеров концепта *правда*, 4,5% примеров концепта *истина* и 5,1% примеров концепта *truth*. Исследуемые концепты в русской и английской культурах оцениваются, в основном, положительно. *Истина*, *правда* **просты, хороши, удобопонятны, полезны, точны**, *truth* оценивается как **perfect, necessary, moral**. Наличие эпитетов с ярко выраженной отрицательной оценкой у концептов *истина* и *правда* возникли в силу социально-исторических причин.

Концепты *правда*, *истина*, *truth* имеют сложные структуры, состоящие из различных групп признаков. Сочетание различных методов и приемов исследования концепта позволяет взглянуть на него с разных сторон, высвечивая различные признаки, формирующие его структуру. Наиболее значимыми в структурах концептов *правда*, *истина*, *truth* оказываются образные признаки, что обусловлено абстрактной природой культурных концептов, и, следовательно, необходимостью их метафорического осмысления. Качества Бога не являются распространенной метафорической областью концепта *truth*. Более характерный источник метафор *truth* – область закона.

Наиболее частотными образами *правды*, согласно собранному фактическому материалу, являются 'атрибут Бога' (30,9% от общего количества примеров с признаками права), 'высочайшая

ценность' (69,7%), 'закон' (20,6%), 'семя' (18,7% от общего количества примеров с биоморфными признаками), 'зерно' (18,7%), 'объект охоты' (18,7%), 'утешитель' (4,6% от общего количества примеров с антропоморфными признаками), 'жилец' (4,6%), 'принцип служения' (14,7%), 'объект любви' (4,6%), 'имущество, которым владеют' (16,6% от общего количества примеров с предметными признаками), 'свет' (32,5% от общего количества примеров с признаками стихий).

Наиболее характерными образами *истины*, согласно собранному фактическому материалу, являются 'атрибут Бога' (14,7% от общего количества примеров с признаками права), 'закон' (35,3%), 'объект охоты' (60% от общего количества примеров с биоморфными признаками), 'власть, равная власти монарха' (8,1% от общего количества примеров с антропоморфными признаками), 'объект любви' (15,1%), 'свет' (37,5% от общего количества примеров с признаками стихий), 'объект веры' (32,4% от общего количества примеров с религиозными признаками), 'портативный предмет' (12% от общего количества примеров с предметными признаками), 'жидкость' (10,4%), 'вещество, способное смешиваться' (13,8%), 'вечность' (33,4% от общего количества примеров с витальными признаками), 'жизнь' (22,2%).

Наиболее характерными образами *truth*, согласно собранному фактическому материалу, являются 'закон' (47,7% от общего количества примеров с признаками права), 'клятва' (17,8%), 'зерно' (34,8% от общего количества примеров с биоморфными признаками), 'семя' (26%), 'социальная активность' (10% от общего количества примеров с антропоморфными признаками), 'небо' (44,7% от общего количества примеров с признаками стихий), 'поток' (18,5%), 'солнце' (13,1%), 'высочайшая ценность' (45,5% от общего количества примеров с религиозными признаками), 'имущество, которым владеют' (27,7% от общего количества примеров с предметными признаками), 'вечность' (23,9% от общего количества примеров с витальными признаками).

Образы *правды*, *истины*, *truth* показывают, насколько ценностно значимы концепты *правда*, *истина*, *truth* в духовном бытии человека и в культуре народов в целом. Все объекты, с которыми сопоставляются *правда*, *истина*, *truth* при концептуализации, являются базой для их познания, для выявления наиболее значимых свойств, недоступных для непосредственного восприятия абстрактных культурных концептов.

Дифференциация концептов обусловлена причинами этимологического и культурологического характера, а именно, синкретичность концепта *truth* и представленность понятия двумя концеп-

тами в русском языке, *истиной и правдой*, и отсюда своеобразием Библейских переводов, кроме того, особенностью реализации закона «Русской Правды», связанной с жестокостью судов, расправ, измышлением разного рода штрафов, а также спецификой западной светской культуры.

Наиболее частотны в структуре концепта *истина* мотивирующие пространственные признаки (26,7%). Это объясняется особенностями внутренней формы слова *истина* и важностью для русской культуры символики вертикального членения пространства. Наименее частотный признак концепта – признак времени, он составляет 0,1% от общего количества примеров концепта *истина*, что объясняется сближением в русской культуре концепта с понятием Бога, основная характеристика которого – бессмертие.

В структуре концепта *правда* наиболее частотны признаки Логоса (32,3%) и антропоморфные признаки (20,5%). Наименее актуальна для *правды* группа признаков времени (0,7%).

Мотивирующие пространственные признаки составляют 26,7% от общего количества примеров концепта *truth*, что также объясняется особенностями внутренней формы слова *truth* и особой важностью символики Мирового Древа в англоязычной культуре, представляющего вертикальное пространственное членение. Наиболее частотными группами признаков концепта *truth* являются признаки знания (18,5%) и Логоса (16,7%). Группа признаков времени концепта *truth* наименее частотна (0,7%).

Правда и *truth* рассматриваются как источник знания о мире, поэтому *правда* и *truth* сообщаются преимущественно аудиально. *Истина* ориентирована на рефлексивное познание мира, поэтому кроме аудиального восприятия *истины*, частотны также визуальный, осязательный и интуитивный виды восприятия.

Объективация всеми выделенными признаками деятельности Бога ('атрибут Бога', 'карающая сила', 'божественный закон' и 'неподсудность') позволяет говорить, что *правда* представляет собой способ регуляции действий человека в обществе с помощью идеала справедливости, *truth* актуализирует признаки предправовых актов 'жертва' и 'клятва' и признаки государственного права, что позволяет сделать вывод о том, что *truth* преимущественно регулирует действия человека с помощью идеала должного.

Наиболее продуктивными когнитивными моделями в объективации концептов *правда, истина, truth* являются:

1. '*Правда, истина, truth* – женщина'. Признаки 'беременность', 'скелет', 'язык', 'слепота' по фактическому материалу составляют специфику концепта *truth*. '*Правда, истина, truth* – во-

ин', 'правда, истина, truth – монарх', 'правда, истина, truth – судья', 'правда, истина, truth – жилец', 'правда, истина, truth – друг'. Специфику концепта *правда* составляет актуализация признаками 'мать', 'дочь', 'сестра', 'враг'. Все эмоциональные признаки концептов *правда, истина, truth* – негативные.

2. 'Правда, истина, truth – солнце'. У концепта *truth* частотна когнитивная модель 'truth – небо'.

3. 'Правда, истина, truth – имущество', 'правда, истина, truth – артефакт', 'правда, истина, truth – вещество'.

4. 'Правда, truth – зерно', 'правда, truth – семя'. Для *истины* биоморфные метафоры малопродуктивны.

Основные выводы сводятся к следующим положениям:

Культурные концепты *правда, истина, truth* актуализируются устойчивым набором признаков, образующих их концептуальные структуры: структуры концептов состоят из мотивирующих, понятийных, образных и оценочных групп признаков.

Мотивирующие признаки находятся в основе образования понятийных и образных признаков. К числу ведущих мотивирующих признаков концептов *правда, истина, truth* принадлежат пространственные признаки.

В качестве основ структур изучаемых концептов выступают следующие группы концептуальных признаков: 'признаки Логоса', 'пространственные' ('верх/ низ', 'внутри/ снаружи'), 'теологические', 'витальные', 'биоморфные', 'предметные', 'антропоморфные', признаки 'времени', 'квантитативные' признаки, признаки 'знания', признаки 'права', оценочные признаки.

Проанализированные концепты отличаются национальным своеобразием. Представление о *правде* и *истине* для русского человека связано с религиозной сферой, представление о *truth* для носителей английского языка связано с правовой сферой.

Литература

Агиенко, М. И. Внутренняя форма слова как элемент духовной культуры народа / М. И. Агиенко // Филологический сборник / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2002. – Вып. 2. – С. 11-14.

Агиенко, М. И. Слово как текст. Внутренняя форма слова и универсалии культуры / М. И. Агиенко // Ученые записки МГПУ. ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ЧЕЛОВЕК: сборник научных статей. Вып. 3. Ч. 2. (Языкознание). – Мурманск, 2003. – С. 102-106.

Агиенко, М. И. Выявление внутренней формы как способ концептуального анализа / М. И. Агиенко // Филология и культура: материалы IV Международной научной конференции 16-18 апр. 2003 года / отв. ред. Н.

Н. Болдырев; редкол.: Е. С. Кубрякова, Т. А. Фесенко и др. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 390-392.

Агиенко, М. И. Проблема концепта. Возможности интеграции наук / М. И. Агиенко // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: материалы Сибирского психологического форума, 16-18 сент. 2004 г. – Томск, 2004. – С. 190-209.

Агиенко, М. И. Признак «власть» у концепта *правда* (из опыта концептуального анализа) / М. И. Агиенко // Язык. История. Культура / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 152-158 (Серия «Филологический сборник». Вып. 5).

Агиенко, М. И. Признаки Бога в структурах концептов *истина, правда* / М. И. Агиенко // Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: материалы Международной конференции «Язык. Система. Личность», 14-16 апр. 2004 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 3-11.

Агиенко, М. И. Теологические признаки концептов *истина и правда* / М. И. Агиенко // Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллективная монография / под ред. Е. А. Пименова, М. В. Пименовой. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 190-209.

Агиенко, М. И. Своеобразие биоморфного кода в структурах концептов *правда, истина, truth* / М. И. Агиенко // Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 172-175. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Bd. 10. Herausgeber der Reihe: H. Barthel, E. A. Pimenov).

Агиенко, М. И. Культурологические особенности концепта *truth* / М. И. Агиенко // LINGUISTICA JUVENIS: сборник научных трудов молодых ученых. Вып. 6. Язык в свете традиционных и научных парадигм. – Екатеринбург, 2005. – С. 3-14.

Агиенко, М. И. Пространственные признаки концептов *правда, истина* / М. И. Агиенко // Мир и язык: сборник научных статей / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 134-140.

Агиенко, М. И. Признаки Логоса у концептов ИСТИНА и ПРАВДА / М. И. Агиенко // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: материалы Междунар. конференции. Волгоград, 12-14 окт. 2005 г. / Волгогр. гос. пед. ун-т; отв. ред. В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 3-8.

Агиенко, М. И. Культурологические особенности концепта *правда* / М. И. Агиенко // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Междунар. научно-практической конференции, 14-18 июня 2005 г. – Иркутск, 2005. – Ч. 1. – С. 132-136.

А.В. Полина (Харьков)

БОГ

Данная работа посвящена анализу содержания и структуры концепта БОГ, вербализованного в английском языке, и его диахронического варьирования в светском дискурсе XIV- XX веков.

Концепт БОГ как важнейшая культурная универсалия, основа всех мировых религий, является объектом изучения в различных областях знаний: философии, социологии, истории (Панков 1996; Клименко 2003; Батаева 1997). В лингвистике в зависимости от доминирующей парадигмы его анализ фокусируется на проблемах лексикологии (в том числе фразеологии), стилистики, анализа дискурса, лингвистической когнитивистики, хотя число работ, посвященных этой тематике, невелико в силу объективных условий развития отечественной науки советского периода. Так, в лексикологии исследования номинации Бога на материале различных языков, затрагивали их характеристики, объективированные разными средствами языка: пословицами библейского происхождения (Котова 1993, Печенкина), лексическими единицами, в том числе фразеологическими (Сафронова 1997; Лысенко 2002; Лилич 1993), образными сравнениями (Подвальная 2003), библейско-христианской метафорой (Дубровская 2001). Изучается функционирование в концепта БОГ в дискурсе англоязычной и русскоязычной проповеди (Кравченко 2004).

В рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы в лингвистике начато изучение концепта БОГ как концепта русской и французской культуры (Степанов 1997; 2001; Блохина 2002; Саратов). Определены характеристики концепта БОГ как символа в русской и французской культурах (Саратов), описана специфика концепта БОГ в произведениях отдельных авторов (Проць 1997; Билецкий 1997; Серова 1999; Блохина 2002). Однако недостаточно исследованными остаются место концепта БОГ в английской картине мира, особенности его категоризации, семантические характеристики лексем, объективирующих данный концепт, его фреймовая структура и пути метафорической и метонимической концептуализации, его когнитивная и функциональная специфика в дискурсах разных типов и разных эпох.

Цель данного исследования – определить содержание и фреймовую структуру концепта БОГ, его место, специфику вербализации и категоризации в английской языковой картине мира, исследовать их историческую динамику в светском дискурсе XIV-XX вв.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- выделить содержательные характеристики концепта БОГ в концептуальной и языковой картинах мира представителей британской лингвокультуры;
- определить структуру концепта БОГ как концепта культуры: его этимологический, исторический, актуальный слои и архетип;
- выявить категориальные свойства концепта БОГ с точки зрения теории прототипов;
- моделировать фреймы концепта БОГ в религиозном и светском дискурсе;
- установить закономерности использования концепта БОГ в процессах метафорической и метонимической номинации в религиозном и светском дискурсе;
- проследить диахроническое варьирование фреймовой модели концепта БОГ и ее отдельных компонентов в английском светском дискурсе XVI-XX вв.

Гипотеза исследования основана на допущении о том, что концепт БОГ как прототипический элемент, образующий категорию, в светской и религиозной картинах мира характеризуется различным строением фреймовой модели и наполнением ее слотов. Предполагается, что содержание и структура концепта БОГ, вербализованного средствами английского языка, исторически существенно варьируется в светском дискурсе XIV-XX вв.

Концепт БОГ, являясь культурной универсалией (центром всех мировых религий), отражает базовые ценности в области философии, культуры, религии, морали и нравственности, сложившиеся в ходе развития цивилизации. Помимо ценностной, в данном концепте культуры выделяются образная и понятийная составляющие. Его содержание обусловлено этно- и социокультурной спецификой той картины мира, частью которой он является и, исследуя вербальные средства выражения концепта, следует учитывать мировидение носителей языка (религиозное или светское), их социо- и этнокультурные традиции.

Динамика социума и культуры обуславливают историческое варьирование характеристик концепта БОГ, включающих исходную этимологию, сжатую до основных признаков историю, современные ассоциации и оценки. Но одновременно с закономерным поступательным изменением данного концепта в светской КМ, его этимологический слой сохраняется в современной религиозной христианской КМ, оставаясь актуальным для КМ настолько, насколько актуально религиозное сознание.

Небиблейская этимология концепта БОГ восходит к его древнему определению как "вселенной с двуединой сущностью с пре-

обладанием света", с его отношением к человеку как "одаряющий, дающий счастье", но также и "господин", "владыка рода" (для племенных богов).

В христианстве (см. Ветхий и Новый Завет) Бог понимается как Личность, обладающая определёнными качествами и относящаяся к человеку определённым образом. По нашим данным, можно вывести объединённую внутреннюю форму данного концепта: *"Бог" — вечный и всемогущий Творец, обладающий превознесенным положением Владыка, существующий в единстве множественности.*

Концепту БОГ в христианстве предшествует культурный архетип ТРОИЦА. Это служит подтверждением того, что уже на примитивном уровне развития религии встречаются божественные триады. Личность Иисуса Христа, одна из ипостасей христианской Троицы, также восходит к глубинам подсознательной деятельности. Образ Христа – результат сознательной обработки культурного архетипа ГЕРОИ и еще глубже – психологического архетипа САМОСТЬ. Идея же Святого Духа основана в попытках дать выражение неким непостижимым психическим событиям. Архетип ТРОИЦА представлен в виде следующей модели: мир божеств — общность богов — бог. Многие качественные характеристики концепта БОГ (свет, слово, вода, отец) также восходят к архетипическим праформам.

Место концепта БОГ в ЯКМ неоднозначно определяется в религиозной и светской КМ прежде всего потому, что заполнение многих ячеек информации определяется субъективными моментами: нетождественностью жизненного опыта разных людей, особенностями мировоззренческих установок и культурной среды. Концепт БОГ может восприниматься через призму нематериальности своей сущности и выноситься вообще за рамки материального мира (религиозная КМ) или через призму "видимого проявления" в обществе — посредством функционирования в социальном институте церкви (светская КМ). В последнем случае он входит в домен РЕЛИГИЯ на фоне СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ как части более крупной концептуальной области ЧЕЛОВЕК. По значимости для человека он может занимать ведущее либо наименее значимое место в зависимости от господствующего мировоззрения и ККМ, сложившейся в конкретном обществе.

Концепт БОГ, непосредственно входит в состав домена СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, структурированного в виде категории по гипонимо-гиперонимическому признаку, где на базовом уровне категоризации находится категория БОЖЕСТВА (БОГИ). В структуре английской ЯКМ данная категория базового

уровня находится на одном уровне с категорией ДУХИ, а также сама выступает как суперордината по отношению к концептам ЛОКАЛЬНЫЕ БОГИ и БОГИ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ.

В категорию БОЖЕСТВА, представляющую собой группу концептов, объединенных на основе сходства черт и функций, входят: 1) прототип – концепт БОГ, центр христианской религии; 2) ЛОКАЛЬНЫЕ БОГИ, контролирующие какую-либо сферу мира или жизни человека (боги языческих религий); 3) БОГИ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ; 4) ОБОЖЕСТВЛЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ (метафорическое расширение категории).

Логико-семантические характеристики концепта БОГ в религиозном дискурсе, определяемом как совокупность библейских текстов и теологических комментариев, которые содержат образцы поведения с намерением привести личность адресата в соответствие с предписываемыми идеалами, являются отправной точкой его исторического варьирования в английском светском дискурсе.

Для проведения сравнительного анализа религиозных и светских характеристик концепта БОГ, рассмотрены ролевые структуры, в состав которых входит лексема *god* и ее синонимы. В выделенных нами ролевых структурах лексема *god* исполняет семантические роли агенса и агенса-каузатора. Другие члены данных ролевых структур выступают в функциях пациенса, инструмента, цели, бенефицианта, результата. Кроме того, агенс характеризуется с точки зрения своих качественных, количественных, таксономических и локативно-темпоральных характеристик, а также способа существования, и как объект вторичной номинации. Как эксплицитно, так и имплицитно, семантические роли лексемы *god* и ее синонимов представлены в "символах веры", то есть, кратких изложениях вероучения церкви.

Выявление закономерностей внутренней организации концепта и их взаимосвязей позволяет моделировать исследуемый концепт в виде межфреймового образования, интегрирующего пять базовых фреймов: предметный, акциональный, таксономический, possessивный и компаративный. Последние характеризуют концепт соответственно по его количественным, качественным, бытийным, локативным и темпоральным, параметрам, с точки зрения исполняемых им семантических ролей, его таксономические и possessивные характеристики, а также его участие в межпространственных связях подобия, являющихся основанием метафоры. Как целостная структура, данная межфреймовая сеть обладает системными свойствами, ее слоты взаимосвязаны и взаимозависимы.

Совокупная структура фрейма концепта БОГ включает следующие слоты:

- в предметном фрейме слоты (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)), (БОГ **есть** СТОЛЬКО (количество)), (БОГ **существует** ТАК (способ)), (БОГ **существует** ТАМ/ ТОГДА (место/ время));

- в акциональном фрейме слоты (БОГ (агнс) **действует на** НЕКТО (пациенс)), (БОГ (агнс) **действует с** НЕЧТО (инструмент)), (БОГ (агнс) **действует для** НЕЧТО (цель)), (БОГ (агнс) **действует для** НЕКТО (бенефициант)), (БОГ (каузатор) **творит** НЕКТО/ НЕЧТО (результат));

- в таксономическом фрейме слот (БОГ **есть** НЕКТО (роль));

- в поссесивном фрейме слот (БОГ (обладатель) **имеет** НЕКТО/НЕЧТО (обладаемое));

- в компаративном фрейме слот (БОГ (референт) **есть как бы** НЕКТО/ НЕЧТО (коррелят)).

В религиозном дискурсе для описания характеристик концепта БОГ употребляется концептуальная метафора. Средствами метафоры иллюстрируются многие сущностные качества концепта БОГ и роли, которые он исполняет по отношению к сотворенному Им миру. В процессе номинации концепта БОГ используются два вида метафоры. Первый – "именные" – это прямое уподобление Бога кому-либо или чему-либо, второй "сентенциальные" – это особые пророческие изречения, для правильного понимания которых необходимо привлечение широкого библейского контекста. Анализ библейского языкового материала позволяет выявить концептуальные комплексы (области), которые выступают в качестве концептуальных коррелятов концепта БОГ. Сам же семантический прототип концепта БОГ, представленный в текстах Библии, участвует в образовании метафоры исключительно в качестве референта.

При образовании метафорических номинаций концепта БОГ или его отдельных характеристик используются метафоры биоморфные (антропоморфные, зооморфные, ботанические), вещественные (вещества, артефакты) и социоморфные (общественные отношения). Анализ библейского текстового материала позволяет выявить концептуальные комплексы (области), которые выступают в качестве концептуальных коррелятов концепта БОГ: АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ, ПРОДУКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, с подразделением последних на ВЕЩЕСТВА и ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕЛА. ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕЛА, в свою очередь, подразделяются на ЖИВЫЕ и НЕЖИВЫЕ; ЖИВЫЕ – на ЛЮДИ, РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ и ЧАСТИ ЖИВО-

ГО ТЕЛА; НЕЖИВЫЕ – на ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ и АРТЕФАКТЫ.

Концепт БОГ, представленный в религиозном дискурсе, участвует в образовании метафоры в качестве референта.

В библейском тексте для описания характеристик концепта БОГ употребляется концептуальная метонимия, которая подчинена цели религиозного дискурса – научить человека правильному пониманию характеристик Бога. Средствами метонимии обеспечивается восприятие концепта БОГ с разных сторон: с точки зрения Его действий, разума, эмоций и чувств, личности в целом. Как и в случае метафоры, концепт БОГ участвует в образовании концептуальной метонимии только в качестве референта, то есть, объекта осмысления. Его коррелятивный спектр включает: наименование частей тела, лексемы *word* и *voice*.

Проведенный фреймовый анализ концепта БОГ в светском дискурсе в аспекте диахронии позволяет сделать выводы о том, что фрейм-структуры концепта БОГ в светском и религиозном дискурсе отличаются конфигурацией и наполнением слотов, а также наличием в первом функциональных и непрототипических значений концепта БОГ. Исторически данный концепт в светском дискурсе проявляет существенное варьирование.

Концепт БОГ в религиозном и светском дискурсе демонстрирует ряд диахронически универсальных и исторически ограниченных отличий:

В светском дискурсе XIV-XV и всех последующих веков стабильно регистрируем отличия концепта БОГ от религиозного дискурса:

- функционирование как инструмента для выражения эмоций в дискурсе: как эмотивов (позитивно/негативно окрашенных) и как инвективов;
- непрототипические значения категории БОЖЕСТВА – ЛОКАЛЬНЫЕ (ЯЗЫЧЕСКИЕ, АНТИЧНЫЕ) БОГИ и БОГИ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ, частотность употребления которых возрастает к XX веку;
- выпадение possessивного фрейма, представленного слотом (БОГ (обладатель) **имеет** НЕКТО/НЕЧТО (обладаемое)), из состава фрейм-структуры концепта БОГ в светском дискурсе;
- заполнение слотов предметного, таксономического и акционального фреймов более частными по сравнению с прототипом характеристиками;
- в составе слотов «качество» и «роль» появляются искаженные и небиблейские характеристики;

- использование в компаративном фрейме исследуемого концепта не в качестве референта метафоры, а как ее коррелята для других концептуальных областей;

- представление концепта БОГ метонимическими номинациями. Исторически варьирующиеся изменения светского и религиозного бытования концепта БОГ по векам включают следующие:

Для фрейм-структуры концепта БОГ в светском дискурсе XIV-XV вв. характерно:

- исчезновение слота (БОГ **есть** СТОЛЬКО (количество)) по сравнению с библейским прототипом;

- в составе слота (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)) появляются новые качества: *cruel, unjust*; отдельные семантические характеристики (например, *ready to give*) приобретают дополнительные значения;

- в слоте (БОГ **существует** ТАК (способ)) отсутствуют прямые характеристики способа существования Бога, есть лишь косвенные подтверждения прототипических семантических характеристик;

- в слоте (БОГ **существует** ТАМ / ТОГДА (место / время)) отсутствует составляющая (ТАМ (место)).

В таксономическом фрейме некоторые роли, исполняемые Богом, приобрели новую трактовку в светском дискурсе по сравнению с прототипом: роль *Lord* приобрела дополнительное значение *Tyrant, Saviour* – дополнительное значение *unjust*.

В компаративном фрейме данный концепт объективирован лексемой *god*.

Для представления концепта БОГ употребляется метонимическая лексема *Fortune*.

Для фрейм-структуры концепта БОГ XVI-XVII вв. характерно:

В слотах предметного фрейма происходят следующие изменения:

- в состав слота (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)) вошли ранее не приписывавшиеся исследуемому концепту качества: *thrifty, weak, full of hatred, envious, warlike, encouraging, reliable*; трактовка семантических характеристик *merciful, vengeful, just* по сравнению с прототипом изменяется.

- при заполнении слота (БОГ **существует** ТАК (способ)) для фрейм-структуры концепта БОГ XVI века не были обнаружены прямые номинации способа существования Бога, лишь косвенные подтверждения прототипических семантических характеристик;

- в слоте (БОГ **существует** ТАМ / ТОГДА (место / время)) местопребыванием Бога названы только небеса.

В таксономическом фрейме, представленном слотом (БОГ **есть** НЕКТО (роль)), некоторые роли, исполняемые Богом по отношению к человеку, приобретают искаженно новую трактовку: роль *Lord* получает дополнительное значение *prophet; Saviour – unjust*;

В компаративном фрейме исследуемый концепт представляют лексемы *God, Lord, goddess, divine, holy, heavenly*.

Для представления концепта БОГ употребляются метонимические лексемы *Fortune, Providence, Destiny, Heaven(s)*.

В XVIII веке для слотов предметного фрейма характерно:

- в составе слота (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)) появляются новые качества: *cruel, indifferent, partial*; искажается семантическая характеристика *forgiving* по сравнению с прототипом.

- слоты (БОГ **есть** СТОЛЬКО (количество)), (БОГ **существует** ТАК (способ)) полностью исчезают;

- в слоте (БОГ **существует** ТАМ / ТОГДА (место / время)) отсутствует составляющая (ТАМ (место)).

В таксономическом фрейме некоторые роли, исполняемые Богом по отношению к человеку, приобрели новую трактовку по сравнению с прототипом: *Judge*, в некоторых случаях приобретает дополнительное значение *unjust*;

В компаративном фрейме исследуемый концепт как коррелят метафоры представлен лексемами *gods, goddess, divine, heavenly*.

Для представления концепта БОГ употребляются метонимические номинации *Fortune, Providence, Heaven(s), Nature, Divine, Sacred Authority*.

В XIX веке для слотов предметного фрейма характерно:

- в состав слота (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)) вошли новые качества: *weak, cruel, indifferent, false, devilish, dumb, patient, soulless, supine*; ставится под сомнение семантическая характеристика *seeing everything, just* приобретает дополнительное значение *cruel*.

Слоты (БОГ (агнс) **действует для** НЕЧТО (цель)) и (БОГ (агнс) **действует с** НЕЧТО (инструмент)) исчезают.

В таксономическом фрейме некоторые роли, исполняемые Богом по отношению к человеку, приобрели новую трактовку по сравнению с прототипом: роль *Judge* в некоторых случаях теряет свое значение *just*, как и в XX веке, а роль *Lord* приобретает дополнительное значение *Tyrant*;

В компаративном фрейме исследуемого концепта используются лексемы *heavenly, godlike, Heaven and Hell, Apollo*.

В светском дискурсе XIX века вербализация концепта БОГ осуществляется метонимическими номинациями *Providence, Heaven(s), Nature, Divine, Power, Fate*, и иносказательно – *First Cause*.

В XX веке для слотов предметного фрейма характерны следующие изменения:

- в состав слота (БОГ **есть** ТАКОЙ (качество)) вошли ранее не приписывавшиеся исследуемому концепту качества: *weak, cruel, partial, passive, unjust*; претерпела искажение семантическая характеристика *incomprehensible* по сравнению с прототипом;

- заполнение слота (БОГ **есть** СТОЛЬКО (количество)) подтверждает библейскую трактовку лишь косвенно;

- слоты (БОГ **существует** ТАК (способ)), (БОГ (агнс) **действует для** НЕЧТО (цель)) и (БОГ **существует** ТАМ / ТОГДА (место / время)) для фрейм-структуры концепта БОГ XX века отсутствуют.

В компаративном фрейме исследуемого концепта лексемы *God, godlike, Christ-like* представляют концепт БОГ.

В светском дискурсе XX века концепт БОГ представлен кроме библейских лексемами *Gosh, Jove, Gee*.

В светском дискурсе концепт БОГ участвует в процессе метафоризации, выступая в качестве концептуального коррелята для таких концептуальных областей как ПРЕДМЕТ ПОКЛОНЕНИЯ, СОВЕРШЕНСТВО, ДОБРО (как антоним концептуальной области ЗЛО), ЧИСТОТА, ВСЕСИЛЬНЫЙ ГОСПОДИН, ВЫСШАЯ СТЕПЕНЬ УДОВОЛЬСТВИЯ, ОРУДИЕ ВОЗМЕЗДИЯ. Перемещение концепта БОГ из сферы референта метафоры в Библии (объекта, требующего объяснения и подлежащего изучению) в сферу коррелята метафоры в светском дискурсе (средства для объяснения других понятий) связано с историческими изменениями в концептуальной и, соответственно, языковой картине мира, которые соответствуют общим направлениям развития общества и культуры от сакрального к секулярному.

Исследования динамики характеристик концепта БОГ в светском дискурсе Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего Времени по сравнению с библейскими характеристиками выявили наличие регулярных сходств и отличий, что позволяет утверждать наличие постоянных и переменных слотов концепта БОГ.

Свойства концепта БОГ в светском дискурсе эпох Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени по степени диахронического варьирования образуют области

стабильности, колебаний, нестабильности на шкале min – max варьирования:

- диахронически стабильными (min варьирования) являются

- качества *loving, good, perfect*;

- роли *Lord, Father, Judge, Creator, Helper, Witness, Defender*;

- слоты “воздействует на”, “действует ради”, “творит” человека;

- компаративный фрейм – коррелят метафоры;

- диахронически нестабильными (max варьирования) выступают

- качества: библейские – *high, reliable, great, working wonders, hearing prayers, purifying, warlike, blessing, compassionate, supreme being, omnipresent*; небиблейские – *unjust, punishing, full of hatred, thrifty, indifferent, false, devilish, supine, weak, soulless, envious, dumb, partial, patient, passive*;

- роли *Redeemer, King, Leader, Lamb, Man*;

- слоты “воздействует на” ангелов и демонов, “действует посредством” обстоятельств, чуда, слова, человека, благодати, “творит” мир, события, обстоятельства, Свое учение; “цель” спасти человека, восстановить справедливость, благословить, сохранить религию, “количество” – един в трех лицах.

В целом концепт БОГ в светском дискурсе в совокупности прототипических и непрототипических свойств по сравнению с библейским прототипом проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., а наименьшее – в XIV-XV и XVI-XVII вв., что соответствует культурно-исторической динамике общества.

Основные выводы исследования сводятся к следующим положениям:

1. Культурный концепт БОГ имеет трехслойную структуру: его этимологический слой включает добиблейскую и библейскую этимологию; его исторический и актуальный слои охватывают совокупность диахронически изменчивых и постоянных семантических характеристик и способов вербализации. Архетипическая праформа концепта БОГ восходит к архетипическим символам ТРОИЦА, ГЕРОЙ, САМОСТЬ, СВЕТ, ОТЕЦ, СЛОВО, ВОДА.

2. В английской христианской культуре религиозно-этический концепт БОГ является прототипическим элементом категории БОЖЕСТВА, включающей непрототипические концепты ЛОКАЛЬНЫЕ БОГИ (АНТИЧНЫЕ, ЯЗЫЧЕСКИЕ), БОГИ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ и ОБОЖЕСТВЛЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ. В светской КМ категория БОЖЕСТВА осмысливается на фоне домена РЕЛИГИЯ/СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, включенного в СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ – часть более крупной концептуальной области

ЧЕЛОВЕК. В религиозной КМ БОГ равновелик и противопоставлен ВСЕЛЕННОЙ.

Концепт БОГ в английской ЯКМ объективируется лексемами God, Lord, Divine и свободными сочетаниями, а также когнитивной метафорой – через коррелятивные области ФИЗИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ, ПРОДУКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ и метонимией – номинациями частей тела и лексемами Fate, Fortune, Heaven, Destiny, Nature, Providence.

3. Межфреймовая структура прототипических значений концепта БОГ в религиозной картине мира состоит из пяти базовых фреймов: предметного, включающего слоты (БОГ *есть* СТОЛЬКО (количество)), (БОГ *есть* ТАКОЙ (качество)), (БОГ *существует* ТАК (способ бытия)), (БОГ *существует* ТАМ/ТОГДА (место и время)); акционального – (БОГ (агенса) *действует на* НЕКТО (пациенс)), (БОГ (агенса) *действует для* НЕЧТО (цель)), (БОГ (агенса) *действует с* НЕЧТО (инструмент)), (БОГ (агенса) *действует для* НЕКТО (бенефициант)), (БОГ (каузатора) *творит* НЕКТО/НЕЧТО (результат)); таксономического – (БОГ *есть* НЕКТО (роль)); possessивного – (БОГ (обладатель) имеет НЕКТО/НЕЧТО (обладаемое)); компаративного – (БОГ (референт) *есть как бы* НЕКТО/НЕЧТО (коррелят)).

4. Общие значения в межфреймовых структурах концепта БОГ светской и религиозной ЯКМ содержатся в слотах: «качество», «бенефициант», «пациенс», «результат творения», «роль». В светской ЯКМ в отличие от религиозной исторически стабильно все слоты семантически обеднены, отсутствует possessивный фрейм, слот «качество» пополняется небиблейскими значениями; слоты «количество», «способ бытия», «место/время», «инструмент», «цель» являются исторически переменными. В светском дискурсе употребляются значения непрототипических членов категории БОЖЕСТВА, концепт БОГ функционирует как средство выражения эмоций.

5. Концептуальная метафора в осмыслении концепта БОГ опосредована типом дискурса: в религиозном дискурсе он выступает в роли концептуального референта; в светском – коррелирует метафоры, используемой для концептуализации других областей. При метонимическом переносе концепт БОГ выступает концептуальным референтом независимо от типа дискурса.

6. По степени диахронического варьирования свойства концепта БОГ в светском дискурсе эпох Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового и Новейшего времени образуют области стабильности, колебаний, нестабильности. В целом концепт БОГ в светском дискурсе в совокупности прототипических и не-

прототипических свойств по сравнению с библейскими свойствами проявляет наибольшее варьирование в XVIII и XX вв., а наименьшее — в XIV-XV и XVI-XVII вв., что соответствует культурно-исторической динамике общества.

Литература

Зубкова Л.И., Листрова-Правда Ю.Т. Национально-культурная специфика концепта БОГ в русской и английской паремиологии // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 49-50.

Зубкова Л.И. Концепты «бог» и «царь» в религиозном сознании русских // Язык и национальное сознание. – Вып. 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.

Печенкина О.Ю. О периферии концепта „бог” в текстах пословиц и поговорок русского народа, собранных В. Далем // Фразеология, 2000. – Тула, 2000. – С. 113-115.

Полина А.В. О прототипах концепта БОЖЕСТВЕННОГО в английской языковой картине мира//Іноземна філологія на межі тисячоліть: тези доповідей міжнародної наукової конференції, присвяченої 70-річчю факультету іноземних мов Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – Харьков: Константа, 2000. – С. 240-241.

Полина А.В. Концепт "БОГ" в английском языковом сознании//Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна – 2000. – № 500. –С. 85-92.

Полина А.В. Відображення концепту "БОГ" в англійській мовній свідомості // Мови, культури та переклад у контексті Європейського співробітництва. – Київ: Київськ. нац. ун-т, 2001. – С. 365-368.

Полина А.В. Концепт "БОГ" в английском языковом сознании // Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: в 3 ч. – Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – С. 166-168.

Полина А.В. Использование метафоры в процессе концептуализации понятия "БОГ" // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2001. – № 537.– С. 166-171.

Полина А.В. Использование метафоры в процессе концептуализации понятия "БОГ" // Композиционная семантика: Материалы Третьей Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: в 2 ч. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 201-203.

Полина А.В. Эйдетический и логический анализ концепта БОГ // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 133-137.

Полина А.В. Историческое варьирование семантического прототипа концепта БОГ // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 169-172.

Полина А.В. Семантические характеристики концепта БОГ в светском и библейском дискурсе // Матеріали Міжнародної науково-методичної конференції "Треті Каразінські читання: методика та лінгвістика на шляху до інтеграції". – Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2003. С. 148-149.

Полина А.В. Место концепта БОГ в современной английской картине мира // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. № 611.– С. 134-137.

Полина А.В. Историческое варьирование семантических характеристик концепта БОГ // Сучасні проблеми та перспективи дослідження романських і германських мов і літератур: Матеріали Другої міжвузівської конференції молодих учених– Донецьк: ДонНУ, 2004. – С.253-255.

Полина, А.В. Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV-XX вв.: Автореф. дис. ... канд.филол. наук. Харьков, 2004 – 23 с.

И.П. Черкасова (Армавир)

АНГЕЛ

Статья посвящена многоаспектному изучению лингвокультурного концепта «ангел», реализованного в текстах художественной литературы. Работа нацелена, с одной стороны, на выявление механизмов порождения и функционирования концепта в текстовом пространстве в динамике и, с другой стороны, на определение метасмыслового континуума «интертекстуального ангела».

В качестве методологической основы исследования следует рассматривать базовые положения лингвокультурологии (С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик, Е.С.Кубрякова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, и др.), лингвистики текста, теории дискурса (В.П. Литвинов, В.Ю. Меликян, А.В. Олянич, Е.И. Шейгал, К.Э. Штайн и др.), теоретической семантики и семиотики (Н.Ф. Алефиренко, В.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и др.), герменевтики (Г.И. Богин, Н.О. Гучинская, Н.Л. Галеева, А.А. Залевская, В.П. Литвинов и др.), лингвистической теории эмоций (В.И. Шаховский, Н.А. Лукьянова, Р.С. Сакиева, Д. Эйчисон и др.)

Избранный метод является лингвистико-герменевтическим, поскольку постоянно присутствует сверхзадача – интерпретировать смыслообразование на основе выявленных языковых особенностей текста. На первое место выдвигаются в этой связи особенности лексики, лексического выбора как важнейшего тексто – и смыслообразующего фактора. Данный метод является комплексным и включает в свою структуру ряд методик: герменевтико-интерпретационный анализ, компонентный анализ, сопоставительный анализ, контекстуальный анализ, текстовый анализ, технику распрямления, технику декодирования. Используемый метод опирается на «герменевтический круг» Г.Гадамера (Гадамер 1991) и является методом не последовательным, а круговым, т.е. мы осуществляем движение от смысла целого к его деталям и

средствам выражения, а затем назад к целому, после чего следует новое возвращение к деталям и т.д. В результате процесс понимания движется по спирали, на каждом витке которой происходит углубление понимания.

Учитывая собранный лингвоконцептологией опыт, мы определяем концепт следующим образом: концепт – ментальное образование, имеющее многокомпонентную и многослойную организацию, мыслимое и переживаемое, направленное на поиск ценностных доминант и экзистенциальных смыслов, являющееся элементом духовной культуры человека и созданное для понимания себя и своего места в мире, репрезентирующееся в лингвокультурной сфере человеческого бытия. Концепты образуют концептосферу, которая носит упорядоченный характер. В рамках концептосферы концепты вступают в системные отношения с другими концептами. Различаются общезыковые концепты, а также индивидуально-личностные концепты, характеризующие миропонимание индивидов.

В качестве индивидуальных могут выступать концепты, репрезентированные в художественных текстах и образующие авторскую концептосферу. Изучение концепта в рамках текста предъявляет к исследователю дополнительные требования, так как текст – особое структурно-смысловое образование, гармоничная система, в которой все приведено в соответствие (Г.И.Богин, И.Н.Григоренко, А.А.Залевская, М.Н.Кожина, В.П.Литвинов, К.Э.Штайн). Проникнуть в данную систему можно только создав особое устройство, способствующее её раскодировке (К.Э.Штайн 1999, с.4).

Каждый концепт, существующий в лингвокультурной концептосфере носителя языка, представляет собой ментальное образование, индивидуальное и неповторимое по содержанию, базирующееся на культурологических знаниях носителя языка. Глубина понимания концепта зависит от рефлексивной реальности реципиента, поэтому «идеальный читатель» (исследователь) должен в полной мере овладеть знаниями, являющимися собой пресуппозицию лингвистического концепта и составную часть лингвокультурного концепта.

В нашем исследовании первым по значимости является религиозный аспект изучения, так как «ангел» пришел из религиозных воззрений. С другой стороны, «ангел» и «дьявол» как в религии, в философии, так и в художественных текстах являются символами основных понятий бытия - «добра» и «зла», которые представляют собой наиболее сущностные, наиболее важные и, вместе с тем, наиболее неопределенные и субъективные понятия.

Ангелы в религии традиционно считаются духовными созданиями, занимающими промежуточное положение между богом и людьми. Они пришли как замена политеизму и, в общем, взяли на себя функции богов греческой мифологии. Само слово «ангел» восходит к греческому «angelos», что означает «посланник». Впервые они появились в Зороастризме, религии, основанной в Персии пророком Зороастром примерно 1000 лет до н. э. Зороастризм оказал значительное влияние на иудаизм, христианство и ислам, в которых наиболее широко представлены ангелы.

К.Р.Хагенбах в «Истории догматики» представляет ангелов следующим образом: ангелы почти всегда сопровождают Святую Троицу и составляют неотъемлемую часть ее появлений; ангелы являются более ранним творением Бога по отношению к человеку. У каждого ангела есть свое особое предназначение; пищей ангелов является манна небесная, и они наслаждаются ей подобно людям. Ангелы существуют между телесным и бестелесным бытием, их тела могут видеть лишь те люди, в ком жив божий дух. Как бестелесные существа, они не состоят из формы и материи. Ангелы отличаются от человеческих душ: 1) физически (им не нужно тело), 2) логически (они приходят к опыту не через выводы), 3) метафизически (они думают не с помощью картин, а могут непосредственно созерцать), 4) теологически (они не могут становиться хуже или лучше). Ангелы имеют язык, но не словесно-смысловой, а интеллектуальный. Ангелы не вездесущи как Бог, а бесконечно передвигаются от места к месту (Hagenbach 1867).

Фома Аквинский посвятил ангелам объемный трактат, в котором он пытается определить содержание данного религиозного понятия путем постановки вопросов, сопоставления точек зрения и логических выводов. Согласно его тексту, ангелы предстают всецело духовными сущностями, по отношению к которым автор различает: а) субстанцию; б) интеллект; в) волю; г) создание, творение. Несмотря на то, что ангелы не включены в материальный мир, они все же ограничены субстанцией: они телесны и материальны для Бога и бестелесны и нематериальны для людей. Ангельская субстанция является интеллектуальной и нематериальной, она состоит из формы и материи для Бога и не состоит из формы и материи для человека. При общении с людьми ангелы нуждаются в телах и принимают их из воздуха, сгущая его божественной мощью настолько, насколько это необходимо для формирования принимаемого тела.

Знания ангелов интеллектуальны в отличие от людей, для которых знания отчасти интеллектуальны, отчасти чувственны. В Боге содержится полнота интеллектуального знания, поэтому те ангелы,

которые в соответствии с рангом ближе к Богу, более совершенны в своем понимании и знаниях. Ангелы понимают себя по своей форме, которая является их субстанцией. Ангелы знают Бога лишь отчасти: настолько, насколько они уподоблены Богу. Такое знание приближается к знанию отражения, потому что ангельская природа – вид отражения, представляющего божественное подобие. Ангелы знают будущее по его причине. Как врач, зная болезнь, предполагает ее протекание, так и ангелы, но более универсально и совершенно, чем люди, постигают будущее. Материальные вещи предсуществуют в ангелах в более простой и менее материальной форме даже чем сами по себе являются, но в более разнообразной манере и менее совершенно, чем в Боге. Они не знают того, что принадлежит Богу, но по Его воле получают откровения, которые передаются от высших рангов к низшим. Ангелы не ошибаются, так как их понимание протекает без дополнительных процедур, они постигают вещи, глядя на них (Thomas Aquinas 1952).

Дионисий Ареопагит представил схему ангельской иерархии, равную которой не удалось предложить никому ни до, ни после него. Он называет ангелов «небесными чинами» и, прежде всего, указывает, что они «превыше всякой вещественности», поэтому какое бы то ни было сравнение с людьми, внешнее или внутреннее, бессмысленно. Цель иерархии есть возможное уподобление Богу и соединение с ним. Каждый чин – истолкователь и вестник высших себя. Дионисий Ареопагит выделяет три иерархии. К первой, ближайшей к Богу, относятся Серафимы, Херувимы и Престолы. Ко второй иерархии относятся Силы, Господства, Власти. К третьей – Начала, Архангелы и Ангелы. Название каждого чина неслучайно и выражает его суть: Серафимы, ближайшие к Богу, - пламенеющие, горящие; Херувимы выражают собой обилие познания, изливание мудрости; Престолы указывают на изъятие из их сути земной привязанности; Силы представляют собой «непоборимое» мужество, сильное стремление к Богоподражанию; Власти подразумевают не употребление во зло владыческой силы, истинное уподобление владычеству; Начала обладают богоподобной способностью управлять подобно священному порядку; Архангелы являются посредниками между Началами и Ангелами; Ангелы – чин, непосредственно общающийся с людьми. Несмотря на то, что каждый чин имеет свое собственное имя, все вместе чины называются ангелами, так как ангелы – низший чин, способностями которого обладают все вышестоящие чины (Дионисий Ареопагит 1995).

Наряду с Божиими ангелами, выступающими символами добра в мире, существуют и падшие ангелы, олицетворяющие мировое зло – дьявол и демоны. Слово «дьявол» происходит от

греческого «diabolos» – клеветать, а «демон» – от греческого «daemon» – дух. В традиционных западных религиях «ангел» и «дьявол» воспринимаются как две диаметрально противоположные сущности по их отношению к человеку. Но не все так просто: они не могут восприниматься независимо друг от друга.

Фома Аквинский в «Трактате об ангелах» (Thomas Aquinas 1952) указывает на то, что основной причиной падения демонов явился грех гордости, вслед за которым шел грех зависти. Все ангелы стремятся быть похожими на Бога, но они делают это с помощью естественных знаний, в Люцифере же именно гордость и зависть вызвали непреодолимое желание доминировать над всем остальным и быть в этом как Бог. Являясь интеллектуальными субстанциями, сотворенными Богом в милости, демоны не могли быть изначально злыми. Грех ангелов стал следствием их свободного выбора, к чему побудил их поступок высшего ангела. Отвергнутые Богом демоны получили наказание – они лишились откровений Всевышнего, которые являются одним из путей постижения мира ангелами, и поэтому их знания являются лишь частью знаний небесных ангелов, и существуют демоны в определенной для них Богом «темной атмосфере» Земли.

В результате религиозный концепт «ангел» можно представить в виде вертикальной структуры, основные части которой расположены диаметрально противоположно друг другу, представляя собой вечную борьбу противодействующих сил.

Бог, Ангел, Архангел, Серафим, Херувим, Престолы, Силы, Власти, добро, любовь, вечность, радость, утешение, вестник, посланник, деяния, души, силы, способности, предназначение, дух, интеллект, воля, свобода, рай, совершенство, мудрость, могущество, святость.

Дьявол, падшие ангелы, демон, Люцифер, зло, ненависть, смерть, несчастье, печаль, погибель, искушение, ад, соблазн, подкуп, ярость, ревность, разрушение, гордость, зависть, несовершенство, вражда, грех, распутство, чревоугодие, скупость, лень, разврат.

В связи с тем, что концепт «ангел» восходит к понятиям «добра» и «зла», мы сочли необходимым осветить их в общих чертах. Нужно заметить, что в религии и философии они получают различные трактовки.

Довольно просто и понятно решается данный вопрос в религии: добро – это Бог, созданное им Царство Божие и его обитате-

ли, а также все, исходящее от Бога, который Сам есть Любовь. В земном мире нет чувства выше, чем любовь. В свою очередь, началом любви является Страх Божий, который предполагает боязнь отпасть от Бога.

Зло – это грех, возражение Божией воле. Прародителем зла считается падший ангел Люцифер. Причинами зла Отцы Церкви называют свободную волю человека и попустительство Бога с целью заставить зло служить добру.

Трактовки философов более разнообразны: от «абсолютной полноты бытия», понимаемой как «добро» и «Сверхчто» как бога Николая Лосского (Лосский 1991), строящего свою концепцию на базе христианского учения, до классового определения ценностей В.Шердакова (Шердаков 1982). Учитывая все возможные концепции добра и зла, мы принимаем их как базовые составляющие концепта «ангел».

Художественные произведения, в которых использован концепт «ангел», представляют собой классику мировой литературы. «Божественная комедия» Данте, «Фауст» И.В.Гете, «Мастер и Маргарита» М.Булгакова, «Письма с Земли» М.Твена, «Дуинские элегии» Р.М.Рильке, «Восстание ангелов» А.Франса, «Потерянный рай» Д.Мильтона, поэзия А.Пушкина, М.Лермонтова, Г.Гейне, Р.М.Рильке, А.Блока, И.В.Гете, Н.Гумилева, А.Ахматовой, М.Цветаевой, К.Бальмонта, С.Есенина, С.Кольриджа – каждое из произведений индивидуально и неповторимо, каждое олицетворяет эпоху и выражает как личные чаяния автора, так и настроения людей своего времени. Каждый автор и каждое произведение достойны отдельного исследования, но мы объединили их на базе одного – художественного концепта «ангел».

Исследованный материал показывает, что концепт «ангел» достаточно широко распространен в художественной литературе, но в разных произведениях он получает разную смысловую нагрузку: от религиозно-философской до метафорической. Различаются также содержание и объем: от образа до центрального концепта произведения.

Приходится констатировать, что наибольший интерес авторов вызывает «падший ангел», обращение к «небесному ангелу» является крайне редким. Причину этого, вероятно, можно искать в следующем: а) на лексическом уровне слово «демон» в переводе с греческого означает «душа», что сближает демонов с человеком; б) на философском уровне, ангелы статичны, демоны же способны развиваться, меняться духовно, как и люди. С другой стороны, демоны выступают единственной силой, создающей условия для развития человека; в) на религиозно-эстетическом

уровне, человек, находясь между добром и злом, между ангелом и дьяволом, вынужден сделать выбор. Если сравнение с ангелом унижает человека, дает ощущение слабости и ничтожности, то сравнение с дьяволом возвышает в своих глазах и дает силы стремиться к совершенству, и чем больше испытаний приходится перенести одному человеку, тем упорнее его стремление к богу.

Несмотря на то, что все концепты базируются на одном архетипе, они по-разному реализуются в текстах. Причина этого состоит в том, что в процессе создания концепта происходит двойное преломление культурологических данных: сначала – через рефлексивную реальность автора, а затем – через рефлексивную реальность реципиента.

С другой стороны, несмотря на множество различий, существующих между авторскими концептами «ангел», они образуют один метаконцепт «ангел», в рамках которого объединяются авторские концепты. В пространстве метаконцепта авторские концепты соприкасаются и обнаруживают общие смыслы. В результате дискурсивного лингвистического анализа представляется возможным выявить смыслы, входящие в структуры авторских концептов «ангел», сопоставить их и получить смыслы, определяющие «интертекстуального ангела». Безусловно, чем больше индивидуально-авторских концептов будет проанализировано, тем точнее будет результат, но включить в текст исследования все авторские концепты невозможно, нужно выбрать несколько из них. При этом более интересным нам представляется сопоставление концептов, созданных авторами различных стран, эпох и направлений.

Критериями отбора явились следующие: 1. В художественном тексте «ангел» представляет собой именно концепт, структуру смыслов. Это требование не может быть реализовано в небольших произведениях, например, стихотворениях и т.п. 2. Концепт «ангел» играет важную роль в мировоззренческой концепции автора. 3. Концепт «ангел» представлен в текстах, принадлежащих к разным жанрам литературы. 4. Тексты реализуют концепты авторов, обладающих разной ментальностью, представляющих разные эпохи и страны. 5. Концепты реализованы в текстах в разном объеме. 6. Репрезентированы авторские концепты с помощью лексических единиц, обладающих разными лексическими значениями. В результате нами были выбраны для дискурсивного лингвистического анализа следующие концепты: «Мефистофель» И.В.Гете, «Гавриил» и «Сатана» А.Пушкина, «Ангел смерти» М.Лермонтова, «Воланд» М.Булгакова, «ангелы» Р.М.Рильке и «Повелитель мух» У.Голдинга.

Начать исследование, мы полагаем, нужно со слова, которое мы с уверенностью можем назвать ключевым (ангел – Engel – Angel), так как оно стоит в центре одного из основополагающих концептов текста и, безусловно, становится важным способом выражения узловых моментов авторского миропонимания. Ключевое слово в тексте играет роль точки кристаллизации, является «центром», «фокусом», от которого потом «расходятся круги» понимаемого содержания, оно постепенно обрастает смыслом, вбирая в себя все контекстуальные значения (Чередник, Фоменко 1985, с.100).

Дефиниции, представленные в толковых словарях, или непосредственно называют понятия, пришедшие из сферы религиозных воззрений, или реализуют абсолютное совершенство/несовершенство индивидуума, предмета или явления. Количество дефиниций в каждом из языков, вероятно, указывает на распространённость, употребимость понятия (концепта) в речи, культуре, обществе. Структура же общеязыкового концепта «ангел» по своей сути повторяет структуру религиозного концепта «ангел», репрезентирующего противоборство противоположностей: «совершенства» и «несовершенства». Но стоит отметить, что в отличие от религиозного концепта, в котором оба полюса примерно равноценны, в лексикографических источниках «совершенство» превосходит «несовершенство» по количеству единиц.

«СОВЕРШЕНСТВО»

Сверхъестественное существо, действует по воле бога, ласковое обращение к кому-либо, бесплотное существо, исполняет приказание бога, идеал, лучшее воплощение, святой, существо духовное, одарённое разумом и волей, спаситель человечества, благой, добрый, видный, мудрый, нравный, великий, кроткий, вестник, посредник между богом и людьми, бессмертный, могущественный, крылатый, ein guter Engel, der rettende Engel, ein Engel good angel, smb's good angel, angel of death, host of angels, be an angel.

«НЕСОВЕРШЕНСТВО»

Злой дух, дьявол, сатана, вождь небесной рати, ein böser Engel, ein gefallener Engel, evil angel, destroying angel, the devil and his angels, fallen angel.

В художественных текстах концепт «ангел» репрезентирован иначе.

Авторский концепт «Мефистофель» базируется в тексте трагедии на следующих лексических единицах, являющихся его контекстуальными характеристиками: Mephistophel - *Мефистофель*: Schalk - *плут*, Geist - *дух*, Pudel - *пудель*, Fliegengott - *повелитель мух*, Verderber - *зубитель*, Lügner - *лжец*, des Chaos wunderlicher Sohn - *чудесный сын хаоса*, Sohn der Hölle - *сын ада*, Egoist - *эгоист*, armer Teufel - *бедный черт*, Pedant - *педант*, Herr - *господин*, Meister – *мастер*, Junker Satan – *юнкер Сатана*, Herr Baron - *господин барон*, Kavalier – *кавалер*, Sophiste – *софист*, Schlange – *змея*, Nichts - *ничто*, Etwas - *нечто*, Tod - *смерть*, Bestialität - *скотство*, Verdienst - *заслуга*, Weise - *мудрость*, Wanderjahre – *годы странствий*, Sinn - *смысл*, Ewig-Leere – *вечная пустота*, Teil - *часть*, Kraft - *сила*, (das) Böse - *зло*, (das) Gute - *добро*, Finsternis - *тьма*, Licht - *свет*, Oben - *верх*, Unten - *низ*, Müh - *труд*, Spass - *удовольствие*, Kunst - *искусство*, Körper - *тело*, Neuigkeit - *новость*, Erlaubnis – *разрешение*, Welt - *мир*, plagen - *мучить*, bleiben - *оставаться*, erfahren - *узнавать*, schaffen - *создавать*, dienen - *служить*, befreien - *освобождать*, geschehen - *происходить*, wetten - *спорить*, führen - *вести*, verneinen - *отрицать*, mannigfaltig - *разнообразный*, höllisch – *адский и др.*

Сопоставление лексических единиц, реализующих концепт «Мефистофель» И.В.Гете, и лексикографических дефиниций концепта «ангел» позволяет понять, что они в значительной мере различаются. Взятые вне авторского контекста лексические средства, репрезентирующие «Мефистофеля» И.В.Гете, скорее характерны для описания человека. Пожалуй, главной характеристикой лексики становится «всеохватность»: концепт «Мефистофель» содержит в себе религиозные представления об «ангеле», но разрастается до всеобъемлющего, реализующего не только религиозные, но иные общечеловеческие значения и смыслы концепта.

К лексемам, представляющим Воланда М.Булгакова, мы относим следующие. Воланд – неизвестный, иностранец, заграничный гость, профессор, консультант, мессир, софист, дух зла, сумасшедший, странность, страх, ужас, взор, навязчивость, огонь, визитёр, изумление, удивление, мерзавец, злодей, несуществующий, кровь, усмешка, хромать, заинтересовать, расхохотаться, ошарашить, поразить, измучить, испытывать, оплачивать, закрывать, сильный, необоснованный, престранный, глумливый, громадный, непрошенный, золотой, сверлящий, пустой, бездонный, страннейший, равнодушный и др.

В результате анализа мы можем сказать, что в своей основной массе лексические единицы реализуют тематическое поле лексем «неизведанность» («непостижимость»).

К лексемам, репрезентирующим Вельзевула У.Голдинга, мы относим следующие. Lord of the Flies – *Повелитель мух*: figure - *фигура*, indignity - *унижение*, blackness - *чернота*, fly - *муха*, death - *смерть*, chief - *вождь*, blood - *кровь*, stick - *палка*, laugh - *смех*, knife - *нож*, gift - *дар*, tear – *царапать, ранить*, cut up - *разрывать*, giggle - *хихикать*, kill - *убивать*, cry – *кричать*, strange – *странный и др.*

Данные лексические единицы в совокупности можно охарактеризовать как выражающие эмоциональную установку «неприятие, отвращение».

Уровень значений концепта «ангел» М.Ю.Лермонтова представлен в поэме следующими лексическими единицами: Ангел смерти – ангел, смерть, поцелуй, страна, любовь, мука, расставание, жертва, взор, власть, душа, надежда, вселенная, тишина, луч, звезда, проклятье, тоска, отрада, сожаленье, преступленье, красота, тень, бесконечность, вечность, обнимать, трепетать, утешать, смирять, манить, провожать, освобождать, томить, поражать, вознаградить, последний, холодный, страшный, сладостный, таинственный, молодой, благословенный, тихий, счастливый, нежный, безмятежный, заблудившийся.

Анализ концептуальных значений «Ангела смерти» М.Ю.Лермонтова показывает, что концепт «персонифицирован», лексические единицы, используемые автором, характерны для описания человеческого характера и поведения. На уровне лексикологии происходит, с одной стороны, снижение религиозного концепта до уровня человека. Но, одновременно, происходит обратный процесс: земные чувства поднимаются до «небесных высот».

Концептообразующими в «Гавриилиаде» А.С.Пушкина являются следующие лексические единицы: ангелы, легион, придворный, очи, сиянье, локоны, любимец, архангел, меркурий, посольство, угодник, сводник, сатана, ад, досада, змия, чешуя, бес, разврат, повеса, изгнанник, бесстыдник, раб, волноваться, кипеть, летать, бряцать, завидовать, кусать, ударить, хватить, бороться, прелестный, молодой, пернатый, стыдливый, милый, самолюбивый, мятежный, проклятый, увёртливый.

Анализ лексики показывает, что авторский концепт, созданный А.С.Пушкиным, практически не имеет ничего общего с религиозным концептом. Избранная автором лексика предполагает иную смысловую структуру: любовь превращается в поэме во всепоглощающее либидо (З.Фрейд).

В книге стихов Р.М.Рильке «Дуинские элегии» концепт «ангел» представлен следующими лексическими единицами. Engel - *ангел*: Ordnung - *порядок*, Dasein - *бытие*, Schreckliches - *ужасное*, Vogel - *птица*, Seele - *душа*, Schönheit - *красота*, Anfang - *начало*, Schluchzen - *рыдание*, Lebender- *живущий*, Toter- *мёртвый*, Klage - *жалоба*, Jüngling - *юноша*, Leere - *пустота*, Strahlendster - *сияющий*, Stern - *звезда*, Herz - *сердце*, Geglückter - *счастливец*, Schöpfung - *творение*, Gottheit - *божество*, Licht - *свет*, Wesen - *сущность*, Wonne - *блаженство*, Antlitz - *лик*, Grosser - *великий*, hören (nicht) – *(не) слышать*, zerstören - *разрушать*, übertönen - *заглушать*, erschlagen - *разбивать*, spielen - *играть*, furchtbar, schrecklich - *ужасный*, gefährlich – *опасный*, fühlen – *чувствовать* и др.

Данные лексические единицы затрагивают различные сферы бытия и их трудно каким-то образом объединить и истолковать. Действительные авторские смыслы они приобретают лишь в конкретных контекстах, обусловленных логикой авторского мышления и текста в целом. Сочетание die Engel Ordnungen (сонмы ангелов) указывает на то, что ангелы не разобщены, как люди, их отношения подчинены строгой иерархии и определенному порядку, их мир – вечность. Ангелы, обладая частью божественного интеллекта, совершеннее, чем человек. Как и для Бога, все мыслимое для ангелов реально. Ангелы живут в собственном мире и собственном пространстве, которое не совпадает с пространством людей. Миры разъединены отчужденностью, поэтому ангелы одинаково равнодушны как к живым, так и к мертвым. Воспевая ангелов, поэт признает их совершенство по отношению к человеку и, одновременно, «смертоносность». Поэт дает сложную метафорическую интерпретацию «ангела», являющегося символом высшей духовности. Структура представления позволяет предположить, что никакие определения и сравнения, метафоры и гиперболы не могут передать совершенство ангелов, находящихся в состоянии Божественного блаженства. Но у ангела нет мира, с которым бы его что-то связывало, все его неограниченные способности оказываются замкнутыми в нем самом.

В результате «ангел» предстает в «Дуинских элегиях» как философская категория, абстракция, наполняющаяся в разных контекстах разным содержанием. Это и во многом превосходящее человека существо, символ духовного совершенства, недоступный человеческому пониманию, и носитель духовного начала в материальном мире. Это и душа человека, через которую он соприкасается с трансцендентным. Это и сам человек на вершинах душевной жизни. «Ангел» – сложный противоречивый концепт,

представляющий одну из граней насыщенного художественного мира поэта, в котором в полной мере представлена проблема человеческого дуализма.

Сопоставительный анализ языковых средств, репрезентирующих концепт «ангел» в художественных текстах разных авторов, показывает, что концепт реализован в разных авторских текстах разными лексическими единицами. В области наивно-языкового мышления они, безусловно, не войдут в тематическое поле лексемы «ангел», но поэтическое мышление – пространство иного типа. Гениальность творцов текстов состоит в том, что с помощью разных лингвистических структур и сплетений они выражают общечеловеческие идеи: основные структурные смыслы концептов оказываются похожими.

Художественный текст – текст субъективный и, следовательно, эмоциональный. Эмоциональность мысли требует для своего выражения «яркого», экспрессивного слова. Изучение экспрессии важно ещё и потому, что она, наряду с семантикой, участвует в создании смысла. Изучение экспрессии способствует раскрытию концептов и концепций произведения.

В результате анализа контекстов, характеризующих эмоционально-смысловой мир «ангела», мы выделили языковые средства, реализующие экспрессивный аспект концепта и определили, какие из них являются более употребимыми. Следует заметить, что выделенные нами экспрессивные формы и структуры представляют собой явления формально и функционально не однозначные. Разнородность снимается художественным контекстом, в котором конструкции стилистически унифицируются, функционально уподобляются друг другу, создавая универсальные художественные системы.

В результате анализа средств экспрессии, использованных в изучаемых текстах, мы выделили три группы экспрессивов. К **первой группе** мы относим наиболее употребимые средства построения экспрессивных миров концептов. Это однореферентные соотносённости, открывающие смысловой мир каждого из концептов путем различных именовании согласно их сути; это антитеза на разных уровнях; это всевозможные повторы, акцентирующие внимание читателя; это восклицательные предложения, указывающие на интонационную приподнятость и значимость мысли и, наконец, метафоры различного вида и объёма.

Ко **второй группе** мы относим менее используемые конструкции, чем названные выше, но всё же достаточно значимые и вносящие вклад в смыслообразование. В эту группу включены: аллюзии, сравнения, парадоксы, неоднозначность, междометия, вопро-

сительные предложения, среди которых особо выделяется риторический вопрос.

К *третьей группе* мы отнесли индивидуально-авторские средства создания экспрессии, не включённые ни в одну из описанных групп, но также значимые при создании выразительных и неповторимых «ангелов». Это оксюмороны (Булгаков), синестезии (Rilke), жаргонизмы (Golding), лексические усилители (Лермонтов), отдельные экспрессивы и экспрессивные конструкции (Пушкин), афоризмы (Goethe).

В результате сопоставления данных групп можно сделать вывод, что не только авторский замысел и стиль определяют созданный концепт, но и сам избранный концепт или даже его архетип требуют от автора неперемного использования определённых типов экспрессивных конструкций. В результате, основными чертами как «ангелов света», так и «ангелов тьмы» на базе экспрессии исследованных художественных произведений можно назвать:

1. Многоплановость, выраженную в многочисленных именах каждого из авторских концептов.
2. Внутреннюю противоречивость и противостояние человеческому миру,, открывающиеся благодаря антитезе.
3. Статичность и определённость как носителей устойчивого архетипа и заданной идеи, что выражается в повторах.
4. Яркость, необычность, особое притяжение трансцендентных сил как сил недоступных и неповторимых, что передают восклицательные предложения.
5. Общую неопределённость и загадочность концептов, требующую метафорического представления.

В результате многократного прохождения герменевтического круга мы пришли к выводу, что существует не только авторский концепт «ангел», но, в большей мере, интертекстуальная структура, базирующаяся на следующих метасмыслах:

1. Использование в художественных произведениях концепта «ангел» указывает на постановку автором вопросов общечеловеческого, глобального масштаба и философских по содержанию: о месте человека в универсуме, о роли жизни и смерти, о сущностном наполнении человека, о смысле его жизни и другие.
2. Являясь символами понятий и состояний, изучаемые нами авторские концепты персонифицированы и частично снижены с уровня трансцендентного до уровня человеческого.
3. Проходя в тандеме «человек-ангел» через все произведение, последний определяет когерентность текста.

4. Авторские художественные концепты отталкиваются от христианских «ангела» и «дьявола» как символов «добра» и «зла».

5. Концепты базируются на архетипе «ангел», который представляет собой некую структурную схему, структурные предпосылки смыслов. Архетип неразрывно связан с символом – это скелет, основа существования символа, объединяющая множество значений с помощью одного концепта и дающая возможность развития и трансформации.

6. Авторские концепты перерастают христианские взгляды на ангелов и архетипы и представляют субъективно-человеческое, творческое выражение миропонимания посредством «ангела» как символического воплощения личностного определения крайних точек бытия – добра и зла.

7. Интертекстуальные «ангел» и «дьявол» перестают быть однозначными символами добра и зла. Они достаточно сближаются или даже сливаются в единую силу.

8. ИмPLICITное единство добра и зла не препятствует существованию полярности внутри концептов.

9. Познание есть отчуждение (Н.Бердяев). Но отчуждение не может быть абстрактным, оно требует точки рефлексии. Именно такой точкой рефлексии и является «ангел». Он позволяет посмотреть на человека с более высокого уровня, с уровня совершенства мира иного, мира трансцендентного, позволяет оценить с целью или хотя бы надеждой на преображение.

10. Изучаемый нами концепт всегда является в ситуации бунта человека против действительности.

11. Пытающийся найти выход из состояния бунта человек, для которого одинаково неприемлемым оказывается и подчинение реальности, и бунтарство, устремляется к миру трансцендентного.

12. Изученные нами «ангелы» помогают человеку постичь счастье, причем в каждом случае герой находит свое счастье.

13. Во всех текстах достижение счастья возможно только через страдания, жертвы и испытания, среди которых одиночество, страх и любовь. Все проходят через ощущение покинутости, тоски и потерь, которые впоследствии оказываются средством очищения душ.

14. Одним из важнейших понятий, являющихся неизменным атрибутом тандема «человек-ангел», становится «смерть». Это, одновременно, и испытание, и предельное состояние бытия для человека. Бессмертие ангела делает кратковременность человеческого существования еще более явной и ощутимой.

15. В сравнении с человеком ангел оказывается значительно более могущественной и совершенной сущностью. В этом смысле

все авторы придерживаются религиозной традиции. Ангелы руководят действиями человека, а иногда даже играют им. Человек же в данной ситуации оказывается бессильным.

16. «Непонимание» и «тоска» – одни из главных смысловых составляющих концепта «ангел», главные ощущения человека в присутствии высших сил.

17. Мету наказания и поощрения человека определяют ангелы, но она неизменная и зависит от уровня человеческой духовности. В данном случае абсолютно не играет роли, кто осуществляет суд над человеком – ангел или дьявол, - они оба выполняют божественную миссию.

18. Несмотря на то, что «ангелу» приготовлена роль судить человека, его поступки, его жизнь, он становится символом неразрывной связи человека и мира трансцендентного, в конце концов, человека и Бога. В результате изучения текстов становится ясно, что не только человек нуждается в трансцендентном и стремится к нему, но происходит и обратный процесс: неведомый мир стремится к миру земному.

19. Концепт «ангел» вносит в произведения дух романтизма и требует партнера-романтика.

20. Человек обретает независимость от всего происходящего в мире посредством его связи с трансценденцией. Представителем трансценденции в изучаемых нами художественных текстах становится «ангел», он осуществляет освобождение человека. Именно ангел открывает для человека мир как микрокосмос и как макроантропос (Шопенгауэр 1998, с.16).

Литература

Гадамер, Г. Актуальность прекрасного / Г.Гадамер. – М.: Искусство. 1991. – 366 с.

Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии / Дионисий Ареопагит. – М.: Московская правда, 1995.-59 с.

Лосский, Н. Условия абсолютного добра/Н.Лосский. – М.: Политиздат, 1991.–368 с.

Чередник, Н.В., Фоменко, И.В. Частотный словарь как основа интерпретации поэтической концепции / Н.В.Чередник, И.В.Фоменко // История русского литературного языка и стилистика. – Калинин: КГУ. – С. 99-112.

Черкасова, И.П. Лингвокультурный концепт «ангел» в пространстве художественного мышления: Монография. – Армавир: АГПУ, 2005. – 256 с.

Черкасова, И.П. Ключевые моменты изучения художественного слова/ И.П.Черкасова // Научная мысль Кавказа. Приложение. №6. – Ростов-на-Дону: С–К НЦ ВШ, 2004. – С. 159 -164.

Черкасова, И.П. «Интертекстуальный ангел» как системное единство авторских метасмыслов / И.П.Черкасова // Научная мысль Кавказа. Приложение. №4. – Ростов-на-Дону: С – К НЦ ВШ, 2004. – С. 147 -153.

Черкасова, И.П. Лингвистический анализ элегий Р.М. Рильке (лексика и синтаксис «Дуинских элегий»). – Армавир: АГПУ, 1997. – 16 с.

Черкасова, И.П. «Интертекстуальный ангел» в пространстве художественного мышления. /И.П.Черкасова// Язык. Дискурс. Текст. Межвузовский научный альманах. – Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 159-165

Черкасова, И.П. «Ангел» как смысл и точка рефлексии в поэме А.С. Пушкина «Гавриилиада» /И.П.Черкасова // Язык. Дискурс. Текст. Межвузовский научный альманах. – Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 224 -230

Черкасова, И.П. Интертекстуальная концепция смысла «ангел». /И.П.Черкасова/ – Армавир: АГПИ, депонирована в ИНИОН РАН № 58399 от 28.11.03. – 11 с.

Черкасова, И.П. «Интертекстуальный ангел» - структура для постижения индивидуально-авторских образов–смыслов. /И.П.Черкасова/ – Армавир: АЛУ, депонирована в ИНИОН РАН № 58342 от 11.11.03. – 7 с.

Черкасова, И.П. Кристаллизация смысла «ангелы» в поэме А.С. Пушкина «Гавриилиада» /И.П.Черкасова/. – Армавир:АГПИ, депонирована в ИНИОН РАН № 58398 от 28.11.03. – 10 с.

Черкасова, И.П. Экспрессия как одна из важнейших составляющих смысла «ангел» /И.П.Черкасова // Вестник АГПИ. Армавир: АГПИ, 2003. – С. 88-92.

Черкасова, И.П. Кристаллизация смысла и образование концепта «ангел» в «Дуинских элегиях» Р. М. Рильке. /И.П.Черкасова //Сб. научно-методических работ профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей, студентов АЛУ. – Армавир: АЛУ, 2005.-С.59-68.

Черкасова, И.П. Репрезентация концепта «ангел» в художественном тексте. /И.П.Черкасова // Сб. научно-методических работ профессорско-преподавательского состава, аспирантов, соискателей, студентов АЛУ. – Армавир: АЛУ, 2005. -С.68-72.

Черкасова, И.П. Интертекстуальная концепция образа – смысла «ангел». /И.П.Черкасова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. - Армавир: АГПИ, 2003. –С.160-161.

Черкасова, И.П. Концепция «Мефистофеля» в трагедии И.В. Гете «Фауст» / И.П.Черкасова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. - Армавир: АГПИ, 2002. –С.234-235.

Черкасова, И.П. Концепция «Воланда» в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита» / И.П.Черкасова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. - Армавир: АГПИ, 2002. –С.194-195.

Черкасова, И.П. Тематическое поле интертекстуального концепта «ангел» / И.П.Черкасова // Неделя науки АГПУ. Серия социально-гуманитарные науки. –Армавир: АГПУ, 2005. –С.138-139.

Черкасова, И.П. Метаконцепт и интертекстуальный концепт «ангел» / И.П.Черкасова // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра. Сб. материалов Международной научной конференции. – Армавир: АЛУ, 2005. –250-254.

Черкасова, И.П. Концепт «ангел» в интертекстуальном пространстве (герменевтический подход). /И.П.Черкасова// Изв. Северо-Кавказского НЦВШ. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2005, №4.- С.103-107.

Шердаков, В.Н. Иллюзия добра: Моральные ценности и религиозная вера / В.Н.Шердаков. – М.: Политиздат, 1982. – 287 с.

Шопенгауэр, А. Под завесой истины: сб. произведений / А.Шопенгауэр. – Симферополь: Реноме, 1998. – 496 с.

Штайн, К.Э. Предисловие / К.Э.Штайн // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. Научно-методический семинар "TEXTUS": сб. статей. - Вып. 6. – СПб - Ставрополь: СГУ, 2001. - С.4

Hagenbach, K.R. Lehrbuch der Dogmengeschichte. / K.R.Hagenbach. – 5te Aufl., Leipzig, 1867. – 768 S.

Thomas Aquinas *The Summa Theologica / Thomas Aquinas*. -Chicago, London, Toronto, Sydney, Geneva, Tokyo: Encyclopedia Britannica. Ynk. 1952, vol.I, VII + 826p.// *Great Books of the Western World. –vol.XIX p.269-338.*

Т.Ю. Передриенко (Челябинск)

БОГ и ДЬЯВОЛ

Цель исследования заключается в комплексном сопоставительном изучении концептов «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах и в концептуальной интерпретации оппозиции «Бог :: Дьявол».

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- разработка модели анализа концептов;
- характеристика концептов «Бог» и «Дьявол», установление их признаков в английской и русской лингвокультурах;
- сопоставление признаков концептов «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах, выявление общих и специфических признаков, входящих в их структуру;
- изучение оппозиции «Бог :: Дьявол» на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

Методологической основой исследования являются следующие принятые в лингвистике положения:

В коллективном сознании носителей языка существует специфическая картина мира, отражающая опыт соответствующей лингвокультуры; в основе картины мира лежат ментальные образования, которые могут получать языковое воплощение, – кон-

цепты (Ю. Д. Апресян, С. А. Аскольдов, Г. В. Колшанский, Д. С. Лихачев, В. П. Нерознак, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов и др.).

Концепты вербализуются в языке и могут быть объективно установлены и исследованы определёнными лингвистическими методами (Л. Г. Бабенко, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, В. А. Маслова, М. А. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Л. О. Чернейко и др.).

Паремии и афоризмы относятся к уникальным объектам языка и культуры, так как в них формируется и сохраняется социально значимая информация, сведения о мировидении народа; в силу этого они могут служить надёжным источником для проведения культурно-языковых исследований (О.А.Дмитриева, А. В. Кунин, Г. Л. Пермяков, Л. Б. Савенкова, В. Л. Чернелев и др.).

Концепт состоит из ядра и периферии, образуемых тремя составляющими: понятийной, знаковой и образной. В ядерную зону концепта входят понятийная составляющая, представленная обобщенной информацией об объекте, и знаковая составляющая, выраженная именем концепта. Периферийная зона возникает в результате наслоения на концептуальное ядро эмоций, симпатий, антипатий и ассоциаций носителей лингвокультуры, поэтому в ее составе выделяются образная составляющая и та часть знаковой составляющей, в которой актуализируются дополнительные признаки концепта.

Концепты обладают способностью взаимодействовать. Выбранные для нашего анализа концепты «Бог» и «Дьявол», взаимодействуя, образуют оппозиционную пару. Согласно учению об оппозициях, предложенному Н. С. Трубецким и разрабатываемому рядом учёных (И. В. Арнольд, Т. В. Булыгина, Л. А. Новиков и др.), отношения оппозиции связывают единицы, имеющие различия, но объединенные общими признаками. Нулевой оппозиции соответствуют концепты, обладающие, в основном, только общими признаками. Привативная оппозиция возникает между концептами, если объем одного из них (подчиненного) включается в объем другого (подчиняющего). Концепты находятся в отношениях эквиполентной оппозиции, если они равнозначны и имеют как общие (одинаковые) признаки, так и признаки несовпадающие (дифференциальные). В дизъюнктивной оппозиции могут находиться концепты, которые не имеют очевидных общих признаков.

Так как концепты имеют сложную структуру, предложенная нами модель включает несколько этапов:

1. Определение всего ряда языковых выражений (*знаковой составляющей*) концептов, что помогает установить их актуальность для того или иного лингвосообщества и дать наиболее полное их описание.

2. Рассмотрение этимологии имен концептов с целью изучения концептов в диахронии и установления механизмов их формирования.

3. Обращение к культурологическому ракурсу становления концептов, поскольку когнитивные лингвистические исследования не могут игнорировать культурный фон носителей языка.

4. Анализ словарных дефиниций лексических единиц, вербализующих концепты, помогает выявить основные признаки и раскрыть *понятийную составляющую* концептов, а также установить их место в языковой картине мира и сознании нации.

5. Изучение сочетаемостных свойств лексических единиц, вербализующих концепты, выявление концептуальных метафор и анализ метафорической сочетаемости имён концептов с целью обнаружения в составе последних дополнительных признаков и установления их *образных характеристик*.

6. Количественный подсчет и фиксация в таблицах основных и дополнительных признаков изучаемых концептов и сопоставление их особенностей.

7. Моделирование ментального поля концептов «Бог» и «Дьявол» в виде развернутой дефиниции, объективируемой совокупной суммой признаков этих концептов, как ядерных, так и периферийных, с целью наглядного представления структуры концептов (методика Л. Г. Бабенко).

8. Сопоставление русских и английских концептов «Бог» и «Дьявол» для обнаружения в них общих и специфических признаков.

9. Изучение взаимоотношений концептов «Бог» и «Дьявол» в английской и русской лингвокультурах для определения общего и специфического в английской и русской картинах мира.

Исследование показало, что концепты «Бог» и «God» являются константами, т.е. концептами, существующими в лингвокультурах очень долгое время. Об этом свидетельствует их актуализация в большом количестве паремий и афоризмов (нами было проанализировано около 1000 примеров из каждой лингвокультуры) и их богатая вербализация в языках (13 лексических единиц в русской лингвокультуре и 12 в английской).

Большинство синонимов имён рассматриваемых концептов не только вербализует эти концепты, но и репрезентирует их признаки. Так, признак «создатель, творец» репрезентируется лекси-

ческими единицами *Создатель, Творец, Отец; Creator, Father*; признак «правитель мира» – единицами *Вседержитель, Царь Небесный, Господь, Host, Lord, King of heaven, King of Kings*. Одним из мест обитания Бога и в русской, и в английской лингвокультуре признается рай (небесное царство / королевство). Объединение признака «существо, обитающее в раю (небесном царстве / королевстве)» достигается с помощью лексических единиц *Царь Небесный, Небожитель, King of heaven*.

Лексические единицы, вербализующие концепты, способны не только называть их признаки, но и отражать историю развития общества, которым они созданы. Например, в русской лингвокультуре в знаковую составляющую концепта «Бог» входит словосочетание *Царь Небесный*, которого нет в знаковом пространстве концепта «God». Носители английской лингвокультуры при вербализации данного концепта употребляют словосочетания *King of heaven* или *King of Kings*. Это связано с тем, что монархическая система Англии и России имела разные формы правления. В России на троне восседал царь, именно поэтому «правитель мира», живущий на небесах, в российской лингвокультуре видится «Царем Небесным». Жителями Великобритании правил и правит король (королева), поэтому «правитель мира» для них – «Король небес» или «Король Королей».

За долгую историю своего развития концепты не раз приобретали новые трактовки, а значит, и новые признаки. Исконно славянское слово *бог*, являющееся именем концепта, первоначально имело смысл «счастье, удача, судьба». Однако понятийная составляющая современного концепта «Бог» значительно шире: анализ дефиниций слов, вербализующих этот концепт, выявляет в его структуре такие признаки, как «всеобщее мировое начало», «верховное всемогущее существо», «создатель, творец мира» и «правитель мира». Изучение этимологии имени концепта «God» показало, что нет однозначного мнения о происхождении данного слова, которому приписывается и положительное, и отрицательное первоначальные значения. Считается, что слово *god* могло произойти от слова *ghut*, означавшего «господин», от слова *gei* (жить, быть), от слова *gup* (война) и от слова *gheu* (взывать о помощи). Однако ни в одной словарной дефиниции слов, вербализующих этот концепт, нет указания на какие-либо отрицательные черты Бога. В понятийную составляющую современного концепта «God» входят следующие основные признаки: «всевышнее существо», «реальное существо», «правитель мира» («существо, властное над природой» и «существо, властное над челове-

скими судьбами»), «объект поклонения», «создатель, творец мира».

Понятийные составляющие изучаемых концептов в обеих лингвокультурах схожи. Основными признаками концептов являются: «создатель, творец мира», «правитель мира», «всевышнее (верховное) существо». Однако в английской лингвокультуре признак «правитель мира» детализируется, уточняется, Бог видится «существом, властным над человеческими судьбами» и «существом, властным над природой». В русской лингвокультуре эти признаки у концепта «Бог» также выявляются, но не являются основными, поскольку словарными дефинициями не объективируются. Аналогично с признаком «объект поклонения»: в английской лингвокультуре он входит в понятийную составляющую концепта, а в русской – нет.

Концепты «Бог» и «God» не только сходятся, обладая подобными признаками, – они имеют отличия, которые наглядно отражают акцентуацию ценностей, присущую разным культурам. Так, в русской лингвокультуре Бог видится «всеобщим мировым началом», в структуре концепта «God» такой признак не выделяется. Значит, носители английской лингвокультуры не фокусируют своё внимание на том, что Бог – первооснова мира. С другой стороны, для носителей английской лингвокультуры оказывается важной реальность Божества, а в структуру концепта «Бог» признак «реальное существо» не входит.

В анализируемых паремиях и афоризмах Бог выступает и как субъект, и как объект действия. В качестве субъекта действия он совершает различные действия сам; в качестве объекта действия он воспринимается человеческим разумом и чувствами. Анализ сочетаемости лексических единиц, вербализующих Бога как субъекта действия и интерпретативный анализ паремий и афоризмов, в которых Бог является объектом действия, позволяют выявить дополнительные признаки концептов «Бог» и «God» и дополнительные способы репрезентации основных признаков.

Проведённый анализ сочетаемости показал, что концептуальные признаки могут репрезентироваться грамматическими средствами. Так, например, на единичность и уникальность христианского Бога и в русской, и в английской лингвокультурах указывает сочетаемость имён концептов и их синонимов с прилагательными и глаголами в форме единственного числа: *Бог сирот не оставляет* (А. Островский); *Объяснённый бог уже не Бог* (М. Зощенко); *The God has a few of us whom he whispers in the ear* (R. Browning). На этот же признак указывает написание лексических единиц, вербализующих концепты, с заглавной буквы (*Бог, Господь,*

God, Lord). Заглавная буква используется только при вербализации монотеистического Божества, т.е. Божества такой религии, которая признает только одного Бога. В английском языке данный признак выражается также через использование определённого артикля перед лексическими единицами, вербализующими концепт, одной из функций которого, является функция указания на уникальные предметы или сущности, единственные в своем роде.

Признаки концептов «Бог» и «God» могут репрезентироваться прилагательными, которые выполняют функцию определения при лексических единицах Бог, God и их синонимах или входят в состав составного именного сказуемого. Например, прилагательные: *high* (всевышний) и *just* (справедливый) указывают на признаки «всевышнее существо» и «существо мудрое и справедливое»: *The most high God sees and bears (Всевышний Бог все видит и терпит); God is just, and time suppresses time (Бог справедлив, и время побеждает время)*. Основная масса признаков выявляется при анализе предикатов. Сочетаемость лексических единиц, вербализующих концепты, с глаголами говорения репрезентирует признак «существо говорящее», с глаголами чувств – признак «существо чувствующее» и т. д.

Большую роль в выявлении признаков концептов играет интерпретативный анализ. Особого внимания в процессе его осуществления заслуживают паремии и афоризмы, содержащие метафоры, поскольку в метафорах объективируются наиболее актуальные, широкоизвестные признаки. Применительно к концептам «Бог» и «God» это такие признаки, как «защитник, помощник» (*God is our fortress (Бог – наша крепость) (W. Shakespeare)*), «правитель мира» (*The Lord is my shepherd (Господь мой пастух) (Bible)*), «всемогущее существо» (*Артиллерия – бог войны (И. Сталин)*) и т. д.

Выявленные нами в процессе анализа признаки концептов «Бог» и «God» позволяют обозначить представления о Боге, которые типичны для русской и английской лингвокультур, а именно:

– в концепте «Бог» объективируются представления о верховном всемогущем существе мужского рода, всеобщем мировом начале, создателе и творце мира, которым он правит. Он властен над природой и человеческими судьбами. Будучи наделённым чувствами, способностью видеть, слышать и говорить, он взаимодействует с человеком, для которого является объектом поклонения, дарителем, судьёй, защитником и помощником. Бог мудр, справедлив, не страшен, добр, милостив и терпелив. Он непознаваем и неопишем, уникален и бессмертен. Одновремен-

но с этим возможности его ограничены, он несправедлив, не щедр и любит деньги. Он играет второстепенную роль в жизни человека, возможно, является творением человека или даже вообще не существует. Местами его обитания являются рай (небесное царство) и сам человек;

– в концепте «God» объективируются представления о святом духе, всевышнем реальном существе мужского или женского рода, создателе, творце мира, которым он правит. Он властен над природой и человеческими судьбами, он может наказывать и прощать. Бог всемогущ, уникален и непознаваем. Его отличают мудрость и справедливость, доброта, любовь к правде и постоянство. Будучи существом, способным мыслить, чувствовать и говорить, он взаимодействует с человеком, для которого является спасителем и дарителем, защитником и помощником. Носителям лингвокультуры он видится объектом поклонения и, вместе с тем, выступает объектом нелюбви, насмешек, существом, внушающим страх. Возможности его ограничены, он смертен, несправедлив, ошибается, допускает и вершит зло, разрушения. Он является творением человека или даже существом, которого нет. Местами его обитания являются рай (небесное королевство), сам человек и окружающие его предметы.

Признаки, формирующие изучаемые концепты, свидетельствуют о неоднозначном отношении носителей обеих лингвокультур к Богу, поскольку они не только дополняют друг друга, но и противоречат друг другу. В структуре концептов «Бог» и «God» выявляются признаки «всемогущее существо» и «существо с ограниченными возможностями», «создатель, творец мира» и «творение человека». Носителям русской лингвокультуры Бог видится «существом справедливым» и «существом несправедливым», «существом добрым, милостивым» и «существом нещедрым». Носители английской лингвокультуры объективируют признаки «существо мужского рода» и «существо женского рода», «реальное существо» и «существо, которого нет».

Сопоставление признаков концептов «Бог» и «God» позволило выявить универсальное и специфическое в структуре данных концептов, а значит – и в лингвокультурах, объективирующих их. Универсальными для обеих лингвокультур являются признаки: «создатель, творец мира»; «правитель мира» («существо, властное над природой»; «существо, властное над человеческими судьбами»); «даритель»; «защитник, помощник»; «всемогущее существо»; «существо мужского рода»; «существо уникальное, единственное в своём роде»; «существо мудрое»; «существо непознаваемое, неопишное»; «существо доброе»; «существо го-

ворящее»; «существо чувствующее»; «существо, взаимодействующее с человеком»; «существо с ограниченными возможностями»; «существо несправедливое»; «творение человека»; «существо, которого нет»; «существо, обитающее в аду» и «существо, обитающее в человеке». Общим для обеих лингвокультур является также большое количество паремий и афоризмов, репрезентирующих уважительное отношение к Богу, свидетельствующих о его признании и вере в него (93,2 % от общего количества в русской лингвокультуре и 85,5 % в английской).

Специфическими по отношению к концептам «Бог» и «God» являются признаки, которые объективируются только в одной лингвокультуре, а также признаки, противоречащие друг другу на уровне лингвокультур: «существо бессмертное» (концепт «Бог») и «существо смертное» (концепт «God»); «объект поклонения» (концепт «Бог») и «объект нелюбви», «объект для насмешек» (концепт «God»); «существо нестрашное» (концепт «Бог») и «существо, внушающее страх» (концепт «God»). Русская и английская лингвокультуры различаются и акцентуацией признаков концептов «Бог» и «God». В русской лингвокультуре активнее всего вербализуется признак «правитель мира», а в английской – «создатель, творец мира». Носители английской лингвокультуры обращаются к Богу, потому что видят в нём «защитника», а носители русской лингвокультуры зывают к нему, потому что он – «даритель». Сходство признаков, мы полагаем, обусловлено тем, что основной религией в России и Англии являлось и является христианство. Различия же вытекают из несходства культур и несходства проповедуемых в странах направлений христианства.

В русском языке оппозиция Богу представлена не одним существом, а несколькими. Наиболее известными и значимыми существами «низшей мифологии», которые воплощают зло и противостоят Богу, являются дьявол, сатана, чёрт и бес. Эти существа, как отмечают учёные, чётко распределены «по сферам употребления». Христианский *дьявол (сатана)* чаще встречается в церковно-литературных источниках. Древнее дохристианское существо *бес* занимает промежуточное положение, заменив демонов в православии и приблизившись к *чёрту* на бытовом уровне употребления. *Чёрт* является самым сложным и противоречивым антиподом Бога. С одной стороны, лексическая единица *чёрт* связана с языческими дохристианскими верованиями; с другой – народные представления о чёрте окрашены библейскими мотивами и определяются, в основном, верованиями, связанными с христианством, и в этом отношении чёрт «сливается» с евангельским дьяволом (Серебряная, 1997; Питина, 2002).

Мы полагаем, что в русской лингвокультуре именем концепта, который является оппозицией концепту «Бог», является лексическая единица *чёрт*. Язычество не исчезло бесследно из русской лингвокультуры – оно сохранилось в персонажах «низшей мифологии». Мы не можем не обращать внимания на его следы. Дьявол представлен в церковно-литературных источниках именно таким, каким он был привнесен в русскую лингвокультуру, т. е. лишенным национальных особенностей. С концептом же «Чёрт» произошли весьма существенные изменения: он приобрел новые и сохранил старые черты, вобрав в себя признаки языческих чёрта и беса и христианских дьявола и сатаны. В современной лингвокультуре понятие *чёрт* употребляется как родовое – для обозначения злого духа старинной дохристианской веры, а также в смысле христианского образа дьявола. Именно поэтому мы считаем концепт «Чёрт», а не «Дьявол», главной оппозицией концепту «Бог» в русской лингвокультуре.

Знаковая составляющая концептов «Чёрт» и «Devil» представлена в русском и английском языках достаточно большим количеством лексических единиц (13 в русской лингвокультуре и 11 в английской), что свидетельствует о константности концептов. Данные лексические единицы не только вербализуют исследуемые концепты, но и репрезентируют их признаки.

Основной признак «злой дух», входящий в структуру обоих концептов, объективируется лексическими единицами *злой дух*, *bad spirit*, *fiend*. Признак «существо (дух) нечистое(ый)» также находит выражение в обоих языках: *нечистый*, *чёрный*, *unclean spirit*. Однако, несмотря на сходство между английской и русской лингвокультурами, есть значительные несовпадения в репрезентации признаков лексическими единицами, называющими концепты.

В английской лингвокультуре, в отличие от русской, синонимы имени концепта актуализируют признаки: «существо, обитающее в аду» (*minister of hell*, *god of the underworld*, *prince of darkness*), «правитель» (*minister of hell*, *prince of darkness*, *prince of evil*) и «падший ангел» (*fallen angel*, *god of the underworld*). Носители английской лингвокультуры называют дьявола «богом подземного мира» (*god of the underworld*), и, хотя они пишут лексическую единицу *god* с маленькой буквы, показывая тем самым разное отношение к дьяволу и Богу, этим они отличаются от носителей русской лингвокультуры, которые не используют имя концепта «Бог» для называния его антипода.

В русской лингвокультуре синонимы имени концепта «Черт», в основном, репрезентируют признаки, связанные с внешностью

чёрта («существо со звероподобной внешностью», «существо с уродством», «существо лысое», «существо с волосами»). В английской лингвокультуре таких синонимов нами найдено не было.

Понятийные составляющие изучаемых концептов отличаются и основными признаками, которые их формируют, и их количеством. В структуре концептов «Чёрт» и «Devil» нами был выявлен всего один совпадающий основной признак – «злой дух».

В русской лингвокультуре выделяется большее количество основных признаков *чёрта*, что, как мы полагаем, связано с многогранностью концепта «Чёрт», объединившего в себе и языческие, и христианские представления об антипode Бога. Большинство основных признаков концепта «Чёрт» («враг рода человеческого», «олицетворение зла», «противник Бога») вообще не выявляется в структуре концепта «Devil», поскольку не вербализуется в словарных дефинициях лексической единицы *devil* и её синонимов. Следовательно, данные признаки не актуальны для носителей английской лингвокультуры. Признак «существо со звероподобной внешностью» выявляется в обеих лингвокультурах, но для носителей английской лингвокультуры этот признак является не основным, а дополнительным. Однако необходимо отметить, что признак «искуситель», являющийся основным для носителей английской лингвокультуры, в словарях русского языка не объективируется. Этот признак выявляется в структуре концепта «Чёрт» при анализе сочетаемости и интерпретации паремий и афоризмов.

Как уже отмечалось, помимо основных признаков, структура концептов формируется признаками дополнительными, которые выявляются при анализе сочетаемости вербализующих концепты лексических единиц и при интерпретативном анализе паремий и афоризмов, объективирующих концепты. При анализе сочетаемости лексических единиц, вербализующих концепты «Черт» и «Devil», нами были выявлены те же способы репрезентации дополнительных признаков, что и у концептов «Бог» и «God», а именно – репрезентация грамматическими средствами языка. Например, в русском языке признак «существо мужского рода» репрезентируется сочетаемостью имени концепта с прилагательными и глаголами мужского рода: *Если дьявол заговорил ангельским голосом, это не значит, что он проходит мутацию (Р. Карпач); Старый чёрт по-своему поёт*. Признак «существо не-уникальное, имеющее собратьев» в обоих языках репрезентируется употреблением имени концепта или его синонимов во множественном числе и наличием при них глаголов во множественном числе: *В тихом омуте черти водятся; When the angels pre-*

sent themselves, the devils abscond (Когда являются ангелы, дьяволы бегут).

Концептуальные признаки могут репрезентироваться прилагательными в роли определений к лексическим единицам, вербализующим концепты. В поговорках *Старого чёрта да подпер бес; Old Satan couldn't get along without plenty of help* (Старый сатана не может обходиться без помощи) прилагательные *старый* и *old* репрезентируют признак «существо старое». Большая группа признаков репрезентируется предикатами. Признак «существо мобильное» объективируется сочетаемостью знаковых составляющих концептов с глаголами перемещения в пространстве, признак «существо видящее и слышащее» – сочетаемостью с глаголами физического восприятия и т.д.

Наиболее актуальные, широко известные признаки концептов «Чёрт» и «Devil» репрезентируются в поговорках и афоризмах, содержащих метафоры. Метафоры репрезентируют такие признаки, как «существо нестрашное» (*Перед злой женой сатана – младенец непорочный*), «могущественный злой дух» (*Drunkenness is a bewitching devil, a pleasant poison and a sweet sin* (Алкоголизм – это очаровывающий дьявол, приятный яд и сладкий грех) и др.

Выявленные нами в процессе анализа признаки концептов «Чёрт» и «Devil» позволяют обозначить представления о дьяволе (чёрте), которые типичны для русской и английской лингвокультур, а именно:

– в концепте «Чёрт» объективируются представления о злом духе, сверхъестественном существе мужского рода со звероподобной внешностью. Чёрт является противником Бога, врагом рода человеческого, он лукав, умен, терпелив и силен. Он приносит неприятности и от него трудно избавиться. Будучи существом говорящим, он взаимодействует с человеком, искушая его, подчиняя его своей воле или просто помогая, служа ему. Чёрт уродлив, нечист, но способен скрывать свою истинную сущность. Он много шутит, любит деньги и охотится за душой человека. Вместе с тем он может воспитывать, он имеет свои страхи, а сам является существом нестрашным и может быть даже невинно обвиненным. Он неуклюжий и неумелый, и возможности его ограничены. Он видится существом лысым и существом с волосами, существом старым, смертным и существом бессмертным, существом уникальным, единственным в своём роде и существом не-уникальным, имеющим собратьев. Местами его обитания называются ад (подземное царство) и водоёмы (болота, омуты);

– в концепте «Devil» объективируются представления о могущественном злом духе, нечистом духе, падшем ангеле. Он явля-

ется существом мужского рода, способным видеть, слышать и говорить. Дьявол воспринимается существом мыслящим и образованным, взаимодействующим с человеком, для которого он является искусителем и правителем, союзником, партнером и помощником, слугой, объектом поклонения и объектом для насмешек. Люди отвергают его, беспричинно обвиняют и служат ему. Он любит деньги, он мобилен, трудноизгоняем, способен прятаться, скрывать свою истинную сущность и даже совершать религиозные ритуалы. Носителям английской лингвокультуры он видится существом уникальным, единственным в своем роде и не уникальным, имеющим собратьев, существом со звероподобной внешностью и существом нестрашным, с привлекательной внешностью (в юности). Он видится существом старым, с ограниченными возможностями и даже страхами, а также существом положительным. Местами его обитания считаются ад, болото и сам человек.

Концепты «Чёрт» и «Devil» формируются дополняющими друг друга признаками (например, «злой дух» и «существо, приносящее неприятности» в русской лингвокультуре, «искуситель» и «существо, способное перевоплощаться и прятаться» – в английской), а также признаками, противоречащими друг другу («существо смертное» и «существо бессмертное» в структуре концепта «Чёрт», «могущественный злой дух» и «существо положительное» в структуре концепта «Devil»). Дополняющие и противоречивые признаки, формирующие концепты «Чёрт» и «Devil», выявляются из различного языкового материала и свидетельствуют о неоднозначном восприятии этих существ носителями обеих лингвокультур.

Сопоставление признаков, выявленных в концептах «Чёрт» и «Devil», показывает, что структуры данных концептов формируются совпадающими признаками (18 совпадающих признаков) и признаками, которые объективируются в одной лингвокультуре и не объективируются в другой. Показательно при этом, что противоречивых признаков в данных концептах нами обнаружено не было. Это говорит об общности восприятия «духов зла» в обеих лингвокультурах. Общим для носителей обеих лингвокультур является и традиционное негативное отношение к чёрту (дьяволу), такое отношение, которое проповедуется христианской религией. Процент паремий и афоризмов, объективирующих негативное отношение к этим существам заметно превалирует над процентом примеров, свидетельствующих о положительном отношении к ним (90,6 % в русской; 87,5 % в английской лингвокультуре).

Однако восприятие «сущест в низшей мифологии» в русской и английской лингвокультурах не является полностью идентичным. В английском языке активнее всего репрезентируется признак «искуситель». В русском языке таких признаков два – «искуситель» и «существо, приносящее неприятности». Синонимы имени концепта «Чёрт» объективируют признаки, характеризующие внешность чёрта, а синонимы имени концепта «Devil» указывают на признак «правитель» и признаки, касающиеся происхождения дьявола и места его обитания.

Необходимо отметить, что в структуре концептов «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» присутствуют признаки, общие для всех четырёх концептов: «существо мужского рода», «существо уникальное, единственное в своем роде», «существо, взаимодействующее с человеком», «существо говорящее» и «существо с ограниченными возможностями». Кроме того, в структуре концептов выявляется общий признак «помощник», но в этом признаке концепты не являются абсолютно совпадающими. Бог для носителей и русской, и английской лингвокультур не просто «помощник» – он ещё и «защитник», в то время как дьявол (чёрт) – «слуга». Дьявол видится «существом мыслящим и образованным». Примеров, в которых объективировалась бы образованность Бога, нами обнаружено не было.

Концепты не существуют изолированно, они взаимодействуют с другими концептами, поэтому концептуальные оппозиции «Бог :: Чёрт», и «God :: Devil» были рассмотрены нами на синтагматическом уровне, т. е. в контекстах их совместной встречаемости. Изучение данных контекстов показало, что исследуемые оппозиции могут быть структурно выраженными и структурно не выраженными. В своей работе для обозначения конструкций, в которых репрезентируются оппозиции, мы использовали модели конструкций и способ их записи, предложенные Л. А. Новиковым (см.: Новиков, 2001).

В русском языке конструкциями, в которых вербализуется оппозиция «Бог :: Чёрт», являются: *X, а Y; X, но Y; X, да Y; и X, и Y*, где X и Y – концепты «Бог» и «Чёрт». В английском языке структурно выраженные оппозиции вербализуются в конструкциях: *X and Y; neither X nor Y; both X and Y; X as well as Y; X but Y*, где X и Y – концепты «God» и «Devil».

В конструкциях *X, а Y; X, но Y* концепты противопоставляются, представляя собой антонимичную пару: *Бог умудряет, а бес подстрекает; Силён чёрт, но милостив Бог*. В английском языке отношения противопоставления объективируются в конструкции *X but Y: God sends corn but the devil mars the sack* (Бог посылает

зерно, а дьявол рвет мешок). В данных примерах эксплицируются дифференцирующие признаки концептов: «существо мудрое и справедливое» (концепт «Бог») и «искуситель» (концепт «Чёрт»); «существо сильное» (концепт «Чёрт») и «существо доброе и милостивое» (концепт «Бог»); «даритель» (концепт «God») и «злой дух» (концепт «Devil»).

В русском языке в конструкции *и X, и Y* подчеркивается значение всеобщности, вытекающее из значения соединения противоположностей до единого целого: *Угодить сразу и Богу, и чёрту; И Господа, и дьявола хочу прославить я* (В. Брюсов). В английском языке концепты «соединяются» в конструкциях: *X and Y; neither X nor Y; both X and Y; X as well as Y*. «Соединение» данных концептов в примерах выражается лексически: через использование словосочетаний с числительным *два* при определении Бога и дьявола (*I have two masters -- God and the devil; I work for the devil until lunch then I follow the Lord* (У меня есть два хозяина – Бог и дьявол; я работаю на дьявола до обеда, а затем иду к Богу) (U.)); через называние объекта, действия или места, которые объединяют данные концепты (*God and the devil lose to a common enemy: inertia* (Бог и дьявол проигрывают общему врагу: инерции) (M. McLaughlin)); через использование конструкций с закрытым типом сочинительной связи (*It would be absurd if we did not understand both God and devil, since we invented them* (Было бы абсурдно, если бы мы не понимали и Бога, и дьявола, поскольку мы придумали их обоих) (J. Steinbeck)).

Примеры показывают, что, несмотря на свою противоположность, концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» объединены общими признаками и потому могут выступать в роли однородных членов, каждый из которых равнозначен и не может быть сведен до положения компонента другого. Кроме того, необходимо отметить, что в данных примерах концепты «Бог» и «Чёрт» становятся контекстуальными синонимами. Это становится возможным благодаря тому, что в концептах, структурно выраженных в данных конструкциях, на первый план выходит репрезентация общих признаков.

Концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» противопоставляются и «соединяются» не только в структурно выраженных оппозициях, но и в оппозициях, структурно не выраженных: *Смелым Бог владеет, пьяным чёрт качает; What God gives, the devil reaves* (Что Бог дает, дьявол отнимает); *Бог с дьяволом борются, а поле битвы – душа человеческая* (Ф. Достоевский); *Wherever God erects a house of prayer, the devil always builds a*

chapel there (Там, где Бог возводит молельню, дьявол всегда строит свою часовню) (D. Defoe).

Итак, концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» образуют оппозиции в обеих лингвокультурах. Эти концепты логически равноправны, так как не являются ни двумя ступенями какого-либо признака, ни утверждением или отрицанием признака. Они не удалены семантически, поскольку имеют общие контексты употребления, чего нельзя сказать о членах дизъюнктивной оппозиции. В то же время они не эквивалентны, поскольку в их структуре выявляются не только общие, но и дифференцирующие признаки. Всё это позволяет сделать вывод, что концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» образуют эквиполентные оппозиции. Изучение оппозиций «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» на синтагматическом уровне подтвердило результаты парадигматического анализа, согласно которым в структурах рассмотренных нами концептов присутствуют общие и дифференциальные признаки, объективируемые и в структурно выраженных, и структурно не выраженных оппозициях.

В контекстах совместной встречаемости концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil», образующие оппозиции, либо противопоставляются, либо «соединяются». При противопоставлении у концептов репрезентируются дифференцирующие признаки, и они выступают в качестве антонимичной пары. «Соединение» концептов «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil» становится возможным благодаря наличию в их структуре одинаковых признаков, которые, выходя на первый план, превращают данные концепты в контекстуальные синонимы.

Исследование показало, что концепты «Бог», «God», «Чёрт» и «Дьявол» являются константами в русской и английской лингвокультурах, поскольку объективируются в большом количестве паремий и афоризмов и вербализуются значительным количеством лексических единиц. Носителям русской и английской лингвокультур свойственно неоднозначное отношение к Богу и дьяволу (чёрту), что выражается в наличии в структурах данных концептов не только уточняющих, дополняющих признаков, но и признаков противоречивых.

Концепты «Бог», «God», «Чёрт» и «Devil» отличаются не только несовпадающими (специфическими) признаками, формирующими их структуру, но и акцентуацией, значимостью признаков для носителей русской и английской лингвокультур. Концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil», в структуре которых выделяются общие и дифференциальные признаки и которые имеют общие контексты употребления, образуют эквиполентные оппозиции.

Являясь членами подобных оппозиций, данные концепты выступают или как антонимичные пары, или как контекстуальные синонимы.

Основные выводы исследования сводятся к следующим положениям:

1. Концепты «Бог» и «Дьявол» являются «константами» русской и английской лингвокультур, поскольку объективируются в большом количестве паремий и афоризмов и вербализуются значительным количеством лексических единиц.

2. В русской лингвокультуре, в которой язычество не было полностью вытеснено христианством, концепт «Чёрт», а не «Дьявол» является оппозицией концепту «Бог», поскольку в русском языке лексическая единица *чёрт* употребляется как родовое название для обозначения злого духа старинной дохристианской веры, а также в смысле христианского образа дьявола.

3. Носителям русской и английской лингвокультур свойственно неоднозначное отношение к Богу и дьяволу (чёрту), что выражается в наличии в структурах концептов не только уточняющих, дополняющих признаков, но и признаков противоречивых. Например, в структуре концептов «Бог» и «God» выявляются признаки «всемогущее существо» и «существо с ограниченными возможностями», «создатель, творец мира» и «творение человека». В структуре концептов «Чёрт» и «Devil» соседствуют признаки «существо уникальное, единственное в своем роде» и «существо неуникальное, имеющее собратьев», «злой дух» и «существо, невинно обвиненное». Структура концептов выявляется через анализ различного языкового материала, который объективирует многочисленные мнения, представления и знания носителей лингвокультур о Боге и дьяволе (чёрте).

4. Анализ и сопоставление концептов различных лингвокультур позволяет обнаружить общее не только в структуре отдельных концептов, но и в самих лингвокультурах. Общим для русской и английской лингвокультур является двоякое отношение к Богу и дьяволу (чёрту). Однако абсолютное большинство примеров свидетельствует о том, что в обеих лингвокультурах превалирует традиционно позитивное отношение к Богу и негативное отношение к дьяволу (чёрту). В русском языке 93,2 %, а в английском – 85,5 % паремий и афоризмов репрезентируют уважительное отношение к Богу и свидетельствуют о вере в него, о признании его большинством носителей лингвокультуры. Негативное отношение к дьяволу (чёрту) фиксируют 90,6 % русских и 87,5 % английских паремий и афоризмов.

5. Специфическое в русской и английской лингвокультурах объективируется через несовпадающие признаки в структуре концептов «Бог» и «God», «Чёрт» и «Devil» и через разную акцентуацию наиболее значимых признаков. В русском языке по отношению к концепту «Бог» активнее всего вербализуется признак «правитель мира», а в английском – «создатель, творец мира». Носители английской лингвокультуры обращаются к Богу, потому что видят в нём «защитника», а носители русской лингвокультуры – потому что он «даритель». При сопоставлении концептов «Чёрт» и «Devil» выявляется, что в английском языке активнее всего репрезентируется признак «искуситель». В русском языке таких признаков два: «искуситель» и «существо, приносящее неприятности». Кроме того, синонимы имени концепта «Чёрт» объективируют признаки внешности чёрта, а синонимы имени концепта «Devil» указывают на признак «правитель» и на признаки, касающиеся происхождения дьявола и места его обитания. Поскольку каждая нация объективирует в языке наиболее значимые для неё концептуальные признаки, то естественно, что чем больше специфических признаков входит в структуру аналогичных национальных концептов, тем заметнее разница между лингвокультурами, в которых эти концепты объективируются.

6. Концепты «Бог» и «Чёрт», «God» и «Devil», в структуре которых выделяются общие и дифференциальные признаки и которые имеют общие контексты употребления, образуют эквивалентные оппозиции и выступают в составе этих оппозиций или как антонимичные пары, или как контекстуальные синонимы.

Литература

Передриенко Т. Ю. Метафоризация в истории концепта «Бог» в русской лингвокультуре / Т. Ю. Передриенко // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол», 29 сентября – 1 октября 2004 г. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. – С. 146 – 149.

Передриенко Т. Ю. Паремии и афоризмы как источники информации о национальной картине мира / Т. Ю. Передриенко // Проблемы культурного образования: Материалы областной научно-практической конференции, 19 декабря 2003 г. – Вып. 4. – Челябинск: Изд-во ИДППО, 2005. – С. 12 – 20.

Передриенко Т. Ю. Модели концептуального анализа / Т. Ю. Передриенко // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всероссийской научной конференции, 14 – 16 апреля 2005 г. / Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. – С. 119 – 124.

Передриенко Т. Ю. «Высшая» и «низшая» мифология в русских паремиях / Т. Ю. Передриенко // Поэтика повседневности. Фольклор. Художественная литература: Материалы Международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2005», Санкт-Петербург, 6 – 7 июня 2005 г. – СПб.: Астерион, 2005. – С. 9 – 13.

Передриенко Т. Ю. «Низшая» мифология в русских паремиях / Т. Ю. Передриенко // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 21 – 23 февраля 2006 г. – Ч. 1. – Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2006. – С. 89 – 94.

Передриенко Т. Ю. Концепт «God» в английской лингвокультуре / Т. Ю. Передриенко // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции, 29 – 30 марта, 2006 г. – Ч. 1. – Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2006. – С. 96 – 100.

Передриенко Т. Ю. Репрезентация концепта «Devil» в английской лингвокультуре (на материале паремий и афоризмов) / Т. Ю. Передриенко // Концепт и культура: Материалы II Международной научной конференции, Кемерово, 30 – 31 марта 2006 г. – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. – С. 390 – 401.

Передриенко Т. Ю. Концепты «God» и «Devil» в английской лингвокультуре / Т. Ю. Передриенко // Теория и методика преподавания языков в вузе: Тезисы докладов на Международной научно-практической конференции, 15 – 17 декабря 2003 г. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – С. 105-107.

Передриенко Т. Ю. «God» – понятие или концепт? / Т. Ю. Передриенко // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2004 (№ 17): Материалы ежегодной региональной научной конференции, Екатеринбург, 2 – 3 февраля 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2004. – С. 92 – 93.

Е.А. Мошина (Кемерово)

НАДЕЖДА

Концепт надежда, исследуемый в данной работе, хотя и не включен Ю.С. Степановым в число констант русской культуры и не отнесен А. Вежбицкой к числу специфически русских концептов, играет в русском языковом сознании и культуре особую роль, позволяющую на ее основании говорить об особенностях национального характера. Ряд авторов (напр., Э. Лассан) отмечают, что такое убеждение основано на следующих факторах:

1) распространенность говорения о надежде в сильных местах текста – начале и конце.

2) использование этого имени или его антонимов в названиях статей, книг, стихотворений: напр., К.Батюшков: «Надежда», И. Губайловский: «Пытка надеждой»;

3) создание метафор, определяющих роль надежды в картине мира говорящего, а также метафор, ставших афоризмами: «Надежды маленький оркестрик...», «Надежда – мой компас земной», «Надежда умирает последней»;

4) использование этого имени для названия материальных объектов: судов, клубов, кафе и т.п.;

5) существование специфической конструкции «в надежде» для оформления важнейшей категории бытия – причинности: «В надежде сладостных наград к Лукреции Тарквиний новый отправился ...» (Пушкин).

Надежда – одна из трех главных добродетелей, названных апостолом Павлом в первом послании к коринфянам: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь больше» (1 Кор. 13: 13). *Надежда* – также одно из весьма частых слов светского дискурса (131 раз на миллион слов в русском языке) – его частотность выше, чем частотность имени *тоска*, называющего, по А. Вежибицкой, один из ключевых русских концептов.

Цель исследования – выявить, описать и сопоставить структуры концептов *надежда* и *горе*.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. описать языковые средства, объективирующие концепты *надежда* и *горе*;

2. рассмотреть этимологию, т.е. внутренние формы слов *надежда* и *горе*, определить исходные мотивирующие признаки;

3. проанализировать лексические значения слов *надежда* и *горе*, определить понятийные признаки исследуемых концептов;

4. выявить и сравнить синонимические ряды лексем *надежда* и *горе*;

5. определить способы концептуализации *надежды* и *горе* как вторичное переосмысление соответствующих лексем – репрезентантов концептов в обыденном сознании. Описать и сравнить образные признаки исследуемых концептов.

6. определить общие и дифференцирующие признаки в структурах исследуемых концептов.

В нашем исследовании определение концепта ориентируется на лингвокультурную позицию. Вслед за М. В. Пименовой, под *концептом* понимается «национальный образ (идея, символ), осложненный признаками индивидуального представления»

(Пименова, 2005). «Некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разными языковыми способами и средствами (Пименова, 2004). *Структура концепта* – «это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. *Признак* – мельчайшая единица концепта. «это атом смысла».

Реконструкция структуры концепта осуществляется путем наиболее полного выявления возможных признаков, которые могут быть объединены по общей для них видовой или родовой ассоциативной характеристике» (Пименова, 2004).

В современном языкознании сложилось представление о том, что, с одной стороны, метафора пронизывает всю лексическую сферу языка, выступая как средство номинации, а с другой, – метафора является когнитивным способом создания и познания языковой картины мира. Таким образом, метафора предстает как особый способ мышления о мире, который использует прежде добытые знания.

В работе используется комплексная методика концептуального анализа, разработанная Кемеровской школой концептуальных исследований, в частности, М. В. Пименовой. Согласно данной методике исследование проходит в несколько этапов.

1. Выявляется этимология слова-имени концепта и мотивирующие признаки концептов *надежда* и *горе*.

2. Анализируются словарные дефиниции слова-имени концепта, в результате чего выявляются понятийные признаки.

3. Исследуется синонимический ряд слов – репрезентантов исследуемых концептов.

4. Рассматривается метафорическая сочетаемость, в ходе анализа выявляются образные признаки концептов.

На всех этапах исследования выделенные признаки концептов *надежда* и *горе* формируются в группы, статистические данные фиксируются в соответствующих таблицах. На основании данных, представленных в таблицах делаются выводы о наличии общих и дифференцирующих признаков в структурах исследуемых концептов, что указывает на их национально-культурную специфичность.

Обратившись к внутренней форме лексемы *надежда*, мы можем констатировать, что первоначальное значение лексемы *надежда* – «опора» не утрачивается, а лишь перемещается во вторичное значение «то, на что можно надеяться, опереться, положиться». Очевидно также, что слово *надежда* расширяет свою

семантику – выделяется новое значение ‘упование (т.е. ожидание/ вера в осуществление)’. Однако анализируемый материал показывает, что когнитивная метафорическая модель *надежда-опора* до сих пор является достаточно продуктивной в процессе объективации концепта *надежда* (25% от числа всех понятийных признаков). Рассмотрение этимологии имени *hope* позволило сделать вывод о том, что исходными мотивирующими признаками *hope* являются ‘желание’ и ‘ожидание’, которые до сих пор являются базовыми признаками исследуемого концепта, а также самыми частотными – 20, 4% и 32% соответственно.

Словарные толкования слова *надежда* позволили выделить три признака, которые составляют понятийную часть структуры концепта *надежда*: ‘ожидание’, ‘вера’ и ‘опора’. Самыми частотными являются примеры, отражающие признак ‘ожидание’ (51%) и ‘опора’ (25 %). На основе словарных значений лексемы *hope*, представленных в различных лексикографических источниках, у концепта *hope* можно выделить следующие понятийные признаки: ‘вера’, ‘желание’, ‘ожидание’, ‘опора’, ‘шанс/ возможность’, ‘предмет желания’. Наиболее частотными являются примеры, отражающие признаки ‘ожидание’ (32%), ‘желание’ (20,4%), ‘предмет желания’ (15,6%).

Изучение слов-синонимов имени концепта выявляет значимые свойства концепта в языке, позволяет четко провести грань между семантически близкими концептами на основе анализа сочетаемостных свойств того или иного слова, наличия или отсутствия родственных понятийных признаков в структурах концептов. Синонимический ряд правомерно рассматривать как цепочку слов, связанных семантически, в которой каждый член синонимического ряда отличается каким-либо компонентом своего значения от остальных членов ряда и вместе с тем совпадает с ними по другому компоненту (Виллюман 1980). Так, синонимы лексемы *надежда* в основном сближаются на основе признака ‘ожидание’, а синонимы *hope* – на основе признаков ‘желание’, ‘ожидание’ и ‘вера’.

В выявлении образных признаков внимание акцентируется на буквальном прочтении языковых форм. Абстрактная природа исследуемых концептов предопределяет преобладание в своих структурах образных признаков. Весь объем образных признаков делится на 7 групп: квантитативные, признаки «Логоса», признаки знания, признаки «живой природы» (вегетативные, витальные, зооморфные и антропоморфные), признаки «неживой природы» (вещества, стихий, предметные признаки), категориальные признаки, к которым относятся признаки внутреннего пространства,

'локализации', признаки 'мира', 'ландшафта', 'дома' и 'строения' и последняя группа признаков времени. По каждой группе и подгруппе признаков представлена сопоставительная таблица. Всего 36 таблиц.

В группе количественных признаков общими для концептов надежда и hope являются признаки 'целостность', 'упорядоченность' и 'один'. Признак 'целостность' означает завершенность, неразделенность (*Fanny was all agitation and flutter -- all hope and apprehension*. Austen. *Mansfield Park*; **Всю надежду возлагаю на вас и другую, могучую союзницу — деятельность**. Гончаров. Обыкновенная история). Отражением упорядоченности явлений в мире может служить употребление порядковых числительных прилагательных с репрезентантами концептов (*first/last hope*; *Fair is Love's first hope to gentle mind!* Coleridge. *Poetical works*; *in those days the Colonies were still the last hope of those who could get nothing to do in England*. Maugham. *Of human bondage*; ...через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, – и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти **последнюю надежду**. Лермонтов. Герой нашего времени).

Количественные признаки более свойственны английскому концепту *hope*. Интересным фактом является невозможность сочетаний леммы *hope* с иными числительными, кроме *один* и *сто*, леммы *надежды* – с числительным *один* (*His one hope was that he might reach home before sundown*. Saki (H.H. Munro) *Reginald in Russia*; *A hundred such touching hopes, fears, and memories palpitated in her little heart...* Thackeray. *Vanity Fair*; *Если бы не слово, данное товарищу, он ушел бы немедленно; остался же в единственной надежде помочь хоть чем-нибудь при самом исходе дела*. Достоевский. Бесы).

Для концептов *надежда* и *hope* характерен признак 'Логос' (или 'Слово'). Почти все выделенные признаки свойственны концепту *надежда* общими для исследуемых концептов выступают признаки 'устное слово', 'выражение/ изложение', 'объявление', 'звук' («*Oh! my love, I could not then talk of hope to him or to myself*. Austen. *Sense and sensibility*; *Она не говорила больше с Наташей о надежде на спасение его жизни*. Толстой. *Война и мир*; *Князь Василий, оставшись один на один с князем, тотчас же объявил ему о своем желании и надеждах*. Л.Толстой. *Война и мир*). Специфическими признаками надежды являются 'смысл/ значение', 'песня', 'представление', а *hope* – 'записанное слово' (*As soon as Jane had read Mr. Gardiner's hope of Lydia's being soon married, her joy burst forth...* Austen. *Pride and prejudice*).

Признаки 'знания' у исследуемых концептов полностью совпадают.

Признак 'знание' (Nor do I **know** a sweeter **Hope** than this...Coleridge. Poetical works) и 'тайна', сокровенное знание (secret hope; 'Then you have some **secret hope** to buoy you up and please you with whispers of the future? Ch.Bronte. Jane Eyre).

Общими вегетативными признаками исследуемых концептов являются 'растение', 'рост', 'бесплодное растение', 'цветение', 'плод'. Обращает на себя внимание тот факт, что эта группа признаков очень широко представлена в структуре концепта *hope*. Специфическим для *надежды* являются признаки 'семя' и 'дерево', а для *hope* 'увядание', 'бутон/ почка', 'цветок' и 'виноградная лоза', 'корни', 'орех', 'колос'.

Одной из наиболее частотных когнитивных моделей в описании концептов *надежда* и *hope* является 'Надежда – живое существо'. Это подтверждается наличием разветвленной структуры витальных и антропоморфных признаков. У исследуемых концептов отмечено большое количество общих витальных признаков: 'жизнь', 'болезнь', 'голос', 'возраст', 'движение', 'дыхание', 'зрение', 'питание', 'рождение/ появление', 'сила/ слабость', 'смерть'. Однако их актуальность различна, так среди английского фактического материала актуальными признаками *hope* выступают 'сила/ слабость', 'движение', 'смерть' и 'жизнь', а для *надежды* актуальны признаки 'смерть', 'движение' и 'рождение/ появление'.

Большая часть витальных признаков актуализирует характеристики живых существ, отдельные свойства которых непосредственно или опосредовано указывают на зооморфную природу некоторых метафизических составляющих человека (Пименова 2004).

Зооморфная группа признаков исследуемых концептов представлена тремя подгруппами: орнитологических, анималистских и энтомологических признаков. Наиболее разнообразными и частотными для *надежды* являются орнитологические признаки, а для *hope* – анималистские признаки. Анималистские, орнитологические и энтомологические признаки концептов выражают народные представления о субъектах и объектах внутреннего мира, отражают архаические языческие воззрения на природу человека. Концепты *надежда* и *hope* передают двучленную модель мира – небесное царство (орнитологические и энтомологические признаки) и земное царство (анималистические признаки).

В группу антропоморфных признаков вошли признаки концептов *надежда* и *hope*, которые проявляют черты, присущие человеку. Такое отождествление основывается не на визуальном его

подобии, а схожести действий и состояний, проявляющихся в эмоциональном, ментальном или социальном поведении. Соответственно все антропоморфные признаки можно разделить на эмоциональные, ментальные, социальные, религиозные и признаки характера.

Надежда концептуализируется антропоморфными признаками помощника, спутника, гостя, посетителя, проводника, работника, преступника, няни, пленника. Метафорическая модель 'надежда – ребенок' отражает сложившееся в русской культуре отношение к детям, любовь и заботу. Как за ребёнком, за *надеждой* ухаживают: *надежду лелеют, питают, пробуждают, растят, возвращают*, ей *верят*. *Надежда*, как ребёнок, бывает простодушной и наивной (*простодушная/ наивная надежда*). Как некоего жителя, *надежду* поселяют в душу или в сердце. Как путник, *надежда* оставляет следы. Как возница, *надежда* погоняет, подстегивает человека. *Надежда*, как и человек, бывает обманута. Как врага, *надежду* громят. У концепта *hope* отмечены сходные признаки 'жилец', 'гость' 'ребенок' и 'няня'. Кроме того, отмечены и специфические признаки *hope*, такие, как 'соперник' (...*And gratitude for my escape shone so strong in my soul that it almost rivalled the brightness of hope*. Stevenson. Dr. Jekyll and Mr. Hyde), 'предатель' (*One pang more blighting-keen than hope betray'd!* Coleridge. Poetical works), 'меценат' (*And his hope and his dream was to become one among those whose names are recorded in story as the gallant and adventurous benefactors...* Shelley. Frankenstein, or, The modern Prometheus), 'доброволец' (...*And the remaining ladies were left on view in the drawing-room by remaining gentlemen, until a forlorn hope volunteered to conduct them downstairs, and those brave spirits with their captives blocked up the dining-room door*. Dickens. Dombey and Son), 'мучитель' (*Years will pass, and you will have visitings of despair and yet be tortured by hope*. Shelley. Frankenstein, or, The modern Prometheus, где torture «причинять боль, мучить»), 'водитель' (*By all which, instead of being discouraged, they are Fifty Times more violently bent upon prosecuting their Schemes, driven equally on by Hope and Despair...* Swift. Gullivers Travels).

Hope также характеризуется такими признаками, как «день рождения» и «настроение» (*She had given me on the morning of our farewell, and which had never been separated from me since, was the birthday of our first hope*. Saki (H.H. Munro). The woman in white; *Diminutive candle-flame was mirrored in each pupil, and it would have been possible to distinguish therein between the moods of hope and the moods of abandonment, even as regards the red-*

dleman, though his facial muscles betrayed nothing at all. Hardy. Return of the native).

В русской языковой картине мира *надежда* отличается признаками неустойчивого характера. С одной стороны *надежда* робкая, тихая, неуверенная, суеверная, серьезная, а с другой стороны — легкомысленная, ветреная и даже буйная и дерзостная. В английской языковой картине мира *hope* имеет более позитивный характер, она жизнерадостная (*sanguine hope*), спокойная/размеренная (*stately hope*). Признаки 'амбициозность' (*ambitious hope*), 'доверчивость/легковёрность' (*credulous hope*), 'робость', 'скромность/застенчивость' также имеют положительную коннотацию. Отрицательными расцениваются черты характера актуализирующие признаки 'лень' (*Idle Hope*) и 'тщеславие' (*vain hope*). Общим в структурах исследуемых концептов оказался признак 'робость' (*В голосе Натальи прозвучала неуверенная, робкая надежда*. Шолохов. Тихий Дон), *He drew his breath in a slow and attenuated stream, as he waited in timorous hope for the answer*. Hardy. A pair of blue eyes). У надежды также отмечены такие специфические признаки как 'вольнюлюбие' (*Вольнюлюбивые надежды*) и 'благородство' (в *надеждах благородных*).

Эмоциональные признаки концептов *надежда* и *hope* отражают представления о том, что эти явления тесно связаны с эмоциями. *надежда* в русской языковой картине мира характеризуется в основном положительными эмоциями 'радость', 'счастье', 'восторг', 'утешение'.

Не смотря на стереотипы, связанные с представлениями о рациональности и эмоциональной сдержанности англичан, у концепта *hope* отмечено больше эмоциональных признаков, чем у концепта *надежда*. Общими являются признаки 'радость', 'разочарование' и 'утешение' (*радостные надежды; восторги надежд; утешительная надежда*).

Ментальные признаки концептов *надежда* и *hope* объективируют ассоциации, связанные с такими характеристиками человека, как глупость, неосознанность и безумие. Большинство ментальных признаков отмечены у концепта *hope* (6 из 8). Общими для исследуемых концептов являются ментальные признаки 'безумие' и 'глупость' (...*Потому он знал, что теперешнее возвращение его не было законное, совершившееся путем той же мысли, но было только временное, корыстное, с безумною надеждой исцеления*. Л.Толстой. Анна Каренина; *У меня останется глупая надежда, я не отстану, я буду ежедневно являться к вам бледный, расстроенный...* Гончаров. Обыкновенная история; *In the wild struggle for existence, we want to have some-*

thing that endures, and so we fill our minds with rubbish and facts, in the silly hope of keeping our place. Wilde. *The Picture of Dorian Gray; Knight's eyes followed her, the last moment begetting in him a frantic hope that she would turn her head.* Hardy. *A pair of blue eyes).*

Группа **социальных признаков надежды** и *hope* формируется подгруппами признаков интерперсональных отношений, этических признаков, а также признаков занятий. Наиболее показательными в этой группе являются признаки 'интерперсональные'. В английской языковой картине мира концепт *hope* чаще актуализируется признаками, характеризующими взаимоотношения начальник – подчиненный: 'вмешательство', 'обвинение', 'обещание', 'обязательство', 'подчинение', 'принуждение', 'поддержка', 'поощрение', 'снисхождение', 'угнетение'. Общими интерперсональными признаками исследуемых концептов выступают 'оппозиция', 'обязательство', 'примирение', 'поддержка', 'поощрение', 'родство', 'соблазн/искушение', 'совместность'. Самым актуальным признаком для исследуемых концептов оказался признак 'совместность'. Надежда сопровождает человека в его движениях, действиях и поступках.

Основными занятиями *надежды* являются 'труд' и 'игра', занятие *hope* косвенно характеризуется признаками 'неудача/провал' и 'удача'. Общие признаки занятий у исследуемых концептов не выявлены.

Этика определяет те нравственные принципы, по которым живет человек. Среди этических у *надежды* отмечены признаки: 'порок' (*порочная надежда*), 'коварство' (*коварная надежда*), 'обман' (*обманчивые надежды*), 'неверность' (*неверная надежда*), 'лесть' (*льстит надежда*). Концепту *hope* свойственны этические признаки 'лесть' (*flattering hope*), 'жадность' (*greedy hope*), 'подобострастие' (*The grovelling hope*). Общим этическим признаком исследуемых концептов является 'лесть'. Обращает на себя внимание тот факт, что этические признаки более актуальны для концепта *надежда*; примеров с этими признаками в 3 раза больше, чем у концепта *hope*.

Исследуемые концепты актуализируются религиозными признаками 'благоговение', 'благословение', 'Бог', 'Божья милость/благо', 'вера', 'вечность', 'величие', 'добродетель', 'религия', 'святость'. Для концепта *надежда* актуальными выступают религиозные признаки 'вера' (*верить в надежду; разувериться в надежде*) и 'величие' (*с великой надеждой*), для концепта *hope* – 'величие' (*great hope*). Общими религиозными признаками *надежды* и *hope* являются 'Бог', 'величие', 'вечность' и 'Божья милость/благо'.

К признакам 'неживой природы' относят признаки 'вещества', 'стихий' и 'предмета'.

Оба рассматриваемых концепта *надежда* и *hope* определяются следующими признаками вещества: 'жидкость', 'твердое вещество', 'горючее вещество' и 'вещество – наполнитель'. Ряд остальных признаков являются специфическими и чаще всего окказиональными, у *надежды* это признаки 'лопающееся вещество' (*Одна из его легкомысленных надежд лопнула – что теперь предпринять?* Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы), 'растравливающее вещество' (*И опять то надежда, то отчаяние по старым наболевшим местам стали растравлять раны ее измученного, страшно трепетавшего сердца.* Л.Толстой. Анна Каренина), 'стекло' (*Он из этих слов видел, что его надежды разлетелись вдребезги, понял, что Вера любит кого-то...* Гончаров. Обрыв); у *hope* – 'смесь' (*A soft hope blent with my sorrow that soon I should dare to drop a kiss on that brow of rock, and on those lips so sternly sealed beneath it: but not yet.* Ch.Bronte. Jane Eyre), 'чистый/ без примеси' (...*as he kissed her, and trembled with pure hope...* Lawrence. Women in Love) и 'мягкость' (*A soft hope blent with my sorrow that soon I should dare to drop a kiss on that brow of rock, and on those lips so sternly sealed beneath it: but not yet.* Ch.Bronte. Jane Eyre). Для концепта *надежда* актуальными являются признаки 'наполнитель', 'твердость', 'согревание', а для концепта *hope* – 'наполнитель' и 'смесь'.

Концептуальная система внутреннего мира заимствует многие признаки из описания внешнего мира. Для представления внутреннего мира в русской и английской языковых картинах мира часто используют метафоры природных стихий и света. Общими признаками стихий у концептов *надежда* и *hope* являются признаки 'воды' ('слияние'), 'огня' ('жар'/ 'пыл', 'искра', 'угасание'), 'света' (солнца, звезды), 'воздуха'. Для *надежды* в русской языковой картине мира более характерны признаки стихий 'вода' (*капля надежды; росинка надежды; смутная надежда; слитое с надеждой*), 'огонь' (*запылать надеждой; зажглись надежды; пламя надежды*), 'свет' (*блестящие надежды; ослепить надеждой; просиять надеждами*). Для *hope* в английской языковой картине мира свойственны признаки стихий 'огонь' (*flame of hope; a glow of hope; spark of hope*), 'свет' (*flash of hope; hope shines; gleam Of hope*), 'вода' (*Hopes flow like water; gush of hope; hopes have merged*) и 'воздух' (*breathe hope*). У исследуемых концептов не отмечены признаки 'земли'.

К предметным признакам относятся признаки артефакта, имущества, ценности и ресурсов. Самыми актуальными для концепта

надежда выступают признаки 'размер', 'возраст артефакта' и 'нить', для концепта *hope* – 'размер' и 'одежда'. В русском языковом сознании надежда ассоциируется с такими рукотворными объектами как 'игрушка' (играть надеждами), 'корабль' (ковчег надежд), 'корона / венец' (венчать надеждами), 'цепь' (кольцо в цепи надежды. У концепта *hope* отмечены признаки 'книга' (*pages of hopes*), 'корабль', характеризующиеся такой его частью как якорь (*ankor of hope*). Общими предметными признаками исследуемых концептов являются 'корабль' и 'размер'.

В русской языковой картине мира *надежда* – это 'дар' и 'товар' (*купить надежду; отдать за надежду*). В английской языковой картине мира *hope* – это 'товар' (*buy hope*), 'наследство' (...*now it was not a mere bequest of coin, - it was a legacy of life, hope, enjoyment*. Ch.Bronte. Jane Eyre), 'то, что нужно охранять, укрывать' (...*Where it guarded the forlorn hope of solitude, and a last refuge for silence...* Ch.Bronte. Jane Eyre; *Not a hope of imposition or mistake was harboured any where*. Austen. Mansfield Park). *Hope* также уподобляется деньгам и золоту.

Среди ценностных характеристик концептов внутреннего мира можно выделить особую классификацию по признакам имущества. Эти признаки связаны с категорией посессивности, которая представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания, принадлежности, включая отношения части и целого. В языковой картине мира могут быть присвоены эмоции, понятия, мнения, освоенным оказывается весь мир чувств и мыслей (Пименова 2004). Признаки имущества реализуются у исследуемых концептов посредством признаков 'собственность' и 'владение'.

Признаки 'имущества' у исследуемых концептов полностью совпадают. Для концепта *надежда* наиболее актуален признак 'собственность', для концепта *hope* признаки 'собственность' и 'владение' практически *равнозначны*.

У концептов внутреннего мира отмечаются категориальные характеристики 'отторжимости / неотторжимости', под которыми понимаются признаки 'существование' ('обладание', 'присутствие', 'наличие') и 'несуществование' ('отсутствие', 'исчезновение', 'потеря', 'пропажа'). Наиболее частотным предметным признаком *надежды* является 'существование' (*есть/ была/ будет надежда*); а также обратная конструкция 'отсутствие/ не существование' (*нет/ не было/ не будет надежды*). Актуальными для концепта *надежда* выступают признаки 'существование / не существование', 'потеря', 'оставление' и 'отдача', а для концепта *hope*

– ‘существование / не существование’, ‘оставление’, ‘лишение’, ‘отдача’ и ‘отказ’.

Признак ‘ресурсы’ концепта *надежда* выражен разнообразными языковыми средствами (*жить надеждой; богат надеждой; запас надежд; истощить надежды; изобильные надежды*). У концепта *горе* отмечен признак ‘полезные ископаемые’ (*mine of горе*). Для концепта *надежда* актуальными являются признаки ‘ресурсы’, ‘мало’ и ‘много’, для концепта *горе* – ‘мало’ и ‘много’. Общими признаками ресурсов выступают ‘много’ и ‘мало’.

При описании пространственных отношений во внутреннем мире человека четко прослеживается аналогия внутреннего по образцу внешнего. Исследуемые концепты могут с одной стороны рассматриваться как объекты, занимающие определенное пространство внутреннего мира человека, а с другой – сами являться некими вместилищами.

Для концептов *надежда* и *горе* наиболее актуальным выступает признак ‘вместилище’. Специфическими признаками *надежды* являются ‘быть впереди’, ‘движение в разные стороны’ и ‘пустота’, а *горе* – ‘не иметь границ’, ‘движение через/насквозь’, ‘движение вширь’, ‘быть высоким’. Остальные признаки исследуемых концептов совпадают, хотя и различаются по степени актуальности того или иного признака, так для концепта *надежда* актуальными выступают признаки ‘быть впереди’, ‘отдаленность’ и ‘точка’, а для концепта *горе* – ‘движение вверх’ и ‘быть высоким’.

М.В. Пименова в монографии по исследованию наивной языковой картины мира делит пространство внутреннего мира человека на два типа: 1) пространство реальное – внутри тела человека и 2) мифологическое (идеальное, воображаемое) – пространство внутреннего мира (Пименова 1999).

Реальное пространство предполагает расположение субъекта или объекта внутреннего мира в пределах тела человека, внутри реально существующих человеческих органов.

Мифологическое пространство – это пространство внутри идеальных (воображаемых) образований. Таким образом, *надежда* и *горе* локализируются внутри как реального (тело, лицо, грудь, глаза), так и мифологического пространства (взгляд, ум, душа, сердце). Сердце в данном случае выступает не как конкретный орган кровообращения, а как идеальная сущность, представляющая собой средоточие эмоциональной, духовной жизни человека, его переживаний, настроений и чувств.

Актуальными для концепта *надежда* выступают признаки локализации (в порядке значимости): ‘тело’, ‘душа’, ‘глаза’, ‘сердце’,

а для концепта *hope*, соответственно, 'тело', 'сердце', 'душа' и 'глаза'.

Общими признаками локализации для исследуемых концептов выступают 'взгляд', 'глаза', 'сердце', 'душа', 'тело'.

Внутренний мир человека описывается по аналогии с внешним, что позволяет говорить о *надежде* и *hope*, как о мире, устроенном по общим законам вселенной (...*and receiving Freights every day from a new world of hope*. Wordsworth. The excursion). *Надежда* и *hope* отождествляются с солнцем, 'ветром', 'небом', 'звездой', 'землей'.

Для концепта *надежда* наиболее актуальным выступает признак 'небо', а для концепта *hope* – 'солнце'.

На основе рассмотренного фактического материала у исследуемых концептов были отмечены признаки ландшафта: у *надежды* – 'обрыв'; 'болото'; 'лес'; у концепта *hope* – 'гора/холм' (*lofty hopes*), 'возвышенность' (*Sublime of Hope*), 'ключ/ родник/ источник', объективируемый глаголом *to spring* «вытекать, бить ключом». В результате проведенного анализа не выявлено общих признаков ландшафта у исследуемых концептов. Большинство признаков ландшафта были отмечены у концепта *hope*, самым актуальным из которых является 'ключ/источник'.

'Дом' – важнейший признак исследуемых концептов. *Надежда*-дом – это то место, где можно остаться, безопасно провести время, отдохнуть и набраться сил (*Если бы не слово, данное товарищу, он ушел бы немедленно; остался же в единственной надежде помочь хоть чем-нибудь при самом исходе дела*. Достоевский. Бесы);

Важной частью дома выступает очаг (*Раздувая эту чахлую искорку в надежде на то, что она разрастется в спасительное пламя, титулярный советник процедил...* Акунин. Алмазная колесница).

В результате проведенного исследования общим признаком дома у анализируемых концептов был отмечен 'место пребывания'. Обращает на себя внимание тот факт, что для английского языкового сознания наиболее важными атрибутами дома являются строительство и удобство/комфорт, а для русского – дом, как место жителя/пребывания.

Надежде свойственны такие признаки строения как 'основание/ фундамент', 'разрушение', 'крепость/ укрепление', 'твердыня' и т.д. У *надежды* также отмечен окказиональный признак 'тюрьма' (*Истомившись в надеждах на лучшую будущность и не видя им исполнения, он предался отчаянию...* Лажечников. Последний Новик).

У *hope* отмечены следующие признаки строения: 'бастион/укрепление' (*bulwarks of hope*), 'восстановление' (*to restore hope*), 'дворец' (*palace of hope*), 'разрушение' (*to destroy hope*), 'основание/ фундамент', причем, *hope* может представлять здание, имеющее фундамент (*His hope that he was recovering proved so far well grounded that in three weeks they had arrived in the city of many memories...* Hardy. *Jude the obscure*), либо сама служит фундаментом (*It was founded on the hope that Richard would remain a captive in Germany...* Scott. *Ivanhoe*).

Внутренний мир обладает характеристиками времени. В русской и английской культуре (в западной традиции вообще) движение времени рассматривается в горизонтальной плоскости от прошлого через настоящее в будущее. У концепта *надежда* отмечен признак 'прошлое' и 'будущее'. Признаки времени концепта *hope* образуют полную шкалу, для которой актуальны признаки всех времен: 'прошлое', 'настоящее' (*And yet their present hope was hardly more than what it had been, for so strong it blew...* Byron. *Don Juan*) и будущее. Общими признаками концептов *надежда* и *hope* выступают 'прошлое' и 'будущее'. Для исследуемых концептов самым актуальным является признак 'будущее'. Человек живет будущим, переносит туда свои надежды, чаяния, ожидания.

В русской языковой картине мира время *надежды* измеряется днями, часами, минутами и моментами. В поэме А.С. Пушкина «Евгений Онегин» встречается окказиональный признак 'пора' (*Когда же юности мятежной Пришла Евгению пора, Пора надежд и грусти нежной, Monsieur прогнали со двора.* Пушкин. *Евгений Онегин*). *Было время надежды и веры большой — Был я прост и доверчив, как ты. Шел я к людям с открытой и детской душой, Не пугаясь людской клеветы...* Блок. Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...

Общими признаками единиц времени у исследуемых концептов являются признаки 'день' и 'момент'. Для концепта *надежда* актуальным является признак 'минута', а для концепта *hope* — 'день'.

Концепты *надежда* и *hope* объективируются признаками времени суток, для которых не свойственен солнечный свет (темная надежда / *dark hope*).

Подведем основные итоги.

Наиболее значимыми в структуре концептов *надежда* и *hope* оказываются образные признаки. Реализация в языке образных признаков происходит с помощью концептуальных метафор, иногда с помощью метонимии, что объясняется абстрактной природой исследуемых концептов. Источником метафоризации служат

универсальные коды культуры, в результате чего все образные признаки делятся на 7 групп и 33 подгруппы. Наиболее частотными среди образных признаков концепта *надежда* оказываются предметные (32%), антропоморфные (23%), и категориальные признаки (15%), на что указывает расчлененность данных групп признаков, а также частотность конструкций, в которых они объективируются. Остальные группы признаков в процентном соотношении выглядят следующим образом: количественные – 5, 3%, признаки ‘Логоса’ – 3%, признаки ‘знания’ – 0, 9%, вегетативные – 1, 4%, витальные – 7, 9 %, признаки вещества – 2, 6%, признаки стихий – 4, 4%, признаки ‘времени’ – 2, 9%. Наиболее частотными среди образных признаков концепта *hope* также являются предметные (29%), антропоморфные (22, 8%), и категориальные признаки (17, 9%). Остальные группы признаков в процентном соотношении выглядят следующим образом: количественные – 5, 1%, признаки ‘Логоса’ – 2, 1%, признаки ‘знания’ – 0, 6%, вегетативные – 2, 4%, витальные – 9,8 %, признаки вещества – 2, 5%, признаки стихий – 4, 3%, признаки ‘времени’ – 2, 3%. Сводные данные по образным признакам концепта представлены в виде таблицы в приложении 1. согласно представленным данным можно говорить о том, что, хотя в структурах исследуемых концептов отмечены схожие группы признаков, их актуальность для концептов различна.

Сводные данные по образным признакам концепта представлены в виде таблицы в приложении 1. Расчлененность и многокомпонентность структур исследуемых концептов является показателем большой их значимости в сознании носителей языков.

Актуализация определенных признаков показывает, что наиболее продуктивными общими когнитивными моделями в описании концептов *надежда* и *hope* являются: 1. ‘Надежда – живое существо’:

‘Надежда – человек (мать/няня, ребенок, гость, жилец),’
‘Надежда – животное’; ‘Надежда – птица’; ‘Надежда – летающее насекомое (муха, пчела)’.

2. ‘Надежда – растение’: ‘Надежда – цветок’; ‘Надежда – плод (сладкий)’.

3. ‘Надежда – предмет’: ‘Надежда – корабль’, ‘Надежда – строение’ ‘Надежда – оплот/укрепление’; ‘Надежда – ценность’; ‘Надежда – товар’;

‘Надежда – имущество’;

4. Надежда – стихия’: ‘Надежда – вода’, ‘Надежда – огонь’; ‘Надежда – свет (солнца, звезды)’.

5. 'Надежда – вещество': 'Надежда – жидкость'; 'Надежда – твердое вещество'; 'Надежда – вещество-наполнитель';

6. 'Надежда – вместилище, хранилище, мир'.

7. 'Надежда – время': 'Надежда – будущее'; 'Надежда – прошлое'.

8. 'Надежда – «Логос»': 'Надежда – устное слово'; 'Надежда – содержание разговора'; 'Надежда – смысл слов'.

9. 'Надежда – знание': 'Надежда – тайна'.

Специфическими для *надежды* являются когнитивные модели: 'Надежда – человек (возница, враг, помощник, охранник, работник, путник, проводник)', 'Надежда – растение (дерево, семя)'; 'Надежда – предмет (нить, игрушка, деталь механизма'; а для *норе* 'Надежда – человек (соперник, шофер, предатель, спонсор, доброволец). 'Надежда – растение (лоза, ветви, орех, колос); 'Надежда – предмет (книга).

Несмотря на общую концептуальную структуру исследуемых концептов, различие в способах объективации того или иного признака указывает на их национально-культурную специфику.

Литература

Мошина Е.А. Концептуализация надежды витальными признаками и способы их реализации в языковой картине мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК "Графика", 2005. — С.129-134 (Серия "Филологический сборник". Выпуск 6).

Пименова М.В., Мошина Е.А. Антропоцентризм надежды. Сборник научных статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК "Графика", 2005. — С. 187-194.(Серия "Филологический сборник". Выпуск 6).

Мошина Е.А. Репрезентация концептов НАДЕЖДА и НОРЕ витальными и зооморфными признаками // Грамматика. Семантика. Концептология / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК "Графика", 2005. — С.145-153. (Серия "Филологический сборник". Выпуск 7).

Мошина Е.А. Характеристики вещества и стихий как способы концептуализации внутреннего мира человека (на примере концептов надежда и норе) // Грамматика. Семантика. Концептология / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК "Графика", 2005. — С.235 – 240. (Серия "Филологический сборник. Выпуск 7).

Мошина Е.А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов НАДЕЖДА и НОРЕ в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ...канд. Филол. Наук. – Волгоград, 2006. – 24 с.

Л.Э. Кузнецова (Краснодар)

ЛЮБОВЬ

Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, любовь, при всей своей универсальности, имеет определённую специфику запечатлённых в разных языках ассоциаций, связанных с ней, что представляет несомненный интерес для лингвистики.

Общечеловеческая универсалия «любовь» как один из ключевых концептов языковой культуры неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В последние десятилетия данный концепт анализировался в следующих направлениях:

- описывалось лексико-семантическое поле понятия «любовь» в современном французском и грузинском языках (Какабадзе 1986);
- выявлялась специфика лексических средств обозначения эмоции «любовь» в русском языке (Бабенко 1989);
- рассматривался концепт «любовь» через призму национального менталитета как русская культурная доминанта, обладающая особой лингвистической и культурологической ценностью (Колесов 1991);
- исследовалась лингвокультурологическая специфика концепта «любовь» в русском и немецком языках (Вильмс 1997);
- проводилось исследование концепта «любовь» как ментально обусловленного диахронически и синхронически единого образования, функционирующего в разных типах национальной культуры (Каштанова 1997);
- рассматривалось чувство любви в рамках исследования концепта «образ мира» в языковом сознании русских, бурят и англичан (Дашиева 1999);
- исследовался эмоционально-чувственный компонент значения слова «любовь» (Мягкова 2000);
- описывалась этносемантика телеономных концептов «любовь», «счастье» в русском и английском языках (Воркачёв 2003);
- проводился концептуальный анализ любви и ненависти в русском языке (Тананина 2003).

Вместе с тем, по нашим данным, исследование концепта «любовь» в рамках психолингвистического направления в лингвистической гендерологии до сих пор не предпринималось.

Цель данной работы состоит в психо-социокультурной характеристике лингвокультурного концепта «любовь» в языковом сознании.

Для реализации поставленной цели выдвигаются следующие задачи:

- выявить константные содержательные признаки концепта «любовь» и его субконцептов в лингво-философском осмыслении и психолингвистическом преломлении;

- установить минимальное инвариантное лексико-семантическое содержание, присущее глаголам-предикатам, описывающим концепт «любовь» в русской и английской лингвокультурах;

- рассмотреть влияние категории «гендер» на ассоциативную реализацию концепта «любовь» и его субконцептов в русском языковом сознании;

- провести сопоставительную интерпретацию русских и английских паремий, объективирующих концепт «любовь» с точки зрения гендерной репрезентации;

- определить ассоциативные связи концепта «любовь» и его субконцептов в русском языковом сознании.

Принятый в лингвистике антропоцентрический подход к языку предполагает усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке. В связи с этим существенно возрастает значимость индивидуальных параметров личности. Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен, представляет один из таких параметров.

Наиболее «гендерным», отражающим социально-биологическую специфику пола, является, бесспорно, любовь, которая, собственно, и порождается половой дифференциацией людей. Эмоциональный концепт «любовь» занимает особое место среди лингвокультурных концептов. Он относится к числу базовых человеческих ценностей и непосредственно связан с формированием у человека смысла жизни как цели, достижение которой выходит за границы человеческого бытия.

Слово «концепт» в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов прошлого века. Антропологическая ориентация современной лингвистики, приводящая к исследованиям, реализуемым на стыке её с другими дисциплинами (Костомаров, Бурвикова 2001), предопределяет междисциплинарный статус категории концепта, используемой в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Представители когнитивной лингвистики (А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин и др.) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания, при этом главным в данной трактов-

ке концепта является указание на его цельность. Представители лингвокультурологического направления (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, Л. О. Чернейко и др.) рассматривают его как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой.

В отечественной лингвистике эмоциональные концепты относят к разряду универсальных, поскольку именно эмоции являются «центральной частью, которая делает представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» (Шаховский, 1996). В этой связи в качестве универсального концепта концепт «любовь» присутствует, очевидно, во всех этнических лингвокультурах.

Концепт «любовь» обладает номинативной плотностью, признающейся концептологически значимым признаком лингвокультурного концепта (Карасик, 1996), а также высокой степенью номинативной диффузности – большим количеством вторичных значений имени концепта (Слышкин, 2004).

В структуре концепта «любовь» выделяются три составляющие: понятийная, отражающая его признаковую и дефиниционную структуру; образная, фиксирующая когнитивные метафоры, и значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-семантической системе языка.

С точки зрения методологии, исследование концептов целесообразно начинать с областей их бытования, представляющих собой типы сознания, в которых эти концепты объективируются (Воркачев, 2002). Для языка таковыми являются обыденное языковое сознание и сознание специальное, в частности, научное.

Имена концептов, используемые языком науки, наполняются конкретным семантическим содержанием благодаря функционированию в рамках определенной теории. В отличие от собственно языковых, научные представления являются универсальными, более точными и детальными, что вызывает необходимость их экспликации с целью наиболее полного постижения природы и сущности концепта. В то же время, несмотря на большое количество философско-этических трудов, в которых описывается чувство любви, не существует единственно верного определения любви.

В результате исследования описаний любви как межличностного чувства в этических и психологических трудах выяснилось, что в семантической модели любви находят отражение следующие признаки:

- 1) интегральный признак «ценность»;

- 2) центральное положение предмета любви в системе ценностей субъекта;
- 3) признак «положительность»;
- 4) немотивированность выбора объекта любви, его произвольность;
- 5) индивидуализированность объекта любви;
- 6) сексуальная окрашенность (в видах эротической любви).

В этических и психологических исследованиях при описании любви как межличностного чувства усилия авторов направлены, прежде всего, на выработку таких признаков, совокупность которых в принципе совпадает с дефиниционной частью полного определения. На основе анализа представлений о любви в этико-психологических трудах можно создать семантическую модель любви, её обобщённый прототип. Любовь – это, прежде всего, глубокое, обычно иррациональное чувство, переживаемое человеком и направленное на другого человека, преимущественно половое, вызывающее сильные переживания и предполагающее проявление уважения, заботы и нежности.

Анализ концепта «любовь» в паремиологическом корпусе русского и английского языков показывает, что в пословичных фондах обоих языков можно выделить три группы пословичных выражений:

1. Абсолютные эквиваленты – паремии, тождественные по смыслу и по форме. Их также принято называть «кочующими единицами»: «Love is blind/Любовь слепа»; «Love conquers all/Любовь всё побеждает»; «Old love does not rust/Старая любовь не ржавеет»; «Love me, love my dog/Любишь меня, люби и мою собаку». Следует отметить, что количество таких паремий невелико.

2. Частичные эквиваленты – паремии, тождественные по смыслу/идее, но различные с точки зрения лексики и структуры: «Сердцу не прикажешь» – «Love cannot be compelled» (идея: силой любви не добьёшься, насильно мил не будешь); «Хоть ряба, да мила» – «If Jack's in love, he's not judge of Jill's beauty» (эта группа представлена наибольшим числом паремий в обоих языках).

3. Лакунарные паремии – афоризмы одного языка, для которых не нашлось аналога в другом языке. Так, в русском языке нет соответствия английской пословице «Calf love, half love; old love, cold love», хотя суть/идея этой пословицы ясна носителю русского языка – в юности человеку не дано прочувствовать всю многогранность чувства любви, а в старости любовь уже не такое пылкое и горячее чувство. В английском же языке не нашлось идей-

ного эквивалента русской пословицы «Во что влюбился – в то преобразился» (эта группа паремий представлена относительно небольшим количеством пословиц).

В лексическом составе английских и русских поговорок отражены разнообразные типы лексики: природные явления и стихии, названия бытовых предметов, животных, растений, лексика, связанная с пищей, абстрактные понятия, соматическая лексика и т. д. При наличии различных типов лексики в пословичном фонде языков в английских пословицах высока частота употребления абстрактных понятий («Congruity is the mother of love» – «Гармония – мать любви»; «Love asks faith, and faith asks firmness» – «Любовь требует веры, а вера требует твёрдости»), тогда как в русских пословицах часто встречаются названия бытовых предметов, животных, соматическая лексика («Деньги – прах, одежда – то же, а любовь всего дороже»; «Люби Ивана, а береги кармана»; «Не спится, не лежится, всё по милому грустится»). Основываясь на этих выводах, можно предположить, что в русском менталитете понятие любви закреплено как нечто реальное, близкое, находящееся рядом, в то время как английское языковое сознание рассматривает любовь как нечто абстрактное, отдалённое, неопределённое.

При сопоставлении пословичных фондов внутри каждого из них имеются взаимоисключающие утверждения, указывающие на тот или иной аспект проявления любви:

«Сердцу не прикажешь» vs «Стерпится, слюбится»;

«Люблю тебя, да не как себя» vs «Для милого и себя не жаль»;

«Absence makes the heart grow fonder» vs «Far from eyes, far from heart».

Группа дефиниционных сем понятия любви представлена в русском и английском пословичном фондах почти в полном объёме. Здесь обнаружился ряд пословиц, выражающих ценность чувства любви, её блага для человека («Нет ценности супротив любви»; «Где любовь, тут и Бог»), немотивированность выбора объекта любви, её слепоту («Полюбится сова лучше ясного сокола»; «Любовь ни зги не видит» / «Love covers many infirmities»; «Love sees no fault»).

Группа имплицативных сем концепта «любовь» связана с представлением о любви как о ключевой ценности в структуре моральных чувств личности. Наиболее полно и ярко в русской паремиологии представлен «каритативный блок» – чувства, сопряжённые с состраданием, заботой об объекте любви, а также умение прощать и быть терпимым к недостаткам любимого, готовность пойти на жертву ради него: «Ради милого и себя не

жаль»; «От того терплю, что больше всех люблю» и др. В этой же группе отражено понятие о любви как о всемогущем, всемогущем чувстве: «Любовь всё побеждает»; «Любовь и горы с мест сдвинет».

В английском пословичном фонде имплицативная группа сем представлена широко: «Love makes the world go round» и др. При сопоставлении выяснилось, что представление о любви как о всемогущем чувстве выражено в английском языке значительно ярче и сильнее, чем в русском. В то же время «карикативный блок» является практически лакунарным. Можно предположить, что английским языковым сознанием культивируется идея о всемогущести любви, при этом любовь не сопровождается сильными переживаниями об объекте любви, а тем более готовностью жертвовать собой.

Общим для обоих языков являются указания на связь любви с другими чувствами и эмоциями. Если в русском языке частыми спутниками любви являются горе и грусть («Полюбив, нагорюешься»; «У моря горе, у любви вдвое»; «Любить – чужое горе носить, не любить – своё сокрушать»), то в английском на их месте находится страх и ненависть («Love is full of fear»; «Love and hate are blood relations»).

Психосоматические проявления любви относятся к числу энциклопедических семантических признаков концепта «любовь» в обыденном сознании. Этот блок представлен преимущественно русскими пословицами и поговорками: «Любви, огня да кашля от людей не утаишь (не спрячешь)»; «Как увидал, так голова вкруг пошла»; «Милый не злодей, а иссушил до костей»; «Love and a cough cannot be hid».

Манифестация концепта «любовь» в паремиологическом корпусе русского и английского языков позволяет установить, что общим здесь являются следующие признаки:

- 1) ценность любви для субъекта;
- 2) необъективность и немотивированность выбора объекта любви;
- 3) произвольность любви;
- 4) амбивалентность чувства любви;
- 5) связь с ненавистью, ревностью, верой, счастьем, горем, страхом;
- 6) психосоматические проявления любви.

В обоих языках имеются взаимоисключающие паремии, указывающие на тот или иной признак любви, что объясняется принадлежностью поговорок и пословиц не к ядру, а к интерпретационному полю концепта.

Если в русском паремиологическом фонде было зафиксировано около 200 единиц, передающих концепт «любовь», то в английском – около 170 единиц. В русском пословицном фонде выделяется обилие пословиц, отправляющих к «ценности любви», что подчёркивает способность русской языковой личности к глубоким личностным переживаниям. Внутри «каритативного блока» в русском языке доминируют пассивные семантические признаки – самопожертвование, терпение, преданность.

Привлекательность концепта «любовь» в конкретном языке для сопоставительного анализа определяется его компонентным богатством и связностью с культурно-социологическим аспектом языка. При этом, «грамматика любви – это, прежде всего, грамматика глагола-предиката по/воз/любить» (Воркачев, 1992). Анализ словарных статей в русских и английских толковых словарях и примеров, взятых из художественной литературы XX века, позволил установить минимальное инвариантное лексико-семантическое содержание присущее каждому из глаголов-предикатов, описывающих концепт «любовь», а также изучить языковой механизм происхождения разных переменных смыслов, возникающих в процессе их функционирования в языке. Нами были проанализированы словарные статьи предикатов, описывающих концепт «любовь/love» в 7 английских толковых словарях (LDCE, WDEU, CCED, ASD, ALDCE, PED, OALD) и в 5 русских толковых словарях (СРЯ, ТСРЯ (О), ССРЯ, ССРЛЯ, ТСРЯ (У)).

Анализ предикатов, описывающих концепт «любовь», показывает, что как выразители эмоций глаголы «любить/to love» можно отнести к неточным и неясным. Толковые словари обоих языков указывают, что данные единицы имеют основное и ряд неосновных значений. Так, «любить» – это двухместный предикат, т. е. речевая реализация его значения зависит от синтаксической формы и семантического разряда единиц, заполняющих места объекта и субъекта.

Двузначность единиц «любить» и «to love» состоит в том, что обычно они выражают положительную эмоцию (как принято считать); однако, их значение может измениться через изменение описания эмоционального состояния или через ситуацию, в которой проявляются противоположные (т. е. отрицательные) эмоции или чувства такие, как отчаяние, гнев, раздражение, ненависть. В качестве иллюстрации приведём отрывок из художественного произведения, где описание отношения главного героя к проявлениям любви показывает неприглядные стороны этого высокого чувства: «And in the restful beauty of the evening Jon could well perceive the **destructiveness of love** — an emotion so sweet, restless,

and thrilling, that it drained Nature of its colour and peace, made those who suffered from it bores to their fellows and useless to the life of everyday» (J. Galsworthy). – «И среди мирной красоты вечера Джон остро почувствовал разрушительную силу любви – чувства до того сладкого, тревожного и захватывающего, что оно отнимает у природы и краски, и покой, а жертвы его отравляют жизнь окружающим, и сами ни на что не годны».

Лексико-семантическое описание предикатов любви показало, что:

1. Словарные значения предикатов любви в русском и английском языках осуществляются при помощи лексико-грамматического контекста на уровне словосочетания, где реализуются основные денотативные семы: «интимность» и «эмоциональность»; в английском языке при употреблении с герундием и инфинитивом наблюдается исчезновение семы «интимность», в этом случае предикаты передают гедонистическое значение «нравиться».

2. В ряде основных лексико-семантических вариантов предиката «to love», вербализующего чувство любви, присутствуют переживание центральности объекта, романтическая любовь, родственная любовь к другу, любовь к ближнему, любовь к Богу, из которых на первом месте в большинстве словарей стоит любовь романтическая.

3. Предикаты любви можно рассматривать как динамичные, имеющие значение вневременности. Семантический анализ предикатов любви затрудняется из-за одновременного присутствия в них двух структурно-семантических аспектов – аспекта субъекта и аспекта объекта.

Обзор этико-психологических, паремиологических и лексико-графических реализаций концепта «любовь» может быть дополнен данными, полученными при проведении свободного ассоциативного эксперимента. Психолингвистическая характеристика слов, входящих в ассоциативное поле концепта «любовь» и его субконцептов, позволяет описать соответствующий концепт/субконцепт через указание его связи с другими концептами той же культуры. Описывая отношение концепта «любовь» к другому слову/ассоциату, связанному с ним парадигматическими или синтагматическими связями, мы получаем частичное толкование концепта.

«Многоликость» и «многоплановость» любви вызвали необходимость разграничения семантического наполнения концепта «любовь» в зависимости от объекта любви и рассмотрение его объективации в сопоставительном плане с учётом гендерной па-

радигмы. Результаты исследования показывают, что в общем массиве поговорок и пословиц о любви в русском языке ярко выражены два явления: андроцентричность, то есть отражение мужской перспективы, и отражение женского мировидения.

Русская паремиология обладает одной важной особенностью – наличием в ней женского голоса. Женский голос выражает сильную антиандроцентричную тенденцию, присущую русскому языку: он аккумулирует наблюдение за бытием «от первого лица», от лица женщины: «Не спится, не ложится, всё про милого грустится»; «Злого любить – себя губить»; «Милый далеко – сердцу не легко» и т.д.

Исследование отражения концепта «любовь» в русской паремиологии показывает, что в русском языковом сознании констатируется абсолютная необходимость наличия любимого человека («милого»). Лишь в ряде случаев («С милым в любви жить хорошо») возможно предположение о том, что речь идёт о замужестве. В пословицах этого типа доминирует готовность к самопожертвованию («Ради милого и себя не жаль»; «За милого и на себя поступлюсь»), а также крепость эмоциональных уз («Забудется милый, так вспомнится»; «Не мил и вольный свет, когда милого нет»). Характерной приметой характера русской женщины, по свидетельству пословичного фонда, является готовность терпеть побои от любимого («Милого побои не больно/долго болят»; «Милый ударит – тела прибавит»; «Милый побьёт, только потешит»).

Исследования гендерных стереотипов на базе фразеологического фонда английского языка показывают, что здесь также преобладает андроцентричный взгляд на отношения между полами. Мужчина как адресант и адресат доминирует количественно: в пословицах и поговорках отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нём: *If Jack s in love, he s no judge of Jill s beauty; He that has love in his breast, has spurs in his sides; A man has choice to begin love, but not to end it.*

В мужской картине мира, отражающей концепт «любовь» в паремиологическом фонде английского языка, выделяются следующие семантические области: *Love and Marriage, Love and Money, Love and Lust.*

Подгруппа «*Love and Marriage*» разнообразна по своему семантическому наполнению: выделяются два взаимоисключающих направления, что ещё раз подтверждает амбивалентность чувства любви. С одной стороны, в английском языковом сознании существует идея о том, что любовь и брак несовместимы: *Marriage is the tomb of love; Love is a fair garden and marriage a field of*

nettles; It is unlucky to marry for love. С другой стороны, выражается идея о том, что залогом счастливой жизни для мужчины является хорошая жена, при этом не делается акцент на чувство любви между представителями обоих полов: A man without a wife is but half a man; A cheerful wife is the joy of life; Two things do prolong the life: a quiet heart and a loving wife.

В английском фонде пословиц представлена идея о связи между любовью и деньгами, в русской паремиологии количество подобных паремий незначительно («Люби Ивана, да береги кармана»): Love does much, money does everything; Love lasts as long as money endures; Money is the sinews of love as well as of war; When poverty comes in at the door, love flies out of the window.

По данным сопоставительного анализа ассоциативных картин русских и англичан, проведённого Н. В. Уфимцевой (1996), в ядре английского языкового сознания ассоциат «sex» имеет ранг «4» (ср.: «love» – ранг «15»). В русском языковом сознании ассоциат «любовь» имеет ранг 18, 5; сексуальные отношения отдельно не выделяются. По данным нашего ассоциативного эксперимента ассоциат «секс/sex» занимает высокий ранг и отмечен испытуемыми как мужского, так и женского пола.

Экспериментальные данные позволяют утверждать, что обыденным сознанием любовь понимается, прежде всего, как категория межличностных отношений, а конкретнее – сексуально обусловленное чувство.

При анализе русских пословиц обращает на себя внимание низкая частотность лексем, относящихся к сфере физической сексуальности; шире, чем в английском языке, представлена сфера духовных, нравственных качеств. Отличительной особенностью русской любовной паремиологии является немногочисленность пословиц, посвящённых чувственным отношениям, интимной стороне любви. Физическая любовь не смакуется, такая любовь воспринимается как реальность, как естественное стремление человека к продолжению рода («Спать двоим – быть и третьему»).

Совсем другая картина открывается перед нами при анализе английской паремиологии, отражающей концепт «love»: Wine and youth increase love; Without Ceres and Bacchus, Venus grows cold. Английским языковым сознанием отрицательно оценивается грубое физическое половое влечение: Of the myriad vices lust is the worst; Three things cost dear: the caresses of a dog, the love of a whore, and the invitation of a host; A man is known to be mortal by two things, sleep and lust, а также отношение к женщинам, которые занимаются любовью за деньги: Once a whore and ever a whore; A

whore in a fine dress is like a clean entry to a dirty house; Whores and rogues always speak of their honour.

В пословичном фонде английского языка обнаружен ряд пословиц, отражающих концепт «материнская любовь» / «mother's love»: A mother's love never ages; A mother's love is best of all; The mother's side is the surest. Общая идея единиц этой подгруппы состоит в том, что мать/материнская любовь имеют большее влияние на ребёнка, чем отец/отцовская любовь. В русском языковом сознании также выделяется субконцепт «материнская любовь»: «При солнышке – тепло, при матери – добро»; «Материнская любовь словно солнышко».

Исследования на базе паремиологического фонда английского языка показали, что в нём присутствуют единичные пословицы, репрезентирующие субконцепт «отцовская любовь» / «father's love»: No love to a father's.

Смысловое содержание следующих пословиц состоит в том, что если мужчина любит женщину, то он также должен любить её детей. В данных пословицах наблюдаем взаимопересечение таких субконцептов как «любовь мужчины к женщине» и «отцовская любовь»: If you love the boll, you cannot hate the branches; He that loves the tree, loves the branch.

Обзор паремиологических представлений о любви дополняется данными, полученными при проведении свободного ассоциативного эксперимента. Сопоставление паремиологических и современных представлений в обыденном сознании даёт возможность выявить динамику и общие тенденции изменения национального менталитета (Воркачёв, 2003).

Исследование структуры концепта включает не только анализ его непосредственного смыслового содержания, но также анализ тех ассоциаций, которые возникают у носителя той или иной лингвокультуры в связи с данным концептом. Ассоциативные связи несут глобальный характер и, как показывают исследования, интегрируют все типы словесных и межсловесных связей. Таким образом, через ассоциации носителей языка мы получаем представление об образе мира данной культуры, её ценностных ориентирах.

Анализ литературы, в первую очередь, по лингвистической гендерологии, а затем по лингвистической эмотиологии показал, что существует определённая связь между гендером и ассоциативными процессами. Изучение проявлений гендерного фактора на ассоциативном материале и построения «мужской» и «женской» картин мира только началось, но уже вполне понятно, насколько важен учёт параметров личности испытуемого при

анализе ассоциативных данных (Горошко, 2001).

Одной из задач исследования является взгляд на чувство любви и его виды как бы сквозь призму языкового сознания человека с той целью, чтобы понять, с чем, прежде всего, ассоциируется концепт «любовь» и его субконцепты в сознании рядового носителя русского языка. Была сделана попытка выделить то универсальное, что есть в ассоциативном значении слов, и специфическое субъективное, зависящее от параметров личности человека (его пола). Для осуществления поставленной задачи была разработана анкета и проведён свободный ассоциативный эксперимент.

Проведённый свободный ассоциативный эксперимент состоял из следующих этапов:

1 этап – подготовка эксперимента заключается в подборе словосочетаний-стимулов, выборе состава информантов, определении количества слов – ассоциатов и количества информантов, разработка анкеты САЭ и её тиражирование.

2 этап – опрос выбранного числа информантов и фиксация их ассоциаций.

3 этап – обработка и интерпретация экспериментальных данных и представление их в виде таблиц с точки зрения гендерной репрезентации.

Была выдвинута гипотеза, что половая принадлежность информантов должна оказывать значительное влияние на их ассоциации, в связи с чем можно говорить о мужской и женской ассоциативной парадигме концепта «любовь» в русской языковой картине мира.

На первом этапе САЭ нами была разработана анкета. Необходимость составления специальной анкеты была продиктована стремлением к массовости эксперимента. Анкета включает в себя инструкцию и девять стимулов. Мы также попросили испытуемых указать возраст, пол, род занятий. Выбранные нами субконцепты-стимулы представляют сложные ментальные образования, имеющие языковое выражение, отмеченные лингвокультурной спецификой и отражающие родо-родовые отношения в структуре концепта. В рамках нашего исследования понятия «вид любви» и «субконцепт любви» признаются синонимичными.

Наряду с субконцептами любви (материнская любовь, отцовская любовь, дочерняя любовь и т.д.) в анкете в качестве слова-ассоциата используется и сам концепт «любовь», что было продиктовано особенностью нашего эксперимента. Мы просили назвать по три слова, которые без размышлений приходят в голову в связи с указанными стимулами.

По составу информантов проведённое нами исследование имеет определённую «психосоциологическую окраску». Выбор испытуемых определялся тем, что именно они, то есть люди в возрасте 18–25 лет, будут составлять активное ядро общества в ближайшие 10–15 лет. Кроме того, мы считаем, что к указанному возрасту становление языковой личности в основном завершается. В ходе эксперимента учитывалась также и гендерная репрезентация испытуемых: представители мужского и женского пола в целом были представлены поровну. В эксперименте приняло участие 222 человека, то есть число испытуемых соответствует групповому опросу.

Среди опрошенных 114 лиц мужского пола, что составляет 51,4% от общего числа, и 108 лиц женского пола, что соответствует 48,6%. Все испытуемые имеют на момент опроса незаконченное высшее образование.

Данные информантами ассоциаты анализировались на количественном и качественном уровнях. Количественный уровень включал в себя общее число реакций, число разных реакций, число отказов, число единичных реакций. Данные числа употреблений ассоциатов, их ранжирование с учётом гендерного параметра зафиксированы в таблицах.

Качественный уровень включал анализ ассоциатов по характеру и по содержанию связи. По характеру связи выделялись парадигматические, синтагматические, фонетические и атипичные ассоциации. По содержанию связи выделялись реакции как семантические множители, реакции с эмоционально-оценочной коннотацией и реакции, отражающие сферу функционирования.

В результате анализа ассоциатов была выявлена ассоциативно-вербальная сеть концепта «любовь» и его субконцептов: материнская любовь, отцовская любовь, любовь мужчины к женщине, любовь женщины к мужчине, дочерняя любовь, сыновья любовь, любовь к ближнему, братская любовь. Анализ ассоциатов позволил создать своеобразный ассоциативный прототип концепта «любовь» и его субконцептов. Данные эксперимента также позволяют сформировать группу стереотипных ассоциаций концепта «любовь» и его субконцептов без учёта гендерного параметра (к таковым относим наиболее частотные реакции на все предъявляемые стимулы с индексом частотности более 5).

Итак, концепт «любовь» – чувство 51, девушка/парень 55, счастье 35, понимание 29, секс 27, доверие 21, дружба 19, цветы 18, радость 17, нежность 16, уважение 13, семья 10, сердце 9, весна 8, верность 8, поцелуй 7, родители 7, ласка 6.

Субконцепт «материнская любовь» – ласка 86, забота 80, мама 46, нежность 45, доброта 40, ребёнок 29, понимание 27, тепло 18, дом 12, помощь 10, поддержка 9, защита 8, дружба, доверие 7.

Субконцепт «отцовская любовь» – строгость 45, забота 37, понимание 32, защита 31, помощь 19, воспитание, сила, уважение 17, нежность, доброта 14, друг 13, походы 10, ласка, опора, совет, ответственность 9, деньги 8, папа 7, гордость 6.

Субконцепт «любовь женщины к мужчине» – секс 43, нежность 38, верность 30, доверие 28, страсть 25, взаимопонимание, забота 24, уважение 23, ласка 18, семья 15, тепло 13, дети, взаимность 10, страдания 9, искренность, ревность, деньги 7, счастье 6.

Субконцепт «любовь мужчины к женщине» – секс 50, забота 35, уважение 30, страсть 29, понимание 24, ухаживания, нежность 21, ревность, доверие, желание 18, красота 17, цветы 11, подарки 10, ласка 9, привязанность 8, романтика, защита 6.

Субконцепт «дочерняя любовь» – уважение 81, взаимопонимание 36, забота 35, мама, папа 27, помощь 24, нежность, ласка 23, доверие 17, тепло 14, послушание 12, благодарность, дочь 8, доброта 7.

Субконцепт «сыновняя любовь» – уважение 84, поддержка 58, забота 50, защита 20, взаимопонимание 18, родители 16, доверие 14, ласка, благодарность, сын 13, доброта 12, долг, мама, подражание 9, послушание 8, нежность, внимание 7, семья 6.

Субконцепт «любовь к ближнему» – уважение 57, помощь 53, дружба 43, понимание 32, забота, доверие 22, сострадание 21, Библия 16, друг 15, искренность 10, общение 7, верность, привязанность 6.

Субконцепт «братская любовь» – взаимопомощь 75, поддержка 38, уважение 37, забота 35, дружба 34, взаимопонимание 29, защита 24, брат 20, доверие 15, сила 11, откровения 7, нежность, взаимовыручка 6.

Исследование в рамках гендерной парадигмы позволяет говорить о гендерных различиях в ассоциативном восприятии концепта «любовь» и его субконцептов. Синтез психолингвистического и гендерного подходов к специфике восприятия концепта «любовь» позволяет предложить некоторые обобщённые ассоциативные прототипы любви и её видов.

Любовь (женская парадигма) – это глубокое, интимное, сильное, неординарное чувство, реализуемое в виде нежности, понимания, уважения, страсти, ласки, связанное с наличием физической близости или стремлением к ней, имеющее размытые временные ограничения и способное дать человеку счастье.

Любовь (мужская парадигма) – это глубоко интимное, положительное, сильное чувство, проявляющееся в понимании, радости, доверии, имеющее яркую сексуальную окраску и размытые временные границы.

Материнская любовь (женская парадигма) – это глубокое, большое, сугубо положительное, настоящее, вечное, всепрощающее чувство, которое реализуется в виде ласки, заботы, нежности, доброты, понимания, доверия и защиты.

Материнская любовь (мужская парадигма) – это глубокое, сугубо положительное, постоянное чувство, которое реализуется в виде ласки, нежности, заботы, доброты, понимания, защиты, помощи, доверия, и не имеет временных ограничений

Отцовская любовь (женская парадигма) – это глубокое положительное, личностное чувство, имеющее ярко выраженный амбивалентный характер, которое реализуется в виде заботы, защиты, строгости, понимания, нежности, ласки, ответственности, уважения, доброты.

Отцовская любовь (мужская парадигма) – это глубокое личностное чувство, сопряженное как с отрицательными, так и с положительными эмоциями и реализуемое в виде строгости, понимания, воспитания, помощи, силы, заботы, уважения, доброты, доверия, защиты, гордости, нежности и страха.

Любовь женщины к мужчине (женская парадигма) – это глубокое, интимное, иррациональное чувство, реализующиеся в виде нежности, страсти, заботы, понимания, верности, уважения, доверия, имеющее сексуальную природу, связанное установкой на семейную жизнь, имеющее оттенок «пассивности» и «непроизвольности», временная протяжённость любви неопределенна.

Любовь женщины к мужчине (мужская парадигма) – это положительное, сексуально направленное чувство, которое реализуется в виде секса, доверия, взаимопонимания, верности, взаимности и ласки, и направлено на создание семьи.

Любовь мужчины к женщине (женская парадигма) – это импульсивное, сексуально окрашенное, иррациональное, активно направленное на субъект чувство, реализующееся в виде секса, понимания, заботы, уважения и доверия, и не имеющее временных ограничений.

Любовь мужчины к женщине (мужская парадигма) – это положительное, сексуально окрашенное чувство, которое реализуется в виде секса, заботы, уважения, доверия, понимания, имеющее короткую, временную протяженность, отмеченное стадией ухаживания и завоевания «объекта любви» и отмеченное изменчивостью и непостоянством.

Дочерняя любовь (женская парадигма) – это глубокое положительное чувство, основанное на уважении и взаимопонимании, и реализуемое в виде помощи, нежности, послушания и благодарности.

Дочерняя любовь (мужская парадигма) – это сильное положительное чувство, которое реализуется в виде, прежде всего, уважения к отцу и матери, а также ласке, заботе, нежности, помощи и доверии.

Сыновняя любовь (женская парадигма) – это сильное чувство, сопряженное как с положительными, так и с отрицательными эмоциями, амбивалентное по своей природе и реализуемое в виде уважения, заботы, поддержки и защиты, благодарности к родителям и берущее своё начало в детстве.

Сыновняя любовь (мужская парадигма) – это глубокое положительное чувство, основанное на взаимопонимании, доверии и берущее своё начало в детстве, которое реализуется в виде уважения, поддержки, заботы о родителях.

Любовь к ближнему (женская парадигма) – это глубокое межличностное чувство, основанное на уважении, понимании и доверии, реализуемое в виде заботы, помощи, дружбы, и неотъемлемой частью которого являются сострадание и искренность

Любовь к ближнему (мужская парадигма) – это глубокое межличностное чувство, основанное на помощи, понимании и доверии, реализуемое, прежде всего, в виде дружбы, и неотъемлемой частью которого являются сострадание и уважение

Братская любовь (женская парадигма) – это сильное межличностное чувство, основанное на взаимопомощи, уважении и взаимопонимании, реализуемое в виде заботы, взаимовыручки, дружбы и неотъемлемой частью которого являются откровенность и доверие в общении.

Братская любовь (мужская парадигма) – это сильное межличностное чувство, основанное на взаимопомощи, поддержке, взаимопонимании, реализуемое в виде дружбы, заботы и защиты, неотъемлемой частью которого являются уважение и доверие в общении.

Основные итоги исследования сводятся к следующим положениям:

1. Лингвокультурный эмоциональный концепт «любовь» представляет собой ментальную единицу, имеющую языковое выражение, отмеченную гендерной спецификой и проявляющуюся в виде системы субконцептов: материнская, отцовская, братская, дочерняя, сыновняя любовь, любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине, любовь к ближнему.

2. Универсальные признаки концепта «любовь» проявляются при его реализации в научном дискурсе, раскрывающем его сущностные свойства, специфические признаки этого концепта выражаются преимущественно в художественном и обиходном дискурсе.

3. Половая принадлежность личности реципиента влияет на структуру ассоциативного поля, образуемого концептом «любовь» и его субконцептами. Это влияние затрагивает как количественные показатели в структуре организации ассоциативного поля, так и семантическое наполнение поля.

Литература

Кузнецова Л. Э. Отражение концепта любви в русской и английской паремиологии // Лингвистика текста: (Текст: структура, семантика и методы работы). – Москва – Армавир, 1998. – С. 75–79.

Кузнецова Л. Э. Семантика центрального глагола понятия любовь to love на парадигматическом и синтагматическом уровнях // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сб. тезисов. Вып. 8. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2002. – С. 209–210.

Кузнецова Л. Э. Метафорическая составляющая эмоционального концепта «любовь» (на материале русского и английского языков) // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сб. тезисов. Вып. 9. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2003. – С. 139–141.

Кузнецова Л. Э. Ассоциативный эксперимент в лингвистическом исследовании // Сборник «Неделя науки в АГПУ»: Материалы научно-практической конференции. – Армавир, АГПУ– 2004. – С. 131–133.

Кузнецова Л. Э. Семантические особенности предикатов любви в русском и английском языках // Образование – Наука – Творчество. – Нальчик – Армавир. – №6. – 2004. – С. 58–63.

Кузнецова Л. Э. Гендерный аспект концепта «любовь» в паремиологическом фонде русского языка // «Язык образования и образование языка». Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Великий Новгород, 2005. – С. 20–21.

Кузнецова Л. Э. Ассоциативный аспект эмоционального концепта «любовь» с учётом гендерного параметра // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. – Курск, 2005. – С.45-46.

М.А. Хизова (Краснодар)

ДРУЖБА

Концепт «дружба», являясь одной из базовых категорий этической аксиологии в сознании человека, объективированный в любом конкретном языке национально-специфичной лексико-грамматической парадигмой его языковых реализаций, становится в один ряд тех ментальных сущностей, которые отправляют к духовным ценностям этноса. Такие семантические образования являются ключевыми в формировании национальной языковой картины мира.

Результаты процесса познания индивидуумом «внешнего мира для себя» и себя в нем сквозь призму определенного языка можно представить как национальную «концептосферу», где знания хранятся в виде концептов, содержащих в себе универсум знаний в определенной национальной конфигурации, затрагивающей все уровни лингвокультурного концепта – понятийный, значимостный, ценностный, образный. При сопоставлении формируется набор семантических признаков, совокупность которых образует «эталон сравнения» (С.Г. Воркачев). Выделенные признаки упорядочиваются иерархически и количественно. Они могут быть структурированы по уровням, по параметрам дефиниционной обязательности / факультативности и количественным характеристикам, отправляющим к аксиологической иерархизации семантических признаков в концепте. Далее определяются концептообразующие признаки (КП) – инструмент интерпретации содержания понятия в рамках определенной концепции, который выявляется в результате построения и обоснования теории. КП позволяют выявлять сущностные характеристики дружбы, определяя оценку ЯЛ данного феномена в языковом сознании.

Наиболее сложный объект для сопоставительного семантического описания представляют концепты высшего уровня – мировоззренческие универсалии. Образ человека реконструируется многогранно, многоаспектно и многофункционально в гуманитарных отраслях знаний. Часто речь идет о перцептивно-ментальном, эмотивном, волевом «модусах» и их взаимодействии. Наиболее обширен и интересен внутренний мир человека, причем чувственно-аксиологическая сторона его бытия. Анализ эмоциональных проявлений, отраженных и закрепленных в языковом знаке, является одним из важнейших источников культурологической информации об обыденном сознании носителей какого-либо естественного языка, об их наивной картине мира, включающей в себя стереотипы культурно-языкового сознания, на первый взгляд кажущиеся универсальными ценностными понятиями для всех культур, такие как *любовь, счастье, судьба, свобода, душа, совесть, дружба*.

Гипотеза данной работы состоит в том, что лингвоконцепт дружбы есть сложный эмотивно-этический феномен, который находит различные способы выражения в языках, в частности в русском и английском; имеет определенную структуру, частично совпадающую в языковом сознании исследуемых культур. Предполагается также, что существуют универсальные и специфические характеристики оценки дружбы, которые могут быть объективно установлены методами лингвистического анализа; что этнокультурная специфика филологической оценки связана с культурными доминантами поведения.

В связи с этим цель нашего исследования определяется как сопоставление выделенных лексико-грамматических средств описания дружбы с точки зрения ее понимания, эмоционального состояния, отношения, поведения и ее оценки русским и английским языковыми сознаниями. Для исследования англоязычного сознания использовались материалы британского и американского вариантов без различения их особенностей.

Для достижения цели решались следующие конкретные задачи:

- 1) выделить семантический прототип понятия дружбы в философии европейской этики, определив и структурировав его концепциеобразующие признаки;
- 2) выявить историко-социологические изменения в дефинициях понятия «дружба» в двух языках;
- 3) установить культурно-этнические характеристики данного эмоционально-этического феномена;
- 4) выделить языковой корпус лексико-грамматических единиц фразеологического и нефразеологического характера со значением «дружба» в русском и английском языках;
- 5) выявить общее и национально-специфичное в наборе и комбинаторике дескриптивных характеристик концепта, в употреблении лингвистических средств при концептуализации данного фрагмента ЯКМ и на основе последнего определить ценностные доминанты каждого культурного социума.

Доминирующим постулатом в лингвистической парадигме научного сознания на сегодняшний день является утверждение о том, что каждый язык репрезентирует определенный способ концептуализации окружающего мира. При этом языковые значения образуют определенную «систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» (Апресян 1995). Такое положение вещей предопределило и дало мощный толчок развитию дисциплин лингвокультурологического толка. В центре внимания те-

перь не сам язык как таковой, а языковая личность в коммуникации, что называется «язык в действии». Соответственно, основными понятиями лингвокультурологии можно считать понятия языковой картины мира, языкового сознания, языковой личности и лингвоконцепта.

Человек осознает свою принадлежность этносу. Такое осознание фиксируется в языковом сознании и коммуникативном поведении. Языковое сознание, в свою очередь, членится на релевантные фрагменты осмысления действительности, которые имеют вербальное выражение – лингвокультурные концепты. Под концептом в настоящей работе принимается следующее: это семантическое образование определенной степени абстракции, отражающее лингвоменталитет этноса и структурируемое по четырем составляющим: понятийной, образной, ценностной и значимостной. Совокупность концептов в коллективном сознании этноса называют концептосферой. Концепты классифицируются по различным основаниям: тематике, носителю, характеру структуризации, по типу дискурса в котором они существуют.

Таким образом, языковую личность можно охарактеризовать с позиций языкового сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Для дружбы таковыми являются обыденное и бытийное языковое сознание, обслуживающие личностный дискурс, а также научный дискурс, в частности философско-этический, который представляет собой институциональный тип общения; а так как понятийная составляющая концепта относится и к вопросам морали, то его следует также рассмотреть и в религиозном дискурсе, также относящемся к институциональному дискурсу.

Семантический статус концепта «дружба» определяется в данной работе как *этический*. В ходе анализа научного дискурса философской этики удалось выявить, что неотъемлемыми семантическими признаками концепта дружбы являются *удовольствие, польза, добродетельность* – все три становятся концепциеобразующими в зависимости от местоположения в иерархической структуре рассматриваемых отношений. Таким образом, семантика концепта дружбы в философии этики различается по: а) содержанию мотивов (из стремления к удовольствию – гедонистическая концепция; стремления к счастью – эпикурейская концепция; пользе – концепция разумного эгоизма; из добродетели – стоическая концепция); б) типу партнеров (дружба юношей или стариков, супругов, домочадцев и родственников, любовников, соратников, гостя и гостеприимца и т.д.); в) характеру отношений (дружба равных или неравных). В данной семантической структу-

ре концепта содержится потенциальная оценка личности такого рода отношений, характеризующая и предопределяющая саму личность. Дружба для человека представляет все эти основные смыслы, которые гармонично сочетаются в данном феномене при условии, что критерием ее оценки будет только она сама как самоценность. Никаких других отношений к истинной дружбе быть не может. Научно-философский дискурс отражает обиходные представления о дружбе как ценности ради удовольствия или выгоды, актуализирующие природный эгоцентризм человека. И только признак добродетельности является центральным в понятийной составляющей концепта, где сущность дружбы заключается в отказе от себя и своих желаний.

Христианский религиозный дискурс предлагает концептуализацию дружбы через тему «другого». В христианском контексте базовым концепциеобразующим семантическим признаком концепта дружбы является любовь к ближнему – агапе. Ценность дружбы согласно христианскому учению заключается в обретении себя через друга, что подтверждает основополагающее видение дружбы в философской этике. Характерным для данного типа дискурса признаком является отношение к дружбе как к выполнению Божественной Воли, «со-знанию», одновременно являющему «знание» от Бога и «знание» самого Бога, так как в дружбе гипостазирована «божественное» в человеке. Интерпретируя данные христианского дискурса, можно сделать вывод, что люди «боготворят» истинную дружбу, потому что этот поведенческий модус имеет божественное происхождение. В современном языковом сознании признак *святости* удалось выделить только в русском языке.

В результате сопоставления дружбы и любви удалось определить следующие дифференциальные признаки в семантике основных составляющих этих лингвокультурных концептов. Первым дифференциальным признаком, позволяющим определить границы понятийной составляющей концепта «дружбы» и отделить ее от «любви», является ее родовой признак «отношения» с обязательной имплицативной «обоюдностью». В концепте любви – это «чувство». Следующим дифференциальным признаком считается ее «интенциональность», а в любви – это «немотивированность». Признаки «индивидуализированность» и «аксиологическая центральность» в понятийном и ценностном осмыслении обоих концептов также занимают не последнее место, однако сами по себе они, как представляется, не являются дифференциальными. Самым наглядным отличием является тот факт, что в

любви присутствует эротическая составляющая, дружба свободна от чувственного тяготения.

В ходе исследования понятийной составляющей по оси диахронии выяснилось, что паремиологический фонд обоих языков содержит общий пласт **универсализмов** – пословичных выражений, семантическая и синтаксическая структура которых полностью или частично совпадает – этимологически представляющих собой взаимные кальки («Лучше честный враг, чем коварный друг» / *Better an open enemy than a false friend*). Самый многочисленный пласт пословичных выражений в обоих языках составляют **семантические синонимы** – паремии, имеющие общую семантическую структуру, но отличающихся в плане выражения. Они содержат в себе следующие концепциеобразующие признаки: в обоих языках с различиями в квантитативности – это помощь, ценность, родство, фальшивость, прагматизм, уязвимость, опасность, надежность («Жить заодно, делиться пополам» / *Among friends all things are common*; «Друг – ценный клад, недругу никто не рад» / *A true friend is the best possession*; «Счастья не стало и друзей мало / *In time of prosperity, friends will be plenty; in time of adversity, not one amongst twenty*; «Будь друг, да без убытку» / *Short (even) reckoning makes long friends*; «Дружба – как стекло, сломаешь – не починишь (разобьешь – не склеишь)» / *A broken friendship may be soldered, but will never be sound*; «Лучше честный враг, чем коварный друг» / *Save a man from his friends, and leave him to struggle with his enemies*; «Одежда лучше новая, а друг – старый» / *Old friends and old wine and old gold are the best*). Третий, не менее многочисленный, пласт включает в себя так называемые **паремии-эндемики** – этноспецифические образования, не имеющие семантических эквивалентов в языке сравнения. Эта категория паремий представляет те семантические признаки, которые и отправляют к национальной специфике концепта дружбы. Расхождения здесь касаются в основном присущего английским пословицам семантического компонента «личной свободы», прослеживающегося в общих универсальных концепциях, а также прагматологических аспектов дружбы, относящихся к ее завоеванию и поддержанию (*Friendship increases in visiting friends, but in visiting them seldom; Little intermeddling makes good friends; Friends are like fiddle-strings, they mustn't be screwed too tight*). В русских паремиях – это стремление к сходству, равенству, иронично-уничижительная оценка друга («Черт попу не товарищ»; «Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком»; «И ты мне друг, и я тебе друг, да не оба вдруг»; «Так друга любит, что для него последний кусок хлеба сам съест»).

Обзор паремиологических представлений концепта дружбы, отправляющих к диахронии языка, дополняет полевое исследование, представленное анкетированием около 200 информантов, отличающихся по половой принадлежности, социальному статусу, возрастным и конфессиональным группам. В ходе данного опроса выяснилось, что иерархическая структура семантических признаков концепта «дружба», наблюдаемых в языковых реализациях современного русского языка, в своем основании имеет следующие четыре: 1) *душевная близость*, объединяющая в своем составе, общие взгляды, вкусы, мироощущения, вследствие чего хорошее понимание между друзьями; 2) *откровенность*, предполагающая полное открытие своей души для другого, и тем самым знание этого другого; 3) *бескорыстность*, проявляющаяся в полагании самого себя (в основном какой-то части себя, в высшем же проявлении и всего себя, свою жизнь) для другого, не требуя и даже ничего не ожидая взамен и, наконец, 4) *помощь/поддержка*, этот семантический признак очень важен для языкового сознания русских.

Оценивая дружбу по шкале жизненных приоритетов, носители ответили следующим образом. На 1 месте для себя ее ставят 5%, причем возрастная категория этой части опрошенных ранжируется от 17 до 23, что говорит о природном юношеском идеализме, склонном ставить дружбу на пьедестал. 28% , 27% и 22% респондентов отводят в своей жизни дружбе 2, 3 и 4 места, соответственно. 5 и 6 места дружбе отдают 7% и 3,8% опрошенных, соответственно.

Анкетирование включало также аспект дифференциации концепта дружбы от любви с целью определения его понятийной области. Респондентам задавался вопрос: Чем отличается дружба от любви? Согласно результатам опроса список дифференциальных признаков возглавляет *интимная близость*, что указывает на тот факт, что первой ассоциацией респондента на слово «любовь» являются отношения между полами: «Страстью, сексом, постелью, физической близостью, отсутствием интимных отношений; с друзьями не спят».

Как выяснилось, в современном русском языковом сознании парадигма филической семантики обязательно включает в себя такие признаки, как *стабильность, постоянство, надежность, прочность* в отличие от *мимолетности, недолговечности* любви («Любовь приходит и уходит, а дружба остается», «Разлюбить можно, а раздружить нельзя», «Любовь проходит, когда страсть исчезает, остается дружба; дружба – навсегда», «Дружба никогда не остывает, чего не скажешь о любви», «Продолжительностью»,

«Любовь как костер, дружба греет всегда», «Дружба – навсегда, любовь – на время»). В качестве атрибута любви довольно часто употребляют прилагательное «вечная», в котором сквозит некая тоска по идеальной любви.

На предложение дополнить синонимический ряд прилагательных, определяющих дружбу, чаще всего в ответах респондентов встречаются следующие атрибутивные сочетания, различающие два концепта:

1) длительность: «дружба непроходящая, долгая, вечная, постоянная – любовь проходящая, скоротечная, мимолетная;

2) прочность: «дружба проверенная, надежная, крепкая – любовь хрупкая, непрочная, трепетная, нежная

3) подлинность: «дружба настоящая, проверенная – любовь обманчивая

4) взаимность: «дружба (нет) – любовь взаимная, обоюдная, безответная, неразделенная

5) эмоциональность: «дружба (нет) – любовь пылкая, страстная, пламенная, горячая, романтическая, волнующая, обжигающая;

6) степень здравомыслия: «дружба (нет) – любовь сумасшедшая, безумная, всепоглощающая, безрассудная

7) прозрачность/глубина: «дружба простая, понятная – любовь сложная, загадочная, неземная, объемная, непонятная» «дружба – понятие конкретное, любовь – понятие общее, глубокое»

Причем дифференциальные признаки здесь можно разделить на следующие категории: по признаку антонимии (1, 2, 3 и 7), по количественному признаку (5 и 6), проявления которого в его максимальной или минимальной степени приводят к признаку наличия/отсутствия (4 и 5) какого либо атрибута. Причем наличие данного атрибута несет скорее характер уточнения к значению (дополнительно), говоря о том, что данная характеристика не является обязательной для данного концепта. Например, дружбу не называют «взаимной», так как признак взаимности для данного концепта является обязательным, он является его неотъемлемой частью, тогда как любовь информанты часто определяют как «взаимная» или «безответная», так как она может быть и иной.

По шкале эмоциональности, наоборот, отсутствие атрибутов в ответах респондентов говорит о том, что носители отрицают наличие каких-либо чувств, располагающихся по оси эмоций и закрепленных в языковых реализациях концепта: ни один из отвечавших не охарактеризовал дружбу как «страстную», однако, давая определения любви, прилагательное «страстная» является наиболее частотным.

Анализ понятийной составляющей на материале поэтического дискурса показал следующее. В целом основные семантические признаки оправляют к концепциям, выделившимся при анализе философского дискурса – **добродетельности, фелицитарной, нигилистической** со своей этноспецификой. По набору концепциеобразующих признаков также есть некоторые отличия, как то: в русском более широко представлен концепциеобразующий признак добродетельности, главными субпризнаками которого являются *единение, святость, самопожертвование* («И в славе состязанье / Соперников-друзей тесней соединит» (Кюхельбекер); «...Но если ты святую дружбы власть / Употреблял на злобное гоненье» (Пушкин); «...отдайся всей душою / На служенье братьям, позабудь себя / И иди вперед, светя перед толпою, / Поднимая павших, веря и любя!» (Надсон); хотя не менее редки случаи критической интерпретации (“My own thoughts / Are my companions, my designs and labors / And aspirations are my only friends” (Longfellow); “On the bare earth expos’d he lies, / With not a friend to close his eyes” (Dryden). В английском – четко прослеживается некая прохладность, *дистанцированность* английской языковой личности. Особенными отличительными признаками семантического поля данного концепта в русском поэтическом сознании выступают *открытость* и *гостеприимство* русской души, *хлебосольство* – готовность разделить свою радость за столом и общей чашей («Взял бы в рай с собой друга верного, / Чтобы было с кем пировать» (Симонов). В русском поэтическом сознании дружба и любовь взаимодополняют друг друга, являясь неотъемлемыми частями единого целого, гармоничным слиянием; у английских авторов тема любви рассматривается в контрастном отношении с дружбой, противопоставляется ей, превалируя или подчиняясь ей.

В работе рассматривается образная составляющая концепта с выявлением отличительных признаков. Русская дружба – это **священный** предмет, обладающий **ценностью** и **ценой** («На камне, дружбой освященном, / Пишу я наши имена» (Пушкин); «Я всегда молился на друзей, / На сердца, на руки их, на рот» (Френкель; «Он верной дружбы славил цену, /Чтоб бытие ее пред миром отвергать» (Туманский)). Предполагается, что он **настоящий**, хотя может оказаться и **фальшивым**. У него **приятный вкус** «И в бурной мгле отрадой, дружбой нежной / Ты услаждал тоскующую грудь» (Вяземский). Однако, порой она ведет себя как **человек**, у нее есть некоторые физические параметры *homo sapiens* («В этой комнатке счастье былое, / Дружба светлая выросла там» (Огарев); «Но дружба моя с тобою / Лишь вместе со мной умрет»

(Ошанин); «Жмем руку дружеской рукою» (Баратынский); «Может, дружба лишилась у нас языка? / Тридцать дней телефонного нету звонка! / Может, где-то нашла себе адрес иной? / Тридцать дней не курил ты, не спорил со мной» (Грибачев); протянуть руку дружбы, подставить плечо друга).

Английская дружба не отличается святостью, хотя это бесспорно **ценная вещь**, имеющая **рукотворное** происхождение (value, cherish, afraid to lose it, to set a valuation on friendship; to make/form/knit/cement/strike up/cultivate friendship). Она также ведет себя как **человек**, у английской дружбы, однако, нет каких-либо частей человеческого тела, но она может болеть («The most fatal disease of friendship is gradual decay» (Johnson). По своим вкусовым качествам поэтическая английская дружба больше **горькая**, чем сладкая («There's the silence of a great hatred... / And the silence of an embittered friendship» (Masters). Она является надежным фундаментом для построения человеческих отношений. В английском сознании, в отличие от русского, широко представлены биоморфные метафоры, относящие дружбу к **растительности** («A sound and healthy friendship is the growth of time and circumstance, it will spring up and thrive like a wildflower when these favour, and when they do not, it is in vain to look for it» (Wordsworth); «True friendship is a plant of slow growth» (Washington); «Friendship like the holly-tree» (Bronte).

Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить как культурно значимый. Ценностный подход к изучению и описанию концептов учитывает важность аффективной стороны концепта в психолингвистическом понимании этого явления в отличие от его фактуальной стороны.

С точки зрения ценностного аспекта русский ЛСВ предполагает большую глубину отношений и связей, стоящих за ключевым словом-репрезентантом «дружба» по сравнению с «friendship». Это обусловлено, на наш взгляд, явлением энантиосемии (внутрисловной антонимией), когда противоположные значения принадлежат одному и тому же слову. Слово «друг» с предельной выразительностью выявляет содержащуюся в «другом» сопряженность сходства, «почти тождества» и различия. Друг – другой мне, не «я» и, одновременно, друг – это мое «другое я», это «другой я». В английском языке мы не обнаруживаем – в противоположность русскому языку – родственных отношений «другого» со словом «друг». Слово friend ни фонетически, ни морфологически, ни этимологически никак не связано со словом «other», как след-

ствие – семантика «другого/other» не имеет ничего общего с семантикой слова «friend».

Исследование показывает, что русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность, чего не скажешь об английской. Лексема «друг» заняла 8 место в ядре сознания русских, лексема «friend» – 73 место (Уфимцева). У английского friend наметился своеобразный сдвиг к обезличиванию такого рода отношений, потери их уникальности. В современном англоязычном сознании акцент делается на множественность, некоторую беспечность, свободу, по возможности, от обязательств, легкость в приобретении таких отношений и убеждение в их рукотворном характере (to make friends).

В русской лексикографии у абстрактного имени существительного «дружба» просматривается до 3 значений и оттенков, соответственно в английских словарях у его английского эквивалента «friendship» – до 7. Главным родовым признаком, как в русской, так и в английской лексикографии, исследуемого концепта является лексема *отношения* или *знакомства*, которая в дальнейшем раскрывается через семантические множители: *привязанность, доверие, взаимопонимание, близость, связь, общность, откровенность, взаимопомощь, взаимовыручка, симпатия, приязнь, любовь, уважение, взаимная выгода* в русских словарях и state of, condition of being friends, feeling, behaviour, attachment, instance, period of the feeling в английских словарях.

Как показывает сравнительное языкознание, значения слов «друг» и «дружба» в большинстве языков тесно связаны с понятиями родства, товарищества, особенно воинского, и любви. Русский «друг» своими историческими корнями уходит в боевого товарища, опору и поддержку, в свое «родное», «родственника», который прежде всего поможет, «подаст руку помощи», «подставит плечо». Единое этимологически праславянское слово drugъ значит «приятель, товарищ» и «иной, другой, второй, следующий» (Фасмер). Этимологический словарь Черных дает в качестве исторически-единой основы корень dher- означающий «поддерживать», «подпирать», «держат».

Английский «friend» берет свое начало в «любимом, приятном человеке». Староанглийское frēond, старонорвежское fraend, старосаксонское friund, староверхненемецкое friunt («кровный родственник») восходят к староанглийским глаголам frēogan, frēon («любить»); готское frijōnds – причастие от глагола fryōn («любить»); тот же смысл имеет староисландское fría. В основе всех этих слов лежит германский корень frī – «оберегать, заботиться». Готские и древнегерманские корни, в свою очередь, связаны со

староиндийским *prīyāh* – «собственный», «дорогой», «любимый», индоевропейским *prījā* и авестийским *frūa* – «дорогой», «любимый».

Проанализировав синонимический ряд слова «друг», можно сказать, что в русской лексикографии в основном рассматриваются три лексемы: друг, товарищ и приятель. Друг – это человек связанный, с кем-либо общностью интересов, жизненных условий, испытывающий к нему духовную близость (*Говорю вам как другу, единственному человеку, которому могу открыть свою душу*). Товарищ – говорят обычно о человеке, связанном с кем-либо общностью деятельности, условиями жизни, но меньшую духовную близость (*Мы обязаны им помочь, ведь это наши товарищи, мы вместе работаем*). Приятель – обычно о близком знакомом, с которым проводят свободное время, досуг (*Оказывается какой-то приятель уступил ему на несколько вечеров машинку, и вот он сидел в городе и печатал*).

С концептом *friend* произошел семантический сдвиг к «приятельству», где можно иметь множество таких *friends*. В старом употреблении данный концепт подразумевал, что друзья будут любимы, а в новом, что друзья будут доставлять удовольствие, радость. Проводится лексикографическое исследование синонимического ряда концепта: *associate*, *companion*, *comrade*, *crony*, разг. *pal*, амер. разг. *buddy*.

Associate обозначает человека, регулярно связанного с кем-либо общим делом, положением, интересами (*Later, Clyde had found that when he dressed well, ate well and lived well, he won more respect from his associates* (APCC 1988)). (Позже Клайд обнаружил, что когда он хорошо одевался, хорошо питался и хорошо жил, его товарищи уважали его больше.)

Companion обычно обозначает человека, связанного с кем-либо прежде всего обстоятельствами личной жизни, иногда только на данный момент – товарища по играм, спутника по дороге, (случайного) собеседника и т.п. в отличие от *associate*, *companion* предполагает не столько деловую или служебную, сколько дружескую связь, проявляющуюся в совместном проведении досуга (*She was still at forty-three a comely and faithful companion* (APCC 1988)). (В свои сорок три года она была, как и прежде, приятным и верным спутником жизни.)

Comrade обозначает человека, связанного с кем-либо общностью взглядов или дела, а часто еще и дружескими отношениями на основе полного равенства: *comrades-in-arms*. *Comrade* приближается по значению к *companion*, когда речь идет о детской дружбе (*He hung about the school instead of playing with his com-*

rades (APCC 1988). (Он околачивался возле школьных ворот вместо того, чтобы играть со своими товарищами).

Crony (закадычный друг) чаще всего описывает ситуации старой дружбы, т.е. дружбы, начавшейся в детские или юношеские годы, независимо от того, разлучались ли друзья с тех пор или поддерживали до зрелых лет непрерывное общение (*These men...seemed to be more alive than Mr. Morse and his crony* (APCC 1988)). (Эти люди...казались ему более живыми, чем мистер Морз и его закадычный друг).

Pal и *buddy* обозначают людей, с которыми человек проводит досуг или совместно выполняет какую-либо работу и с которыми он связан или может быть связан фамиллярно-приятельскими отношениями. При этом *pal*, в отличие от *buddy*, чаще предполагает более тесные, личные, почти дружеские отношения взаимного доверия, готовность поддерживать и т.п., и в этом отношении сближается со словом *comrade* (*Bunder and them pals of his aren't bad at the job* (APCC 1988)). (Бандер и его парни умеют работать).

В работе также исследуются частеречные реализации концепта «дружба»/friendship и его фразеологические единицы на материале лексикографических источников. Сопоставление лексикограмматической парадигмы языковых реализаций концепта дружбы в русском и английском языках показало на скорее интенсивный характер первого и экстенсивный – второго.

Основные итоги исследования сводятся к следующим положениям.

1. Лингвоконцепт «дружба» является этномаркированным семантическим образованием, определяющим национально-специфичный поведенческий модус человека в избирательно-личностных отношениях.

2. Общими признаками для русского и английского языков являются:

а) главным опредмеченным родовым признаком исследуемого концепта является лексема *отношения* или *знакомства*, которая в дальнейшем раскрывается через семантические множители;

б) паремиологический фонд обоих языков содержит общий пласт *универсализмов*, а также обширный круг *семантических синонимов*, представляющих, однако, в плане выражения этноспецифические черты. Концепциеобразующими признаками здесь выступают *помощь, ценность, родство, фальшивость, прагматизм, уязвимость, опасность, надежность*.

3. Отличительные черты в структуре концепта в русском и английском языках представлены следующими дифференциалами:

а) паремиологический фонд обоих языков насыщен эндемическими паремиями, отличительные признаки которых: в русском – *стремление к сродству, равенству, иронично-уничжительная оценка*; в английском – *праксеология, рефлексия*;

б) по набору концепциеобразующих признаков в русском более широко представлен признак добродетельности, главными субпризнаками которого являются *единение, святость, самопожертвование*; в английском – *прохладность, дистанцированность* английской языковой личности; при этом в русском поэтическом сознании особо выступают такие субпризнаки, как *открытость и гостеприимство*;

в) с точки зрения метафорической наполняемости концепта русская дружба в отличие от английской – это *священный предмет*, у которого *приятный* вкус; английская дружба не отличается святостью, хотя это бесспорно *ценная вещь*, имеющая рукотворное происхождение, больше *горькая*, чем сладкая.

4. В современной русской лингвокультуре дружба имеет четыре центральных признака: *душевная близость, откровенность, бескорыстность и помощь/поддержка*. В основном русскоязычная ЯЛ склонна описывать дружбу через прототипическую ситуацию ее возникновения с эмфазой на близость и единение. Семантика дружбы у русских также включает в себя такие признаки как *стабильность, постоянство, надежность*, которые являются отличительными от мимолетной, недолговечной любви. Тем самым дружеские отношения подсознательно оцениваются выше любовных. В высказываниях современных русских можно отчетливо выявить признак если не поклонения, то, по крайней мере, уважения к ней. Этот результат совпадает с выделенным в паремиях, поэтическом дискурсе признаком святости, характерным для русского менталитета. В ряду дистинктивных признаков, также выделяются *бесстрастность, взаимность и здравомыслие*. С точки зрения аксиологической центральности для русского человека, в основном, дружбе отдается третье место после семьи и любви. Здесь сознательный выбор русских ставит любовь выше по рангу.

5. Проведенный диахронический срез дружбы в паремиях доказал, что периферийными этноспецифическими признаками в русской лингвокультуре здесь являются категории стремления к равенству или подобию. Русская языковая личность акцентирует именно этот характерный признак. Интересно также ее стремление дать критическую оценку фальшивым дружеским отношениям через комически-абсурдную интерпретацию явления. Характерное чувство юмора русских, достигающее до сарказма, в значи-

тельной мере определяет выбор лингвистических средств. Для английского языка этноспецифическим здесь, в основном, является прагматический признак, выражающий утилитарно-прагматический подход к завоеванию и сохранению дружбы; в несколько меньшей степени представлен признак рефлексии, отражающий стремление к уходу внутрь себя, фиксации внимания на себе.

6. С точки зрения метафорической наполняемости русская дружба – это священный предмет; английская дружба святостью не отличается, хотя это бесспорно ценная вещь, имеющая рукотворное происхождение. В английском сознании, в отличие от русского антропоморфного, широко представлены биоморфные метафоры, относящие дружбу к растительности.

7. Значительные различия были выявлены в аксиологической центральности объекта в соответствующих лингвокультурах, характеризующие языковую личность, тем самым предопределяя тип поведения последней. Дружба в русской лингвокультуре предполагает большую глубину отношений и связей, стоящих за ключевым словом-репрезентантом «дружба» по сравнению с «friendship». Последний характеризуется более высокой номинативной плотностью, что говорит об экстенсивном характере концепта в английском языке. Исследование показывает, что русскому языковому сознанию присуща своеобразная человеко-другоцентричность, чего не скажешь об английской. Для русской лингвокультуры концепт дружба выступает ценностной доминантой, которая предопределяет соборный тип русской ментальности. В языковой картине мира английской языковой личности friend и friendship не являются центральными, что, на наш взгляд, обусловлено отсутствием признака единения, поверхностным характером отношений и придает англоязычному менталитету четко выраженный индивидуалистский характер.

Литература

Хизова М.А. Сопоставительный анализ семантического представления концепта «дружба/friendship» в русской и английской лексикографии // Мир Востока 2002: Ежегодник факультета востоковедения ИНЭП. – Краснодар, 2002. – С. 150-158.

Хизова М.А. Концепт дружбы в русской и английской паремиологии // Наука Кубани. 2003. № 1. – С. 241-244.

Хизова М.А. Этические аспекты в семантике концепта дружбы // Грани 2004: Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2004. – С. 128-133.

Хизова М.А. Семантический прототип концепта дружбы в этической парадигме // Проблемы вербализации концептов в семантике текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: в 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. Волгоград: Перемена, 2003. – С. 123-125.

Хизова М.А. Сопоставительный анализ семантической структуры концепта «дружба» в русском и английском поэтических дискурсах // Мир Востока 2003: Ежегодник факультета востоковедения ИНЭП. – Краснодар, 2003. – С. 151-161

Хизова М.А. Языковые реализации концепта «дружба» в сознании современных русских // Дискурс как коммуникативное пространство: Межвуз. сб. науч. тр. – Краснодар: ИНЭП, 2005. – С.117-120.

Е.А. Дженкова (Волгоград)

СТЫД и ВИНА

Приоритетными в современной лингвистике признаются научные изыскания, выполненные в рамках филологического концептуализма (С.Г. Воркачев, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.М. Топорова, В.И. Шаховский и др.). Его базисным термином выступает концепт – сложное структурно-смысловое образование, не имеющее сегодня однозначного толкования среди ученых. Существует два основных подхода в понимании концепта – лингвокогнитивный (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, М.В. Пименова, Е.В. Рахилина, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурный (Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, В.В. Красных, В.Т. Клоков, В.П. Нерознак, Н.Н. Панченко, Г.Г. Слышкин, А.Д. Шмелев и др.). В нашей работе мы придерживаемся второго подхода к пониманию концепта, выделяя в нем вслед за В.И. Карасиком три стороны – понятие, образ и ценность (Карасик 2002) и, следовательно, избираем в отличие от лингвокогнитологов исследовательский путь «от культуры к индивидуальному сознанию».

В основу выполненной работы положена следующая гипотеза:

– концепты «стыд» / «Scham» и «вина» / «Schuld» являются сложным образом организованными ментальными образованиями, находящими различные способы экспликации в русском и немецком языках и характеризующиеся своей этнокультурной спецификой;

– этнокультурная специфика концептов «стыд» / «Scham» и «вина» / «Schuld» обусловлена культурными доминантами общества;

– концепты стыда и вины обнаруживают онтологическую близость по отношению друг к другу.

Цель нашей работы заключается в проведении кросс-культурного исследования русских и немецких концептов «стыд» / «Scham» и «вина» / «Schuld» как многомерных вербализованных конструктов человеческого сознания. Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач:

– определить конститутивные признаки концептов «стыд»/«Scham» и «вина»/«Schuld» в языковом сознании русских и немцев;

– выявить понятийную, образную и ценностную составляющие указанных концептов в сопоставляемых языках;

– установить и описать основные способы вербализации данных концептов в русской и немецкой лингвокультурах;

– провести социолингвистическую верификацию отношения русских и немцев к понятиям стыда и вины;

– установить специфику репрезентации концептов «стыд»/«Scham» и «вина»/«Schuld» в сопоставляемых лингвокультурах.

При изучении природы стыда современная этика и философия располагают богатым наследием, уходящим корнями в древнегреческую философию и культуру, которые, противопоставляя αἰδώς и αἰσχύνη, закрепляли за первым роль мерил человеческой нравственности, признавая его единственной нравственной силой в человеке (Dinzelbacher 1993).

В философии христианства стыд понимался двузначно: с одной стороны, он значил чувство несовершенства, неполноценности (стыд – первое чувство, которое испытал человек, вкусив плоды с Дерева познания), а с другой – стыд представлял собой форму раскаяния в грехе, обладающую очистительной силой.

Философы Нового времени с их технократическим подходом к сущности чувственной сферы человека изучают стыд прежде всего в аспекте его позитивного или негативного влияния на дух человека, его формирование. В XX веке стыд рассматривается как исключительно человеческое достояние (человек, по выражению В.С. Соловьева, «животное стыдящееся»), как осознание себя в зеркале Другого, влекущее за собой потерю своей свободы, нарушение реальности и целостности бытия (Ж.-П. Сартр), как «стыд Прометея» (Г. Андерс). Обобщая опыт предыдущих поколений, философия и этика трактуют стыд как критерий этической зрелости, как одно из проявлений нравственного самосознания личности.

С точки зрения культурологического подхода стыд (как и вина) является одним из релевантных, специфически человеческих, сформированных культурой внутренних механизмов, гарантирующих соблюдение нравственных норм. Стыд как ориентация на внешнюю оценку значимого для человека окружения противопоставлен вине как внутреннему цензору, основанному на интернализированных нормах поведения, как ориентация на самооценку.

В психологии подчеркивается важная роль стыда в межличностном общении, выявляется ближайшая дистрибуция данной эмоции (тесная связь прежде всего с такими эмоциями, как смущение, вина и страх). За феноменом стыда признается его исключительно социальный характер. Понятие стыда в отличие от ряда других эмоций тесно связано с определенными когнитивными процессами, в центре которых находится представление о сформировавшемся «Я» человека.

Изучение стыда как лингвоконцепта предполагает обращение к анализу способов и средств его языкового воплощения в культуре. Важным при этом мы считаем исследование этимологии слов, обозначающих интересующий нас концепт в русской и немецкой лингвокультурах.

Русское слово *стыд* (первоначальная форма «студа») выражало понятие холода; отмечается корреляция значений слов «стесняться, стыдиться» и «стынуть» (ср. параллель с «морозить» и «мерзить») (Степанов 1997; Фасмер 1971). Б.А. Ларин, рассматривая этимологическую близость слов *стыд* и *стынуть*, признает очевидной следующую семантическую историю лексемы *стыд*: 1) синкретическое, нерасчлененное значение «ощущение холода, боли»; 2) «мучение страха, стыда, позора»; 3) «чувство стыда»; 4) «поругание, позор» (Ларин 1958).

Немецкое слово *Scham* восходит к индогерманскому корню *(s)kam-/kem-*; оно родственно таким словам, как *Hemd* (рубашка), *Himmel* (небо), *Schande* (позор) (Kluge 1967). В момент своего образования слово *Scham* обозначало фрагмент не эмоциональной жизни человека, а внешнего реального мира – некое покрывало, способное скрыть то, что не предназначалось для посторонних взглядов. Данный факт соотносится с доказанным в науке положением о первоначально предметном характере человеческого мышления, проходящем путь к абстрагированию от непосредственно наблюдаемой реальности к ментальным конструктам более высокого порядка.

Выявление конститутивных признаков концептов «стыд»/«*Scham*» предполагает обращение к анализу словарных дефиниций ключевых лексем, их репрезентирующих. Изучение

данных, заключенных в лексикографических описаниях соответствующих слов, позволяет выявить ядерную часть концепта, его наиболее релевантные концептуальные признаки. Рассмотрение дефиниций номинантов анализируемого концепта позволяет выявить в их значениях следующие семы: 1) родовая сема (чувство, *Empfindung, Gefühl*); 2) каузаторы эмоции (от сознания предосудительности, неблаговидности поступка, поведения, *wenn man gegen die Moral oder die Sitten verstoßen hat*); 3) интенсификатор (чувство сильного смущения); 4) отрицательный характер эмоции (*quälend, unangenehm*); 5) физиологическая симптоматика переживания эмоции (*verbunden mit bestimmten körperlichen Reaktionen*). В русских дефинициях содержатся такие семы, как «смущение», «неловкость» и «раскаяние». Очевидна разная расстановка акцентов при дефиниции стыда русскими и немецкими источниками (экпликация отрицательного характера стыда в немецком и акцент на интенсивности переживания данной эмоции в русском языке). Кроме того, в рассматриваемом значении русского слова *стыд* есть такие семы, как «чувство моральной ответственности за свое поведение, поступки», «позор» и «бесчестье», отсутствующие в значении немецкого слова *Scham*.

Поскольку слово *стыд* многозначно, оно входит в два синонимических ряда с доминантами *смущение* (смущенность, замешательство, стеснение, стесненность, неловкость, неудобство, застенчивость, конфуз) и *позор* (бесславие, бесчестье, срам, срамота, сором, скандал, позорище, посрамление, стыдоба, стыдобушка). Анализ данных синонимических рядов методом ступенчатой дефиниции позволяет выявить дифференциальные признаки номинантов исследуемого концепта – «робость», «нерешительность», «отсутствие непринужденности в поведении, действиях человека, вызванное волнением, утратой самообладания, внутреннего равновесия». В немецком языке также присутствуют сходные характеристики, эксплицируемые синонимическим рядом с доминантой *Scham* (*Schamhaftigkeit, Schamgefühl, Beschämung, Schüchternheit, Scheu, Befangenheit, Unsicherheit, Zurückhaltung, Prüderie*). В отличие от русских синонимов к дифференциальным признакам, формирующим интерпретативный слой концепта «*Scham*», относятся: «понижение социального статуса человека (*beschämen – Scham und Reue bereiten, demütigen*)» (Duden 1986), «желание увеличить дистанцию общения при чрезмерной близости, откровенности (*Scheu – aus einem bei zu großer Nähe sich einstellenden Unbehagen, von anderen, bes. von fremden Menschen sich fernhaltend*)» (Duden 1986).

Поскольку слово *стыд* входит и в синонимический ряд с доминантой *позор*, мы можем говорить о существовании «морального» (термин Д. Осьюбела), или «деонтического» стыда (термин А.Д. Шмелева) и, следовательно, о существовании зоны плотного пересечения концептов «стыд», «позор», «честь/бесчестье», «совершенство» в русском языке.

Анализ иллюстративной части словарных статей к лексемам *стыд* и *Scham* выявляет следующие базисные семантические группы – «способность к переживанию стыда», «интенсивность его протекания», «его психосоматические проявления», «противопоставление истинного стыда стыду ложному». В иллюстративной части так же, как и в дефиниционной части словарной статьи, четко прослеживаются ассоциативно-образные представления русских и немцев об эмоции стыда (стыд как некая субстанция, наполняющая тело человека, стыд как живое существо).

По общепринятому мнению, фразеологический и паремиологический фонды языка представляют собой его наиболее самобытное явление, фиксируя культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Соответственно исследование данных языковых единиц позволяет выделить наиболее ценностные установки лингвокультуры через призму исследуемых концептов.

В результате проведенного нами анализа словарей фразеологизмов, пословиц и поговорок мы выявили следующие базисные семантические группы, общие для обоих языков: 1) стыд как моральный ориентир для человека (в ком есть бог, в том есть и стыд; wo Furcht ist, da ist auch Ehre, wo Ehre ist, da ist auch Scham); 2) интенсивность переживания эмоции стыда, которая по силе своего морального воздействия превосходит материальные убытки (лучше понести на гривну убытку, нежели на алтын стыда), а по силе деструктивного влияния на человека приравнивается к смерти (стыд/ позор та же смерть; готов сквозь землю провалиться; sich zu Tode schämen); 3) отрицательное отношение в обеих лингвокультурах к несоблюдению нравственных норм общества, в частности нежеланию/неумению стыдиться (умри, коли стыда нет!, wer keine Scham hat, der hat auch keine Ehre); 4) стыд как фактор, мешающий человеку легко жить (первое счастье – коли стыда в глазах нет; wer sich nicht schämt, lebt desto besser); 5) экспликация ситуации стыда с указанием на: а) оппозицию «человек – социум» (врет, людей не стыдится и бога не боится; j-n zum Erröten bringen), б) вегетативные изменения в организме человека (стыдливый покраснеет, а бесстыжий побледнеет; das Blut stand ihm in den Ohren), в) субъективные ощущения (сгореть от стыда; sich (vor Scham) ins Mausloch verkriechen); 6) зависимость понятия о по-

стыдном от культурного или социального контекста, от ценностных установок человека (в чем деду стыд, в том бабе смех; wo es Brauch ist, trägt man den Kuhschwanz als Halsband).

Этноспецифику русского концепта, выраженного в паремиях и фразеологизмах, составляют следующие семантические группы: 1) стыд как обязательная норма поведения, неотъемлемое качество человека, непосредственно связанное с самоограничением и умением сдерживать животные инстинкты (стыдливый из-за стола голодный встает); 2) неизбежность переживания стыда (без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь); 3) дуализм его переживания, т.е. слияние чувства-оценки Другого, олицетворяющего собой социум, и эмоциональной реакции того, кто отступил от нормы (людской стыд – смех, а свой – стыд; чужой сын дурак – смех, а свой сын дурак – стыд). Симптоматичен тот факт, что варьирование лексем *стыд*, *позор*, *честь*, *бесчестье* в русских поговорах и поговорках приближает значение стыда к энантиосемии: с одной стороны, «стыд как этическая способность человека сближается с *честью*» (пора и честь знать – пора и стыд знать; за честь голова погибает – за стыд голова погибает), с другой же стороны – «чувство *стыда* сближается с ощущением *бесчестья*, а *стыд* сближается с *позором*» (стыд та же смерть, бесчестье/позор та же смерть) (см.: А.Д. Шмелев). Лексическое варьирование при построении паремий и фразеологизмов свидетельствует также и о наличии зон пересечения разных концептов.

Судя по паремиям, стыд в немецком обществе не является таким сильным регулятором поведения человека, как в русском социуме (ср., напр.: Man schämt sich öffentlich und tut's heimlich и Besser geschämt als geärgert).

Концепт, как известно, активно вербализуется вторичной номинацией, в частности, метафорой (В.П. Москвин, Н.Н. Панченко, В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.). Выполняя функции познания и вербализации мира, метафора становится экспонентом культурных знаков. Структурно-семантический анализ словосочетаний и предложений, одним из компонентов которых является номинант концепта стыда, дает нам право говорить о широкой распространенности в обоих языках преимущественно антропоморфной и натурморфной метафор, что, с нашей точки зрения, можно объяснить релевантностью для человека его собственных действий и поступков, а также традиционно непреходящей утилитарной ценностью окружающего человека мира вещей.

В структурном плане данные виды метафор чаще всего выражаются глаголом, частью речи, способной передавать динамизм эмоциональных состояний человека. Глагольная антропоморф-

ная метафора выражается конструкциями с указанием на: а) движение эмоции (Страх и *стыд вошли* и в кровь, и в плоть (Б. Слуцкий); *Scham und Stärke eilten* mit schmerzlichen Tritten durch mein Herz (Brentano)) или ее активное принудительное действие (Но не *стыд*, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, *охватило* его (Достоевский); *da fasste mich plötzlich eine Art Scham* (A. Seghers)); б) место дислокации эмоции (Первый дар на роду, коли *нет в глазах* стыду (Пословица); *er hat keine Scham im Leibe*); в) психосоматическое проявление переживания стыда (... *задыхаясь* от *стыда* и раскаяния, я стоял, как опозоренный (Тургенев); *Ich weinte vor Scham* (Brentano)); г) результативность (*вознать* в краску; *j-m die Schamröte ins Gesicht treiben*); д) ментальные действия человека (Гарун *забыл* свой долг и *стыд* (Лермонтов); *Schamgefühl kennen*); е) преодоление переживания стыда (Nach diesen Worten *hatte sich* die Gräfin ihrer niederdrückenden Beschämung *ermeistert* (Arnim)). Отметим, что последняя подгруппа была обнаружена нами только в немецком языке.

Антропоморфная метафора может быть субстантивной, преимущественно выраженной генетивной конструкцией (*Слезы стыда* покатались из глаз ее (Достоевский); *sie schritten zu Fuß ... mit gerötetem Antlitz und Tränen der Scham* in den Augen (Freitag)) и адъективной (*Девичий* стыд до порога – а переступила, забыла (Пословица); *Er sprach wie die jungfräuliche Scham* (Brentano)).

В основе глагольных натурморфных метафор лежит сравнение понятий «стыд» и «огонь» (На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо, *сгорая* от стыда и смущения, заговорил заикаясь (Булгаков); *sie glühte über und über vor Scham* (Brentano)), «стыд» и «вода» (По нем *текут* и жар и хлад (Пушкин)), «стыд», «вода», «краска» (Он отчего-то смешался, щеки *залились краской стыда* (Акунин)). Данный подвид нами был обнаружен только среди русскоязычных примеров.

Адъективный подтип натурморфной метафоры семантически классифицируется на следующие основные виды: 1) температурная («огневая») метафора, ср. *горячий, жгучий стыд; Brennende Scham* erfüllte sie (Werfel); 2) цветовая метафора, ср. *стать красным, пунцовым от стыда*; *Er wurde über und über rot; Ich wurde knallrot*, als ich in die Drogerie ging (Schlink), 3) вкусовая метафора (*sie fühlte tief im Herzen die bittere Scham* des Friedlosen (Freitag)), 4) звуковая метафора (*eine leise Scham*); 5) зрительная метафора (*das Gefühl der Scham war so deutlich* (Herrmann)). Последние три разновидности адъективной натурморфной метафоры были нами обнаружены в текстах немецкой художественной литературы, фиксирующих также различные качественные характеристики

стыда, напр., его глубину (*tiefe Scham empfinden*), мимолетность (*die flüchtige Scham* (Eichendorff)), внутренний характер протекания (*eine gewisse innere Scham* (Brentano)). Отметим также, что в немецких фразеологизмах стыд путем метонимического переноса уподобляется определенным фрагментам одежды, которые, в случае необходимости, можно снять, избавив себя от мучительного переживания стыда (*das Schamhütlein ablegen; den Schamschuh ausziehen*). Для русского языка на уровне узуса, судя по собранным нами примерам, данное сравнение не характерно.

В русском языке эмоциональное состояние стыда характеризуется часто при помощи его устойчивых сравнений с красным цветом: ср. Но тотчас же ... *покраснел как рак* и ужасно сконфузился (Достоевский); За ним ... *красный, как пион*, долговязо и неловко, вошел стыдящийся Разумихин (Достоевский).

Таким образом, изучение словарных дефиниций, паремий, фразеологизмов и художественных текстов, в которых выражены концепты «стыд» и «Scham», позволяет определить их понятийную, образную и ценностную стороны. *Понятийную сторону* данных концептов составляют: а) предписание соблюдения нравственных норм индивидом в социуме; б) общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения и не способного к переживанию стыда. *Образная сторона* описываемых концептов – это устойчивые ассоциации стыда с такими субстанциями, как жидкость, огонь, красный цвет и живое существо. *Ценностную сторону* концепты «стыд» и «Scham» составляют оценочное отношение к переживанию стыда индивидом и, в частности, оценочные характеристики каузаторов стыда.

Многоаспектный феномен вины рассматривается в этико-философском, культурологическом и психологическом аспектах. В философии и этике отмечается, что первоначально в объем понятия «вина» не входили указания на нарушение нравственных норм (вина как промах в прямом значении). В этике христианства формируется метафизическое понимание вины, согласно которому человек безусловно виновен вследствие первородного греха Адама и Евы и несовершенства человечества. Данным фактом в Средние века объясняли человеческие пороки (тщеславие, слабость воли). В немецкой классической философии вину трактовали как неисполнение долга как категорического императива (И. Кант), как способность действовать, быть причиной происходящих изменений (Г. Гегель). Вина как неизбежный атрибут человеческого существования в XX веке была охарактеризована «экзистенциальной» (М. Хайдеггер). Данному негативному отношению к вине противостоит ее рассмотрение в качестве предпосыл-

ки духовности человека (С. Кьеркегор). К. Ясперс предлагает выделять: а) «криминальную вину» непосредственных участников преступлений; б) «политическую вину» деятелей политики; в) «моральную вину» каждого пассивного созерцателя преступлений; г) «метафизическую вину» каждого оставшегося в живых.

В работах по культурологии вина понимается как *отношение* человека к своему безнравственному действию либо бездействию. Принято говорить о «локусе контроля» и «каузальной дистрибуции» вины с акцентом на факте их различия в традиционных коллективистических культурах Востока и индивидуалистических культурах Запада. В частности, отмечается подверженность представителей интернальной индивидуалистической культуры фундаментальной ошибке дистрибуции, т.е. тенденции переоценивать влияние личностных диспозиций и недооценивать воздействие ситуации на поведение и действия людей. Коллективистические культуры, напротив, характеризуются пассивно-созерцательным отношением к миру, доходящим до фатализма, стремлением переложить ответственность за свою деятельность на ситуацию, судьбу и т.п., что имеет под собой причины географического, социального, политического, в целом, культурного порядка (Т.Г. Стефаненко).

В психологии вина рассматривается как обязательная эмоция для формирования аффективно-когнитивных структур совести. Эта эмоция, так же как и стыд, образуется в процессе социализации индивида, проходя стадии принятия общих моральных норм и их интернализации, поэтому, в отличие от эмоции стыда, вина не зависит от мнения окружающих или перспективы наказания за проступок, а вызывается самоосуждением.

Исследование понятия вины в лингвистическом аспекте целесообразно начать с составления этимологического портрета соответствующих лексем.

Русское слово *вина* корреспондирует с родственными словами не только языковой славянской (ср.: болг. *вина*, чеш., слвц. *vina* – вина, верхне- и нижнелужицк., польск. *wina* – грех, виновность), но и балтийской групп (лит. *vaina* – ошибка, латышск. *waina* – вина, обвинение) (Преображенский 1959; Фасмер 1986). По всей видимости, этимология современного полисемантического слова *вина* тесно переплетается с историческими сведениями о войнах как о действенном и часто применяемом способе решения конфликтов, воссоздавая типичный сценарий военных действий (ср. установленную генетическую связь с группой слов с корнем *вой-*: *воевать*, *война*, *воин*; *повинжити*, т.е. *покорить*), со старославянским словом *възь-вить* «добыча, прибыль, лихва», с латинским

vindex «мститель», собственно, «назначающий пеню», с древнеиндийским *véti* «находится позади, преследует, стремится», латинским *venor* «охочусь, гоню») (Преображенский 1959; Фасмер 1986). М.М. Маковский прослеживает корреляцию слов «вина как проступок» и «дерево» (ср. русск. *вина*, но др.-инд. *vana* – «дерево»; русск. *у-прекать*, *у-прек*, но **perku* – «дуб»), которая объясняется, с одной стороны, фактом языческого поклонения деревьям, с другой стороны – тем, что жертвенных животных подвешивали на деревьях (Маковский 1996).

Слово *Schuld* появилось в древневерхненемецком языке в VIII веке и имело форму *sculd(a)/sculpt*, являясь абстрактным именем существительным, образованным от глагола *skal-*, *sculan/solan* (современный глагол *sollen/ быть должным, обязанным кому-л.*) (Etymologisches Wörterbuch 1989). Первоначально немецкое слово употреблялось в значениях «обязательство к чему-либо», «повинность» (Kluge 1999). Впоследствии образованное от глагола *skal-* существительное получает дополнительный семантический признак «быть должным определенную денежную сумму». С течением времени под влиянием церкви у слова развивается значение «обязанность раскаяния, покаяния», которое трансформируется в значение «проступок, злодеяние, грех, преступление» (Etymologisches Wörterbuch 1989). Средневерхненемецкое слово *Schuld* вследствие последующих семантических трансформаций, в частности процесса полисемантизации, приобретает значение «обвинение, вменение в вину какого-либо преступления», которое формируется в сфере юриспруденции, а в дальнейшем, в процессе семантического выветривания, образует еще одно значение – «причина, основание чего-л. неприятного» (Etymologisches Wörterbuch 1989).

Обращение к дефиниционной части толковых словарей, призванной очертить объем понятия, позволяет говорить о толковании слов *вина* и *Schuld* с помощью родовидовых определений, отсылающих к элементам метаязыка с разной семантикой: 1) родовая сема «проступок, преступление, провинность»/ «Verhalten, Tat, Unrecht, Verfehlung»; 2) ответственность, наказание за проступок/ «das Verantwortlichsein, die Verantwortung, das Bewußtsein» (Ефремова 2000; Ожегов 1983; Wahrig 1980). Данный факт позволяет говорить о закреплённости в языке двух связанных между собой значений исследуемых слов, формирующих различные аспекты концепта вины.

Слова *вина* и *Schuld* полисемичны. Они употребляются как обозначение проступка, как осознание человеком ошибочности

собственных действий или стремление переложить ответственность за содеянное, как расплата, наказание или прощение.

Изучение синонимических рядов к словам вина и Schuld позволяет выделить в них дифференциальные признаки. Значения синонимов, которые приводятся к слову вина (проступок, грех, грешок, прегрешение, грехопадение, согрешение, провинность (Словарь синонимов русского языка 1968), сводятся, в основном, к констатации факта совершения предосудительного поступка и коррелируют с аспектом значения слова вина, находящемся на периферии исследуемого концепта. В противовес этому немецкое слово Schuld входит благодаря своей многозначности в три синонимических ряда. Так, интересующий нас синонимический ряд, выражающий понятие «внутреннее состояние человека», представлен 17 словами: Gewissensbisse, Schuldgefühl, Schuldbewusstsein, Schuldkomplex, schlechtes Gewissen, Skrupel/ Gewissensskrupel, Gewissensnot, Gewissensqual, Gewissensangst, Gewissenspein, Gewissenslast, Gewissenswurm, moralische Bedenken, Zerknirschung/ Zerknirschtheit (Bulitta 1994; Dornseiff 1970; Synonymwörterbuch 1987). Дефиниции слов синонимического ряда детально эксплицируют признаки, присутствующие в семном составе лексемы Schuld (принадлежность к внутреннему миру человека, к сфере нравственности и морали, каузаторы данного состояния), а также привносят новые семантические признаки, в частности характеризующие целую гамму мучительных переживаний, сопровождающих данное состояние человека (Gewissenspein, Gewissenslast, Gewissensbiss = quälendes Bewusstsein, Gewissenswurm = schlechtes Gewissen, das jmdn. plagt).

Анализ языковых иллюстраций номинатов концепта «вина» в словарных статьях позволяет выделить следующие семантические признаки: 1) признание – отрицание своей вины (знать за собой вину, seine Schuld einsehen, bekennen; не моя вина, возлагать, класть, сваливать вину на кого-либо, die Schuld auf j-n abwälzen, j-m/etw. die Schuld zuschreiben, seine Schuld leugnen); 2) наказание, расплата за провинность (всякая вина виновата, sie hat ihre Schuld mit dem Leben bezahlt). В русских словарях применительно к значению «плохой проступок, преступление» фиксируются стремление загладить свою вину и идеи прощения. В немецких словарных статьях, эксплицирующих значения слова Schuld, обнаружены следующие семантические признаки: 1) раскаяние (Schuld und Sühne, Schuld und Buße); 2) градация по степени тяжести вины (eine große, schwere Schuld); 3) противопоставление индивидуальной и коллективной вины (eine persönliche, kollektive Schuld).

Концепты «вина»/«Schuld» обнаруживают высокую степень лингвистической объективации в русском и немецком паремиологическом и фразеологическом фондах. В качестве иллюстрации сходных черт в концептосферах обеих лингвокультур назовем: 1) оценочное, а именно отрицательное отношение к вине, от которой стремятся различными способами избавиться (перекладывая ответственность на другого, зачастую того, кто ниже по социальному статусу, замалчивая или отрицая свою причастность к происшедшему); 2) неспособность скрыть субъективное ощущение виновности; 3) необходимость признать свою вину; 4) стремление найти смягчающие вину обстоятельства (ссылаясь на внешние причины проступка, слабость человеческой природы и т.п.); 5) необходимость и неизбежность наказания виновных; 6) возможность отсутствия наказания (за чужую, непреднамеренную вину, прегрешения прошлого, до определенного раза, по милости наказывающего); 7) чувство вины и обязательство должника перед кредитором.

При актуализации концептов вины в русском и немецком фразеологическом и паремиологическом фондах имеют место этнокультурные различия. Во-первых, семантические группы «На себя не наговаривай, а с друга сговаривай», «Ушел, так прав, попался, так виноват», «За дело побьют – повинись да ниже поклонись», «Кто повинился, того суди бог» характерны и релевантны как ценностные смыслы для русского языкового сознания, в то время как для немецкого сознания значимыми являются семантические группы «viel Schulden, viel Dulden», «Grüßen ist Höflichkeit, Danken ist Schuldigkeit». Во-вторых, немецкие паремии более детально концептуализируют внутреннее состояние и переживания провинившегося человека. В них названы не только непосредственный субъект вины, но и ее соучастники, которые должны нести ответственность за проступок. В русских же паремиях и фразеологизмах прослеживается большая вариативность при языковой экспликации различных внешних каузаторов поступка человека, в частности, не последнюю роль играют темные силы – леший, черт, бес, лукавый.

Рассматривая языковое воплощение концепта вины в исследуемых лингвокультурах через призму метафорического переноса, отметим высокую степень распространенности антропоморфной метафоры, убедительно доказывающей антропоцентричность языковой картины мира, в которой человек является мерой всех вещей (ср. Когда чувство вины *умрет*, человечество станет взрослым). В обоих языках основой для антропоморфной метафоры является сравнение эмоции вины с сильным соперником

(Иной раз чувство вины бывает трудно *побороть*; *der Graf Karl sei ihr Erlöser und Weltheiland, denn er habe sie von schwerer Schuld befreit*). Разрушительное влияние данной эмоции на внутренний мир человека сравнивается также с воздействием некоего живого организма, обитающего внутри человека – «Чувство вины ... *ест вас изнутри*» (www.naritsyn.ru/read/all/azbuka/vina.htm).

Представление о вине как о субстанции, имеющей тяжелый вес, измеряемой, локализуемой и свободно перемещаемой в пространстве, прочно закрепилось в натурморфных метафорах, являющихся вторичной номинацией *вины* в значении «неудовлетворительное душевное состояние», а также «чувство ответственности». Так, в частности, адъективные натурморфные метафоры, имеющие высокий индекс употребления, характеризуют рецепцию чувства вины через тактильные ощущения (*острое* чувство вины), через ее уподобление летучей субстанции (сознание до сих пор не *выветрившейся* полостью вины). Здесь же укажем, что субстантивные натурморфные метафоры менее употребительны, чем их глагольная и адъективная разновидности.

Таким образом, обращение к языковому материалу позволяет выявить понятийную, образную и ценностную стороны концептов «вина» и «Schuld». Их *понятийную сторону* составляют: а) осознание человеком ошибочности собственных действий, б) расплата, наказание за ошибки или же их прощение. *Образную сторону* описываемых концептов представляют собой устойчивые ассоциации вины с борьбой, с неким живым организмом, обитающим внутри человека и мешающим ему спокойно жить, тяжелой субстанцией и болезнью. *Ценностная сторона* концептов «вина» и «Schuld» – это оценочное отношение к переживанию вины индивидом и, в частности, оценочные характеристики ее каузаторов и последствий.

Анализируя зафиксированные в ассоциативных словарях (Русский ассоциативный словарь 2002; Ассоциативные нормы русского и немецкого языков 2004) слова-реакции, образующие ассоциативные поля на стимул *стыд/Scham*, мы обнаружили в них парадигматические (*стыд: позор, срам, совесть; Scham: Angst, Peinlichkeit, Zurückhaltung*) и синтагматические связи (*стыд: бесчестье, великий, жжет, от поступка; Scham: hab ich nicht, haben viele, vor etwas*). Кроме того, были выявлены различные типы ассоциативных корреляций между словами-реакциями (смысловая близость, смысловая противоположность, гипо-гиперонимические отношения, ассоциации по созвучности). Содержательное сопоставление полученных реакций позволяет выявить точки соприкосновения ассоциативных полей в русской и немецкой лингво-

культурах, к которым мы относим: внеязыковые (экстралингвистические) знания о ситуации стыда, сопровождающейся покраснением лица субъекта стыда (*краснеть, rot*) и неприятными ощущениями (*нехорошее ощущение, peinlich*).

В обеих культурах стыд воспринимается противоречиво: с одной стороны, данная эмоция играет роль некоего нравственного ориентира (*совесть, справедливый, хорошее качество; Gewissen, gut*), а с другой – он признается излишним, носящим деморализующий характер (*помеха; unbedeutend, nutzlos*). Некоторые реакции испытуемых носят ярко выраженный эмоционально-оценочный характер (*жуть, schrecklich*). В качестве различий в ассоциативных полях отметим интенсивность переживания эмоции стыда в русской лингвокультуре (*позор, великий*), эмоционально-оценочные ответы назидательного характера (*стыдно должно быть*), метафорическое осмысление стыда (*жжет*), а также его перенесение непосредственно на личность испытуемого (*мой, мне*). Для немецких же информантов более дифференцированными оказываются неприятные ощущения, сопряженные со стыдом (*Peinlichkeit, Verlegenheit*). Стыд у немцев, наряду с другими ассоциациями, тесно связан с темой интимных отношений (*Lippen, ficken, Sex, intim, Nacht*); он часто ассоциируется с физической нечистотой (*Dreck, Schmutz, Toilette*).

Во многом схожие данные мы получили при проведении собственного ассоциативного эксперимента, включавшего, однако, еще одно задание для информантов: они самостоятельно должны были дать определение понятиям «стыд»/«Scham». С точки зрения плана содержания в большинстве ответов русских и немцев при определении стыда сохраняется базовый субстрат зафиксированных лексикографических дефиниций.

В ходе анализа полученных данных на предмет интергрупповых различий была выявлена следующая закономерность: существует прямая зависимость степени четкости, терминологичности определения понятия от возраста информантов. Прослеживается несомненная динамика развития онтологических представлений о стыде в процессе взросления личности индивида. С одной стороны, более старшие информанты, имеющие уже определенное социальное положение в обществе, отмечали непосредственную связь стыда с общественным мнением, репутацией (*боишься, что о тебе могут подумать*), рассматривая ситуацию стыда как потенциальную потерю лица, а с другой – на протяжении жизни индивида сами объекты стыда могут изменяться.

При дефиниции стыда показательно типичное обращение немецких информантов к его «эмоциональной» разновидности (к

нему апеллировали в 1,72 раза чаще, чем к «моральному» стыду), в то время как русские определяли стыд преимущественно как «моральный» (обращение к данному виду стыда в 3,8 раза чаще, чем к «эмоциональному»).

Анализируя зафиксированные в ассоциативных словарях слова-реакции, образующие ассоциативные поля на стимул *стыд/Scham*, мы обнаружили в них парадигматические (*стыд: позор, срам, совесть; Scham: Angst, Peinlichkeit*) и синтагматические связи (*стыд: бесчестье, великий, жжет, Scham: hab ich nicht, haben viele*).

Изучение реакций на стимул «вина»/«Schuld» позволило выделить нам парадигматические (*ошибка, проступок; Verstoß, Sühne, Verantwortung*), синтагматические (*горькая, за нанесенный человеку вред, чья?*) и гипо-гиперонимические связи между словом-стимулом и полученными реакциями (*вина: чувство; Schuld: Gefühl, Vergehen*), что свидетельствует о близости семантических координат слова-стимула и слов-реакций.

Полученные слова-стимулы позволяют говорить как об общих чертах, так и об этнокультурных отличиях концептов «вина»/«Schuld». К общим чертам относятся реакции, обусловленные идентичным экстралингвистическим знанием природы вины (*проступок, признание ошибки, угрызения совести; Verstoß, Verantwortung, Reue, Sühne*). Информанты фиксируют целую гамму мучительных переживаний, сопровождающих чувство вины: *горькая, подавленность, совесть мучает, убиваться; Ohnmacht, Reue, schlechtes Gewissen*. Спектр культурно-специфических реакций охватывает, с одной стороны, связь концептов «вина», «душа», «тоска» (*душевная тяжесть, душевный груз, тоска*), указание на вкусовое восприятие вины (*горькая*) в ответах русских информантов, а с другой – отражение событий национал-социалистического прошлого Германии и коллективной вины немецкого народа (*historische Schuld, „zweite Schuld“*), цветовое восприятие вины (*schwarz*) в реакциях немецких респондентов. Кроме того, русское языковое сознание больше сосредоточено на фиксации субъективных переживаний, сопровождающих чувство вины, в то время как немецкое сознание предпочитает искать средства преодоления переживания деструктивных эмоций (ср.: *тяжесть, мучение, отчаяние, убиваться, угрызения совести и Entschuldigung, Versöhnung, Sühne*).

Сравнивая определения вины, полученные в результате анкетирования, с данными лексикографических источников, мы находим точки соприкосновения прескриптивной и дескриптивной норм (термин Ю.Н. Караулова). Вину рассматривают как состоя-

ние человека, как результат его поступков, как локализуемую, тяжело перемещаемую субстанцию; с виной сопряжены раскаяние, прощение; она бывает коллективной и индивидуальной.

Имеют место несовпадения в дефинициях вины, составленных авторами словарей и участниками ассоциативного эксперимента, что обусловлено различным опытом мировосприятия и языковым опытом элитарных и среднестатистических языковых личностей. Интересно отметить, что ответы русских респондентов расширяют спектр анализируемых элементарных смыслов за счет четкого, однозначного отнесения вины к чувственной сфере, чего нет в русских лексикографических источниках. В дефинициях немецких респондентов упоминается «историческая вина», тесно связанная с ней идея «второй вины», появление которых в качестве реакции обусловлено трагическими событиями немецкого народа в середине прошлого века.

Основные результаты выполненного исследования сводятся к следующим положениям:

1. Стыд и вина выполняют регулятивную функцию в русском и немецком социумах. Они являются важнейшим, сформированным культурой внутренним механизмом, контролирующим соблюдение человеком общественных нравственных норм. Различие между культурными феноменами стыда и вины заключается в том, что первый из них сфокусирован на внешней оценке релевантных для того/иного социума явлений культуры, а второй ориентирован преимущественно на самооценку индивида.

2. Основное содержание концепта стыда в русском и немецком языковом сознании заключается в следующих признаках:

а) понятийную сторону данного концепта составляют предписания по соблюдению нравственных норм индивидом в социуме; общественное осуждение человека, нарушающего установленные нормы поведения и не способного к переживанию стыда;

б) образную сторону этого концепта формируют устойчивые ассоциации стыда с такими субстанциями, как жидкость, огонь, красный цвет и живое существо;

в) ценностную сторону изучаемого концепта составляет оценочное отношение к переживанию стыда индивидом.

3. Основное содержание концепта вины в русском и немецком языковом сознании сводится к следующим признакам:

а) понятийную сторону этого концепта составляют осознание человеком ошибочности собственных действий, расплата, наказание за ошибки или же их прощение;

б) образную сторону данного концепта формируют устойчивые ассоциации вины с борьбой, неким живым организмом или мифическим существом, тяжелой ношей и болезнью;

в) ценностная сторона этого концепта выражена в оценочном отношении к переживанию вины индивидом.

4. Главные отличия в репрезентации концептов стыда и вины в русской и немецкой лингвокультурах заключаются в следующем:

а) концепт стыда более значим для русского языкового сознания; в российском обществе он выступает в качестве важного мотива поступков человека;

б) концепт вины в немецком языковом сознании в отличие от русского ассоциирован с понятиями исторической ответственности, коллективной вины и специфически немецким феноменом «второй вины» (zweite Schuld).

5. Базисным средством экспликации концептов стыда и вины в обоих языках является метафора, в частности такие ее разновидности, как антропоморфная и натурморфная. Высокая продуктивность антропоморфной метафоры обусловлена релевантностью для человека его собственных действий и поступков; продуктивность натурморфной метафоры обусловлена утилитарной ценностью мира вещей.

6. Как в русском, так и в немецком современных социумах существует зависимость релевантности исследуемых концептов от социальной и возрастной принадлежности индивида: стыд и вина как нравственные понятия более значимы для представителей старшего поколения и членов общества, занимающих относительно высокое социальное положение и имеющих соответствующий образовательный ценз.

Литература

Дженкова, Е.А. Толкование номинаций концепта «стыд» / «Scham» в филологических словарях / Е.А. Дженкова // Антропологическая лингвистика: изучение культурных концептов и гендера. Вып. 1. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского, проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2003. – С. 43 – 48.

Дженкова, Е.А. Этимологический анализ имени концепта как один из методов лингвокультурологического исследования / Е.А. Дженкова // Антропологическая лингвистика: изучение культурных концептов и гендера. Вып. 1. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского, проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2003. – С. 48 – 53.

Дженкова, Е.А. Концепт «стыд» в русской наивной и научной картинах мира (опыт анализа словарных дефиниций) / Е.А. Дженкова // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2003. – С. 31 – 36.

Dshenkova, E. Konzept – rein kognitive Einheit oder kulturelles Phänomen? / E. Dshenkova // Ost-West Perspektiven. Institut für Deutschlandforschung. Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur. Band 3. Bochum 2004. – S. 215 – 223.

Дженкова, Е.А. Эмоциональный концепт «вина» в немецкой научной и наивной картинах мира (опыт анализа лексикографических источников) / Е.А. Дженкова // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тез. докл. междунар. конф. 27 апреля 2004/ Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 32 – 34 (0,2 п.л.).

Дженкова, Е.А. Ассоциативная характеристика вербальных репрезентаций эмоции вины и стыда в современном немецком социуме / Е.А. Дженкова // Антропологическая лингвистика. – Вып. 4: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского и проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2005. – С. 89 – 93.

И.И. Чесноков (Волгоград)

МЕСТЬ

Накопленный традиционной лингвистикой опыт изучения эмоций в последнее время подвергается активному переосмыслению, открывающему широкие перспективы для исследования психического мира человека с лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций.

Эти позиции, в свою очередь, ориентированы на изучение проблемы концептуализации эмоций в связи с участием в этом процессе языка как феномена, способного фиксировать познавательный опыт и вводить в мир человека аксиологические (культурноносные) смыслы, детерминирующие его предметно-практическую и коммуникативную деятельность.

Так, проф. В.И. Шаховский считает: «Поскольку чувственный этап процесса когниции мира человеком и себя в нём соотносится с деятельностью его эмоционального мышления, ...языковая система (рациональное мышление) выполняет по отношению к непрерывно конструируемому целому функцию кодирования внеязыковых концептов (в т.ч. и эмоциональных переживаний) и функцию манипулирования ими через манипулирование вербальными смыслами» (Шаховский 2002, с.41).

Из данного тезиса следует, что концептуализация эмоционального опыта – процесс когнитивно-дискурсивный, затрагивающий фундаментальные основы познания мира и самопознания и опирающийся на языковые знаки, значения которых обуславливают наше отношение к предмету мысли.

А если это так, то, приступая к лингвокультурологическому описанию концепта «месть», необходимо попытаться «разорвать» языковой круг и, опираясь на данные других наук, определить, какой фрагмент глубинной психической жизни человека подвергся концептуализации и каково его «ближайшее окружение», «соседство» с другими, релевантными для его понимания психическими явлениями. Для этого представляется целесообразным обратиться к опыту изучения человека, накопленному в области психоаналитических исследований.

Конечно, психоаналитический опыт не является последней инстанцией, определяющей человеческую сущность.

Во-первых, его содержание подвержено воздействию тех сдвигов, которые происходят и будут происходить в области наук, так или иначе ориентированных на человека.

Во-вторых, наши знания о человеке черпаются не только из научных источников. Многие мы узнаём из религии, изобразительного искусства, художественной литературы и просто повседневной жизни, а эти знания, в свою очередь, влияют на восприятие обществом научной информации. Более того, социально-культурные факторы не только опосредуют передачу обществу научной продукции, но и сами в значительной степени определяют те направления научных изысканий, которые соответствуют умонастроениям и интересам людей в данный исторический период. Последним обстоятельством (в частности – умонастроением венских буржуа конца 19 – начала 20 века) объясняется зарождение фрейдизма, положившего начало глубинным психологическим исследованиям.

Между тем, психоаналитическое понимание человеческой природы характеризуется отстранённостью от ценностной составляющей этого понятия и потому используется в качестве опоры, на которой строится предпринятое изучение диалектики генетического и этноязыкового кодов.

Известно, что сознание человека, с которым мы обычно связываем своё «Я», составляет лишь поверхностный слой его психической жизни, включающей ещё и мощный пласт бессознательного. Важнейшим свойством бессознательного, согласно давним философским и научным традициям, является его энергетическая природа. Так, З. Фрейд трактовал бессознательное как энергию пола (Фрейд 1991), К. Юнг – как изначальную психическую совокупность связей, представляющую собой поток витально-психической энергии, из которой родилась и в которую включена каждая индивидуальная душа (Юнг 1994). На энергетическую природу психических процессов указывают и другие учёные:

как психологи, так и физики (Уилсон 1999, Гроф 1999; Финкельштейн 1994, Гейзенберг 1987 и др.). Такого же, энергетического, подхода к психическим процессам придерживаются и философы, рассматривающие бессознательное как безличную (доиндивидуальную) стихию неритмичных пульсаций-желаний, заполняющую всё социальное поле, из которого черпают энергию все единичные субъекты (Deleuze, Guattari 1977).

Из общего для названных исследователей понимания энергетической природы бессознательного следует, что и взаимодействие индивида с внешней средой строится по принципу энергетического обмена.

Если импульсы-желания, исходящие от индивида и окружающего его информационного пространства, совпадают, как при совпадении двух фаз волн, то они усиливаются и находят выход вовне, обеспечивая его (индивида) нормальное существование. В случае несовпадения – энергия, соответственно, не находит выхода и травмирует единый психо-физиологический организм. То же самое можно сказать и об осознанных желаниях, неудовлетворение которых ведёт к аналогичным психо-физиологическим процессам и травмам.

И в первом, и во втором случаях энергия нереализованного желания может вызывать аффективное состояние (разновидность невроза), которое в обыденном сознании объективируется словом «обида».

Косвенный номинант «дуться» в значении «обижаться» является подтверждением психоаналитической версии данного состояния. (Метафора, как известно, способна идти к цели по прямой и ухватывать суть обозначаемого, преодолевая семантические пространства формально-логических рассуждений.)

Напомним, что прямой номинант «обида», восходящий к старославянскому глаголу «обвидети» представляет собой результат переноса имени внешнего по отношению к человеку события на мир его психики. Косвенный номинант «дуться» репрезентирует в языковом сознании психический мир человека изнутри.

Понимание обиды как аффективного состояния в данном случае не ограничивается рамками коммуникативных процессов, в которых она приравнивается к переживаемому предметно-практическому или вербальному оскорблению. Обида, как представляется, может иметь и квази-коммуникативный характер (например, «...за державу обидно»), и некоммуникативную природу («В моей душе – обида, тяжесть / В моей душе – тупая боль // За то, что вот уже полгода / Я не в ладах с самим собой.» М.И. Пивоварова. «Пилигрим» // Газ. «Учитель», 2004. №10).

В любом случае, если травма (обида) достаточно глубока, то это приводит к изменениям в психике индивида, что, в свою очередь, проявляется в его предметно-практическом и коммуникативном поведении. При этом импульс нереализованного желания по закону сохранения и превращения энергии может устремляться в глубины подсознания («системы конденсированного опыта» по С.Грофу), вызывая различные расстройства, в том числе и астенические состояния, которые в той или иной степени поддаются терапевтическому воздействию методом катарсиса (по Й.Брейеру и З.Фрейду).

Но энергия нереализованного желания, помимо вытеснения в область подсознания, может направляться и вовне, превращаясь (как один из вариантов) в vindictive (aggressive) тип коммуникативного поведения – месть, обеспечивающий индивиду эмоциональную разрядку и самостоятельный выход из психотравматического состояния.

Конечно, психоаналитическая интерпретация эмоциональных состояний и реакций легко поддаётся критике из-за отсутствия возможности измерить как количество, так и качество энергии, которой обладает индивид в определённый момент времени и которая детерминирует его поведенческие реакции.

Однако представление о том, что в организме существует некая сила, которая совместно с внешними факторами рождает vindictive поведение, подтверждается и иными направлениями психологических исследований – фрустрационной теорией агрессии (Berkowitz 1989), социально-интеракционистской теорией принудительных действий (Tedeschi & Felson 1994) и др.

Поэтому, несмотря на уязвимость, психоаналитический подход к изучаемому концепту представляется оправданным, так как расширяет исследовательское поле, включая в него фактор подсознательного (эмоциональную разрядку) и его диалектику с ценностно-нормативными установками культуры.

Эта диалектика, представленная в языковом сознании, и является предметом данного исследования, направленного на выявление смыслового содержания концепта «месть» в русской лингвокультуре.

Материалом исследования в рамках настоящей статьи послужили лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие изучаемый концепт в двух векторных проекциях или скриптах, отражающих в сознании реальную или описываемую ситуацию и предписываемый ею план поведения (Демьянков 1994: 72).

Один скрипт направляет vindictive действия обиженного против обидчика, другой – против третьего, не имеющего отношения к конфликту, лица.

1. Первый скрипт, представленный в русском этноязыковом сознании библейской идиомой «око за око, зуб за зуб» (Исход, 21, 24), в своём зачаточном состоянии существует как общебиологическое предписание, обеспечивающее выживание индивида во внутри- и межвидовой конкурентной борьбе, а также при взаимодействии со средой обитания (см., например, Лоренц 1994).

Дело в том, что психофизиологическая энергетика, дифференцированная дискурсивным мышлением на обиду и месть, уходит своими корнями в эмоциональное бессознательное примитивного человека, когда перцепция и инстинктивная реакция, захватывающая весь психофизиологический организм, были связаны подобием рефлексивной дуги, когда человек действовал целостно, но не имел свободы выбора (Нойман 1998: 345).

Свобода выбирать появляется по мере развития головного мозга, в процессе которого инстинктивный рефлекс стал задерживаться сознательным вмешательством размышления и взвешивания целесообразности тех или иных социальных действий.

Однако глубинная причинно-следственная связь между обидой и местью так и остаётся психофизиологической основой ЗАКОНА, обеспечивающего выживание всего сообщества, — желания лица или группы лиц, знаково оформленного и превращённого в правило для всех, неисполнение которого ведёт к возмездию (коллективной мести).

Желание-правило, принятое всеми, в свою очередь, формирует у членов сообщества устойчивый архетип границы (или предела), который покоится на страхе её нарушения и обуславливает семантические преобразования слов, связанных с представлениями о vindictive поведении.

Так, в русском языке складывается оппозиция слов **возмездие, мщение (отмщение) – месть, отместка**, дифференцирующих в vindictive поведении коллективное (санкционированное обществом) и индивидуальное (спонтанное) начала.

«Тут не до частной мести, когда речь идёт о народном, общем отмщении» (Тургенев, Накануне.)

Vindictive действие, исходящее от Бога или совершаемое от имени сообщества, — возмездие, мщение (отмщение) – воспринимается как направленное на восстановление порядка, мира и согласия и расценивается как добро.

То же действие, совершённое индивидом без санкции сообщества, — месть (отместка) — рассматривается как подрывающее его устои и определяется как зло.

Данные аксиологические факторы проявляются в семантических синтагматических связях названных слов: **возмездие, мщение (отмщение)** всегда **справедливое, заслуженное**, а **месть (отместка)** — **грязная, гнусная, коварная** и т.д.

Наличие в семантических структурах членов оппозиции коннотативных компонентов противоположных оценочных знаков предопределяет возможность их использования в высказывании в качестве контекстуальных антонимов.

«Я не за месть, а за справедливое возмездие.» (С. Говорухин. «Мечь надо подавать холодной». ОРТ, 27.02.2004.)

Такая дифференциация vindиктивного поведения, в свою очередь, детерминирована ценностно-нормативными установками христианства, дискредитирующего все виды агрессии (включая и месть) как таковые. (В культуре рода, как известно, кровная месть — обычай мстить за убитого родственника убийством одного из членов рода убийцы — является нормой.) Можно сказать, что собственно христианское (православное) понимание мести и представлено в русскоязычной научной лексикографии.

Мечь — «оплата злом за зло, обидой за обиду, злопамятство» (СД., Т.2, с. 321); «намеренное причинение зла с целью отплатить за оскорбления, обиды и т.п.» (МАС-2, Т.2, с. 258); «намеренное причинение зла, неприятностей с целью отплатить за оскорбление, обиду или страдания» (ТСУ, Т.2, с. 194).

В других лингвокультурах «мечь» определяется с нейтральных позиций, не выражающих прямых оценок в категориях добра и зла. См., для примера, дефиницию «мести», представленную в англоязычном толковом словаре: «retaliation for offence or injury; desire for this, vindictive feeling; chance to win after earlier defeat;» (POD, p.640) — «отплата за обиду или вред; желание этого, чувство мести; шанс одержать победу после ранее пережитого поражения» (перевод мой).

В такой объективной позиции англоязычного интерпретанта выражается наиболее общее отличие рационалистической английской лингвокультуры от мифологизированной и морализованной русской. Ведь «в Христианстве нет никаких «объективных законов», если под объективностью понимать нравственно нейтральные процессы, идущие помимо борения светлого и тёмного начал» (Панарин 2002: 211). А Православие долгое время господствовало в России не только в качестве общегосудар-

ственного, но и общенародного круга идей, и прежде всего в области обобщающей и систематизирующей мысли.

Этот культурологический фактор естественным образом находит выражение и в паремиологическом фонде русского языка («другу не дружить, а недругу не мстить», «лесть да месть дружны» и др.).

Ценностно-нормативные установки культуры, осуждающие месть как произвол личности, подводят носителя языка к необходимости эвфемизации изучаемого концепта, что обуславливает его обозначение косвенными именами из сферы экономических отношений (отплатить, свести счёты, вернуть долг, поквитаться), а также педагогического дискурса (наказывать, учить (дать урок), воспитывать).

Энантисемические преобразования последних, вероятно, и оказываются возможными лишь потому, что существует глубинная причинно-следственная связь между нереализованным желанием (обидой) и vindиктивной поведенческой реакцией (местью). Ведь если наказ как воля, выраженная в слове, не выполняется, то он может обретать и невербальные формы, в том числе и – физического воздействия (см. гиперо-гипонимические межуровневые отношения: наказывать — спускать шкуру, задавать перцу / чёсу, вправлять мозги, намылить шею и др.) Это означает, что глагол «наказывать», т.е. задавать адресату границы деятельности, содержит скрытую сему «кара», которая и предопределяет возможность его использования в ситуации, когда заданные границы адресатом нарушены (ср. Мониц 1998).

То же можно сказать и о глаголах / глагольных словосочетаниях «учить (проучить) / дать урок» и «воспитывать / проводить воспитательную работу», которые употребляются для обозначения различных видов vindиктивного воздействия.

«Чтобы проучить Женю, к вечеру, так и не сказав сестрёнке ни слова, Ольга уехала в Москву» (Гайдар, Тимур и его команда).

«(Он) решил дать порядочный урок своенравной актрисе. Один вечер, чуть вышла она на сцену, поднялся шум, гвалт, каждое слово её встречали свистками и насмешками» (Дружинин, Полинька Сакс).

Использование производных лексико-семантических вариантов названных глаголов и глагольных словосочетаний вместо глагола «мстить» для обозначения данного vindиктивного действия в данной коммуникативно-прагматической ситуации оправдывает производимое действие, акцентируя внимание на его инструментальном характере и закрывая тем самым фактор подсознатель-

ного (эмоционально-энергетическую разрядку), который всегда при этом присутствует.

Показательна в этом отношении кульминационная сцена повести А.С.Пушкина «Выстрел». Комментируя представленное в этой сцене поведение Сильвио, респонденты (преподаватели старшего поколения ВГПУ) употребляют глагол «проучил», если его одобряют, и глагол «отомстил», если осуждают. (Возможно, что при иных профессиональных, возрастных и прочих параметрах респондентов, и результаты опроса могут быть иными).

Здесь же важно подчеркнуть то, что выбор слова определяется не его предметной отнесённостью, а позицией интерпретанта, в языковом сознании которого оно занимает аксиологически определённое место, вступая в семантические оппозиции, отражающие общую структуру соответствующего этно/ социо/ культурного сознания.

Необходимо также иметь в виду и то, что несмотря на ценностно-нормативные установки культуры, осуждающие месть как произвол личности, данная эмоциональная поведенческая реакция остаётся для индивида неизменно желанной, так как санкционирована и оправдана бессознательным. Ведь когда человек мстит, он возвращает себе отобранное обществом «право» реализовать себя как карающую силу и восстанавливает закон, заложенный в него природой. Можно сказать, что в мести – человек сам себе закон. Отсюда — и сочетания слов «жажда мести», «наслаждаться мекью», «намститься вволю», «отвести душу», а также «требовать удовлетворения / сатисфакции», т.е. вызывать на дуэль, откровенно указывая на вызванный обидой внутренний (энергетический) дискомфорт.

Следует также отметить, что негативный оценочный компонент в слове «месть» остаётся психологически релевантным лишь до тех пор, пока деятельность людей ориентирована на установление мира внутри сообщества, и меняет своё качество в ситуации военного типа, когда данное сообщество преобразуется в единую силу, направленную против чужого закона. Тогда индивидуальное (месть) не противоречит общественному (возмездие, отмщение), так как векторы их совпадают, а отрицательный оценочный компонент в слове «месть» меняет свой знак на противоположный («народные мстители» – о партизанах).

2. Глубинные причинно-следственные связи между «обидой» и «мекью», однако, не ограничиваются логикой «диалогического единства» и не вписываются в ветхозаветный тезис «око за око, зуб за зуб».

Коммуникативные процессы в обществе подчиняются более сложным психологическим закономерностям, согласно которым обидчик и ответчик очень часто не являются одним и тем же лицом. Такой коммуникативный крен находит своё объяснение в эволюционных процессах, связанных со становлением человеческого сознания. Дело в том, что первые проявления разума, разбивающего рефлекторную дугу, связывающую «обиду» и «мечь», сводились, вероятно, к соотношению собственных сил индивида с силами противника, чем и определялась целесообразность «ответного удара». Если индивиду противостояла намного превосходящая его сила, то «удар» направлялся в наиболее безопасное, подсказанное инстинктом самосохранения, русло – на того, кто слабее. Так, собственно, и рождается второй скрипт, который в научном сознании обозначается термином «переориентированное действие» (Лоренц 1994).

Данный скрипт лежал в основе первых форм религиозного поведения, когда люди не задавались вопросом о природе насилия и преследовали чисто практическую цель – установить мир в сообществе, направив разновекторную vindиктивную агрессию его членов на объект, за которым не последовало бы ответного насилия (Girard 1972). Таким замещающим объектом, как известно, становится жертва, а жертвоприношение как осуществляемая в заданном направлении энергетическая разрядка общества начинает выполнять миротворческую функцию.

В этом, с психоаналитической точки зрения, можно усмотреть эффект двойного дна: ритуальное действие своей внешней стороной обращено к богам, а внутренней – к разрядке либидо, в данном случае – желания убивать. Жертва, при таком подходе, также характеризуется двойственной природой: с одной стороны, сакрализуется, становится объектом всеобщего почитания, так как служит общественному благополучию (например, будущему обильному урожаю), а с другой – притягивает к себе тем, что аккумулирует агрессию сообщества без возможных vindиктивных последствий.

Тревогой сообщества за такого рода последствия можно объяснить и эволюцию жертвоприношений – от людей-членов данного сообщества до военнопленных, рабов, животных и, наконец, бескровных жертв. Но какую бы форму ни приобретала жертва, каким бы сакральным содержанием ни наполнялась и в каких бы высоких целях ни приносилась, она всегда оказывалась платой за мир, так как освобождала сообщество, хотя и на время, от круговорота насилия (Girard 1982).

Несмотря на многовековую культурную эволюцию, данный скрипт остаётся психофизиологической и поведенческой константой, которая и сегодня эксплуатируется в политической и психотерапевтической практиках для снятия эмоционального напряжения общества / пациента. Для этого используются различные аккумулирующие агрессию человека эрзац-объекты, в политике – исторические памятники ушедших лидеров (для войны с прошлым), в психотерапии – надувные куклы для битья, такие, как клоун Бобо (см. Крэйхи 2003), и др.

В русском этноязыковом сознании данный скрипт репрезентирован фразеологическими единицами: козёл отпущения, виноват стрелочник, валить с больной головы на здоровую, в чужом пиру похмелье и др. Эти единицы имеют условно-символический характер и не столько указывают, сколько намекают на стоящую за ними когнитивную структуру.

Поскольку скрипт состоит из действующих лиц, сюжета и ситуации (Демьянков 1994), то для его непрямого наименования дискурсивному мышлению достаточно опоры на одну из его составляющих, имеющую статус прецедента и способную воспроизвести в сознании носителя языка всю ситуативную динамику. Прецедент при этом понимается как «дискурсивно обусловленный факт, имевший ранее место в лингвокогнитивной деятельности членов определённого культурно-языкового сообщества и служащий образцом для последующих подобных фактов» (Алефиренко 2002).

Известно, что у иудеев существовал обряд отпущения грехов, согласно которому первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла в знак возложения на него всех грехов еврейского народа, после чего козёл изгонялся в пустыню.

Благодаря Библейским текстам имя действующего лица обряда – «козёл отпущения» – становится прецедентным, метафоризируется и приобретает условно-символический характер.

«Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения?» (Чехов, Палата №6).

Как метафора, идиома связана с эталоном сравнения – ветхозаветным козлом, действующим лицом известного обряда.

Как символ, идиома имеет двойную референцию: с одной стороны, отсылает к заместительной жертве, а с другой – (и это особенно важно) к общечеловеческой психологической закономерности – эмоциональной разрядке, проявляющейся в vindиктивных действиях против того, кто слабей; последнее обстоятельство и позволяет рассматривать идиому как условно-символический репрезентант данного скрипта в целом.

Так же, условно-символически, представляет изучаемый скрипт и идиома «виноват стрелочник». Однако, если её именной компонент употребляется самостоятельно, то его репрезентативные функции относительно скрипта оказываются контекстуально ограниченными.

«Судя по данным расследования, тюремные сроки грозят лишь стрелочникам» (Человек и закон. ОРТ. 30.11.2004.)

В структуре высказывания диагностировать значение слова «стрелочник» не представляется возможным. Лишь зная, что оно является частью комментария по поводу расследования убийства депутата Госдумы, можно определить и символический характер имени, отсылающий к скрипту.

Фразеологизм «валить с больной головы на здоровую» описывает, вероятно, прецедентный обряд (возложение грехов на голову козла). Отрываясь от своего денотата и обретая условно-символический характер, он начинает употребляться для обозначения самых разнообразных vindиктивных поведенческих реакций, направленных на замещающий объект.

«Но валить с больной головы на здоровую всё-таки не годится: Тургенев и Базаров во всяком случае не виноваты в том, что критик не умеет защищать молодое поколение и что роль первого критика в «Современнике» не соответствует теперешним размерам его сна» (Писарев, Реалисты).

Фразеологизм «в чужом пиру похмелье» представляет скрипт через этнопрецедентную коммуникативно-прагматическую ситуацию, оказавшись в которой гость может иметь неприятности из-за вины других. Особенностью этой идиомы является то, что она представляет vindиктивные действия в аспекте цепной реакции.

«Амалия Ивановна, когда в неё...попал стакан, тоже не выдержала в чужом пиру похмелья.... Как бешеная, кинулась она к Катерине Ивановне, считая её во всём виноватою» (Достоевский, Преступление и наказание.)

Приведённые выше фразеологизмы можно считать универсальными в том смысле, что их означаемые (лица, сюжеты, ситуации) являются означающими универсальной поведенческой реакции, направленной на замещающий (обидчика) объект.

Что же касается этноэпидемической специфики представления универсальных единиц инвариантного эмоционально-смыслового поля (термин В.И. Шаховского), то данная проблема могла бы составить предмет специального исследования.

Анализ материала, таким образом, показывает, что

- заданная природой эмоциональная реакция, вступая в знаковое инобытие, обретает аксиологические смыслы, которые, в

свою очередь, являются производными от человеческой деятельности, предопределяющей формы культурно-исторического бытия и конкретные коммуникативно-прагматические ситуации;

- семантическая валентность ключевого слова (месть) отражает конфликт между подсознательным и ценностно-нормативными установками культуры;
- как поведенческая реакция, месть реализуется в двух скриптах, отражающих человеческую внутривидовую конкурентную борьбу и структурирующих общественные отношения; в русском этноязыковом сознании данные скрипты представлены условно-символически – посредством дискурсивных идиом.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.

Гроф С. Холотропное сознание. Пер. с англ. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996.

Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М., 1994.

Делёз Ж. Логика смысла. Пер. с фр. М.: Академия, 1995.

Красных В.В. Концепт «Я» как репрезентант русского культурного пространства // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: Изд-во ЦПО «Центр», 2004.

Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

Монич Ю.В. Проблемы этимологии и семантики ритуализованных действий // Вопр. языкознания. 1988. №1.

Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998.

Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

Уилсон Р. Квантовая психология. М., 1999.

Финкельштейн Э.Б. Проблема бессознательного и фундаментальные принципы физики // Бессознательное. Новочеркасск, 1994.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. Пер. с нем. М.: Наука, 1991.

Шаховский В.И. Словная идиоматика как межкультурный феномен // Известия Волг. гос. пед. ун-та. Серия: филол. науки. 2002. №2.

Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М.; Барнаул, 2003.

Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. Пер. с нем. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994.

Berkowitz L. Frustration-agression hypothesis: Examination and reformulation. *Psychological Bulletin*. 1989. № 106.

Girard R. *La violence et le sacré*. Paris: Grasset, 1972.

Girard R. *Le bouc émissaire*. Paris: Grasset, 1982.

Deleuze G., Guattari F. *Capitalism and Schizophrenia: Anti-Oedipus*. New York: A Richard Seaver Books: The Viking Press, 1977.

Tedeschi J.T. & Felson R.B. *Violence, aggression, and coercive actions*. Washington DC: American Psychological Association, 1994.

Словари и справочники.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.-Л.: АН СССР, 1950-1965.

МАС-2 – Словарь русского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1981-1984.

СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1979.

ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т. М.: Астрель, Аст, 2000.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под. ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978.

ФС – Философский словарь / Под. ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001.

POD – *The Pocket Oxford Dictionary of Current English*. Seventh Edition. Edited by R.E. Allen. Oxford: Clarendon Press, 1984.

Г.В. Елохова (Абакан)

Долг

Одним из содержательных аспектов антропологической лингвистики является проблема «Семантика эгоцентрических категорий и их языковая онтология» (Малинович 1998), в рамках которой рассматриваются вопросы анализа и системного представления семиосферы мира вообще и семиосферы человека во всех модусах его бытия в частности.

Имеется целый ряд работ, в которых авторы представляют широкий спектр описания тех или иных категорий, посвященных различным аспектам бытия человека в языке. Центральное место в системе данных категорий занимают категории, относящиеся к сферам эмоциональной, интеллектуальной и духовной деятельности человека: категория эмоциональной экспрессии (Малинович 1989), категория страха и опасения (Благий 1994), категория соматических состояний (Прожилов 1999), категория желаний (Танков 2004). Исследуется также категория воли (Малинович

2002). Изучается сфера человеческого поведения: категория угрозы и предостережения (Арский 1998). Разработана категория бытия, охватывающая в совокупности все объекты живой и неживой природы (Кикилич 2001). Предметом исследования стала также сфера человеческих действий и отношений: категория обладания (Виноградова 2001), категория отчуждения (Орлянская 2002).

Наряду с исследованиями отдельно взятых категорий в современных лингвистических работах наметилась тенденция изучения семантически сопряженных категорий и концептов, таких как: прекрасное / безобразное (Арская 2001), любовь / ненависть (Борисова 2004), жизнь / смерть (Мишуткина 2005), добро / зло (Пашаева 2005).

Круг отдельно взятых, а также взаимосвязанных категорий и концептов, попавших в поле зрения исследователей, постоянно расширяется. К числу базовых эгоцентрических категорий относится категория долга, содержательная сущность которой представляет один из модусов социального бытия человека.

Долг представляет собой одно из базовых понятий личности и является неотъемлемым атрибутом человеческой цивилизации. Долг неразрывно связан с духовным опытом человека, его поведением и определяет нравственную суть индивидуума. Данное понятие является ключевым термином любой культуры, имеет в любом языке конкретную языковую реализацию.

Понятийный аспект избранной для анализа категории долга находится в фокусе постоянного исследовательского внимания ученых, занимающихся проблемами философии (Кант 1994; Аристотель 1998; Grunper 2000 и др.), психологии (Васильев 2000; Кочетков 2002 и др.), логики (Герасимова 2000 и др.), этики (Hogmann 1969; Гусейнов 1999 и др.) и культурологии (Вебер 1994; Фромм 1995 и др.).

Отдельные аспекты долга обсуждались в лингвистических работах по грамматике (Шендельс 1954; Школина 1971; Дружинина 1986; Engel 1991; Duden 1995), лексикографии (Helbig 1969; Sommerfeldt 1983), прагматике (Polenz 1988; Милосердова 1991; Праслова 2002). На материале немецкого языка рассмотрены в первом приближении основные способы выделения концептуальных признаков долга (Бабаева 2003).

Анализ специальной литературы по исследуемой теме дает основание утверждать, что понятие долга обсуждалось преимущественно в трудах отечественных лингвистов в рамках тезисов или отдельных статей. Так, например, с помощью лексикографического анализа выделены основные свойства лексемы *долг* и

описана внеязыковая ситуация, к которой применима данная лексема (Кошелев 2002). Понятие долга исследовалось на семантико-прагматическом уровне в связи с анализом употребления основных предикатов деонтического долженствования (Кобозева 1991). Соотношение понятий долга и обязанности рассматривалось на основе анализа метафорических представлений носителей русского языка (Шмелев 2003). Определены параметры, позволяющие уточнить место долга среди других показателей деонтического долженствования; описаны наивно-языковые представления о данном понятии, реконструируемые из употребления слова *долг* (Булыгина 1991).

Таким образом, даже этот далеко не полный обзор известных лингвистических работ свидетельствует о том, что долг выделялся в качестве объекта исследования в основном на материале русского языка. Некоторые аспекты данной категории рассматривались на материале немецкого языка в связи с другими вопросами. Насколько нам известно, отсутствуют монографические исследования, посвященные избранной для исследования проблеме. Необходимость анализа и системного представления категории долга и ее актуализации в современном немецком языке предопределили выбор темы исследования, его цель и задачи.

Целью настоящего исследования является раскрытие понятийной онтологии категории долга, выявление языковых средств, репрезентирующих данную категорию и их системное описание в современном немецком языке.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- определить положение категории долга в системе эгоцентрических категорий;
- выделить основные и второстепенные признаки категории долга;
- отграничить категорию долга от смежной эгоцентрической категории долженствования;
- раскрыть содержание категории *Pflicht*;
- выявить систему языковых средств разноуровневой принадлежности, актуализирующих категорию *Pflicht* в современном немецком языке.

Традиционно категория долга является предметом исследования различных школ и направлений философской этики. Поэтому для выделения характеристик в понятийном содержании категории долга важным и интересным будет обращение к вопросам

функционирования данного понятия в этико-философском дискурсе.

Начало теоретического осмысления долга восходит к трудам Аристотеля (1998). Античный ученый нередко пользовался словами «деон» (букв. – насильственное опутывание) и «катэкон» (букв. – надлежащий) для описания правильных (должных) действий. Как этическое понятие долг впервые встречается в учении Цицерона (1975) о моральной квалификации многообразия конкретных обязанностей человека, вытекающих из государственных, частных, домашних, служебных и иных аспектов его жизни. В дальнейшем каждая историческая эпоха имела свои специфические черты в восприятии и отражении долга. Как правило, каждый из ученых, занимавшихся проблемой долга, привносил в содержание данного понятия свои коррективы. Так, например, в зависимости от понимания обязанностей, лежащих на человеке, а также от разнообразия целей в его поступках и действиях, долг трактовался как исполнение божественных велений (Амвросий), как согласование индивидуальных интересов (Милль), как собственная воля к власти (Ницше) или как волевое стремление к ценности (Шелер), как подчинение человека обществу (Спенсер) (ФЭС 1989; КФС 2002).

Анализ дефиниций, которые предлагаются философией и этикой для такого понятия как долг, показывает, что в существующих определениях возможно выделить общую доминанту, важным объединяющим моментом которой является связь с нравственной необходимостью.

На основе проанализированных дефиниций долга необходимо выделить следующие существенные характеристики данного понятия, проявляющиеся при его функционировании в этико-философском дискурсе:

- императивность: выполнение нравственной необходимости вменяется в обязательство;

- обоснованность нравственной необходимости с точки зрения морали, права;

- неоднозначное отношение человека к долгу: его выполнение может стать внутренней задачей (действия сообразно долгу) или может восприниматься как нравственная обязанность (действия ради долга);

- объектом регулирования выступает внешний аспект деятельности человека: его поступки, действия, поведение.

Наиболее часто в этико-философском дискурсе нравственный долг обсуждается в соотношении с понятиями «совесть», «воля», «социализация личности», «нравственный выбор», «ответствен-

ность», «нравственная оценка» и «автономия личности». Необходимо отметить, что между долгом и перечисленными понятиями не существует четких границ.

В ходе настоящего исследования установлено, что общим основанием для понятий долга и долженствования является реализация человеческой бытийной активности в конкретных поступках. Как известно, поступок человека получает положительную или отрицательную оценку в социуме. Понятия долга и долженствования относятся к внутреннему бытию человека, который является непосредственно ненаблюдаемым, поэтому всю информацию о должном поведении человека возможно получить лишь по внешним проявлениям, то есть благодаря лишь каким-либо поступкам. В связи с этим метаязыком эгоцентрических категорий долга и долженствования в человеческой бытийной активности является конкретный поступок со знаком «+» или «-».

Категория долга в качестве определенного семантически значимого категориального признака имеет смысловую доминанту, что позволяет очертить смысловое пространство данной категории, отграничив ее от онтологически и семантически смежной категории долженствования. В ходе исследования в смысловой доминанте категории долга были выделены основные и второстепенные (семантические) дистинктивные признаки. К основным дистинктивным признакам смысловой доминанты долга относятся: моральная норма; отсутствие цели; отсутствие временного статуса; осознание человеческой бытийной активности как четко выраженный нравственный конфликт между данным «я хочу» и заданным «я должен». Второстепенными дистинктивными признаками смысловой доминанты данной категории являются: внутренняя необходимость совершения поступка; реализация значения с помощью глагола *müssen* в первом лице единственного числа; субъект действия является активным; апеллирует к разуму, сознанию человека.

Прояснению понятийной онтологии категории долга способствовали также языковые данные. Исследование, проведенное на основе анализа достаточно репрезентативного фактологического материала показало, что содержание категории *Pflicht* включает в себя понятийную и образную составляющие, которые актуализируются в современном немецком языке с помощью определенных языковых средств.

Для составления общего представления о понятийном содержании категории *Pflicht* были изучены словарные дефиниции, определяющие данное понятие, и выявлены базисные семантические компоненты. Сопоставительный анализ девяти толковых и

энциклопедических немецкоязычных словарей, изданных в период с 1910 по 1999 годы, показал, что из зафиксированных двадцати трех значений слова *Pflicht* базовыми являются значения: «*Obliegenheit*» (служебный долг, обязанности), «*Aufgabe*» (задача) и «*Tun*» (деятельность). Данные семантические компоненты позволяют установить мотивированную связь между всеми значениями слова *Pflicht*.

Сопоставительный анализ словарных дефиниций *Pflicht* позволяет утверждать, что объём значений данного слова менялся с течением времени. Это отражают словарные дефиниции, которые фиксируют современные энциклопедические и толковые словари: Brockhaus 1984, Duden 1996, Wahrig 1997, Langenscheidt 1998. Прямое значение *Pflicht* современные словари немецкого языка определяют как «*die sittliche oder dienstliche Aufgabe*». Значения слова *Pflicht*, касающиеся сфер спорта и права, фиксируются словарями лишь в новейшее время. Более ранние немецкие словари (Sanders 1910) не отмечают вышеуказанных значений слова *Pflicht*.

В связи с тем, что словарные данные не дают исчерпывающей информации о семантической наполняемости понятийного содержания категории *Pflicht*, был проведен анализ этимологии и деривационного поля данного слова.

Этимологический анализ слова *Pflicht* позволил проследить эволюцию данного слова. В ходе настоящего исследования установлено, что внутренней формой лексемы *Pflicht* является «предмет заботы и постоянного ухода». Это еще раз подчеркивает важность действий, соотносимых с понятием долга.

Общий объём собранного языкового материала составил 154 различных композитов и производных слова *Pflicht*. Анализ деривационного поля слова *Pflicht* выявил помимо правового и этического, также культурный и деятельностный аспекты актуализации данного понятия в современном немецком языке. Установлено, что *Pflicht* имеет высокий этический статус, ему предписывается важная роль в процессах правового функционирования.

1. Правовой аспект актуализации понятия *Pflicht* в современном немецком языке.

В ходе настоящего исследования выявлены следующие дериваты слова *Pflicht* для обозначения таких сфер общественных отношений, регулируемых конституционным правом на основе метода обязывания, как:

- страхование: *Pflichtversicherung*, *pflichtversichert*, *versicherungspflichtig*, *sozialversicherungspflichtig*, *Pflichtleistung*, *Haftpflichtversicherung*, *anzeigepflichtig*, *wartepflichtig*;

- частная собственность и её наследование: Pflichterbe, Pflichtteil, Pflichtteilsrecht, Pflichtteilsunwürdigkeit, Pflichtteilsberechtigte, Pflichtteilsentziehung, Pflichtteilsansprüche, Pflichtteilsergänzungsanspruch;

- судебное производство: Pflichtanwalt, Pflichtverteidiger, Pflichtverteidigung;

- налоги, сборы и пошлины: Pflichtige, Pflichtbeitrag, Pflichtabführung, zollpflichtig, Pflichtabgabe, steuerpflichtig, einkommenssteuerpflichtig, abgabepflichtig, gebührenpflichtig, portopflichtig, meldepflichtig, Zahlungspflichtige, zahlungspflichtig, Unterhaltspflichtige;

- сельское хозяйство: Pflichtlieferungen, Pflichtablieferung;

- финансы: rechenschaftspflichtig, Pflichtlagerkredit, Pflichtreserve, Pflichtgrenze, Pflichtumtausch, Pflichteinlage, Pflichtprüfung, Pflichtschenkung, Pflichtausgabe;

- контроль за общественными отношениями, урегулированными конституцией: aufsichtspflichtig;

- транспорт: Pflichtangelobung;

- медицина: rezeptpflichtig, Pflichtangaben.

Такие области общественного сознания, как образование (Pflichtfach, Pflichtgegenstand, Pflichtstunde, Pflichtschule, Pflichtschuljahr, Pflichtvorlesung, Pflichtunterricht, schulpflichtig, Pflichtlektüre, Pflichtkonsultation, Pflichtzeit) и художественное наследие (Pflichtexemplar, Pflichtstück, Pflichteindruck) регулируются конституционным правом в наименьшей мере по сравнению с другими подсистемами общественного строя, так как речь идёт по существу о внутреннем мире человека. Задача государства и конституционного права сводится здесь к тому, чтобы обеспечить наилучшие условия для развития личности человека.

2. Деятельностный аспект актуализации понятия Pflicht в современном немецком языке.

На основе анализа данных словарных статей обнаружен ряд производных слова Pflicht, которые служат описанию таких моментов, связанных с процессом трудовой деятельности, как:

- организация труда Pflichtsoll, Pflichtaufgabe, Pflichtarbeit;

- профессиональные объединения: Pflichtinnung, Pflichtmitglied, с которыми ассоциируются такие понятия, как честь и заслуга, соревнование;

- право на труд: Pflichteinstellung, Pflichtplatz.

Деятельностный аспект актуализации понятия Pflicht в современном немецком языке связан с особенностями протестантской религии. Согласно трудам социолога религии М. Вебера (1994), немецкий социум традиционно был нацелен на создание матери-

альных благ. Стремление к ним активно и безуспешно поощрялось, в частности, протестантской церковью.

Религиозные корни долга, претерпев со временем ряд превращений, стали идеологией профессионального долга. Об этом свидетельствует анализ словарных дефиниций слова *Pflicht*. Так, сема «профессиональный долг» эксплицирована в прямом значении слова *Pflicht*: «*sittliche oder dienstliche Aufgabe*» и имплицитно присутствует в дефинициях переносных значений слова *Pflicht*: «*die Pflicht ruft*», то есть мне нужно на работу, на службу; какая-то работа, задача ждёт непосредственно выполнения; «*j-n in Pflicht nehmen*», то есть назначить кого-либо на службу.

3. Культурный аспект актуализации понятия *Pflicht* в современном немецком языке.

Анализ словарных статей выявил небольшое количество производных слова *Pflicht*, которые относятся к области физической культуры: *Pflichtübung*, *Pflichtkür*, *Pflichtlaufen*, *Pflichtläufer*, *Pflichtläuferin*, *Pflichtfigur*, *Pflichttanz*.

Обозначение *Pflichtübung* появилось в 1960 году, когда немецкое телевидение начало транслировать полюбившиеся спортивные соревнования по фигурному катанию. Под ним понимают упражнения, которые все участники соревнования обязаны выполнить одинаково.

Следует отметить, что в словаре *Kürper* (1987) отмечено ещё несколько сфер жизни немецкого человека, в которых актуализируется производное *Pflichtübung*. Это:

- 1) школьные задания, с 1965 года;
- 2) неизбежная обыденная работа, с 1965 года;
- 3) визит вежливости, с 1965 года;
- 4) половые отношения между супругами, с 1960 года;
- 5) посещение церкви, с 1965 года;
- 6) участие в выборах, с 1975 года;
- 7) экскурсия по городу, проводимая туристическим агентством, с 1977 года;
- 8) вошедшее в привычку у человека выражение недовольства, с 1965 года.

4. Этический аспект актуализации понятия *Pflicht* в современном немецком языке.

Большая часть дериватов, указывающих на актуализацию *Pflicht*, имеет этическую направленность: *Pflichtethik*, *Gegenpflicht*, *Pflichtmensch*, *Pflichtbesuch*, *Pflichtgebot*, *Pflichtforderung*, *Pflichtwille*, *Pflichterfüllung*, *Pflichtbewusstsein*, *Pflichtgefühl*, *Pflichteifrigkeit*, *Pflichteifer*, *Pflichttreu*, *Pflichten*, *Pflichtenkreis*, *Verpflichtung*, *Selbstverpflichtung*; *pflichterfüllt*, *pflichtbewusst*, *pflichteifrig*, *pflicht(ge)treu*,

pflichtgemäss, pflichtschuldig(st), pflichtmässig, pflichtverbunden, verpflichtend; verpflichten, verpflichtet sein.

Лишь незначительное количество производных слова Pflicht, актуализирующих этический аспект, имеет отрицательную семантику: Pflichtverletzung, Pflichtverfehlung, Pflichtverweigerung, Pflichtvergessenheit, Pflichtversäumnis, Pflichtvernachlässigung; pflichtwidrig, pflichtbrüchig, pflichtvergessen, pflicht(en)frei, pflicht(en)los. Из этого следует, что в современном немецком языке характерна в основном положительная оценка человека в связи с его долгом.

Анализ словарных данных не дает исчерпывающей информации о понятийном объеме категории Pflicht. Одним из наиболее глубоких и детальных способов исследования понятийного содержания данной категории является анализ лексической сочетаемости слова Pflicht.

Изученный фактологический материал позволил проанализировать 136 глагольных сочетаний Pflicht. В ходе исследования были выявлены следующие представления о Pflicht:

1. Персонификация Pflicht:

Pflicht – «человек»: die Pflicht ruft, mahnt, gemahnt mich;

Pflicht – «высшее существо»: zur Pflicht anrufen;

социальные отношения и социальный статус:

сверху – Pflicht – «господин»: seiner Pflicht dienen; der Pflicht genügen, gehorchen; seiner Pflicht folgen, nachgehen, nachkommen;

Pflicht – «начальник»: die Pflicht fordert, gebietet, erheischt, heischt, befiehlt, verlangt, will, gönnt (mir keine Ruhe), gestattet, erlaubt (mir nicht);

снизу – Pflicht – «раб»: die Pflicht beherrschen;

Pflicht – «уборщик»: die Pflicht bringt die Sache wieder in Ordnung;

Pflicht – «охотник»: treibt, jagt mich;

Pflicht – «освободитель»: die Pflicht macht (innerlich) frei;

Pflicht – «угнетатель, мучитель»: die Pflicht quält, zermüht, lässt mich nicht zur Besinnung kommen, hält mich in Atem, belastet, bedrückt.

2. Овеществление Pflicht:

Pflicht – «ноша»: die Pflicht auf sich nehmen; j-m die Pflicht auferlegen; die Pflicht übertragen, herantragen, aufbürden, erlegen, auf andere abwälzen; die Pflicht liegt mir auf der Seele, in j-s Händen, ruht auf den Schultern; die Pflicht aufhalsen; in die Pflicht nehmen;

Pflicht – «орудие»: zur Pflicht machen;

Pflicht – «зеркало»: die Pflicht widerspiegelt;

Pflicht – «помещение»: in der Pflicht stehen; in der Pflicht sein, halten.

3. Формы существования Pflicht:

Pflicht – «внутренний мир человека»: sich seiner Pflicht bewusst sein; die Pflicht empfinden;

Pflicht – «физические / материальные ресурсы»: die Pflicht erfüllen;

Pflicht – «предмет изучения»: die Pflicht lehren, beibringen; die Pflicht einschärfen;

Pflicht – «поведение (в определённой ситуации)»: gegen die Pflicht handeln; seiner Pflicht zuwiderhandeln; gegen die Pflicht verstossen;

Pflicht – «закон»: die Pflicht in / ausser Kraft setzen; die Pflicht vernachlässigen, verletzen, brechen, umgehen, verweigern;

Pflicht – «тренировка»: die Pflicht üben;

Pflicht – «плата»: die Pflicht zahlen;

Pflicht – «присяга; служба»: in Pflicht nehmen; in Eid und Pflicht nehmen;

Pflicht – «движение»: die Pflicht zuschieben; die Pflicht hinaus-schieben; die Pflicht zukommen;

Pflicht – «индивидуальное представление, понимание»: etw. als seine Pflicht ansehen, betrachten, erachten;

Pflicht – «согласие / противоречие»: mit der Pflicht vereinbaren, in Widerspruch stehen;

Pflicht – «источник существования»: der Pflicht leben;

Pflicht – «приятное средство»: die Pflicht beglückt, befriedigt;

Pflicht – «обоснование»: die Pflicht begründen;

Pflicht – «поле зрения»: Pflicht in Sicht haben.

4. Геометрические тела Pflicht:

Pflicht – «начальная точка»: von Pflicht anlaufen.

Таким образом, анализ глагольных сочетаний позволил получить наиболее полное и глубокое представление о Pflicht, закреплённое в современном немецком языке. Как видно, глагольные сочетания раскрывают разные роли Pflicht в жизни немца. Можно видеть примеры персонификации, когда Pflicht «надевает» на себя разные маски: господина, начальника, охотника и т. д. Это происходит из-за того, что Pflicht сочетается с глаголами, которые, имея в своей структуре семы «активность», «одушевлённость», уподобляют Pflicht «людям». К тому же, в данных контекстах слово Pflicht выполняет функцию агенса, что само по себе уже показательно. Судя по проанализированному материалу, Pflicht оценивается носителями немецкого языка чаще положительно. Наглядное существование Pflicht в современном немецком языке может быть также геометрическим. Например, Pflicht,

как абстрактная сущность, создаётся таким геометрическим телом, как точка.

Однако чаще всего Pflicht выполняет роль объекта, который претерпевает над собой действие: die Pflicht auffassen; es mit der Pflicht nicht so genau nehmen; die Pflicht leisten, ausüben, vollbringen; die Pflicht vollführen, durchführen; j-n von seiner Pflicht los- / ledigsprechen; von der Pflicht befreien; sich der Pflicht entledigen; j-n von seiner Pflicht entbinden; sich seiner Pflicht entziehen; sich einer Pflicht unterziehen; j-n seiner Pflicht entheben; sich über seine Pflicht hinwegsetzen; die Pflicht zurückstehen; die Pflicht eintreten; seine Pflicht antreten; zur Pflicht bleiben.

Pflicht – объект, судя по контекстным данным, может быть предметом симпатии: die Pflicht lieben, guteissen, anerkennen или антипатии: die Pflicht hassen, ver / mißachten; предметом внимания: die Pflicht kennen, erkennen, sehen, beobachten, berücksichtigen, sich an die Pflicht erinnern / besinnen; ihn an seine Pflicht gemahnen или игнорирования: die Pflicht verleugnen, verkennen, ignorieren; die Pflicht vergessen, versäumen, verfehlen; an seine Pflicht nicht denken.

Как видно, глагольные сочетания представляют собой инвариантные формы актуализации Pflicht, которые не складываются в единую картину, а даже иногда противоречат друг другу. Как известно, содержание данного понятия теснейшим образом связано с господствующим в немецком обществе мировоззрением, а оно может радикально меняться на протяжении жизни одного поколения. В результате носители немецкого языка могут иметь в данную эпоху разное представление об этом понятии.

Множество значений слова Pflicht выявляют его атрибуты. Анализ лексической сочетаемости слова Pflicht, его атрибутов, подтвердил выявленную в процессе анализа глагольных метафор персонификацию Pflicht. При этом Pflicht приписываются качества человека: liebe, traurige, böse, angenehme, unangenehme, unbarmherzige, ernste, strenge, harte, verdammte, verfluchte.

Современный немецкий язык предъявляет следующий набор стандартных атрибутов Pflicht: verbundene, heilige, besondere, ansprechende, verunglückte, vordringliche, unerbittliche, unverletzliche, tägliche, gewohnte, gleichbleibende, wechselnde, verschiedene, unbedeutende, drückende, lästige, quälende, zermürbende, unerträgliche, selbstverständliche usw. Pflicht представляет собой не только абстрактную сущность, но и явление, доступное нашему восприятию и ассоциируется с такими фрагментами действительности, как Номер: die erste, letzte Pflicht; Вес: die schwere, gewichtige, leichte Pflicht; Размер: die große, hohe, kleine Pflicht; Объём: die

weitgehende, umfassende, volle Pflicht; Время: die begonnene Pflicht.

Pflicht сочетается с различными существительными: Stimme der Pflicht, Ruf der Pflicht, in den Schranken der Pflicht, Freude der Pflicht, Ausübung der Pflicht, Erfahrungen mit der Pflicht, Zeugnis meiner Pflicht, Gefühl der Pflicht, Erfüllung der Pflicht. Pflicht предстает в них как голос, радость, как барьер, который нужно преодолеть.

Таким образом, анализ лексической сочетаемости слова Pflicht позволил выявить цепь представлений о данной понятийной сущности, актуализируемой в современном немецком языке.

Результаты данной части исследования указывают на то, что категория Pflicht является одним из определяющих феноменов и ценностных ориентиров в сознании представителей немецкого этноса и во многом определяет их мышление и поведение, что находит своё отражение в языке.

Являясь иерархически организованной, категория долга имеет определенную структуру. Структура данной категории определяется на основе экспликации и систематизации элементов ее понятийной и языковой онтологии.

Языковая онтология категории Pflicht регистрируется на основе анализа и систематизации языковых средств её выражения. Анализ лингвистической литературы показывает, что семантические и грамматические исследования, посвященные понятию долга, не дают комплексного описания системы языковых средств выражения данного понятия. Комплексность описания может быть достигнута при рассмотрении языковых проявлений данной категории на прагматическом, семантическом и грамматическом уровнях.

Языковые средства, служащие для выражения категории Pflicht, отражаются на разных уровнях: морфологическом, лексическом и синтаксическом.

На лексическом уровне для актуализации категории Pflicht преимущественно используются следующие средства:

1) имена существительные с общим лексическим значением «долг, обязанность (обязательство, вытекающее из требований морали, общества, закона, профессии и т. п. или возникшее в силу каких-либо внешних обстоятельств)»: die Pflicht, die Verpflichtung, die Schuldigkeit, die Obliegenheit, die Verbindlichkeit, die Schuld.

Monsignore Tamburini fühlte die *Verpflichtung*, der Herzogin für die starken Summen, die sie den revolutionären Umtrieben der dalmatini-

schen Geistlichkeit widmete, hie und da eine Genugtuung zu gönnen (Mann).

«Ich gebe dich nicht frei, trotz allem. Du bist der Mann, der mich lieben muss. Du bist in meiner *Schuld!*» (Mann).

Сюда же следует отнести лексические единицы (существительные) с имплицированной семой «Pflicht»: die Aufgabe, das Amt, der Dienst, die Arbeit.

Hannchen von Mühlensiefen und Heinrich Schön... überliessen sich dem, was Brautleute für ihre *Aufgabe* halten (Hermann);

2) глагольные предикаты с общим лексическим значением «быть должным, обязанным»: müssen, sollen, verpflichten, sich verpflichten, obliegen, schulden; verpflichtet, schuldig sein (werden), а также глагольные сочетания типа die Pflicht haben, j-s Pflicht sein, die Verpflichtung haben, die Schuld haben, die Obliegenheit haben.

Meine Tätigkeit als Sicherheitsinspektor des Baukombinats Dobbertin *verpflichtete* mich zu Objektivität, Wachsamkeit und strengster Kontrolle (Panitz).

«... und zum Schluss *muss* die Regierung, damit man ihren guten Willen sieht, ihm einen Orden geben» (Mann).

Als *wäre es deine Pflicht*, sie, diese drei wenigstens, zusammenzuführen, dass sie einander begegnen, die zufällig und vielleicht nur dieses eine Mal in einem Bus sitzen, hintereinander, so dass sie sich nicht sehen können (Wolf);

3) имена прилагательные, например: pflichtig, verbindlich, verpflichtend, obligatorisch с общим лексическим значением «должный, обязательный».

Fritz Wussagks, des Roten Kommandanten, Hochzeit spaltete die Bevölkerung der fünf Dörfer, die ihm *tributpflichtig* waren, in zwei Lager: in die wütenden Bauern und die lachenden Flüchtlinge (Wolf).

Семантическая связь между данными лексемами, выделенными в первом приближении, была установлена на основе анализа дефиниций в толковых и энциклопедических словарях, а также анализа фактологического материала. Показателем этой связи считается наличие в толкованиях лексем общих элементов.

К лексическим средствам интенсификации выражения значения Pflicht относятся также частицы и модальные слова, входящие в структуру предложения. В рамках настоящего исследования были выделены модальные слова и частицы: а) подтверждающего характера: eben, also, nun, nun mal, nun also, tatsächlich, natürlich, selbstverständlich, zweifellos, wahrlich; б) усиливающего/подчеркивающего характера: aber, aber auch ja, ja aber auch, nun aber auch, aber bloss, bloss, doch, doch aber, doch bloss, doch ja, doch endlich, durchaus ja, ja auch, ja aber auch, mal, nun, nun

aber auch, nur; überhaupt, bestimmt, unbedingt, wirklich, sicher, jedenfalls, tatsächlich, gewiss; в) смягчающего характера: mal, doch mal, eben mal, vielleicht, wohl, schon, nur (unbetont), eben, etwa; г) в случае отрицания необходимости: gar, überhaupt, keinesfalls, keineswegs.

К грамматическим средствам реализации категории Pflicht относятся:

- формы настоящего (Präsens), прошедшего (Perfekt), будущего (Fututum I) времен; формы сослагательного (Konjunktiv) и повелительного (Imperativ) наклонений; именные формы (Partizip II, сложные формы инфинитива в сочетании с другими глаголами);

- псевдопридаточные предложения с союзом dass, инфинитивные предложения, предложения операционального предпочтения;

- модальные конструкции: haben + zu + Infinitiv, sein + zu + Infinitiv, brauchen + nicht + zu + Infinitiv, dürfen + nicht + Infinitiv, lassen + Akkusativ + Infinitiv;

- некоторые синтаксические конструкции: es gibt + zu + Infinitiv, es bleibt + zu + Infinitiv, es bleibt jmdm. nichts (anderes) übrig als + zu + Infinitiv, es steht + zu + Infinitiv, nicht umhinkönnen + zu + Infinitiv.

Для систематизации разноуровневых языковых средств выражения категории Pflicht оптимальным представляется использование теоретической модели функциональной грамматики. Согласно этой модели семантическая категория, реализуясь в языковой системе, адекватно фиксируется в форме функционально-семантического поля (ФСП).

Для лексем, формирующих ФСП Pflicht, общим инвариантным признаком является понятие «sittliche oder dienstliche Anforderung». Синонимический ряд с общим смысловым компонентом Pflicht, по данным энциклопедических словарей и словарей синонимов немецкого языка, включает 174 лексических единиц, которые объединяются в семантические группы. Для определения степени семантической близости применялся метод компонентного анализа.

ФСП Pflicht представляет собой иерархическую структуру, состоящую из ядра, ближней и дальней периферии.

Критериями отнесения языковых единиц к ядру ФСП Pflicht являются лексикографическая идентификация значения Pflicht у слова / сочетания в качестве основного, высокая частотность употребления, стилистическая маркированность единицы как нейтральной. Критериями отнесения языковых единиц к ближней и дальней периферии ФСП Pflicht являются: неоднозначное выражение значения Pflicht; низкая частотность употребления, сти-

листическая маркированность единицы как разговорного или высокого стиля.

Анализ лексических единиц, составляющих ФСП *Pflicht*, осуществлялся на двух уровнях: синтагматическом (анализ сочетаемостей и дистрибуций лексических единиц, входящих в состав поля) и парадигматическом (анализ синонимических отношений внутри поля). Метод дистрибутивного анализа лексических единиц позволил более подробно провести классификацию понятия *Pflicht*.

Ядерными элементами ФСП *Pflicht* являются такие языковые единицы как *die Pflicht, die Verpflichtung, die Obliegenheit, müssen, obliegen, verpflichtet sein*, ближайшими к ним единицами являются *die Schuldigkeit, die Aufgabe, die Verbindlichkeit, die Schuld; verpflichten, sollen, sich verpflichten; verbindlich, verpflichtend*.

Существительные, относящиеся к ядру ФСП *Pflicht*, группируются вокруг леммы *Pflicht*.

Значение леммы *Pflicht* «долг» следует отличать от *Pflicht / Pflichten* «обязанность / обязанности». Анализ словарных данных, а также анализ фактологического материала показывает, что слова *Pflicht* (*Singularia tantum*) и *Pflicht / Pflichten* имеют различия в языковом поведении, что может служить свидетельством различий фрагментов действительности обозначаемых ими. (На материале русского языка на различие в языковом поведении слов *долг* и *обязанность* указано в работах Т.В.Булыгиной (1991), А.Д.Шмелева (2000).

Прежде всего, долг – это моральная, а обязанность – социальная норма. Обязанность – нечто условное, определяемое социальными конвенциями, связанное с местом в социальной структуре.

Pflicht (*Singularia tantum*) может быть только *конкретным*: *konkrete Pflicht*. Анализ словарных данных выявил разные аспекты *Pflicht*: *die Pflicht des Soldaten; die Pflicht des Staatsbürgers, des Funktionärs; die Pflicht dem Kranken gegenüber; die Pflicht den Eltern gegenüber; die Pflicht der Gesellschaft, dem Vaterland gegenüber; die Pflicht gegenüber der Natur; die Pflicht des Einzelnen gegenüber sich selbst* и т.д.

Pflicht / Pflichten, возложенные на человека, могут быть *одинаковыми для всех* (*gleiche Pflichten*), *взаимными* (*Gegenpflicht*), *всеобщими* (*allgemeine Pflicht*), *всеобще признанными* (*allgemein anerkannte Pflicht*). Или это может быть целый *круг обязанностей*: ... er hatte die Verantwortung auch an diesem Tag gespürt, den er sich auserwählt hatte, um aus dem *Kreis seiner Pflichten* und Ge-

wohnheiten auszubrechen – aus welchem Grund auch immer (Panitz).

Виды обязанностей, выделенные в немецких лексикографических источниках, можно объединить в три большие группы. Это:

- служебные обязанности: die Amts~, Berufs~, Dienst~, Militär~, Wehr~, Anwalts~, Hausfrauen~, Kaufmannspflichten и т.д.;

- обязанности, возложенные законом: die Bürger~, Eides~, Ehe~, Erziehungs~, Haft~, Melde~, Vorschul~, Schul~, Steuer~, Eintrags~, Unterhalts~, Versicherungs~, Sorge~, Renten~, Schutz~, Aufsichtspflicht и т.д.;

- гуманно-нравственные обязанности: die Dankes~, Ehren~, Treue~, Gewissens~, Schweige~, Gehorsams~, Sorgfalts~, Bruder~, Freundes~, Gatten~, Kindes~, Mutter~, Vater~, Verwandten~, Sohnespflicht и т.д.

Pflicht/Pflichten *возлагаются* на человека или *принимаются* им: Pflichten auferlegen, übernehmen. «Auch das. Oh, ich könnte viel erzählen. Das heisst, ich sage nichts – weil es verboten ist. Amtlich darf ich nichts sagen. Ein Extragehalt, das Euere Hoheit mir aussetzen würden, würde mir dagegen *ausseramtliche Pflichten auferlegen*» (Mann).

Pflicht (Singularia tantum), в отличие от Pflicht / Pflichten, нельзя *принять на себя*: Pflichten auf sich nehmen. Можно *счесть* что-то своим долгом (etw. für / als seine Pflicht halten) или *рассматривать* что-то как свой долг (etw. als seine Pflicht ansehen / betrachten). Можно *отрицать наличие обязанностей*, но не долга: «...merkst du nicht, dass man dich los sein will? Da hast du Geld, nun geh. *Du hast weiter keine Pflichten*, als manchmal unter meinen Fenstern vorbeizuspazieren. Deiner Bart wirst du vorher abschneiden» (Mann). Наличие у всякого человека долга, как бы, разумеется, само собою.

Pflicht (Singularia tantum) важно *осознавать* (Pflichtbewusstsein): «Hannchen, vergiss dich nicht! " rief die Frau Rätin, die sich gerade, *ihrer Mutterpflicht bewusst*, umgewandt hatte. Du bist hier weder allein noch fremd» (Hermann) или *чувствовать* (Pflichtgefühl), прислушиваться к его *голосу* (dem Ruf der Pflicht folgen). Pflicht / Pflichten надо просто уточнить; определить, что входит в их число: es gehört zu seinen Pflichten, Haus abzuschliessen (Duden 1996).

Выполнение долга всегда претендует на безусловность: seine Pflicht erfüllen. Об этом свидетельствует семантика глагола erfüllen «выполнять что-либо полностью, окончательно»: « Der Spitzel handelte also in gutem Glauben, das wollen Sie doch sagen, wie?» –

«Vielleicht. Vielleicht *erfüllte er seine Pflicht*, eine bittere Pflicht, zugeben» (Weisenborn). Выполнение долга предполагает согласие с теми *требованиями* (Pflichtforderung), которые содержатся в *повелениях* долга (Pflichtgebot): Denn wie sollten Sie das Gebot: *Du sollst nicht töten, oder die Forderung: Liebe deinen Nächsten wie dich selbst!* vereinbaren mit der Lehre von der Minderwertigkeit der anderen? (Wolf). При выполнении долга человек действует в соответствии со своей *совестью*: nach Pflicht und Gewissen handeln.

Обязанности также *подлежат безусловному исполнению*: Pflicht / Pflichten erfüllen. Важно, выполняет ли человек свои обязанности *добросовестно*: Erfüllt er seine Pflichten gewissenhaft? (Deutsch-russisches Satzlexikon 1985).

Однако в отличие от долга, человек может относиться к выполнению своих обязанностей *легкомысленно, небрежно*: Pflichten leicht nehmen; du entledigst dich deiner Pflichten sehr nachlässig (Duden 1996). Он может *отказаться* от выполнения обязанностей (die ehelichen Pflichten verweigern), *игнорировать* их (er kümmert sich nicht um seine Pflichten) (Deutsch-russisches Satzlexikon 1985).

Ближняя и дальняя периферия ФСП Pflicht включает в себя разноуровневые языковые единицы, потенциально приспособленные для выражения категории Pflicht. Многие из предложенных единиц объединяются в семантические подгруппы.

К ближней периферии ФСП относятся несколько групп глагольных предикатов.

1. Предикаты с общим значением «приказывать»: befehlen; vorgeschrieben, auferlegt sein.

2. Предикаты с общим значением «требовать»: verlangt, gefordert sein; verlangen, fordern.

3. Предикаты с общим значением «быть вынужденным»: gezwungen, genötigt sein.

4. Предикаты с общим значением «быть нужным»: nötig, notwendig sein.

5. Предикаты с общим значением «быть приличным»: sich gehören, (sich) gebühren, (sich) geziemen.

На дальней периферии находятся группа глагольных предикатов:

1) с общим значением «отвечать за кого-либо, за что-либо»: einstehen, bürgen, haften;

2) с общим значением «принимать на работу»: anstellen, einstellen;

3) с общим значением «обещать»: zusagen, (an)geloben;

4) с общим значением «поручать»: anweisen, betrauen;

5) с общим значением «принуждать, заставлять»: veranlassen, bemüssigen, bedeuten.

6) с общим значением «давать клятву»: vereidigen, beschwören;

7) с общим значением «навязывать (против воли)»: aufdrängen, aufnötigen, aufhalsen;

8) с общим значением «быть твердо установленным»: festgesetzt, festgelegt sein.

Кроме глагольных предикатов, ближнюю и дальнюю периферию ФСП Pflicht составляют имена существительные.

К ближней периферии рассматриваемого ФСП относятся группы имен существительных:

1) с общим значением «закон»: das Gesetz, die Bestimmung, das Recht;

2) с общим значением «служба»: der Dienst, das Amt, das Geschäft;

3) с общим значением «приказ»: der Auftrag, das Gebot;

4) с общим значением «назначение»: die Mission, der Beruf;

5) с общим значением «необходимость»: der Zwang, das Muss, die Notwendigkeit;

6) с общим значением «деятельность, работа»: die Arbeit, die Funktion;

7) с общим значением «плановая задача»: der Plan, das Soll.

В дальнюю периферию ФСП Pflicht входят имена существительные, многие из которых объединяются в семантические подгруппы. Например:

1) этико – философские термины: der Glaubenssatz, die Maxime, das Postulat, die Moralphilosophie, die Tugendlehre, die Ethik, kategorischer Imperativ;

2) лексические единицы, обозначающие положительные качества человека: die Gewissenhaftigkeit, die Treue, der Eifer;

3) лексические единицы, обозначающие компоненты морального сознания: das Gewissen, die Befriedigung, der Wille, das Pflichtgefühl, das Pflichtbewusstsein, die Sittlichkeit, der Anstand, die Einsicht;

4) лексические единицы с общим значением «задание»: die Herausforderung, das Problem, die Übung, das Tagewerk, die Arbeitsnorm;

5) лексические единицы с общим значением «долговое обязательство»: die Rückstand, die Obligation;

6) лексические единицы с общим значением: «выполнение»: die Verrichtung, die Leistung, die Ausführung, die Durchführung.

Также к ближней и дальней периферии относятся альтернативные имена для Pflicht.

1. Pflicht – Joch, Fron, Schinderei.

Pflicht ассоциируется с рабством, которое делает человека не-свободным, зависимым.

2. Pflicht – Bande.

Pflicht – это оковы, которые ограничивают человека в действиях, его поступках.

3. Pflicht – Beschwerde.

Pflicht понимается как затруднение, трудность. Человек трудности преодолевает, устраняет или закрывает на них глаза.

4. Pflicht – Plackerei, Tretmühle.

Pflicht представляется как будничная суета, хлопоты.

5. Pflicht – Last, Bürde.

Pflicht представляется как обуза (тяжкая ноша, бремя), которую человек взваливает на себя.

6. Pflicht – innere Stimme.

Pflicht – это внутренний голос, к которому прислушиваются.

7. Pflicht – Warner, Rufer, Mahner.

Pflicht, подобно человеку, предупреждает, напоминает о чем-то; призывает к правильным поступкам с точки зрения должного.

8. Pflicht – getreuer Eckehard.

Pflicht – это верный друг человека.

Дальняя периферия ФСП Pflicht представлена несколькими группами имен прилагательных.

1. Прилагательные с общим значением «нужный»: unerlässlich, unentbehrlich, geboten.

2. Прилагательные с общим значением «неизбежный»: unvermeidlich, unausweichlich, unumgänglich.

3. Прилагательные с общим значением «важный»: wichtig, bedeutungsvoll, wesentlich.

4. Прилагательные с общим значением «соответствующий»: entsprechend, angemessen.

5. Прилагательные с общим значением «положительные качества человека»: pflichtgetreu, moralisch, ordentlich, wahrheitsgemäss.

Ближнюю и дальнюю периферию рассматриваемого ФСП составляют также фразеологические сочетания:

- auf dem Posten stehen (быть на посту);

- unter Eid nehmen (принять присягу);

- zur Last fallen (становиться обузой);

- in j-s Händen liegen (находиться в чьих-либо руках);

- auf den Schultern ruhen (ложиться на чьи – либо плечи);

- auf die Seele binden (вверять заботу о ком – либо, о чем-либо);

- Genüge tun (соблюдать что-либо, повиноваться чему-либо);
- sein Wort halten (сдерживать слово);
- Unrecht bekämpfen (бороться с несправедливостью);
- Rechenschaft ablegen (отчитываться перед кем-либо).

В зоне дальней периферии находятся устойчивые словосочетания: keine (andere) Wahl haben, der Kontrolle unterliegen, eine Angelegenheit sein.

Периферия ФСП Pflicht представлена также модальными конструкциями (haben + zu + Infinitiv, sein + zu + Infinitiv, brauchen + zu + Infinitiv и т.д.), рядом грамматических конструкций типа es bleibt + zu + Infinitiv, es gibt + zu + Infinitiv, lassen + Akk + Infinitiv и т.д.; формами повелительного и сослагательного наклонений; формами настоящего, будущего и сложного прошедшего времени; предложениями операционального предпочтения, инфинитивными и псевдопридаточными предложениями, предложения в форме причастия.

В результате исследования было установлено, что категория долга представляет собой определенный модус социального бытия человека, занимающий одно из центральных мест в семиосфере эгоцентрических категорий. Категория долга имеет смысловую доминанту, позволяющую отграничить ее от смежной эгоцентрической категории долженствования. Смысловая доминанта категории Pflicht включает в себя следующие компоненты: моральная норма; отсутствие цели; отсутствие временного статуса; осознание человеческой бытийной активности как четко выраженный нравственный конфликт между данным «я хочу» и заданным «я должен»; внутренняя необходимость совершения поступка; реализация значения с помощью глагола müssen в первом лице единственного числа; субъект действия является активным; апеллирует к разуму, сознанию человека.

Литература

Елохова Г.В. Семантика модальных глаголов как отражение эгоцентрических категорий долга и долженствования / Г.В.Елохова // Катановские чтения – 2001. – Абакан: ХГУ, 2001. – С.53.

Елохова Г.В. Концепт “Pflicht” в лексико-фразеологическом фонде немецкого языка / Г.В.Елохова // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы III всерос. науч. конф. – Абакан: ХГУ, 2003. – С.40-43.

Елохова Г.В. Деривационное поле слова Pflicht / Г.В.Елохова // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: толерантность и интеграция: материалы IV всерос. науч. конф. – Абакан: ХГУ, 2004. – С.192-196.

Елохова Г.В. Структура функционально-семантического поля *Pflicht* / Г.В.Елохова // Лингвистика. Лингводидактика. Информатика: материалы конф. молодых ученых. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С.17-19.

Елохова Г.В. Предложения операционального предпочтения как одно из языковых средств актуализации семантической категории *Pflicht* / Г.В.Елохова // Лингвистика. Лингводидактика. Информатика: материалы конф. молодых ученых. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – С.19-21.

Елохова Г.В. Семантика эгоцентрических категорий: *Pflicht* и ее актуализация в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 22 с.

Е.Н. Сергеева (Уфа)

СУДЬБА

Концепт “судьба” – один из ключевых концептов русской культуры. Комплексное описание всех языковых средств его объективации, предпринятое в данной статье, позволяет понять, как представлена судьба в сознании носителей русского языка, раскрыть содержание данного концепта и эксплицировать его структуру.

Методологической базой нашего исследования служат: когнитивный подход, представляющий язык как средство доступа к сознанию носителей языка; антропоцентрический подход, помогающий выявить «человеческий фактор» в языке; аксиологический подход, позволяющий интерпретировать концепт «судьба» как культурно значимый для русского языкового сознания, посредством которого человек выражает свое отношение и миру; общефилософский подход, способствующий пониманию онтологии объекта и позволяющий интерпретировать судьбу как культурологическую универсалию субъектно-объектного ряда, фиксирующую представления людей о событийной наполненности времени их конкретного бытия и характеризующуюся телеологической артикулированностью и предопределенностью.

Исследование опирается на методику, предложенную Ю.С. Степановым (изучение разноуровневых средств репрезентации концепта в языке и текстах, а также сопоставительный анализ концептов в разных языках с целью выявления их культурологической маркированности), кроме того нами используется методика описания структуры концепта в свете его ядерно-периферийной организации, предложенная З.Д. Поповой и И.А. Стерниним. Сочетание названных методик направлено на ком-

плексное изучение концепта, которое предполагает несколько этапов исследования.

На первом этапе проводился анализ репрезентации концепта на разных уровнях языковой структуры, который предполагает последовательность следующих процедур:

1) выявление этимона слова, вербализующего концепт, с целью выявления «прообраза» и той когнитивной модели (в данном случае концептуальной метафоры «суд»), которая послужила средством познания судьбы;

2) изучение корневой группы слов, образованных от и.-е. корня *-dhos-, позволяющее наметить основные линии концептуального развития в разных индоевропейских языках и культурах в сопоставлении с некоторыми другими и выявить мифологический слой концепта;

3) синхронный анализ русской ключевой леммы и ее семантического варьирования, служащий для выделения когнитивных параметров и слоев концепта;

4) исследование лексико-семантического поля ключевой леммы, в результате которого эксплицируется «вещный модус» концепта, связанный с представлением о денотате как носителе признаков;

5) описание структурных и позиционных схем предложений с данной леммой с целью выявления «грамматики» судьбы.

Исследование интерпретационного поля концепта также проходило в несколько этапов: во-первых, нами проводился анализ фразеологического поля судьбы, во-вторых, паремического материала, в-третьих, семантической сочетаемости ключевого слова, в результате чего были эксплицированы интерпретационные признаки концепта. В частности, в сочетаемости абстрактного имени *судьба* с предикатами обнаруживаются наши обыденные представления о стоящих за именами сущностях, выявляются мифологемы сознания, а в текстах пословиц и поговорок прослеживается прагматический слой концепта.

Наконец, нами проводилось исследование функционирования исследуемого концепта в индивидуальном сознании. Проведенные ассоциативные эксперименты и анализ текстов позволили обнаружить социумные и индивидуальные различия в его смысловой структуре, дополнить описание образного и мифологического слоев.

Последовательное применение указанной процедуры анализа обеспечивает многоаспектное, комплексное описание содержания и структуры концепта в статическом и динамическом аспектах. При рассмотрении репрезентации концепта «судьба» на раз-

ных уровнях языка нами применялись методы этимологической и словообразовательной реконструкции, компонентный и сопоставительный анализ, анализ словарных дефиниций и лексической сочетаемости, а при описании ассоциативного поля – метод ассоциативного эксперимента. При характеристике текстовых употреблений концепта «судьба» использовались методы компонентного, дистрибутивного, трансформационного и контекстуального анализа.

Источниками материала послужили данные 60 словарей (энциклопедических, мифологических, толковых, функционально-когнитивных, этимологических, исторических, фразеологических, синонимических, словообразовательных, ассоциативных и др.), а также научные, художественные и публицистические тексты. Фактический материал представлен лексемами этимологического гнезда (около 70 единиц), словообразовательными дериватами лексемы судьба (10 единиц), синонимичными и аналогичными лексемами (16 единиц) и их дериватами (15 единиц), ассоциативно-вербальными связями слова судьба (371 реакция и 303 стимула), паремиями (349 пословиц и поговорок) и фразеологизмами (62 единицы). Для анализа также привлекался фразовый материал (около 1600 микроконтекстов).

Под концептом, вслед за В.В. Красных, мы понимаем самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую идею «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью, и отличающуюся содержательной и структурной многомерностью с инвариантным прототипическим центром и размытой периферией.

Структурная многомерность концепта представлена, с одной стороны, различными способами вербализации, а с другой — различными видами знаний, отраженными в концепте. Рассматриваемый нами концепт «судьба» представляет собой концепт-мифему. Мифемы возникают в результате мифологического осмысления действительности и отражают представления об объектах, не существующих в природе, вследствие чего у вербализующих их лексем нет соответствующих референтов, хотя чувственные образы, отражающие как бы реально существующие признаки, присутствуют.

Особенность концепта «судьба» в том, что как ядерный, так и периферийный (интерпретационный) его слои содержат культурологическую и мифологическую составляющие, в силу чего привлечение мифологического материала необходимо для интерпретации языковых фактов, которые в своей совокупности под-

тверждают гипотезу о существовании первоначального архаического идейного комплекса, в котором не разграничивались миф и язык, объединяемые в ритуале (Т.В. Топорова).

Анализ мифологических воззрений, сохраняющихся в наивной картине мира до настоящего времени, позволил нам выявить следующие составляющие концепта-мифемы «судьба» в мифопоэтическом сознании: 'суд', 'закон', 'нить', 'смерть', 'речь', 'текст', 'случай', 'счастье', 'имя', 'разгадывание', 'толкование знаков', 'предопределение', 'род как связь'. Почти каждая концептуальная составляющая могла быть персонифицирована. Так, персонифицированные славянские образы судьбы-рода (*Родъ*, *Суджаницы* и т.п.) можно считать архаизмом славянской мифологии, воспроизводящей основные черты общеиндоевропейской традиции и во многом детерминирующей поэтическую метафорику.

На первом этапе собственно языкового анализа нами воссоздается *conseptum* «судьба», то есть семантический «зародыш слова», «зерно первосмысла» (в терминологии В.В. Колесова), который связан с образом суда. По этимологическим данным словообразовательная модель вербализующей лексемы выглядит следующим образом: *{(((*som- + *-dhos-) + *-ъb) + a)}. Каждый словообразовательный элемент несет свои определенные смыслы, репрезентирующие основные концептуальные модели судьбы. Приставка *som- имела значение 'связь, соединение', корень *-dhos- – значение 'говорить', 'делать', 'устанавливать', а суффикс -ъb- обозначал действие, названное производящей основой. Процессуальность семантики, заложенная в этимоне лексемы *судьба*, открыла широкие возможности для ее семантического варьирования. В древнерусском языке концепт «судьба» предстает как концепт-сценарий судопроизводства (-ба). Связь суда и судьбы прослеживается в исторических словарях в значениях 'суд', 'приговор, решение', 'правосудие' 'судилище'.

Сценарий суда включает следующие компоненты отражаемой ситуации: «вышестоящая сила» (судебный орган), «разбирательство дел» (тяжба), «решение вышестоящего органа» (приговор суда), «предопределенность» (приговор согласно закону), «определение дальнейшего хода жизни или приговор к смерти» (постановление суда), «орудийность — то, с помощью чего выносятся приговор» (речь, жребий), «оценка суда» (правосудие или «кривосудие»), «локализованность во времени и пространстве» (помещение суда), «наличие субъекта и объекта действия» (судья и подсудимый) и т.п.

На современном этапе лексема *судьба* существенно изменяет

свою семантическую структуру вследствие утраты первичного значения 'суд'. Появление нового значения — 'предопределение' (отмеченного И.И. Срезневским) также было связано с идеей суда. Именно оно явилось производящим для дальнейших значений. Вначале изменение значения в направлении 'суд' > 'приговор' > 'предопределение' отражало экзистенциальное, «земное» представление о судьбе. В дальнейшем в связи с осмыслением судьбы как высшей потусторонней силы слово *судьба* развивает новые значения: 'высшая сила' > 'божье провидение' ('предопределение') > 'то, что предопределено в жизни'. Судьба получает интерпретацию божественного суда, "предопределяющего все, что происходит в жизни".

Итак, структурная и смысловая многослойность концепта-мифемы «судьба» отражается в процедуре его осознания. «Наращивание» смысловых слоев можно представить следующим образом (в данном случае мы идем вслед за Н.Ф. Алефиренко). На первом этапе происходит его осмысление, то есть соотнесение в нашем сознании смыслового содержания концепта с этимологом соответствующего слова. На втором этапе формируется внутренняя форма слова – смысловый центр образа. Им становится один из признаков этимологического содержания концепта. Для концепта «судьба» – это идея предопределения, ради которой, по мнению многих исследователей, и создавалось новое слово. На третьем этапе происходит метонимическая концентрация образа (для концепта «судьба» – это «суд» во всех его составляющих). Концентрация образа, в свою очередь, обуславливает формирование символического значения слова, поскольку сквозь призму земного суда («судьбы») осмысляется суд «небесный», формируется представление о высшей (предопределяющей) силе. В связи с этим на четвертом этапе появляется установка на миф и «слово становится больше, чем слово», в его семантике открываются «смысловые бездны», которые намного глубже его собственного значения.

В сознании современных людей происходит утрата признака предопределенности судьбы, в связи с чем судьба вновь получает экзистенциальную (но иную) интерпретацию, что отражается в значениях 'стечение обстоятельств' > 'жизненный путь' > 'будущее' > 'история существования, развития'. Таким образом, выделяются следующие смысловые зоны концепта: «предопределение», «предопределяющая сила» и «то, что предопределено». В структуре концепта мы выявили шесть структурных слоев: когнитивный, концептуальный, образный, мифологический, прагматический, в котором отражается поведенческий аспект человека по

отношению к судьбе, и аксиологический, содержащий различные оценки судьбы и эксплицирующий ее значимость для людей. Кроме того, концепт имеет четкую ядерно-периферийную организацию.

В ядерной зоне концепта на современном этапе выделяются два прототипические когнитивные параметра: теологический («судьба – высшая сила») и экзистенциальный («судьба – жизненный путь»). Каждый из выделенных параметров отмечен концентрацией специфических признаков объекта (судьбы), имеет статус источника производности и обладает высокой степенью регулярности. Первый параметр модифицируется значениями лексем *рок*, *фатум*, *фортуна*, а второй — значениями лексем *участь*, *удел*, *доля (жизнь, будущее, жребий, звезда, планида)*. Они заполняются вещными и признаковыми модусами концепта. Вещный модус связан с представлением о денотате как носителе признаков. В нем различаются 10 вещных модусов судьбы как высшей силы и 9 – как жизненного пути человека.

Теологический когнитивный параметр концепта «судьба» отражает в языке первые представления человека о противоположности необходимости (*рок*, *фатум*) и случайности (*фортуна*). Нарращение признаков концепта «судьба», репрезентируемого синонимическими лексемами *рок*, *фатум*, *фортуна*, проходит по следующим модификационным параметрам:

1. **Действия судьбы** (с точки зрения человека): *судьба* предопределяет все события в жизни человека; *рок* предопределяет единичное событие или цепь событий в какой-либо период; *фатум* несет гибель; *фортуна* приносит счастье, удачу.

2. **Предопределенность судьбы**: *рок* и *фатум* полностью предопределены; *фортуна* не предопределена, она случайна; *судьба* предопределена, но ее можно избежать.

3. **Предсказуемость судьбы**: *судьба* предсказуема; *рок*, *фатум* и *фортуна* непредсказуемы.

4. **Иррациональность судьбы**: *фортуна* иррациональна, остальные силы могут быть как рациональными, так и иррациональными.

5. **Темпоральные признаки судьбы**: *судьба* активна практически всегда; *рок* постигает человека в роковую минуту; *фатум* проявляет себя в момент смерти; *фортуна* действует непостоянно, может «приходить» и «уходить».

6. **Влияние на человека**: *судьба* влияет как благотворно, так и губительно; *рок* губителен, но не обязательно смертелен; *фатум* смертелен; *фортуна* благотворна.

7. **Зависимость от воли человека:** *фортуна, фатум* и *рок* — силы, не зависящие от воли человека, в то время как с *судьбой* человек может вступить в контакт.

8. **Приятие судьбы человеком:** *фортуне* сопротивляться нет смысла, *фатум* принимается с обреченностью и покорностью; *судьба* может приниматься или не приниматься; *рок* не принимается — ему обычно противятся.

9. **Персонификация судьбы:** *Рок* — губитель; *Фортуна* — благодетельница; *Фатум* — палач; *Судьба* — многолика.

10. **Оценка судьбы человеком:** *фортуна* — всегда хорошая, добрая сила, *рок* и *фатум* — плохая, гибельная сила, а *судьба* — сила, совмещающая оценки 'хорошо'/'плохо'.

Вышеперечисленные репрезентанты и их производные отражают следующие ядерные компоненты концепта «судьба»: 'необходимость' (*рок, фатум*), 'случайность' (*фортуна*), 'речь' (*рок, фатум*), 'смерть' (*рок, фатум*), 'счастье, удача' (*фортуна, подфартить*), 'время' (*рок, фортуна*), 'вера' (*фаталист*), 'неизбежность', а также аксиологическую зону в структуре исследуемого концепта. Таким образом, концепт «судьба» входит сразу в обе из возможных коррелирующих структур сознания — когнитивную и оценочно-прагматическую.

Более обширные синонимические связи наблюдаются по линии семантического варьирования второго прототипического когнитивного параметра концепта, вербализуемого этимологически близкими лексемами *доля, участь, удел*. Нарастание признаков происходит по следующим модификационным параметрам:

1. **Реципиент судьбы.** Носителем *доли, удела, жребия, звезды, планеты* является только человек, *судьбой* и *участью* наделяются также физические тела и артефакты. Реципиент *доли*, как правило, женщина.

2. **Темпоральные признаки судьбы.** *Доля* и *удел* — характеристика всей биографии человека, *участь* и *судьба* могут также относиться к будущему человека. *Линия* определяет или основные вехи жизни, или неожиданный поворот в судьбе. *Жребий* только одномоментен. *Звезда* «светит» долго, но может и «закатиться».

3. **Влияние на жизнь человека.** *Судьба, участь, доля, удел* обуславливают главные события в жизни людей (жизнь, смерть, брак, любовь и т.п.), а также качество жизни (достаток, счастье и т.п.). *Звезда* и *планета* предопределяют счастливую судьбу.

4. **Предопределенность судьбы.** *Доля, участь, удел, звезда, планета, линия* полностью предопределены; *судьба* мо-

жет зависеть от воли самого человека. *Жребий* заранее не предопределен: он «выпадает» и поэтому случаен.

5. **Предопределяющий фактор:** действия какой-либо высшей силы (*доля, линия, участь*); воля другого человека (*участь, судьба*); стечение обстоятельств, которые оказываются «сильнее меня» (*линия*); расположение звезд и планет (*звезда, планида*) и т.п. *Судьба* и *удел* не маркированы по данному признаку. *Жребий* всегда случаен.

6. **Зависимость от воли человека:** *звезда, планида, линия, жребий* не зависят от воли человека, в то время как *судьба, участь, доля* и *удел* характеризуются неоднозначно.

7. **Приятие судьбы человеком:** активное (*участь* пытаются избежать или облегчить, *судьбу* и *долю* ищут и т.п.) или пассивное (*звезда, планида, удел, жребий*).

8. **Случайность судьбы:** *судьба, доля, жребий* – случайны; *удел, участь, звезда, планида* предопределены (не обязательно высшей силой). *Линия* может быть как предопределена, так и случайно «повернуть».

9. **Оценка судьбы человеком:** *участь* и *удел* оцениваются отрицательно, *звезда* и *планида* положительно в то время как *доля, жребий, судьба* получают различную интерпретацию.

Вышеперечисленные лексемы в своих значениях репрезентируют следующие ядерные смыслы изучаемого концепта: 'предопределенность свыше', 'неизбежность', 'постоянство'. Второй прототипический параметр («жизненный путь») соотносит концепт «судьба» с концептами «жизнь», «счастье» (праславянское * същєстьє объясняют из * съ- 'хороший' + *щєсть 'часть'), «будущность», «карьера», «успех».

Выделенные нами когнитивные параметры судьбы взаимосвязаны, поэтому, на наш взгляд, относить их к двум разным концептам, как это делают некоторые исследователи, не представляется правомерным.

Во-первых, они имеют много общих концептуальных линий, по которым различаются смысловые структуры вербализующих их лексем (линии предопределенности, случайности, восприятия человеком, оценки и т.п.).

Во-вторых, они объединены общим смыслом 'предопределение'. Если в первом параметре концепта *судьба* осмысляется как *предопределяющая* сила (воля), то во втором *судьба* является воплощением *предопределения* какой-либо силы (возможно, воли самого человека) или результатом действия каких-либо *предопределяющих* факторов. Каждая из выделенных когнитивных составляющих может модифицироваться: по-разному может

представляться высшая сила, а также то, что предопределено (жизнь, будущее, история) и т.п. В связи с этим наблюдается смысловое варьирование концепта.

В-третьих, когнитивная близость параметров концепта подтверждается тем фактом, что репрезентирующие их лексемы могут встречаться в одном контексте, например: *Судьба, не обнеси судьбой*. Наконец, в-четвертых, названные параметры имеют «выход» на одни и те же концепты, обнаруживают одинаковые концептуальные связи.

Анализ ядра и околядерной зоны концепта «судьба» выявил не только мифологическую, но и культурологическую и идеологическую составляющие. В частности, нами была отмечена оценочная амбивалентность концепта, существование в его структуре двух равноправных структур – «счастливая судьба» и «несчастливая судьба» (которые в европейской культуре разведены по двум разным концептам), а также выявлена определяющая роль веры (неверия) в судьбу. Ядерная зона концепта «судьба» является областью пересечения с концептами «Бог», «необходимость», «случай», «счастье», «жизнь», «смерть», «будущее», «карьера».

Периферийная область концепта «судьба» представлена его интерпретационными признаками, меняющимися в зависимости от места, времени и условий жизни народа, групп людей, отдельного человека, в связи с чем судьба: а) наделяется различными, подчас противоположными признаками: *постоянная / изменчивая, легкая / трудная* и т.п.; б) может быть по-разному персонифицирована (*бог, мистический персонаж, другой человек* и т.п.) или опредмечена (*звезда*); в) обуславливает различные типы поведения человека по отношению к себе (приятие или неприятие, смирение или сопротивление, противодействие и т.п.); г) вызывает различное эмоциональное к ней отношение (приятие / неприятие, ненависть, иронию и т.п.); д) по-разному оценивается человеком (*счастливая / несчастливая, злая / добрая* и т.п.).

Интерпретационное поле концепта описывалось нами по данным фразеологии (далее фразеологизмы выделяются жирным шрифтом), паремииологии (паремический материал обозначен курсивом) и проведенного нами ассоциативного эксперимента (далее реакции выделены жирным курсивом), а также по текстовым источникам.

Для первого параметра (судьбы как высшей силы) в интерпретационном поле концепта характерна ее божественная персонификация (*Все в нашем мире творится не нашим умом, а божьим судом*), но, вероятно, слово *бог* является здесь наиболее общим

обозначением сверхъестественных, духовных существ, что отражает как языческие, так и христианские представления о боге (более подробно о взаимосвязи этих концептов см.: Печенкина 2001). Кроме лексемы *бог* встречается обозначение высшей силы как рока: *Без року не умрешь; Без року смерти не будет; Против рока не пойдешь; Рок головы ищет*. Она персонифицируется также как существо женского пола (реакции *Женщина, Баба, Старуха*), реифицируется через предметы-символы: (*Весы* как символ справедливости; *Кольцо, Клещи, Кувшин* (символы обреченности, неизбежности), а также связывается с надличностной силой как таковой, не принимающей какого-либо облика (*Высшая сила, Воздействие свыше*), и с первосущностями (*Космос, Небо, Вечность, Бездна*). Персонифицированная судьба – властная фигура (*Жезл*), способная взмахом руки (*Рука, Перст провидения*) казнить (*Судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет*) или миловать (*милость*), приносить счастье, удачу (фразеологизмы *Улыбка счастья, Подарок судьбы*). В целом на уровне теологического параметра в интерпретационном поле концепта выявляются такие признаки судьбы, как ‘непознаваемость’, ‘разумность’, ‘изменчивость’, ‘всемогущество’, ‘неумолимость’, ‘непостоянство’, ‘милосердие’, ‘ненадежность’, ‘милосердие’ и ‘неотвратимость’.

Первый (теологический) когнитивный параметр концепта соотносится с частью прагматической зоны концепта, в которой определяются линии поведения человека по отношению к судьбе — высшей силе: 1) активное взаимодействие, борьба с судьбой: (*Испытывать судьбу, Искушать судьбу; Поперек судьбе, Одолеть, Назло*); 2) покорность: *Нести свой крест, Обреченность; Покорись беде — беда покориться*; 3) смирение и терпение: *Терпи, казак, атаманом будешь; Смирение*; 4) попытки словесного общения с судьбой с целью повлиять на нее: *Благодарить, Мольба*; 5) ожидание лучшего, надежда: *Будет и на нашей улице праздник, Век жить — век ждать*. Надежда на лучшие времена, на «авось», «небось», «пускай» и «вдруг» очень характерны для национальной языковой картины русского человека, хотя в обыденном сознании бытует также мысль о том, что *Авось да как-нибудь до добра не доведут*.

Первый когнитивный параметр концепта в текстах репрезентируется, в основном, в глагольных сочетаниях **N1+Vf**, представляющих различные смыслы. Так, смыслы ‘предопределенность’, ‘предзаданность’, ‘неизменность’ предполагают употребление глагола в перфектном значении: *Выбрала, Определила* и т.д. Глаголами настоящего времени реализуются смыслы ‘длительность

действия', 'постоянство', 'целенаправленность' судьбы: *Била и бьет, Играет, Предостерегает, Охраняет, Терзает*. С другой стороны, случайность, изменчивость, неоднозначность, вероятность решений судьбы передается глаголами будущего времени: *Оближет, Укусит, Повернется, Рассердится*. Кроме того, для теологического параметра судьбы характерны также сочетания, в которых лексема *судьба* является объектом отношения (человека) **Vf/inf +N4**: *Благодарить, Гневить, Молить, Не любить, Обвинять* судьбу и т.п., а также сочетания **N+Nc2**, в которых лексема *судьба* выступает в роли субъекта действия при отглагольном существительном, обозначающем действие, например: *Поворот, Удар, Толчки, Подарок* и т.п. В значении родительного части целого лексема *судьба* употребляется при обозначении знаков и атрибутов судьбы, для метафорического обозначения ее действия или проявления: *Голос, Звук, Лицо, Рука*, а также при образном или символическом ее обозначении (*Кольцо, Лабиринты, Ухабы*) судьбы.

Экзистенциальная судьба (второй когнитивный параметр судьбы) в интерпретационном поле концепта предстает как изначальный, базовый параметр существования (**Важна**) и закономерно ассоциируется с решающими моментами человеческой жизни (**Перелом**). Она есть у каждого человека (**Человека, Людей, Каждого**) и в этом смысле она специфична, индивидуальна (**Неповторимая, Единственная**).

Для рядового носителя русского языка судьба-жизнь определена заранее судьбой-силой (**Предопределено судьбой; Предначертана, Кому что на роду написано**), это данность (**Факт, Богом дано**), ее нельзя отменить и избежать (**Не уйдешь, Никуда не деться**), а можно лишь предсказать (**Предсказание, Карты, Гороскоп**). Поэтому предопределенность судьбы подчеркивается однозначно: *Прежде веку не помрешь; Чему быть – того не миновать; Предопределение* и др. Конкретное же содержание предопределенных событий (т.е. плана судьбы) остается тайной для человека (*Все на свете случай, все случайность; Случай*). Если судьба-сила капризна и изменчива, то и ее решения изменчивы (*Родишься в палатах, а умрешь в яме*). Судьба как данность оценивается человеком двояко: как «несчастливая предопределенность» (**Видно, не судьба; Да минует меня чаша сия**) и как «счастливая предопределенность» (**Всякому свой талан; Родиться под счастливой звездой**).

Судьба в экзистенциальном параметре — это некий хронотоп жизни, который может отражать длительность осуществления плана судьбы как высшей силы (**Время, Годы, Эпоха**), но может

и совпадать с основными «пунктами» этого «плана», которыми, с точки зрения рядового носителя языка, являются основные жизненные события (**Свадьба, Развод, Дети, Карьера**) и окончанием земной жизни, смертью (**Смерть, Революция; Думы за горами, а смерть за плечами**). В связи с этим она может быть локализована в прошлом (**Ворошить судьбу**) или будущем (**От этого зависит моя будущность**), при этом судьба часто зависит не от высших сил, а от поступков самого человека, воли других людей или же мелких случайностей, везения и невезения. Судьбу можно решить, как задачу (**Решить судьбу (удел, участь)**).

Экзистенциальная судьба в обыденном сознании имеет следующие основные качественные признаки: 'удачливость', 'безотрадность', 'сложность', 'трудность', 'общность с другими судьбами', 'значимость для судеб других людей', 'наполненность событиями', 'нравственность'.

Типы поведения человека по отношению к экзистенциальной судьбе в основном те же, что и по отношению к судьбе-высшей силе, однако есть и существенные различия: если к судьбе-силе человек относится как к *персоне, субъекту* (умоляет, проклинает, обманывает ее, борется с ней и подчас одолевает ее), то экзистенциальная судьба рассматривается человеком как *объект* чьей-то воли, в том числе и его собственной (**В руках, Выбор, Независимо, Сам**) или как результат стечения обстоятельств (**Так сложилось**). Вследствие этого поведенческая линия концепта представлена большим количеством разных смыслов. Человек пытается определить свою судьбу, если верит в то, что судьба-жизнь действительно заранее предопределена и где-то записана, а узнать ее можно по неким знакам (**Гороскоп, Карты, Линия, Звезды**). Если человек не верит в предопределенность своей судьбы-жизни, то он считает себя ответственным за свою судьбу, обдумывает, создает, строит ее, полагая, что *Дурак сам портит себе дело, а на судьбу жалуется*.

Экзистенциальная модель судьбы реализуется в атрибутивно-именных сочетаниях (чья судьба?). Судьба становится объектом предопределения (долей, частью) или объектом активных действий человека. Судьба как жизнь, данная кем-то сверху, представлена сочетаниями с данной лексемой глаголов в страдательном залоге или страдательных причастий: **N1+ Part pass**: *назначена, определена, суждена*. Напротив, активность человека, который выполняет функцию строителя своей (или чьей-либо) судьбы-жизни, реализуется в структурах типа **Vf/inf + N4**: *выбирать (делать, поправить, устраивать) судьбу*. Лексема *судьба* в данном параметре занимает объектную позицию. Структурная

схема **Vf/inf + N5** представляет судьбу как стихию, подвластную человеку: *играть (распоряжаться, управлять) судьбой*. Вмешательство человека в чью-либо (реже – свою) жизнь-судьбу передается схемами **Vf/inf + N4**: *изменить (решить) судьбу*, **Vf/inf + в N6**: *перепутать (принимать участие) в судьбе*.

В процессе исследования периферии концепта нами были выявлены репрезентативные возможности разноуровневых средств языка, а также роль экспериментальных данных в экспликации содержания концепта. Так, дискурсивные фразеологизмы способны «развернуть» различные сценарии судьбы, описать взаимодействие человека и судьбы, их поведение и т.п. (**Взыскать судьбу, Искушать судьбу, Злой рок преследует**). Они конкретизируют временную ось судьбы, связывая ее действия с конкретным случаем, событием (**Счастье улыбнулось, Удар судьбы**). Наконец, в силу образности своих значений фразеологизмы наглядно передают различные абстрактные идеи, например идеи счастливой и несчастливой судьбы, веры в нее и т.п. Так, идея персонификации судьбы как высшей силы, довольно абстрактная на лексическом уровне, получает точное и яркое воплощение в каком-либо образе, например идея предопределенности: **Родиться в рубашке, Рок судил** и т.п.

Во фразеологической семантике проявляется способность к метафорическому и метонимическому обозначению судьбы как высшей силы, причем в ней отражается одна из основных метафор человеческого познания и моделирования мира — Человек. Наконец, фразеологические единицы, в гораздо более высокой степени, чем лексические, способны отражать знания различных прецедентных тестов культуры, поэтому они являются главным источником при описании мифологического слоя концепта: **На роду написано; Надеяться на сою судьбу; Линии судьбы** и т.п. При этом в них, с одной стороны, представлены символы судьбы, а с другой — «инструментальные» способы ее узнавания. Вследствие вышеизложенного во фразеологии представлены новые смыслы концепта, которые не эксплицируются на лексическом уровне и она обнаруживает более тесные связи концепта «судьба» с концептами «Бог», «случай», «счастье» и «жизнь».

В пословицах и поговорках в краткой поэтической форме запечатлена «народная практическая философия» (В.И. Даль), они выражают ценностные суждения и прескрипции. Прескриптивная функция паремий направлена на «конструирование» определенного типа мышления, поведения. Не случайно в паремиях чаще реализуется экзистенциальный когнитивный параметр судьбы (в отличие от фразеологизмов, в которых она представлена в ос-

новном в теологическом параметре), и в частности аксиологический и прагматический слои концепта: ср.: *На бога надейся, а сам не плошай; Чему быть, того не миновать.*

В ассоциациях, как нигде более, обнаруживается динамика концепта, а также его социокультурная и индивидуальная составляющие, например, обилие иноязычных ассоциаций свидетельствует об отражении в современном русском концепте европейского и даже восточного (**Карма**) представлений о судьбе. Ассоциации «прописывают» образный слой концепта, отсылают к «вещным» (**Дорога, Лабиринт, Круг**), а также к антропоморфным (**Царица, Старуха**) гештальтам судьбы. Наконец, они позволили эксплицировать его связь с другими важными концептами: «человек», «жизнь» / «смерть», «добро» / «зло», «часть» / «целое», «случай», «пространство», «время», «Бог», «счастье» / «горе».

В целом анализ периферийной области показал, что в ядерной части концепта «судьба» в сознании современного человека происходят значительные изменения. Развитие концепта «судьба» от теологического к экзистенциальному параметру характеризует и развитие имени судьба от мифемы к идеологеме. Современный человек мыслит судьбу не как высшую силу, от которой он полностью зависит, а как жизнь, которую он сам должен построить, что подтверждается данными проведенного нами ассоциативного эксперимента и текстовыми исследованиями. В этом развитии, на наш взгляд, проявляется действие идеологического фактора, а именно «засилия» западной, в частности, американской культуры, провозглашающей идею “self-made man”.

Исследование показало также, что интерпретационные признаки и гештальты анализируемого концепта в сознании разных представителей русского культурного сообщества значительно варьируются: простое их перечисление заняло бы весь объем отводимых для анализа данного концепта страниц.

Наконец, описание периферии концепта позволило эксплицировать его ассоциативно-вербальную сеть, которая имеет радиальную структуру. В центре находится имя концепта, от которого в виде лучей расходятся ассоциативные цепочки, отражающие разные типы ассоциаций, причем ближайшие к центру ассоциации представлены именем прилагательным. В зависимости от качественных признаков судьбы происходит дальнейшее распространение сети: как влияет судьба на человека, как она «ведет себя», как реагирует человек на те или иные проявления судьбы и т.п. Например, можно назвать судьбу счастливой только в том случае, если *жизнь удалась*, если *посчастливилось*, *повезло* и если почти

всю жизнь *горя не знал*. Человек в этом случае *родился в сорочке (рубашке) или под счастливой звездой, ему улыбается фортуна (судьба)*. Далее, счастливая судьба – *легкая*, в то время как несчастная – *тяжкая, тяжелая, крест и жесткая*. Таким образом, выделенные нами модификационные параметры концепта «судьба» обрастают множеством новых связей, ассоциативных цепочек, отражающих различные ассоциации. При этом инвариантная часть содержания концепта значительно меньше его вариативной части, производной от опыта языковой личности. Именно этим и объясняется такое разнообразие трактовок судьбы, а также наличие сугубо индивидуальных, необъяснимых реакций на стимул *судьба*.

Таким образом, подтверждается следующая выявленная исследователями закономерность: чем абстрактнее концепт, тем сложнее и неопределеннее его образная составляющая, представляющая собой, скорее, не оперативную единицу мышления, а фон (когнитивный контекст) концепта. И в этом смысле абстрактные концепты по своей сути неисчерпаемы и до конца непознаваемы (Н.Н. Болдырев).

Литература

Вежбицкая А. Судьба и предопределение // Путь. 1994. № 5. С.82-145.

Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. – 330 с.

Коган Л.Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. – 285 с.

Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: ЮНА, 2002.

Москвин В.П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова *судьба*). Лексикографический аспект. Волгоград: Перемена. 1997. – 32 с.

Печенкина К.Д. Содержание концептов *бог* и *судьба* в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001.

Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994.

Савенкова Л.Б. Концепт «судьба» и его реализация в русских пословицах // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998. С. 45-46.

Сакун Ю.П. Символы судьбы в культуре: Автореф. дис. ... канд. философск. наук. Ростов-на-Дону, 1999.

Сергеева Е.Н. Концептуальное поле судьбы и его репрезентация в русском языке // Теория поля в современном языкознании. Межвуз. научн. сборник. Уфа: Изд-во БГУ, 2002. С. 149-157.

Сергеева Е.Н. Интерпретационный аспект концепта «судьба» в пословицах и поговорках // Слово в его истории и функционировании. Сб.

статей. Уфа: Изд-во БГУ, 2003. С. 132-136.

Сергеева Е.Н. Репрезентация концепта «судьба» в семантической структуре языка // Исследования по семантике: Межвуз. научн. сборник. Вып. 22. Уфа: Изд-во БГУ, 2004. С. 195-214.

Сергеева Е.Н. Когнитивные модели судьбы в художественных текстах // Проблемы филологии. Сб. научн. работ аспирантов, соискателей и молодых ученых. Вып. 2. Уфа: Изд-во БГУ, 2003. – С. 176-184.

Сергеева Е.Н. Репрезентация концепта «судьба» (языковой и лингвокультурологический аспекты): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2005. 25 с.

Сергеева Е.Н. Концепт «судьба» в тексте стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Старуха» // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование. Матер. междун. научн. конф. 29 сент.-1 окт. 2005 года. Белгород: БГУ, 2005. С. 113-115.

С.А. Сергеев (Кемерово)

МЕЧТА

Объектом исследования в настоящей работе является концепт *мечта*, представляющий один из фрагментов сферы внутреннего мира человека; предметом – специфика структурирования названного концепта в языковой картине мира: признаки концепта и языковые средства их объективации.

Вслед за М.В. Пименовой, полагается, что концепт имеет сложную, не жестко организованную структуру, состоящую из признаков. «*Структура концепта* – это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира. *Признак* – мельчайшая единица концепта. Реконструкция структуры концепта осуществляется путем наиболее полного выявления возможных признаков, которые могут быть объединены по общей для них видовой или родовой ассоциативной характеристике» (Пименова 2004: 6). Концепт имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения выступает лексический уровень. «Опираясь на этот уровень исследования, возможно выявить практически весь набор значимых компонентов, которые формируют структуру того или иного концепта» (Пименова 2001: 31).

В работе используется комплексная методика концептуального анализа, разработанная Кемеровской школой концептуальных исследований, в частности, М.В. Пименовой. Согласно данной методике исследование проходит в несколько этапов:

1. Исследуется этимология номинанта концепта, рассматривается история значений слова, выявляются мотивирующие признаки концепта *мечта*.

2. Рассматриваются словарные дефиниции номинанта концепта, выявляются понятийные признаки.

3. Рассматриваются особенности метафорической сочетаемости номинанта концепта, в результате чего выявляются образные признаки концепта *мечта*.

4. Проводится сценарное описание концепта *мечта* с последовательным членением и описанием его основных компонентов.

Материалом исследования послужили конструкции, содержащие языковые репрезентанты концепта *мечта* и объективирующие тот или иной признак анализируемого концепта. Фактологическую базу составили более 3000 конструкций, собранных методом сплошной выборки из произведений русской литературы к. XVIII – н. XXI вв., а также различных словарей русского языка. Конструкции, отмеченные в словарях, содержат закрепленное узусом словоупотребление, а следовательно, отражают определенные знания о мире и человеке, менталитет и духовное наследие русского народа. Словарное толкование дает возможность «вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы» (Бабушкин 1996: 42).

Исследуемый концепт *мечта* объективируется словами с корневой морфемой *-мечт-*, составляющей основу словообразовательного гнезда. *Мечта* – это имя концепта, с помощью которого он объективируется в языке. Исследования показывают, что высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов. «Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надежной концептуализации явления, максимально абстрагированной от ситуации» (Попова, Стернин 2003: 48). Для выявления признаков, формирующих структуру концепта *мечта*, анализу синтагматической сочетаемости подвергаются все слова с корневой морфемой *-мечт-*. Другие языковые средства объективации концепта рассматриваются в качестве иллюстративного материала для уточнения, дополнения и актуализации концептуальных признаков.

На всех этапах исследования выделенные признаки концепта *мечта* формируются в группы, статистические данные фиксируются в таблицах, при этом указывается процентное соотношение соответствующих признаков с общим количеством языкового материала. Такие группы состоят из более или менее распространенной совокупности признаков, которые, объединяясь на основе

родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации. На основании количественной представленности той или иной группы признаков делаются выводы о значимости в русской языковой картине мира определенных когнитивных моделей в осмыслении концепта *мечта*.

Мотивирующие признаки концепта *мечта*

Изучение всякого концепта предполагает, с одной стороны, вычленение в его структуре основных и дополнительных признаков, а с другой, – установление этимологии обозначающего знака, «внутренней формы, обычно вовсе неосознаваемой, запечатленной во внешней, словесной форме» (Степанов 2001: 47). Эти данные (мотивирующие признаки) отражают сам механизм формирования концепта, служат основой для его дальнейшего развития.

Слово *мечта* восходит к общеславянской основе *тъѣ- *mĭk- и суфф. -ѣт- (тъѣта, ж., тъѣтъ, м.). К индоевропейской базе *meik- – «мерцать», «блестеть», «сверкать» на славянской почве восходит также в.-луж. mĭkač, mĭknuč означает «мигать», «моргать»; mĭk – «подмигивание», «знак»; ср. также лат. mĭko – «сверкаю», «искрюсь», «мелькаю» (Черных 1999: 528-529). *Мечта* появляется в ст.-сл. языке в XI в. (мъчѣта, мѣчѣта, мѣчѣтъ) и используется в трех значениях:

1. Наваждение, призрак: Тогда явись **мечта** в Полотску в ноци всегда стукъ по улицы яко члци рищут бѣси. Переясл. Лет.;

2. Колдовство, чародейство: Чары творити, волшвениа же и кудешениа, обаяния же и потворы и прочая многы **мечты**. Ж. Стеф. Перм. Епиф.;

3. Воображение, представление, фантазия: Сиця ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь; тѣм же прельщаютъ члвкы... являющеся во снѣ, инѣм **в мечтъ**, и тако волхвуют науценьемъ бѣсовским. Лавр. Лет. (Филин 1982: 135).

Поскольку в лексикографической практике первым принято фиксировать то значение, которое является наиболее актуальным для языкового сознания данного периода, то можно говорить о том, что номинация данного объекта, явления действительности основана на зрительном, физически ощущаемом восприятии. То есть *мечта* изначально не воспринималась как некая способность человека, составляющая его внутреннего мира. Это подтверждается рядом фактов. Во-первых, на это указывает родственность основ *тъѣ — *mĭk; *meik- ; во-вторых, в словарях присутствует указание на то, что слово *мечтатель* появилось

позже других, только в конце XVIII в. (Черных 1999: 529), т.е. в этот период *мечта* стала осознаваться как некое состояние человека, ментальный процесс, а человек – как самостоятельный субъект этого процесса. Сопоставляя с данными современного русского языка, с одной стороны, можно констатировать факт сужения семантики слова *мечта* (утрата 1 и 2 значений в ст.-сл.), а с другой, – ее развитие (расширение третьего значения). Сужение семантики исследуемого слова в диахронии русской языковой культуры является результатом «когнитивно-вербальной дифференциации человеческого сознанием объектов мира (физического и ментального). Расширение же семантики интерпретируется как следствие когнитивно-лингвистической интеграции сознанием человека объектов различных форм действительности» (Красавский 2000: 26).

Предполагается, что именно образ звезды (на основе ассоциативных связей с чем-то далеким, неизвестным, ярким, и недоступным) находится в основе номинации исследуемого концепта. Этот образ является отправным пунктом дальнейшего развития и формирования концепта, обрастания его структуры новыми признаками. О неслучайности выбора признакового имени из числа уже существующих (что не может не быть культурно осмысленным) в языке словозначений неоднократно писала В.Н. Телия: «Признак для наименования концепта, принадлежащего той или иной этнической или национальной культуре, избирается субъектами языка и культуры для их языкового воплощения из таких лексико-грамматических средств и способов, которые прозрачны для их интерпретации в кодах культуры...» (Телия 2001: 412). *Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои – Пускай в душевной глубине Встают и заходят оне Безмолвно, как звезды в ночи, – Любуйся ими – и молчи* (Тютчев. *Silentium!*).

Проведенный анализ позволяет выделить в структуре концепта *мечта* признаки, выражающие значение 'нереальности': 'звезда' 'призрак', 'волшебство', 'фантазия'. Анализируемый материал показывает, что они до сих пор являются достаточно продуктивными в процессе объективации концепта. Рассмотрение мотивирующих признаков концепта дает определенные представления о нем в диахронии языковой культуры. Так, изменение словарного значения слова, вербализующего концепт *мечта*, указывает на факт выдвижения значения 'ментальной способности' в полисемичном слове в качестве основного, что, вероятно, может интерпретироваться как знак повышения степени значимости, уместности определенного психического феномена, с одной стороны, а с другой, – как возможное ослабление или изменение определен-

ных норм поведения в культуре. Например, доминированием религиозного мировоззрения объясняются отрицательные коннотации, характерные для слова *мечта* в начальный период его существования, (*мечта страшная, чудовищная, обманчивая, лукавая, бесовская*). Иначе обстоит дело в конце XVIII – начале XIX вв., идеалом становится самоценная, полностью независимая личность, способная творить новые миры, хотя бы с помощью воображения. При романтическом взгляде на мир далекое (*мечта*, воображаемый мир) оказывается более привлекательным, чем то, что рядом (реальная действительность, повседневность). Именно в этот период слово *мечта* получает наиболее активное употребление и положительные коннотации.

Понятийные признаки концепта *мечта*

Понятийная составляющая концепта *мечта* – часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова, репрезентирующего концепт. Это «рациональная часть концепта, т.е. то содержание, которое включает только существенные характеристики объекта и рационально мыслится, а не переживается» (Карасик 2001: 153). Слово *мечта* в современном русском языке полисеманлично; в словарях представлено от трех до пяти толкований. Обзор словарных статей позволяет представить *мечту* следующим образом:

1. что-либо (картина, образ), созданное воображением, фантазией X (лица). *То все было просто, ясно, счастливо, мечты всякие хорошие...* Толстая. Кись.

2. процесс создания X (лицом) каких-либо образов, представляемых как существующие: *Чем реже нас балует счастье, Тем слаще предаваться нам Предположеньям и мечтам.* Лермонтов. Измаил-Бей.

3. осознаваемое стремление, желание X (лица); предмет желаний, стремлений: *Стать механиком было его мечтой.* Полевой. Гвардии рядовой.

4. оценка чего-либо, что является пределом желаний; о чем-л. хорошем: *Очень часто из старого прекрасного платья... выходили просто чудеса, нечто обворожительное, не платья, а мечта.* Чехов. Попрыгунья.

5. оценка чего-либо как нереального, несуществующего, несуществимого: *Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...* Беляев. Человек, нашедший свое лицо.

Т.В. Макович отмечает, что «многозначность ментального имени «мечта» может толковаться как основанная на метонимии: процесс – его предмет – результат – оценка» (Макович 2000: 97).

1. Первое толкование слова *мечта* позволяет вычленить признак 'образ': *Обуянный розовой мечтою, Ипполит Матвеевич переваливался на кровати с боку на бок...* Ильф, Петров. Двенадцать стульев. В данной дефиниции содержится также указание на место локализации и источника появления *мечты* – воображение и фантазия, именно этим «невидимым органам человека» отведена роль создания мысленных образов, которые человек именует *мечтой*: *А между тем это не мечта моего воображения.* Достоевский. Записки из мертвого дома. Иллюстративный материал показывает, что *мечты* создаются только воображением, а не фантазией (подробнее о различии фантазии и воображения см.: Урысон 2003), что естественно указывает на особый характер образов, которые принято именовать *мечтами*. Характер мысленных образов, создаваемых человеком по отношению к их связи с реальностью, может быть разным. С одной стороны, субъект создает образы того, что он знает по описаниям или по собственному опыту. Если имеющаяся информация о той или иной вещи является недостаточно полной, тогда субъект с помощью воображения заполняет эти естественные лакуны. С другой стороны, с помощью воображения субъект может создавать особый, несуществующий мир. *Года три он проходил с этою мечтой, мерещилась она ему все в разных видах.* Достоевский. Братья Карамазовы.

2. Вторая дефиниция позволяет выделить признак 'процесс'. Значение процессуальности для слова *мечта* является одним из самых важных, поскольку данный субстантив является производным от глагола *мечтать*. Если обратиться к словообразовательному гнезду с корнем *-мечт-*, то можно увидеть, что все остальные члены гнезда в своих значениях также содержат этот компонент. Наиболее важно данное замечание относительно слова *мечтание*, которое образует с *мечтой* синонимическую пару. Словарные пометы указывают на конструкции, которые являются типичными условиями реализации данного признака: *мечта/мечтание о ком, чем; предаваться мечтам/мечтаниям (Я уже не мог предаваться мечтам о счастье... Тургенев. Фауст. Как правило, этот процесс приносит удовольствие, – в этом отличие мечты от просто мыслительного процесса (мечтать можно только о хорошем, тогда как думать и размышлять – о чем угодно). Я убежден, что нет человеческого существа и возраста, лишенного этой благодетельной, утешительной способности*

мечтания. Толстой. Юность. Встречаются контексты, в которых *мечта* и *мысль* – синонимы: *И вдруг мечта на ум приходит, Что это только мирный сон.* Герцен. Былое и думы.

Признак процессуальности позволяет рассматривать *мечту* как определенный вид ментальной деятельности и, шире, – деятельности вообще, требующей определенных усилий и условий (времени, места, эмоциональное состояние субъекта) осуществления. Однако часто *мечта* трактуется как пустое занятие, нерезультативный вид деятельности, бесполезная трата времени: ***Мечты – юношам и девам, а серьезным людям – серьезное дело...*** Горький. Фома Гордеев. *Но тотчас, привычным усилием воли, от мечты вернулся к делу, от великого к малому.* Мережковский. Петр и Алексей.

Примечательно указание на то, что образы, создаваемые в процессе мечтания, воспринимаются субъектом как реально существующие. Эти образы обычно увлекают субъекта и очень сильно затрагивают, в результате чего теряется осознание того, что это всего лишь мысленные образы, поскольку в *мечтах* создается та же действительность, только видоизмененная в лучшую сторону относительно субъекта. В *мечтах* человек видит мир таким, каким хочет, поэтому испытывает положительные эмоции. Такие ситуации обусловили появление выражений типа: *жить мечтами, жить в мечтах, видеть в мечтах*, означающих подмену реальности *мечтами*. Данный признак отражен и в семантике фразеосочетаний *витать/ летать/ жить в облаках/ эмпириях* и дериватных номинаций, обозначающих лицо по характеру деятельности (*мечтатель, мечтательница* – тот, кто уходит из реальной действительности в мир фантастики): ***И снова мечты заменяли действительность, и снова сознание действительности разрушало мечты.*** Толстой. Детство; ***Как есть верх и низ, лево и право, тепло и холод, так есть действительность – и мечта, реальность – и идеал.*** Веллер. Приключения майора Звягина.

Часто *мечта* осмысливается как некое психологическое состояние субъекта (подобно меланхолии, унынию, задумчивости (Калауцкая 1991). Признаки 'процесс' и 'состояние' соотносятся как рациональное (контролируемое состояние) и эмоциональное (неконтролируемый процесс), хотя о принципиальном разграничении говорить не нужно, поскольку часто контексты не позволяют четко выделить доминирование того или иного признака (часто человек сознательно «погружается» в это состояние). Наиболее ярко признак 'состояние' представлен в толковании слов *мечтание* (мечтание, действие и состояние по значению глаг. мечтать) и *меч-*

тательность: Веселость ее (Лизы) притихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности. Пушкин. Барышня-крестьянка. Актуализация признака 'состояние' происходит в сближении *мечты* со сном, бредом: *Он погружался в бред, в мечты; и это лучше выходило, чем действительность.* Зайцев. Москва.

3. В третьей дефиниции слова *мечта* выделяется признак 'желание', который позволяет представить *мечту* как желание, некую внутреннюю интенцию субъекта; как правило, это желание имеет четко выраженную референцию (т.е. предмет из мира 'действительное', являющийся предметом желаний): ***Сбылись мечты: увидел он свой рай, Где мир так юн, природа так богата.*** Лермонтов. Измаил-Бей. ***Была у него такая странная мечта: он хотел превратиться в рыбу. И уплыть.*** Айтматов. Белый пароход.

Актуализация этого признака позволяет относить *мечту* к императивной сфере внутреннего мира человека (по этим признакам гл. *мечтать* входит в синонимический ряд 'хотеть – желать – мечтать – жаждать' (Апресян 1995: 437). *Мечта* может обозначать желание, существующее в течение какого-то длительного времени: ***мечтали уже целые два месяца.*** Достоевский. Братья Карамазовы; а момент возникновения *мечты* отделен от момента ее реализации достаточно значительным и ничем неограниченным промежутком времени: ***Может быть, воплощение долголетней мечты и превысило все ожидания...*** Набоков. Лолита. Реализацией признака 'желание' служат словосочетания типа: *несбыточная мечта, напрасная мечта, бесплодная мечта, невозможная мечта, тщетная мечта, тайная мечта, заветная мечта.*

4-5. Два последних толкования содержат коннотативные признаки, которые актуализируются в оценочных суждениях. Коннотативный признак 'хорошо', реализуется при оценке чего-либо как сугубо положительного в конструкциях типа: 'это не N, а *мечта* (где N – объект оценивания)'. Словарные пометы указывают на то, что такие конструкции характерны для разговорной сферы функционирования языка: ***Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в такой коляске.*** Островский. Бешеные деньги.

Признак 'ирреальность' отражен только в одном словаре. Актуализируется он в суждениях, указывающих на противопоставленность желаемого и действительного (как мир предположений, фантазий и мир реальности): ***Это все только мечты. Путь до***

экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе... Беляев. Человек, нашедший свое лицо.

Наиболее полное толкование слова *мечта* представлено в словаре современного русского языка под ред. А.П. Евгеньевой. Данные толковых словарей современного русского языка дают основание выделить шесть признаков, которые составляют понятийную часть структуры концепта *мечта*: 'образ', 'процесс', 'состояние', 'желание', 'ирреальность', 'хорошо'. Признаки 'желание' (36.4 %), 'образ' (25.2 %) и 'процесс' (21.2 %) имеют самую высокую частотность языковых употреблений, что указывает на их актуальность в процессе функционирования. Наименее частотные, однако не менее значимые признаки 'ирреальность' и 'хорошо' позволяют говорить о наличии в структуре концепта *мечта* аксиологического потенциала, что, естественно, распространяется на выбор окружения слова, репрезентирующего концепт, и специфику его объективации.

Образные признаки концепта *мечта*

Исследование концепта *мечта* сквозь призму метафорического окружения обусловлено тем, что данный концепт является абстрактным. Концепты внутреннего мира соотносятся с концептами мира физического на основе уподобления (сравнения/ аналогии) первых вторым. Сходство, на основе которого возможно такое уподобление, квалифицируется как признак концепта. *Образный признак концепта* – это «общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления» (Пименова 2004: 6). Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой, – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка. Исходя из положения о сходстве и подобии внутреннего мира внешнему, по аналогии с источниками метафоризации, весь массив образных признаков делится на 7 групп: витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные, предметные, признаки стихий и признаки пространства.

Совокупность витальных признаков позволяет говорить о том, что одним из способов объективации концепта *мечта* является действие когнитивной модели 'мечта – живое существо'. Витальные признаки могут быть выражены физиологическими признаками и собственно витальными. Выражается этот признак путем присоединения лексем *живой, жить*, и т.п. к имени концепта. *И лишь надменные, назло живой мечте, Не зная милости и бит-*

вы... Фет. В полуночной тиши бессонницы моей... Признак 'смерть' также является значимым в представлении *мечты* в образе живого существа, т.к. смерть является закономерной и неизбежной заключительной стадией существования любого живого организма. 'Смерть' *мечты* объективируется метафорами убийства и гибели. *Увы! Теперь мечтанья те Погибли в полной красоте.* Лермонтов. Мцыри.

К витальным признакам относятся также признаки 'голос', 'слух', 'сила', 'зрение', 'сон', 'здоровье' / 'болезнь', 'движение', 'питание' (*мечта слышит, мечта поет, сильная мечта, мечта видит, мечта спит, просыпается, болезненная мечта, мечта бежит, мечта питается*). Наиболее частотными в этой группе оказываются признаки 'движение' и 'возраст' (29.2 % и 18.0 % соответственно от общего количества витальных признаков). Следует отметить, что признак 'возраст' представлен преимущественно конструкциями, указывающими на 'молодость' *мечты* (*молодая мечта, младенческая мечта, юношеская мечта, девичья мечта*).

Антропоморфные признаки. Процесс познания у человека сопровождается способностью оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам. Это находит свое выражение в антропоморфизме, т.е. бессознательном восприятии объектов и явлений внешнего и внутреннего миров как живых существ, подобных самому человеку. Такое отождествление основывается не на визуальном его подобии, а схожести действий и состояний, проявляющихся в эмоциональном, ментальном или социальном поведении. Соответственно все антропоморфные признаки можно разделить на эмоциональные, ментальные, социальные и признаки характера.

Эмоциональные признаки концепта *мечта* отражают представления о том, что *мечта* – это явление, тесно связанное с эмоциями: с одной стороны, *мечта* подобно человеку, испытывает определенные эмоции, с другой – *мечта* сама выступает как автором эмоционального состояния субъекта. Для *мечты* характерно испытывать как положительные ('радость', 'отрада', 'веселье'), так и отрицательные ('грусть', 'тревога'), интенсивные ('возбуждение', 'страсть', 'возмущение') и пассивные ('тоска', 'печаль', 'уныние') эмоции. Актуализация признака 'счастье' говорит о том, что *мечта* как процесс и определенное состояние человека оценивается положительно: *мечта*, как правило, связана именно со счастьем, поскольку мечтая, человек может приблизиться к счастью. *И счастлив сей мечтой.* Батюшков. Стихи Г. Семеновой.

Наиболее важным ментальным качеством *мечты* является ее творческая способность, что выражается признаками 'творчество' (*Лишенный творческой мечты Уже, в жару нездравом, ты Коверкать стал правописание!* Баратынский. Увы! Творец не первых сил!) и актуализирует способность *мечты* создавать какие-либо образы (ср. мотивирующий признак 'волшебство') поэтому *мечта* воспринимается как творец (*Люблю мечты моей создание...* Лермонтов. Как часто, пестрою толпою окружен).

Показательно очень малое количество примеров с признаками, отражающими собственно ментальную способность *мечты* – думать. Гораздо больше примеров указывают на несколько ограниченные умственные способности либо – на их отсутствие (*глухая мечта, безрассудная мечта, сумасшедшая мечта, безумная мечта*).

Существование человека в полном объеме возможно лишь среди других людей. «Внутренний человек», так же как и «внешний», погружен в социальную среду, связан в своем существовании с другими субъектами, для его описания используются социальные метафоры. Социальная метафорическая система «объединяет метафоры, репрезентирующие непредметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе с различными типами его профессиональной деятельности» (Балашова 1998: 165). Социальные признаки указывают на персонифицированность *мечты*, которая способна вступать с человеком и другими субъектами внутреннего мира человека в определенные отношения.

Наиболее показательными в этой группе являются признаки 'интерперсональные' и 'социальный статус', так как они конкретизируют многообразие антропоморфных признаков. Часто *мечта* описывается как неподконтрольное человеку существо, которое обманывает, берет в плен, завлекает и властвует – тогда она осмысливается как *коварная, лживая, льстивая, обольстительная: Дьявольские мечты овладели ею...* Грин. Джесси и Моргана. *Мечта* относится к человеку как враждебная сила, завоевывающая человека, но в некоторых ситуациях человек добровольно отдается «во власть» *мечты*. *Меж тем, как в келье молчаливой Во плен отдался я мечтам.* Пушкин. Послание к Юдину.

С другой стороны, *мечта* – это родное существо, которое человеку необходимо для поддержания жизненных сил и которым он очень дорожит. Как мать, *мечта* заботливая, нежная, приносит успокоение, лелеет, убаюкивает и ласкает: *Мечта – прямая счастья мать.* Батюшков. Совет друзьям. *Убаюканному этими мечтами о мирном счастье, мне было легко и вольно.* Брюсов.

Огненный ангел. Как ребенок, *мечта* сама нуждается в заботе и воспитании. Иногда ее даже необходимо вынашивать. ...истомилась, **вынашивая мечты**... Ерофеев. Русская красавица. *Ночью безгласной лелеял мечтанье*. Блок. Помню далекое светлое лето.

Мечта выступает как равноправный партнер, помощник, с ней можно дружить, играть, совершать различные действия, а также выстраивать любовные отношения (*доверять, ревновать, любить, встречаться, расставаться* и т.д.): **Мечты несбыточной подруга**. Фет. Сегодня день твой просветленья. *Дитя, отри заплаканное око, Не доверяй мечтам*. Баратынский. Пыры. Признак 'ассистивность' указывает на возможность выполнять с *мечтой* какое-либо совместное действие. Синтаксически это выражается конструкциями, «обозначающими прагматическое выделение одного из двух симметричных актантов. Один актант выражается подлежащим, а второй занимает позицию дополнения» (Пименова 2004: 186):. *Там жили с ним тогда мечты, будущее было одето туманом, но не тяжелым, предвещающим ненастье, а утренним, скрывающим светлую зарю*. Гончаров. Обыкновенная история.

В группе зооморфных признаков наиболее частотными оказываются признаки орнитологические ('крылья', 'полет', 'гнездо') и энтомологические ('бабочка', 'порхание', 'рой'). Связь *мечты* с образами птицы, летающего насекомого представляется вполне мотивированной. Насекомые и птицы являются обитателями воздушной стихии, стихии свободного движения. *Мечта* предпочитает находиться в оторванном от земли состоянии, в пространстве, связанном не только со светом, легкостью и полетом, но и со свободой человека. *Давно мечты твоей полет Меня увлек волшебной силой* Фет. Ф.И. Тютчеву. **Мечты одной два трепетных крыла**. Иванов. Любовь. В этом же противопоставлении можно рассматривать неактуальность анималистских признаков и подчеркнутое сравнение *мечты* именно с летающими насекомыми (в отличие, например, от *мысли*, которая *ползает, копошится, шевелится* и т.д.).

Мечта окрыляет человека, позволяет ему «взлететь над землей» и устремиться к некому идеалу. Поэтому *мечта* может представлять как средство передвижения по воздуху, а метафора окрыленности передает состояние радости и свободы. *И Гаврила полетел на крыльях мечты* Горький. Челкаш. Положительная оценка, выражаемая энтомологическими признаками, проявляется, в частности, в том, что *мечта* сравнивается с так называемыми «безвредными» насекомыми – бабочкой и пчелой.

Примеры, объективирующие собственно зооморфные (анималистские) признаки данного концепта, встречаются достаточно редко. Однако их наличие позволяет говорить о развитии модели 'мечта – живое существо – животное'. В первую очередь, это выражается предикатами быстрого передвижения, используемыми при описании особенностей передвижения животных: *Но вслед за мной мечты мои скакали*. Лермонтов. Аул Бастунджи. Признаки 'резвость', 'необузданность', 'дикость', и 'неукротимость' связывают мечту с образом коня / лошади: *И если вам будут оказаны какие-либо знаки внимания, то отнесите их не к своим необузданным мечтам, а только лично к себе*. Казанцев. Колокол солнца.

Обзор группы вегетативных признаков концепта *мечта* позволяет говорить о продуктивности когнитивных моделей 'мечта – растение' (*мечта*, как правило, описывается как цветущее растение (*Мечты поэзии прелестной, Благословенные мечты! Люблю ваш сумрак неизвестный И ваши тайные цветы*. Пушкин. Таврида) и 'мечта – сладкий плод': *И вот печальные мечты, Плоды душевной пустоты*. Лермонтов. Демон). Наиболее ярко представленным в этой группе является признак 'сладость'. Объективация данного признака строится по следующей модели: приятные вкусовые ощущения ассоциируются с положительными эмоциями, удовольствием, комфортом и т.п., тогда как неприятные вкусовые ощущения – с отрицательными эмоциями, дискомфортом, и т.п. Примечательно, что признак 'сладкий' не всегда выражает положительную оценку и проявляется в регулярной схеме переноса по принципу: 'сладкий вкус' – 'вызывающий физиологическое наслаждение' – 'плотский' – 'греховный' – 'лживый' (Балашова 2005: 312). *Он начинал познавать прелесть одиночества и сладкую траву мечтаний*. Горький. Фома Гордеев.

Предметные признаки представлены различными группами признаков: дименсиональными ('размер', 'вес', 'длина'), качественными ('материал', 'цвет', 'внешний вид', 'температура'), количественными ('количество').

Некоторые признаки конкретизируют предметный образ *мечты*, что позволяет говорить о продуктивности когнитивных моделей, где актуализируются не отдельные свойства, а целостная концептуальная структура, репрезентируемая в сознании носителей языка некоторым словом. *Мечта* – это нечто сокровенное и личное, поэтому она может быть представлена в образе ценной вещи, на что указывают признаки различных способов манипулирования. *Мечту* 'хранят', 'прячут', 'берегут', 'ищут', 'забирают', 'дарят', 'берут': *...береги мечту, потому что и у меня мечта!*

Достоевский. Братья Карамазовы. *Могут ли я хранить мечты*. Блок. Смотри – я отступлю в тень. Принцип аналогии распространяется и на функциональные свойства *мечты – мечтами (в мечтах)* мы приукрашиваем действительность, делаем ее более интересной, жизнь видится приближенной к идеальному состоянию: *Кто жизнь печально мечтой не украшал?* Баратынский. Воспоминание.

Группа признаков концепта *мечта* является выражением модели 'мечта – нить' (*мечты тянутся, мечта связывает, мечта обрывается*): *Мечты беспрерывно увлекали его и беспрерывно обрывались, как гнилые нитки*. Достоевский. Бесы.

Образ бесполезности и хрупкости *мечты* выражается в следующих сочетаниях: *мечты рассыпались, мечты развалились, мечты разбились, строить воздушные/песочные замки*.

Признаки стихий. Четыре первоэлемента бытия, четыре стихии – огонь, вода, воздух, земля – являются устойчивыми образами для создания метафор. Модель 'мечта – вода' воспроизводится признаками 'текучесть', 'способность сливаться', т.е. соединяться в один поток с чем-либо, перемешиваться: *Розы качали головкой склоненной, С песнью коварной сливаясь мечтами*. Блок. Роза и соловьи. Одной из линий мотиваций образа жидкости в современной картине мира является ассоциативная связь 'напиток – состояние, возникшее под действием этого напитка'. *Мечта* может осмысляться как жидкость, испив которую, человек приходит в состояние алкогольного опьянения: *...что-то холодное, как змея, вползало в сердце, отрезвляло ее от мечты...* Гончаров. Обломов.

Мечта имеет 'глубину', в нее можно погрузиться и утонуть. Метафоры погружения являются типичными для описания эмоционально-ментальных состояний человека (*погрузиться в мысли/ уныние* и т.д.) и воспроизводятся по схеме 'вход в пространство – начало состояния'. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев такие состояния, в которые можно погрузиться, называют «глубокими» и связывают их с образом погружения в жидкость, «который лежит в основе конструкций, описывающих возникновение таких состояний. Действительно, человек, погрузившийся в жидкость на известную глубину, оказывается лишен доступа к информации о внешнем мире и затруднен в своих движениях; ему нелегко сразу же вынырнуть на поверхность» (Булыгина, Шмелев 2000: 284): *Александр замолчал на минуту и погрузился совсем в мечту о Наденьке*. Гончаров. Обыкновенная история.

Образ огня также служит продуктивной основой для создания метафор, которые позволяют выделить в структуре концепта

мечта признаки 'пламя', 'горение': *Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой Питать я пламя не хочу...* Пушкин. Гречанке. Как и огонь, *мечта* может 'разгораться' и 'гаснуть'. Эти признаки воссоздают ситуацию приобретения и утраты *мечты*, т.е. перехода от мира вымышленного к миру реальному и наоборот: *И погасла запылавшая с отчаяния мечта о том, как было бы хорошо, несказанно хорошо...* Ремизов. Пруд.

Модель 'мечта–воздух' выражается-dimensionalным признаком 'легкость'. В таких случаях *мечта* трактуется как состояние удовольствия: *Сменит не раз младая дева Мечтами легкие мечты.* Пушкин. Евгений Онегин. Воздух составляет основу многих природных явлений. Одним из таких образований является ветер: *В ту минуту я сидел, блаженно очумев от загадочного дворца, и вопрос Эстампа что-то у меня отнял. Не иначе как я уже связывал свое будущее с целью прибытия. Вихрь мечты!* Грин. Золотая цепь. Подобные выражения позволяют предполагать наличие таких признаков, как 'неосознанность' и 'неконтролируемость' происходящего человеком в его внутреннем мире.

Объективным проявлением коннотации для слова *ветер* в русском языке является признак 'непостоянство'. Эти признаки служат основой метафорического переноса для выражения оценки по отношению к тем, кто мечтает: *легкомыслие, занятие ненужным делом, витание в облаках: Да, умен, – согласился герцог, – пожалуй, кое-что и в делах разумеет. А все-таки... нельзя на него положиться. Мечтатель, ветреник.* Горький. Мать.

Мечта сравнивается с туманом и дымом. Одним из главных свойств тумана является способность ухудшать видимость, что позволяет представить *мечту* как некий заслон, туман, мешающий зрительному восприятию: *Открыв рассеянной рукой Окно, Елецкий взор тупой, Взор, отуманенный мечтой, Уставил прямо пред собой.* Баратынский. Цыганка. *Как дым развеялись мечты.* Лермонтов. Измаил-Бей.

Наименее частотными среди признаков стихий оказываются признаки 'земли', которые выражаются в сочетаниях *земная мечта, приземленная мечта* и часто содержат в себе отрицательную оценку. *С этой успокоительною мыслью (но все-таки с надеждой на исполнение своей запрещенной земной мечты)...* Толстой. Война и мир.

В описании пространственных признаков необходимо различать функционирование двух типов моделей: 1) концепт – locus и 2) концепт – объект, занимающий определенное пространство внутреннего мира человека.

Модель 'мечта – locus' представлена двумя типами локализации: а) 'внутри', б) 'на поверхности'. Второй тип локализации, который передается конструкцией 'предлог *на, по* + имя концепта' и отражает признак 'плоскость', для *мечты* несвойственен.

Традиционной является модель 'мечта – вместилище', на что имплицитно указывают различные признаки. В первую очередь, таким признаком является 'объем' (или 'вместительность'), который реализуется посредством конструкций 'предлог *в* + имя концепта': *Все, все мое, что есть и прежде было, В мечтах и снах нет времени оков.* Фет. Все, все мое, что есть и прежде было. Вместилища можно рассматривать как объемы, формирующие ограниченное пространство, и как нечто, содержащее некую субстанцию. Концептуализация внутреннего пространства происходит в виде выделения некоторых существенных признаков такого пространства. *Мечта* может интерпретироваться посредством признаков 'полный' или 'пустой'. В этом случае предмет мечтаний «заполняет» весь объем *мечты*, это то, о чем мечтают. Пустые *мечты* расцениваются как те, которым не суждено сбыться. Соответственно, в этих сочетаниях прослеживается оценочный компонент (полный '+', пустой '-'): *Так мчалась юность бесполезная, В пустых мечтах изнемогая...* Блок. На железной дороге.

На реализацию модели 'мечта – locus' указывают признаки 'объем', 'открытость'/закрытость', 'заполненность'. Такой способ категоризации концепта *мечта* по типу вместилища возникает на основании прямой ассоциации с конкретными типами вместилищ, такими как хранилище, жидкость, сокровищница и т.д., что может быть выражено эксплицитно: *Весь цвет сокровищниц мечты, Весь цвет творенья...* Тютчев. Саконтала.

М.В. Пименова в монографии по исследованию языковой наивной картины мира делит пространство внутреннего мира человека на два типа: 1) пространство реальное – внутри тела человека и 2) мифологическое (идеальное, воображаемое) – пространство внутреннего мира (Пименова, 1999).

Реальное пространство предполагает расположение субъекта или объекта внутреннего мира в пределах тела человека, внутри реально существующих человеческих органов. Данная модель конкретизируется в сочетаниях с глаголами и атрибутивами, реализующими идею проникновения, нахождения или покидания помещения. *Мечта* может находиться в голове и в груди: *Лезет мне в голову мечта какая-то* Островский. Гроза. *Кто допустил в свою грудь мечты о такой деятельности...* Герцен. Кто виноват?

Характерно, что *мечта* может заполнять весь внутренний объем, свободное пространство (и реальное, и мифологическое), что проявляется в потребности человека в свободе, отсутствии границ, которые часто преодолеваются посредством *мечты*. При этом возникает ситуация, когда восприятие внутреннего пространства вытесняет ощущение или восприятие внешнего, объективного пространства: ***Мечтою по воле проникнуть он мог И в нищую хату и в царский чертог...*** Баратынский. На смерть Гете.

Мечта может находиться вне человека, – активным оказывается использование пространственных метафор, отражающих позицию верха. Позиция верха связана с устремлением человека к высшему идеалу. Перемещение *мечты* по вертикальной оси по направлению вниз связано с приближением к человеку. В таких конструкциях *мечта* представляется как некий дар, способность, данная человеку извне. И наоборот, 'перемещение вверх' указывает на отдаление *мечты* от человека, ее исчезновение: ***О сладостна мечта, Дщерь ночи молчаливой, Сойди ко мне с небес в туманных облаках...*** Батюшков. Мечта.

Пространство рассматривается как установление порядка расположения или направления движения предметов в пространстве. Трехмерность пространства образована тремя полярными координатами в горизонтальной и вертикальной плоскостях: «вертикаль», «вперед-назад» (фронтальная ось), «справа-слева» (латеральная ось). Показательно, что в пространстве человека (идеальном и реальном) движение по вертикали для *мечты* не свойственно, тогда как по горизонтали *мечта* двигается в разных пространствах. Необходимо отметить, что в пространстве человека движение *мечты*, как правило, описывается метафорами хаотичности и беспорядочности: ***...напоминал те мысли и мечты, которые носились в голове Толпенникова каких-нибудь два часа тому назад.*** Андреев. Первый гонорар.

Мифологическое пространство – это пространство внутри идеальных (воображаемых) образований. Словарное толкование показывает, что *мечта* связана с воображением (Мечта: 1. Что-л., созданное воображением, фантазией; 2. Процесс создания в воображении к-л. образов, представляемых как существующие): ***Но и эта мечта улеглась в воображении, вслед многим другим.*** Гончаров. Фрегат «Паллада».

Однако наиболее часто встречается расположение *мечты* в душе или сердце. Сердце в данном случае выступает не как конкретный орган кровообращения, а как идеальное пространство, представляющее собой средоточие эмоциональной, духовной

жизни человека, его переживаний, настроений и чувств. Поэтому именно душа и сердце испытывают те эмоции, которые вызывает *мечта*: *Ничто души не веселит, Души, встревоженной мечтами*. Батюшков. Пробуждение. *В сердце ее рождались новые мечты о счастье*. Беляев. Голова профессора Доуэля.

Выделенные признаки показывают, что описание пространства и пространственных отношений играет важную роль в познании внутреннего мира человека. Ориентационные метафоры, которые переносят пространственные понятия в область внутреннего мира, выражают ценностно-нормативную шкалу восприятия. Пространственные признаки концепта *мечта* можно представить следующим образом:

I loc_1 – *мечта* как объект, локализуемый в: (1) субъекте, обладающем мечтой: а) реальное пространство (голова (мозг), грудь, тело); б) идеальное пространство (воображение, сердце, душа, (ум) и (2) вне тела человека (небо, над землей, над человеком).

II loc_2 – *мечта* какместилище, в котором локализуется объект (контейнер, хранилище, жидкость).

Среди всех пространственных признаков наиболее значимым является представление *мечты* какместилище – loc_2 . Актуализация данной модели обусловлена необходимостью вкладывать в *мечту* определенное содержание, что непосредственно связано с дальнейшей ее реализацией.

Таким образом, абстрактная, ментальная сущность *мечта*, непосредственно не воспринимаемая, не данная в ощущениях, познается посредством метафор, основанных на тактильном, зрительном, вкусовом восприятии. *Мечта* описывается известными носителям языка образами, формирующими картину мира. То есть можно говорить о существовании базового признакового состава концепта *мечта*, представленного в выделенных группах. Наиболее частотными среди образных признаков оказываются антропоморфные (32.59 %) и пространственные признаки (18.17 %), на что указывает частотность конструкций, в которых они объективируются. Остальные группы признаков в процентном соотношении выглядят следующим образом: предметные – 13.75 %, витальные – 13.25 %, признаки стихий 11.72 %, зооморфные – 5.92 %, вегетативные – 4.6 %. Актуализация определенных признаков показывает, что наиболее продуктивными когнитивными моделями в объективации концепта *мечта* являются:

1. 'Мечта – живое существо': 'мечта – человек (мать, ребенок, друг, властитель, пленник, творец, партнер)', 'мечта – животное (конь)', 'мечта – птица', 'мечта – летающее насекомое (бабочка, пчела)'.

2. 'Мечта – растение': 'мечта – цветок', 'мечта – плод (сладкий)'
3. 'Мечта – предмет': 'мечта – хрупкий предмет', 'мечта – нить', 'мечта – ценность', 'мечта – сооружение'
4. 'Мечта – стихия': 'мечта – огонь (звезда, молния)', 'мечта – вода (хмельной напиток, водоем)', 'мечта – воздух (туман, ветер, дым)'
5. 'Мечта – locus (вместилище, хранилище, сокровищница, мир)'

Сценарное описание концепта *мечта*

Сценарий представляет собой «событие, разворачивающееся во времени и/ или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению» (Пименова 2005: 18). Сценарий рассматривается как некое лингвокультурное построение, модель фрагмента реальности, обладающая этнокультурной спецификой и культурной значимостью. Моделирование концепта *мечта* в виде сценария предполагает вычленение и описание компонентов, необходимых для его реализации. Такими компонентами для сценария *мечты* оказываются 'субъект', 'предмет', 'условия', 'симптомы' и 'целенаправленность'.

Под '**субъектом**' мечтаний понимается деятель по значению глагола *мечтать*. В языке субъект может быть выражен именами личными, нарицательными, местоимениями, а также притяжательными прилагательными. В качестве субъект мечтаний выступают 'отдельный человек' (82.8%), 'сообщество людей' (15.8%), 'внутренний человек' (0.8%), 'животные и птицы' (0.4 %), 'растения' (0.2%).

Специфической чертой концепта *мечта* является то, что конкретизацию он получает через '**объект**' мечтаний, который ориентирован на то, чего не имеет конкретный субъект, но то, что существует или гипотетически может существовать вокруг нас. Даже мечтая о том, что есть только в нашем воображении, мы соотносим это с какими-то конкретными реалиями. Поэтому источником мечтаний, во-первых, выступает внешний материальный мир во всех его проявлениях, с другой стороны, – внутренний мир человека, как часть его личной системы ценностей и установок. Все признаки объекта мечтаний можно разделить на три группы: 'идеальное' (66.7%), 'материальное' (31.5%) и 'физиологические потребности' (1.8%). Количественное соотношение групп

признаков показывает, что материальные ценности гораздо реже становятся объектом мечтаний; духовное равновесие и стремление к идеалу для русского человека оказываются более важными. Наименьшую группу признаков предмета мечтаний составляют различные сиюминутные (физиологические) потребности. В данных случаях *мечта* отождествляется с *желанием* с указанием на высокую степень его интенсивности (Апресян 1995: 438).

Выбор какого-либо объекта действительности в качестве предмета мечтаний связан скорее не с самим объектом как таковым или просто его обладанием, а с некоторой гипотетически развертываемой вокруг него ситуацией, которая может принести субъекту максимум удовлетворения. С другой стороны, объектом мечтаний оказываются определенно ограниченный класс объектов: во-первых, мечтают о том, чего нет (нельзя мечтать о том, что находится под рукой), во-вторых, объект мечтаний имеет некую положительную окраску (мечтать можно даже о шариковой ручке, но тогда эта ручка будет обязательно какой-то особенной).

Проанализированный материал позволяет выделить признаки, характеризующие объект мечтаний:

1) ориентирован в будущее (о прошлом мечтают довольно редко – в этом отношении *мечта* сближается с *памятью*);

2) направлен на то, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону (либо для себя, либо для группы людей)

3) имеет положительную оценку, если не с точки зрения социума, то с позиции субъекта мечтаний обязательно.

В зависимости от того, как человек выстраивает собственную систему ценностей, он формирует свои *мечты*, следовательно, 'объект' мечтаний зависит от половой, социальной, возрастной принадлежности 'субъекта' мечтаний, следовательно, можно говорить о некоторых стереотипных представлениях о том, о чем мечтает или должен мечтать тот или иной человек: ***Плох тот солдат... Тот журналист, который не мечтает о своей книге.*** Владимирова. Колония.

Компонент '**условие**' предполагает рассмотрение типичных условий, при которых субъект, находясь в определенном эмоционально-ментальном состоянии, определяет его как *мечта* (мечтание). Все компоненты группы 'условие' ('физическая расслабленность' – 25.6%, 'уединенность' – 22.8%, 'ночь' – 22%, 'сон' – 16%, 'утро' – 13.6%), представлены практически одинаковым количеством примеров, поскольку все они тесно сопряжены друг с другом: ***Утро он провел в грандиозных мечтах.*** Ильф, Петров. Золотой теленок. ***В кухне горела лампочка, там ужинали два огородника, а мадам Рокк в белом капоте сидела на колонной***

веранде и мечтала, глядя на красавицу луну. Булгаков. Роковые яйца.

‘Симптомы’ мечты. Мечтание, как и любой процесс, происходящий во внутреннем мире человека, обладает знаковой природой, его проявление отражается в различных чертах лица, позах, жестах и т.д. Материал показывает, что наиболее частыми признаками симптомов *мечты* являются ‘голос’ (39.1%) и ‘взгляд’ (37%). Симптомы могут выражаться не только по отдельности. В языке это описывается наречиями образа действия, что подразумевает совокупность тех или иных особенностей поведения (жесты, мимика, взгляд, манера говорить) субъекта, которые указывают на то, что он мечтает: *«Она» в белом платье мечтательно сидела в саду.* Иванов. Китайские тени. Именно такие особенности поведения позволяют интерпретировать *мечтательность*, как отдельную черту характера, и вывести некоторые типичные черты человека, которого в русской культуре принято называть *мечтателем*: *Эти господа, как известно, любят засматриваться на луну да слушать щелканье соловьев. Любят они луну-кокетку, которая бы наряжалась в палевые облака да сквозила таинственно через ветви деревьев или сыпала снопы серебряных лучей в глаза своим поклонникам.* Гончаров. Обломов.

Компонент **‘целенаправленность’** предполагает рассмотрение ситуации *мечтания* с позиций ее осуществимости / неосуществимости. Подобные высказывания могут быть представлены следующим образом:

1) *Мечта*, реально осуществимая при каких-то обстоятельствах: *...ехала сюда, всю дорогу мечтала, в вагоне: как мы увидимся, как мы обо всем сообщим друг другу... и так была счастлива, что и дороги не видала! Да что я! Я и теперь счастлива...* Достоевский. Преступление и наказание.

2) *Мечта*, которая гипотетически может стать фактом действительности без указания на определенные условия ее осуществления. *Я верю твердо, что твоя мечта возвратится в строй скоро исполнится.* Островский. Как закалялась сталь.

3) *Мечта*, которая уже осуществилась в определенный период времени: *На другой день он привел в исполнение давнишнюю свою мечту. Купил дивный серый в яблоках костюм.* Ильф, Петров. Двенадцать стульев

4) Заведомо неосуществимая *мечта*. В таких случаях предмет мечтаний, как правило, не имеет прямой соотносительной связи с объективными обстоятельствами, а действенность воли, т.е. готовность субъекта прилагать усилия для реализации *мечты* изначально не предполагается: *...он даже позволял себе немножко*

помечтать о том, чего никогда и ни за что произойти не могло. Акунин. Алмазная колесница.

5) Неосуществимость *мечты* обусловлена тем, что она не является фактом настоящего. В отличие от случая 3, когда предмет мечтаний не имеет прямой соотносительной связи с действительностью, здесь момент реализации гипотетически был возможен раньше, при других обстоятельствах. Типичным случаем для таких высказываний являются ситуации, когда человек вспоминает, о чем он мечтал в более раннем возрасте, например, детстве: **Когда-то он мечтал сделаться художником...** Арцыбашев. Санин.

Описанный сценарий позволяет говорить о том, что *мечта* в русской языковой картине мира может рассматриваться, во-первых, как состояние, во-вторых, как интенция, желание. Каждому из этих видов свойственна своя модель развития и взаимодействия выделенных компонентов. Наиболее значимыми в сценарии *мечты* оказываются компоненты 'субъект' (48.4 %), и 'объект' (25.6 %). Именно эти компоненты составляют необходимый для развертывания ситуации мечтания минимум, на который наслаиваются оставшиеся три – 'целенаправленность' (13.1 %), 'симптомы' (8.0 %), 'условия' (4.9 %).

Литература

Сергеев С.А. Опыт сопоставления социальных признаков концепта *мечта* в поэтическом творчестве Е. А. Баратынского и М. Ю. Лермонтова // XXIX конференция студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета: Сб. трудов. – Кемерово, 2002. – С. 164-165.

Сергеев С.А. Витальные признаки концепта *мечта* // Филологический сборник / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2002. Вып. 2. С. 152-154.

Сергеев С.А. Дименсиональные и качественные признаки концепта *мечта* // Сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Кемеровской области: в 2-х т. – Кемерово, 2002. – Т. 1. – С. 217-218.

Сергеев С.А. *Мечта* в пространстве внутреннего мира человека // Язык. История. Культура / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2003. – С. 206-213 (Серия «Филологический сборник». Вып. 5).

Сергеев С.А. Мир *мечты* // Вопросы филологии. Сборник работ студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2003. – Вып. 4. – С. 120-125.

Сергеев С.А. Признаки пространства концепта *мечта* // Материалы XLII международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск, 2004. – С. 89-92.

Сергеев С.А. Мотивирующие признаки концепта *мечта* // Ethnohermeneutik und Anthropologie / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – S. 142-147.

Сергеев С.А. Составляющие метафорической модели 'мечта – стихия' // Welt in der Sprache/ Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 139-144.

Сергеев С.А. Образные схемы восприятия концепта *мечта* в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «МИР» и «ЧЕЛОВЕК»: Коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2005. С. 219-246.

Н.В. Подзолкова (Волгоград)

ОДИНОЧЕСТВО

В основу проведенного исследования положена следующая гипотеза: концепт «Einsamkeit»/«одиночество» представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены различные, образные и ценностные признаки, совпадающие и различающиеся в немецкой и русской лингвокультурах; этнокультурная специфика концепта «Einsamkeit» / «одиночество» во многом обусловлена существующими культурными доминантами социума.

Цель настоящего исследования заключается в сопоставительной характеристике концепта «Einsamkeit» / «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах.

Названная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) охарактеризовать феномен одиночества с позиций достижений современного гуманитарного знания – прежде всего философии, социологии и психологии;
- 2) выявить и описать конститутивные признаки лингвокультурного концепта «Einsamkeit»/«одиночество»;
- 3) установить и описать понятийную, образную и ценностную составляющие данного концепта в немецком и русском языках;
- 4) выявить средства вербализации концепта «Einsamkeit» / «одиночество» в сопоставляемых лингвокультурах;
- 5) установить этнокультурную специфику указанного концепта в немецкой и русской лингвокультурах.

В современном языкознании можно выделить два основных подхода к исследованию концепта – лингвокогнитивный (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурный (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик Н.А. Красавский, Ю.С. Степанов и др.).

Суть лингвокогнитивного подхода к изучению концепта заключается в его рассмотрении в качестве ментальной единицы, от-

ражающей на понятийном уровне знания и опыт человека. В представлении когнитивистов концепт имеет определенную структуру и проходит несколько этапов развития, прежде чем оформиться как концептуальная структура. Несомненным достижением лингвокогнитивистов стало открытие разнообразных типов концептов, структурированных в концептосфере языка, – схемы, фреймы, сценарии и др.

В нашей работе мы придерживаемся второго – лингвокультурного – подхода к пониманию концепта. Его сторонники делают акцент на социальной, культурной и коллективной ценностях концепта. Сегодня многие исследователи придерживаются точки зрения В.И. Карасика (Карасик 2002), согласно которой лингвокультурный концепт является многомерным смысловым образованием, в котором четко выделяются ценностная, образная и понятийная составляющие (Е.В. Бабаева, Н.А. Красавский, А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин и др.).

Теоретическое осмысление одиночества, как показывает изучение специальной научной литературы, имеет в Германии давние традиции. Это понятие является одной из центральных тем немецкой философии начиная с периода позднего средневековья. Впервые эта тема стала ключевой во времена мистицизма, когда одиночество человека признавалось необходимым условием существования его души (И. Экхарт). Так, в период пиетизма потребность, в частности, в молитве, исполнению которой никто не должен был мешать, вызвала желание не только внутренне, но и внешне уединения человека (Ф.Я. Шпенер, С. фон Клеттенберг).

В эпоху просвещения (18 в.) максимально ценной признается внешняя уединенность человека, необходимая для его индивидуального духовного совершенствования.

Одиночество стало одной из важных тем немецких романтиков (В.Г. Ваккендорф, Ф. Шлегель, А. Шлегель, Л. Тик, Ф. Шеллинг), раскрывших необычайную сложность, глубину и антимонию внутреннего, субъективного мира человека, внутреннюю бесконечность индивидуальной личности.

В 19 веке одиночество трактуется, с одной стороны, как отрыв от общества и его норм и, таким образом, как форма человеческого самостановления и условие его истинной свободы, с другой стороны – как частный образ жизни, который должен быть дополнен институциональными отношениями (Ф. Brentano, В. фон Гумбольдт, Л. Фейербах, А. Шопенгауер, Ф. Ницше).

В 20 веке в немецкой философии одиночество понимается как болезненное, социально обусловленное разъединение и изоля-

ция человека. Философы ищут причины и пути балансирования между жизнью человека в обществе и вне него.

В экзистенциальной философии и диалогике (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг и др.) исходят из «диалогичности» человека, отвергая как индивидуализм, так и коллективизм и предлагая некий «третий путь». Так, в частности, М. Бубер отстаивает идею абсолютной равнозначности «Я» и «Ты» – субъекта и объекта. В немецкой философии 20 века традиционно обсуждались различия между позитивными и негативными переживаниями состояния одиночества (В. Битер, Е. Карп, Г. Кельбель, П. Хофштеттер, Е. Штайнмайер).

Русская философская традиция, в отличие от немецкой, не дала столь основательного теоретического синтеза феномена одиночества. Это объясняется преобладанием в русской традиции иных ценностных ориентиров и системообразующих параметров культуры. Наиболее значительной идеей, которая во многом предопределила развитие философской мысли в России, является концепция соборности, уходящая корнями в специфику богословской мысли и в мировоззренческие начала русской ментальности, в частности в особенности социального бытия русской деревенской общины.

Русская философская мысль всегда отличалась полумифологическим «олицетворением» мира. В противоположность западному русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «Мы» (или «Мы»-философию). «Мы» мыслится не как внешнее единство большинства «Я», только потом приходящее к синтезу, а как первичное, далее неразложимое единство, из лона которого и вырастает «Я» (С.Л. Франк).

В XIX – первой половине XX в. развитие идеи соборности, идеи «всеединства» связано прежде всего с именами В.С. Соловьева, И.А. Ильина, П.П. Флоренского, Е.Н. Трубецкого, Н.О. Лосского, которые затрагивали тему одиночества, рассматривая ее как проблему духовного и культурного кризиса человека. Основную причину переживания одиночества они видели в потере сущности нравственного единения человеческого рода, утрате истинности смысла этого понятия.

В советской России проблема одиночества по идеологическим причинам не изучалась. Одиночество считалось неизбежным спутником отчуждения, присущего только западному миру (Н.Е. Покровский).

Теоретический интерес к данной проблеме стал проявляться в отечественной науке лишь в конце 20 века. Изменения социально-экономической и политической ситуации в нашей стране при-

вели к новому статусу данной проблемы в общественном сознании россиян. Российские ученые едины во мнении, что в современных условиях переориентации российских ценностей тема одиночества начинает неизбежно превращаться в «глубоко русскую» (Н.Е. Покровский, Ж.В. Пузанова, Л.И. Старовойтова).

Философские концепции во многом обусловили социальные и социально-психологические подходы к проблеме одиночества. Представленные в мировой психологии и социологии подходы к изучению природы одиночества связаны с именами зарубежных (в т.ч. немецких) ученых, которые в 20 веке исследовали этот феномен в самых различных аспектах.

Выделяются несколько подходов к проблеме изучения одиночества, сформировавшихся в западной науке: психоаналитический (Дж. Зильбург, П. Лейдерман, Г. Салливан, З. Фрейд, Ф. Фромм-Рейхманн), клиенто-центрированный (К. Роджерс), социальный (К. Боумен, Д. Рисмен и Ф. Слейтр), интеракционистский (Р. Вейс), когнитивный (Л. Пепло, М. Мицели и Б. Мораш), интимный (В. Дерлег, С. Маргулис), общесистемный (Дж. Фландерс), экзистенциальный (К. Мустакас, И. Ялом).

В отечественной психологии и социологии 20 века проблема одиночества исследовалась, главным образом, в эмпирическом контексте: одиночество рассматривалось как состояние, связанное либо с вынужденной изоляцией человека (Ю.А. Алферов, И.П. Волков, В.Н. Лебедев, Б.Ф. Ломов), либо с браком и семьей (А. Рубанов, Л.С. Сальникова и др.). Лишь в последние два десятилетия начали проводиться глубокие исследования одиночества как психического феномена (С.Л. Вербицкая, С.Г. Трубникова, И.А. Уледова и др.), в частности изучена специфика переживания чувства одиночества представителями разных возрастных групп (Г.А. Гаврилова, А.Р. Кирпинов, С.В. Малышева и др.).

Выявление когнитивных признаков концепта «Einsamkeit / одиночество» предполагает обращение к анализу словарных дефиниций ключевых лексем, их репрезентирующих. Для того чтобы очертить ядро исследуемого концепта, мы обратились не только к филологическим, но и к энциклопедическим словарям.

Результаты проведенного анализа лексикографических источников показали, что описываемый концепт находит более детальное «распредмечивание» в немецкой лингвокультуре. На основе анализа лексикографических дефиниций мы установили общие для сопоставляемых концептов семантические признаки: «состояние», «каузативная сема», «знаковость», «естественный характер», «последствия», составляющие их понятийное ядро. К культурноспецифическим признакам немецкого концепта отно-

сятся – «условия появления», «виды», «градация», «формы смягчения», культурноспецифическими семантическими признаками русского концепта «одиночество» являются «длительность» и «формы проявления».

В ходе анализа мы выяснили, что семантические признаки слов, называющих концепт «одиночество» в сравниваемых языках, не сводятся только к различиям количественного порядка; есть различия и в качественном отношении. Существенным признаком состояния, называемого лексемами «*Einsamkeit* /одиночество», является причина, его вызывающая – «отдельное проживание» и «отсутствие контактов». Однако в немецких дефинициях в отличие от русских акцент делается именно на отсутствии/ограничении контактов, объект же этих контактов не конкретизируется (*ohne Kontakt zu anderen Menschen; zur Umwelt; ohne Gesellschaft*). Для русского национального сознания существенным является не столько отсутствие контактов с людьми, сколько отсутствие самих окружающих – близких по духу (*друзей, соратников, единомышленников, сподвижников*), либо по родству (*отсутствие семьи, родственников, проживание без семьи*). Характерно, что последний из названных семантических признаков в немецкоязычных словарях вообще не зафиксирован.

Анализ иллюстративной части словарных статей к лексемам «*Einsamkeit* /одиночество» позволил выявить дополнительные к названным выше семантические признаки: «чувство», «градация», «причина плохого настроения» (концепт «одиночество»), «боязнь одиночества» (русский концепт «одиночество»), «источник страдания», «безысходность», «стремление к одиночеству» (немецкий концепт «*Einsamkeit*»).

Поскольку семиотическая плотность концепта – наличие у него большого количества синонимов – признается концептологически значимой характеристикой, нами были проанализированы лексикографические источники с целью выявления синонимов у лексем «одиночество» и «*Einsamkeit*».

Синонимический ряд слова «*Einsamkeit*» включает следующие имена существительные: *Abgeschiedenheit, Abkapselung, Abschließung, Alleinsein, Alleinstehen, Ausgeschlossenheit, Beziehungslosigkeit, Eingezogenheit (veralt.), Einsiedlerleben, Isolation, Isolierung, Kontaktarmut, Menschenscheu, Ungeselligkeit, Vereinsamung, Verinselung, Verlassenheit, Verlassensein, Verlorenheit, Weltentfremdung, Zurückgezogenheit* (21 единица).

Общими для этих синонимов выступают следующие семантические признаки – «состояние» и «ограниченность контактов». Дифференцирующими выступают признаки «знаковость», «кауза-

тивность», «последствия», «контролируемость/ неконтролируемость со стороны субъекта», «качественные характеристики контактов», «количественные характеристики контактов».

При анализе русских синонимических словарей было обнаружено, что только в одном словаре представлены синонимы к слову «одиначество»: *сиротливость*, *сиротство*. Общими для анализируемого синонимического ряда выступают признаки «состояние» и «отсутствие близких». В дефиниции слов «сиротливость», «сиротство» присутствуют уточняющие признаки: «отсутствие родителя/ родителей», «возраст – несовершеннолетний».

Значительное количественное преобладание единиц, номинирующих одиночество в немецком языке, может свидетельствовать о его более детальном членении конкретного участка когнитивного континуума, где отдельные характеристики *Einsamkeit* получают специальные обозначения, зафиксированные в лексикографии. Этот факт является отражением высокой социокультурной значимости феномена одиночества для немецкого этноса. Фиксация в русских словарях только двух синонимов у слова «одиначество» может свидетельствовать, по нашему мнению, о несколько меньшей релевантности понятия одиночества для русских.

Основательное изучение концептов предполагает обращение к этимологии слов, их называющих. Сопоставительный анализ этимологических данных, отраженных в специальной научной литературе, показал наличие достаточно полных сведений о происхождении слов, номинирующих немецкий концепт и отсутствие данных об этимологии номинантов русского концепта. Номинант концепта «Einsamkeit» является производным от *einsam* (первоначальное значение «единый», «единственный») было образовано в XV в. от ср.-верх.-нем. *ein* «один» с помощью суффикса –*sam*. М. Лютер применил слово *einsam* двадцать раз в своем переводе Библии в качестве экспрессивного слова вместо *allein* (один), а также в значении «неженатый». Благодаря употреблению М. Лютером *einsam* вошло в литературный язык в современном значении и получило в нем широкое распространение.

Имя существительное *Einsamkeit* впервые зафиксировано в словарях XV в. для передачи значения лат. *sōlitūdo*. Составителями этимологических словарей отмечается, что субстантив *Einsamkeit* в тексте перевода Библии М. Лютера не встречается ни разу. Впоследствии это слово послужило основой для образования целого ряда слов: *Waldeinsamkeit*, *Bergeinsamkeit* (Л. Тик), *Alpeneinsamkeit* (Г. Гейне). *Garteneinsamkeit Halbeinsamkeit Tageseinsamkeit* (М. Гете), *Dorfeinsamkeit, Feldeinsamkeit*. В 1811 по-

явился глагол *vereinsamen* (Клопшток), от которого позже было образовано имя существительное *Vereinsamung*.

В русских этимологических словарях не даны сведения о происхождении слова *одиночество*. Очевидно то, что оно является производным от общеславянского **edinъ* (сложение основ. ед- и ин- буквально – «совсем один»).

Анализ репрезентации исследуемого концепта в прецедентных текстах обнаруживает его этнокультурную специфику в сопоставляемых языках.

В паремиологических фондах немецкого и русского языков концепт «одиночество» характеризуется в контексте употребления концептов «общество», «труд (физический, интеллектуальный)» (*Одна голова хорошо, а две лучше; Ein Kopf allein geht nicht zu Beratung*), «смерть» (*На миру и смерть красна; In Gesellschaft sterben ist wie ein Jubiläum*), «несчастье» (*На людях и горе вполгоря; Geteiltes Leid ist halbes Leid*) «физическая сила» (*Палец слаб, а кулак силен; Ein Finger allein tötet keine Laus.*). Специфичным является отражение в немецких поговорках связи концепта *Einsamkeit* с концептами «Бог» (*Ein Einsamer ist entweder ein Gott oder ein Teufel*), «власть» (*Der Adler steigt allein, Kühe und Schafe gehen miteinander*). В русских поговорках концепт «одиночество» обнаруживает специфическую корреляцию с концептом «семья» (напр., *Семья воюет, а один горюет*).

В подавляющем большинстве русских поговорок слово «одиночество» обладает отрицательной коннотацией, в то время как в большинстве немецких поговорок представлена амбивалентная характеристика слова «*Einsamkeit*». В русских поговорах отражается однозначное предпочтение жизни человека в обществе (*К миру приставай, а от мира не отставай*). В немецкой же культуре выбор в оппозиции «общество – одиночество» зависит от характеристик самого общества (*Besser ist es einsam sein, als sich mit den Bösen freu'n*).

Для русского социума характерно признание прямой зависимости качества действия от количества субъектов действия. Действия нескольких лиц, напр., при выполнении какой-либо работы, считаются более эффективными, чем действия отдельного человека и как следствие отрицательное отношение к одиночеству (*В одиночку не одолеешь и кочку, а артелью – и через гору в пору. Мирское дело одному не под силу*). В немецком социуме внимание фокусируется не на количестве действующих лиц, а на качестве действий, обстоятельствах их совершения, и, исходя из оценки последних, оценивается и само одиночество – в одних случаях положительно (*Ein Mann allein trägt zwei Eimer Wasser;*

zwei Männer tragen zusammen einen Eimer Wasser, und drei Männer tragen überhaupt kein Wasser mehr.), а в других – отрицательно (*Einer allein kann kein Quartett spielen.*).

Большую актуальность темы одиночества для немецкого социума уже в период формирования пословично-поговорочного фонда подтверждает факт использования в поговорках деривата базовой номинации концепта (*Einsamkeit ist die Schule der Weisheit*). Примеров употребления лексемы «одиночество» в русских пословицах и поговорках нами не обнаружено.

Для наиболее полного составления лингвокультурных характеристик концепта «одиночество» мы обращаемся к анализу текстов афоризмов.

Соглашаясь с мнением ученых о том, что афоризмы в отличие от пословиц в значительной мере выражают не национально-культурное, а индивидуально-личностное мировидение, мы, тем не менее, считаем, что учет мнения авторов афоризмов при описании лингвокультурного концепта важен. Автор афоризма рассматривается нами как носитель этнической ментальности, как элитарная языковая личность, неотделимая от своего народа, от своей эпохи. Выдающиеся личности не только выражают систему ценностей, характерную для той/иной лингвокультуры, но и активно их формируют.

Количество немецких афоризмов об одиночестве (89 высказываний) значительно превосходит соответствующие русские высказывания (29 единиц). Данный факт может быть объяснен более значительным распространением афористики в Германии как самостоятельного вида литературного творчества, с одной стороны. Однако, с другой стороны, можно утверждать, что для сборников универсальных высказываний, изданных в России, тему «Одиночество» нельзя назвать популярной. Популярность же этой темы в немецкой афористике объясняется тем, что одиночество уже несколько столетий является одной из базовых тем немецкой философии.

Немецкие и русские мыслители, размышляя о понятиях «одиночество» и «жизнь в обществе», утверждают, что они не обязательно взаимоисключают друг друга: *Niemals fühlt man sich einsamer als in großer Gesellschaft* (Н. Eulenberg); *Чувство одиночества особенно тягостно на людях* (И. Шевелев). Большинство авторов русских афоризмов указывают на предпочтительность жизни человека в обществе; жизнь в одиночестве не признается правильной: *Напрасна и случайна одинокая жизнь* (Л. Красавин).

В рассуждениях немецких и русских мыслителей одиночество оказывается соотносимым с такими концептами, как «свобода»

(*Wer nicht die Einsamkeit liebt, der liebt auch nicht die Freiheit* (A. Schopenhauer)); «самопознание» (*In der Einsamkeit lernt man, sich selber zuzuhören* (A. Schweitzer)); *Человек становится тем, чем он становится, оставаясь наедине с самим собой* (В. Сухомлинский)), «счастье» (*Ist dir die Einsamkeit gute Gesellschaft, dann, Glücklicher, zähle zu den Glücklichen dich; aber verschweige dein Glück* (F. Bouterwek)); *Истинное счастье невозможно без одиночества* (А.П. Чехов). *Человек, выделяющий себя среди других людей, лишает себя счастья, потому что чем больше он отделяет себя, тем хуже его жизнь* (Л.Н. Толстой)), «опасность» (*Gewiß, weil wir doch einmal so gemacht sind, dass wir alles mit uns und uns mit allem vergleichen, so liegt Glück oder Elend in den Gegenständen, womit wir uns zusammenhalten, und da ist nichts gefährlicher als die Einsamkeit* (J.W. Goethe); *Если тебе мешают люди, то тебе жить незачем. Уходить от людей – это самоубийство* (Л.Н. Толстой)). В немецких афоризмах подчеркивается, что одиночество гарантирует человеку состояние покоя (*Ruhe, das höchste Glück auf Erden, kommt sehr oft nur durch Einsamkeit in das Herz* (J.G. von Zimmermann)), способствует его самосовершенствованию (*Die Einsamkeit macht uns härter gegen uns und sehnsüchtiger gegen die Menschen; in beiden verbessert sie den Charakter* (F. Nietzsche)).

Как и в паремиях в большей части русских афоризмов имеет место отрицательная оценка одиночества (79% из числа всех высказываний), в то время как в немецких афоризмах количество высказываний с положительной и отрицательной оценкой приблизительно одинаковое (42% и 58% соответственно).

Опираясь на специальные лексикографические источники, мы выявили и проанализировали 25 русских и 26 немецких фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, воплощающие концепт «одиночества» в сравниваемых лингвокультурах, мы классифицируем на четыре семантические группы: 1)ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству субъекта действия; 2)ФЕ, именующие действия, приводящие к одиночеству объект действия; 3)ФЕ, именующие одинокого человека; 4)ФЕ, описывающие состояние одинокого человека.

Концепт «одиночество» фразеологизируется на основе метафорического и метонимического переносов. Для нас было важным выявить образы, положенные в основу ФЕ, объективирующих исследуемый концепт.

Установлено, что некоторые ФЕ имеют религиозное происхождение. Во ФЕ *die Acht aussprechen, in die Acht erklären, j-n in*

den Bann tun, j-n mit dem Bann belegen отражена практика сурового наказания человека посредством изгнания из общества, первоначально существовавшая у древних германцев, затем закрепленная законами средневекового государства и проявившаяся в виде наложения анафемы католической церковью. Воспоминание об особой тяжести изгнания, провозглашаемого одновременно и церковью, и государством, зафиксировано во ФЕ *j-n in Acht und Bann tun/ erklären/ schlagen*. ФЕ *im stillen Kämmerlein* (букв. в тихой каморке) восходит к религиозным размышлениям о том, как и где следует молиться. Фразеологизм *ein volkstümlicher Säulenheiliger* (букв. популярный святой на столбе) восходит к распространенной в 4-6 вв. в Сирии и Палестине традиции, согласно которой монахи, стремясь приблизиться к Богу, проводили жизнь аскета на столбе. Религиозные корни имеет и ФЕ *христова невеста*. Христовыми невестами первоначально называли монахинь и девушек, отказавшихся от брака ради богомолья, позднее так стали называть любую женщину, не вышедшую замуж.

В основу метафорического переосмысления в части ФЕ, описывающих одиночество, положены различные типы ассоциаций с животными: *ein komischer Kauz* (букв. смешной сыч), *ein gelehrter/ philosophischer Kauz* (букв. сыч-ученый, сыч-философ), *die Eule unter den Krähen* (букв. сова среди ворон), *schwarzes Schaf* (букв. черная овца), *ein Muschelleben führen* (букв. вести жизнь ракушки) *жить как сыч/ сычом, не показывать/ не казать носу, белая ворона*.

В основе ФЕ *sich ins/ in sein Schneckenhaus zurückziehen/ verkriechen* (букв. удалиться/ забиться в раковину улитки) лежит образ улитки, имеющей возможность в любой момент спрятаться от внешнего мира. В русском фразеологизме *уйти/ забиться/ спрятаться в свою скорлупу* нет непосредственного указания на конкретное животное, поэтому при употреблении данной ФЕ у человека возникает образ разных животных, имеющих раковину, панцирь и т.п. – улитка, рак-отшельник, черепаха. *Людей, одиноких от натуры, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу на этом свете не мало (А.Чехов). Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу... (Ф. Достоевский)*.

В основе ФЕ *уйти (забиться) в свою нору* лежит образное сравнение с животным, которое прячется в своем жилище от опасности. Анализ компаративных конструкций «забился в нору как...» позволяет сделать вывод о том, что имеется в виду нора суслика, сурка, крота, пескаря (по аналогии с премудрым пескарем Салтыкова-Щедрина).

Ситуация изоляции в некоем помещении просматривается во внутренней форме следующих ФЕ: *in der Stube hocken* (букв. сидеть на корточках в комнате), *sich in den/ in sein Schmollwinkel zurückziehen / verziehen* (букв. удалится в уголок обиды), *жить/ сидеть / запираться в четырех стенах, уйти в самого себя, замкнуться/ замыкаться в самом себе*.

Ситуация неразрешения войти кому-либо в дом легла в основу ФЕ, именующих действия, приводящие к одиночеству объекта действия: *не пускать на порог, закрыть/ запереть двери перед кем-либо, отказать/ отказывать от дома/ дому*.

Оценка в исследованных ФЕ является, в основном, фиксированной и располагается в большинстве случаев в отрицательном части аксиологической шкалы.

Концепт «одиночество» получает вариативное воплощение в различных типах дискурса. Нами исследовались характеристики одиночества, отраженные, в частности, в произведениях художественной литературы (18-20 вв.) и в речи участников Интернет-форумов (2001-2004 гг.).

Выбор в качестве исследовательского материала художественного текста обусловлен его спецификой: в его ткань максимально включены личностные, нестандартные ассоциации художников слова, следовательно, могут быть обнаружены ярко выраженные различные ассоциативные признаки, характеризующие интересующий нас концепт.

Анализ способов репрезентации исследуемого концепта в речи участников Интернет-форумов обусловлен нашим стремлением учесть характеристики одиночества, во-первых, на *современном* этапе развития немецкой и русской лингвокультур и, во-вторых, получить доступ к представителям массовой культуры, в особенности молодежи, наиболее активно участвующей в Интернет-форумах.

Материал показывает, что наибольшие различия при реализации концепта в художественном тексте и в речи участников форумов проявляются в выражении ими оценки одиночества. Художественному тексту присущи те же оценочные суждения об одиночестве, которые были нами отмечены при анализе прецедентных текстов: для русского художественного текста характерно значительное преобладание отрицательных коннотаций, сопровождающих слова, обозначающие «одиночество» (6 к 1); немецкому художественному тексту свойственны незначительные количественные расхождения в положительной и отрицательной оценке одиночества.

Анализ речи участников форумов позволяет утверждать, что в современном языковом сознании немцев и русских преобладает отрицательное восприятие состояния одиночества.

Различия наблюдаются и на понятийном уровне изучаемого концепта. В художественной литературе представлены два четко выраженных вида одиночества – «пространственное» и «духовное». Подавляющее же большинство участников форумов выражает свое мнение о «духовном» одиночестве (одиночестве-чувстве), явлении, получившем особенно широкое распространение в современном обществе.

Исследование единиц вторичной номинации, которые представлены в нашей работе метафорическими выражениями, обнаруженными в прецедентных и художественных текстах, а также в высказываниях участников форумов, позволило нам выделить различные типы метафор. Заметим, что при этом наибольшее количество метафор мы обнаружили в речи участников Интернет-форумов.

Наиболее продуктивными являются: 1) патологическая метафора (*Einsamkeit macht einen Menschen krank. Damit meine ich nicht nur körperlich, sondern auch seelisch, geistig, physisch* (Forum); *Впрочем, все лежало вне зрительного образа, скорее относилось к области чувств и выражалось ощущением абсолютного, мучительного одиночества* (Быков)); 2) антропоморфная (*Einsamkeit ist mein treuester Begleiter* (Forum); *Последняя попытка победить одиночество* (Васильев)), 3) зооморфная (*Du kannst nicht verhindern, dass der Einsamkeitsvogel dich umfliegt, aber du kannst verhindern, dass er in deinem Herzen Nester baut* (Forum); *В глубине его глаз беспросветная темь – такое уж волчье одиночество во всем его облике, что вот-вот завоюет и ты ему подвоюешь* (Астафьев)); 4) реиморфная (*Einsamkeit ist ein süßes berauschendes und zuletzt tödliches Gift* (Spielhagen), *Память моя, сотвори еще раз чудо, сними с души тревогу, тупой гнет усталости, пробудившей угрюмость и отравляющую сладость одиночества* (Астафьев).

Реже встречаются фототермическая (*Und diese kalte Einsamkeit* (Jean Paul); *И показалось мне это пятилетнее одиночество холодным и неуютным* (Абрамов)), акустическая (*Nur wieder diese dumpfe Einsamkeit* (Forum); *Лучший звук одиночества – шум ветра* (Форум)), хроматическая (*Eine traurig-graue Einsamkeit macht sich in meinem Herzen breit* (Forum); *Засосало, закрутило в утробе от черного, от беспросветного одиночества* (Приставкин)) и сенестезическая (*Selbstgewählte Einsamkeit schmeckt an-*

ders (Forum); У магазинных пельменей вкус одиночества (Форум)) метафоры.

Специфичным для русского языкового сознания является использование ботанической метафоры для образной характеристики одиночества (напр., Оно настолько прорастает в тебя корнями, что избавиться от него нельзя (Форум)).

Конкретные образы, через которые репрезентируются концепты «Einsamkeit» и «одиночество», в большей их части совпадают. Общими являются следующие метафоры: «враг», «убийца», «спутник», «преследователь», «друг», «гость», «хозяин», «хищник», «птица», «боль, болезнь», «груз», «оковы», «круг», «тюрьма», «препятствие», «дорога», «яд», «тень», «стена», «море», «бездна». Одиночеству приписываются вкус, запах, цвет, звуковые и температурные характеристики.

Специфичными для русских высказываний являются следующие метафоры: «скорлупа», «любовник», «растение», «омут», «болото», «туман», а для немецких – «лекарство» и «лабиринт».

Обращает на себя внимание и более детальное описание свойств одиночества в русских высказываниях. Так, при персонализации подробно описывается внешность одиночества (лицо, руки, глаза, губы, тело и т.д.), перечисляется большее количество действий (дремлет, просыпается, смеется, грустит, плачет, говорит, плюет, венчается и т.д.); одиночество именуется (называются имя, отчество), ему приписываются практически все характеристики, которые присущи активно живущему человеку.

Различия в употреблении немецких и русских фототермических, хроматических, синестезических и акустических метафор носят не только количественный, но и качественный характер. Так, например, общее количество немецких и русских высказываний с цветовыми наименованиями приблизительно равно, однако в немецких примерах упоминается только серый и черный цвета, а в русских – белый, фиолетовый, серый, голубой, комбинация голубовато-серый, цвет огня, осени. Правда, при этом в обоих языках преобладает употребление серого цвета, который, по мнению психологов (Л.М. Веккер, А.Н. Лутошкин, М. Люшер), ассоциируется с негативными эмоциями, в частности с апатией и меланхолией.

Особенно значительны различия при вербализации концепта «одиночество» посредством метафоры запаха. Единичное употребление такой метафоры в немецких высказываниях (*Einsamkeit stinkt*) иллюстрирует невысокую значимость запаха применительно к описываемому концепту для представителей немецкого социума. Участники русскоязычных форумов, наоборот, стремят-

ся к использованию метафоры запаха для вербального оформления переживания чувства одиночества (*острый, терпкий, едкий, ядовитый, запах земли, озона*).

Содержательные аспекты исследуемого концепта позволили выявить определенные эмоции, сопровождающие переживание одиночества. В немецкой и русской лингвокультурах общими являются ассоциации с такими эмоциональными состояниями, как страх, ужас, грусть, печаль, тоска, скука и счастье. Кроме того, для русского языкового сознания характерны ассоциации одиночества с состоянием подавленности, тревоги, угрюмости, отчаяния, обиды; одиночество часто сопровождается осознанием оторванности от коллектива, отчуждения и сиротливости.

Практический материал позволяет утверждать, что немцы и русские ассоциируют одиночество с определенными временами года – зимой, осенью, а также временем суток – ночью и вечером.

Подведем основные итоги:

1. Основное содержание концепта одиночества в немецком и русском языковом сознании и коммуникативном поведении заключается в следующих признаках:

а) понятийную сторону данного концепта составляет психическое состояние человека, возникающее вследствие фактического отсутствия его контактов с окружающими людьми, либо вследствие неудовлетворенности индивидуумом качеством существующих контактов;

б) образную сторону этого концепта формируют ассоциации одиночества с рядом субстанций – болью, болезнью, хищником, оковами, тюрьмой, стеной, бездной, ядом. Одиночеству приписываются вкус, запах, цвет, звуковые и температурные характеристики. Специфически русскими являются ассоциации одиночества со скорлупой, любовником, растением, омутом, болотом, туманом; к специфически немецким относятся ассоциации одиночества с лабиринтом и лекарством;

в) ценностную сторону этого концепта составляет оценочное отношение к переживанию одиночества человеком.

2. В немецкой и русской концептосферах концепт одиночества обнаруживает максимальное пересечение с такими концептами, как «общество», «труд», «смерть», «счастье/несчастье», «опасность» и «свобода».

3. Основные отличия в представлении концепта «одиночество» в немецком и русском языковом сознании и коммуникативном поведении следующие:

а) концепт одиночества более значим для немецкого языкового сознания (в особенности для немецкой научной картины мира).

Традиционно он является одной из центральных тем немецкого научного и в определенной степени обыденного сознания на протяжении длительного периода развития немецкого социума. В российском обществе тема одиночества приобретает статус релевантной на современном этапе его развития;

б) в русском лингвокультурном сообществе феномен одиночества ассоциирован преимущественно с его негативным восприятием. В немецком лингвокультурном сообществе одиночество оценивается амбивалентно – либо абсолютно положительно, либо отрицательно;

в) культурноспецифическим для немецкого социума является жесткая корреляция концепта «Einsamkeit» с концептами «Бог», «власть»; для русского общества культурноспецифической выступает связь концепта «одиночество» с концептом «семья»;

г) немецкий концепт «Einsamkeit» имеет по сравнению с его русским эквивалентом более детальное языковое (лексическое) «распредмечивание», что может свидетельствовать о его большей социально-психологической релевантности для немецкого социума.

Литература

Подзолкова, Н.В. Концепт EINSAMKEIT в немецкой лингвокультуре (опыт анализа метафорических выражений) / Н.В. Подзолкова // Аксиологическая лингвистика: Проблемы языкового сознания. Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2003. – С. 36-43.

Подзолкова, Н.В. Образная составляющая концепта «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах / Н.В. Подзолкова // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тез. докл. междунар. конф. 27 апреля 2004 / Под. ред. проф. Н.А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 82-84.

Подзолкова, Н.В. Фразеологические единицы, номинирующие немецкий лингвокультурный концепт «Einsamkeit» / Н.В. Подзолкова // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: Материалы междунар. конф. (Курск, 26–29 апреля 2005 г.): В 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. В.И. Провоторов. – Курск: Курск. гос. ун-т., 2005. – С. 161–163.

Подзолкова, Н.В. Концепт "одиночество" (опыт лингвокультурологического анализа немецких и русских пословиц) / Н.В. Подзолкова // Антропологическая лингвистика. Сб. науч. тр. Вып. 4. / Под. ред проф. Н.А. Красавского и проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2005. – С. 93-97.

Подзолкова, Н.В. Образная составляющая концепта "одиночество" в русской лингвокультуре // Н.В. Подзолкова Антропологическая лингвистика. – Вып. 4: Сб. науч. тр. / Под. ред проф. Н.А. Красавского и проф. В.П. Москвина. – Волгоград: Колледж, 2005. – С. 97-102.

МЫСЛЬ

Концептуальный анализ абстрактных концептов представляет особую сложность для исследователей. «Их сущность «расплывчата», «мало поддается определению», «субъективна по своему характеру», «носители языка владеют ими бессознательно», «толковые словари фиксируют самые общие их признаки».

Целью исследования является описание структуры концепта *мысль* в его языковом выражении. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить и описать понятийные признаки концепта *мысль*.
2. Определить образные признаки, формирующие структуру концепта *мысль*.
3. Выделенные образные признаки дифференцировать по группам (витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные, предметные, гастрономические, стихийные, пространственные, временные), описать их и представить в таблицах.
4. Охарактеризовать основные когнитивные модели и концептуальные метафоры, с помощью которых выражаются признаки данного концепта в языке.

Вслед за М. В. Пименовой в работе используется следующее определение *языковой картины мира* – «это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилятивными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культурой этого народа» (Пименова 2005).

Языковая картина мира означает основные элементы концептуальной картины мира и эксплицирует ее средствами языка, при этом она лишь частично отражает концептуальную систему – далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Исследование языковой картины мира предполагает изучение той части языковой системы, которая отражает ненаучные наивные представления, включая те фрагменты научной картины мира, которые получили обычные обиходные языковой корреляты.

В настоящей работе, вслед за М. В. Пименовой, *концепт* определяется как «некое представление о фрагменте мира или

части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженное разными группами признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» (Пименова 2003).

Особую роль в изучении концептов внутреннего мира человека выполняет метафора. Ассоциируя абстрактные понятия с конкретными осязательными предметами, человек унифицирует мир идей и мир вещей, давая возможность существовать в однородном реальном мире. В большинстве случаев инструментом для решения столь важной задачи служит метафора. Вслед за американскими лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, метафора представляется не только собственно языковой характеристикой, но она в первую очередь связана с мышлением и деятельностью человека. Новый подход в истолковании метафоры характеризует ее как явление концептуальное. Основным принцип метафоризации заключается во взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение». Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Сфера цели является менее конкретным, определенным знанием. Таким образом, «метафора позволяет человеку понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных» (Lakoff, Johnson 1980).

В работе используется методика концептуального анализа, разработанная школой концептуальных исследований М. В. Пименовой.

Внимание акцентируется на рассмотрении сочетаемостных свойств номинанта концепта. *Мысль* – это номинант концепта. Исследования показывают, что высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов. «Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надежной концептуализации явления, максимально абстрагированной от ситуации» (Попова, Стернин 2003). Для выявления признаков, формирующих структуру концепта *мысль*, анализу синтагматической сочетаемости подвергаются слова с корневой морфемой -мысл-.

Исследование концепта проходит в несколько этапов:

1. Рассматривается этимология номинанта концепта *мысль*: выявляются первоначальные значения этимона, исследуются пути развития значений.

2. Исследуются словарные дефиниции номинанта концепта, в результате чего выявляются понятийные признаки концепта.

3. Составляющей метода концептуального анализа является исследование метафорической сочетаемости, позволяющей выявить образную составляющую концепта.

4. Выявленные признаки, формирующие структуру концепта *мысль*, фиксируются в таблицах. При этом указывается процентное отношение соответствующих признаков с общим количеством языковых конструкций, в которых актуализируется тот или иной признак.

«Мысль» считается близким словам индоевропейского языка (готс. *maudajan* — «думать») и образованным посредством суффикса *-ель-*. По предположению В. Н. Топорова, «мысль» близко и индоевропейскому корню **теп-* (др.-инд. *manas* — «мысль», лит. *mintis* — «мысль», *minti* — «думать», авест. *manas* — «мысль»).

За долгий период существования слово «мысль» сохранило известное в древнерусском языке и актуальное в современной языковой системе значение — «определенный процесс в сознании человека». На развитую структуру концепта *мысль* в древнерусском языке указывает и факт его толкования через синонимы в словарях языка этого периода. Существование синонимического ряда слова говорит о том, что *мысль* уже в древнерусском языке является широким концептом и включает в свое содержание практически все именованя ментальных состояний человека. В древности сложился основной круг значений корня этой лексемы, который лег в основу понятийной составляющей концепта.

В словарях современного языка отмечается расширение семантики слова «мысль», где ведущим значением является «продукт деятельности разума, размышления, рассуждения». Проведенный лексикографический анализ бесспорно доказывает важность концептуального описания этой ментальной категории.

Лексическое значение номинанта концепта *мысль* позволяет раскрыть природу понятийных признаков в структуре концепта. «Значение слова выполняет функцию общей репрезентации концепта в системе языка за счет описания его наиболее характерных, существенных признаков, т.е. определенной, наиболее репрезентативной части концепта» (Болдырев 2000). Изучение понятийных признаков вслед за З. Д. Поповой, И. А. Стерниным

проводится через вычленение и описание сем, находящихся в составе семем слова, номинирующего концепт.

Сопоставления дефиниций различных словарных статей позволяет сделать вывод о том, что наиболее полное толкование слова *мысль* представлено в словаре современного русского языка под ред. А.П. Евгеньевой. Данные толковых словарей современного русского языка, дают основание выделить пять признаков, которые составляют понятийную часть структуры концепта: 1. 'процесс мышления', 2. 'результат мыслительного процесса', 3. 'область знаний', 4. 'заполнять сознание', 5. 'взгляды'.

Признак 'результат мыслительного процесса' имеет самый высокий показатель частотности языковых употреблений (59,85 %), что указывает на его актуальность в процессе функционирования. Наименьшую актуализацию в языке получает признак 'область знаний' – 0,6 %. Определенный понятийный признак концепта может приобретать актуальность для носителя языка, если он хорошо «ощущает смысл», который несет этот понятийный признак, если он соответствует обыденным представлениям.

Образные признаки концепта *мысль* вслед за М. В. Пименовой (работы 1999-2005 гг.) и ее учениками (работы О. Н. Кондратьевой, С. А. Сергеева, Н. М. Сергеевой, О. А. Урусовой) делятся на 9 групп: витальные, антропоморфные, имеющие в своем составе гендерные, социальные, эмоциональные, ментальные признаки, зооморфные, вегетативные, стихийные, предметные, а также артефактные, гастрономические, пространственные, временные.

В разделе первом описываются витальные признаки концепта *мысль*. Выявленные витальные признаки позволяют говорить о представлении концепта *мысль* в сознании человека в образе живого существа. Закрепленность в языке когнитивной модели '*мысль* – живое существо' подтверждается возможностью семантической согласованности номинанта концепта со словами, выражающими значение «живой» (...*мысли сыпались нежданные, живые* (Апухтин. Памяти Ф. И. Тютчева).

'Рождение' и 'смерть' являются закономерными и неизбежными стадиями существования любого живого организма: *В голове его родились странные мысли* (Гоголь. Сорочинская ярмарка); *Это чтобы не умирала великая мысль...* (Достоевский. Братья Карамазовы). Витальность концепта *мысль* обозначается в языке представлениями характеристик тела: признаки 'здоровье', 'болезнь', 'крепость', 'сила', 'слабость', 'лихорадка', 'усталость', объективируемые в языковых конструкциях типа *здоровые мысли, больная мысль, крепкая мысль, сильная мысль, слабая мысль, лихорадка мысли*. В структуре концепта *мысль* актуализированы

и такие общие витальные свойства, как 'зрение', 'сон', 'обладание голосом', 'возраст' (*мысль смотрела, мысль просыпается, говорящая мысль, молодые мысли*).

Наиболее релевантным в структуре концепта *мысль* оказывается признак 'возраст' (12,6 %). Актуальными выступают фазы 'детства', 'молодости', 'старости'. Обращает на себя внимание тот факт, что не отмечены признаки 'младенчества' и 'отрочества' среди способов актуализации исследуемого концепта. Кроме того, важным является и признак 'болезни' (11,4 %). М.К. Головановская замечает, что «описания персонифицированной мысли как живого, своевольного, не удобного для человека существа явным образом превалирует над описанием ее «достоинств» (Головановская 1997).

Следующую группу образных признаков концепта *мысль* образуют антропоморфные признаки. Процесс познания мира человеком отмечается особенностями восприятия окружающей действительности, которая «очеловечивается». Отождествление человека и объектов внешнего и внутреннего миров основывается на схожести действий и состояний, проявляющихся в социальном, эмоциональном, ментальном и гендерном поведении. В связи с чем антропоморфные признаки делятся на социальные, эмоциональные, ментальные, а также гендерные.

Среди многих присущих человеку характеристик наиболее показательными выступают социальные. Социальная метафорическая система «объединяет метафоры, репрезентирующие не предметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе с различными типами его профессиональной деятельности» (Балашова 1998). *Мысль* способна вступать в определенные отношения с человеком и другими субъектами внутреннего мира человека, вскрывая тем самым свои социальные признаки.

Выявлены социальные признаки поведения, которые входят в разряд социальных из-за направленности действия на других: 'доброта', 'враждебность', 'благородство', 'добродетель': *Вы злой переводчик добрых мыслей* (Бестужев. Испытание). Большое количество языковых конструкций отражает признаки занятий: 'работа', 'игра', 'лень': *...напряженная работа мысли придавала их физиономиям вдохновенный и гордый вид* (Тэффи. Публика). В структуре концепта *мысль* содержатся социальные признаки 'свобода', 'самостоятельность', 'смелость', 'бедность' и 'богатство': *...поток новых мыслей, смелых, злых...* (Сологуб. Тяжелые сны). Как и человек, *мысль* может быть 'благоразумной', 'воспитанной', 'образованной': *Он любовался ... красивыми жен-*

щинами и **благородными мыслями** (Тынянов. Кюхля). Совокупность *мыслей* осмысливается в понятиях, применимых к сообществу людей. В связи с этим возникают признаки 'толпы', 'хора': **Мысли его толпятся около этой милостыньки** (Гарин-Михайловский. Детство Тёмы).

Эмоциональные состояния, свойственные человеку, широко представлены в структуре концепта *мысль*. *Мысль* может «испытывать» положительные и отрицательные эмоции; выявлены также промежуточные между этими полюсами эмоциональные состояния. В группу положительных эмоций входят признаки 'радость', 'веселье': **На следующий день я проснулся с радостной мыслью** (Брюсов. Огненный ангел). В противовес бурным эмоциям ('волнение', 'страсть') *мысли* свойственно и спокойное состояние – признак 'спокойствие'. Спектр негативных эмоций представлен в языке большим количеством признаков, среди которых одним из ядерных оказывается 'грусть' (10,1 %): **...он сказал несколько отрывков, наведших меня действительно на грустные мысли** (Кузмин. Высокое искусство). В структуре концепта *мысль* выявлены также признаки 'страдание', 'тревога', 'уныние', 'мрачность', 'печаль', 'тоска', 'уныние'. Следует разграничивать эмоциональные признаки концепта, которые реализуются согласно модели '*мысль* – существо, которое испытывает эмоции', а также '*мысль* – то, что вызывает эмоцию'. В структуре концепта *мысль* содержится признак 'любовь', *мысль* можно любить: **Теперь его поглотила любимая мысль** (Гончаров. Обломов).

Помимо эмоциональных признаков концепт *мысль* содержит в своей структуре ментальные признаки. *Мысль* сама является ментальной категорией человека, поэтому в языке существует небольшое количество ментальных признаков. Наиболее частотными ментальными признаками оказываются 'глупость', 'безумие', 'творчество' *мысли*, как указание на ситуации неспособности поступать разумно. Признаки 'ум', 'безумие' и 'глупость' выражают также рациональную оценку исследуемого концепта.

Антропоморфные признаки концепта *мысль* могут быть противопоставлены по гендерным характеристикам. Для концепта *мысль* актуален признак 'мужской'. Но в языке зафиксировано большее количество вариантов обозначения *мысли* как женской способности: 'бабкин', 'девичий', 'женский': **бабкина мысль, девичья мысль**. Прилагательные 'бабкин', 'девичий' кроме гендерных характеристик выражают возрастные признаки.

В структуре концепта *мысль* выделены зооморфные признаки. «Интерес к изучению зооморфных семантических переносов объясняется способностью зоонимов обозначать широкий круг кате-

горий: человек, предметы, явления, выражать оценки, чувства, эмоции, т.е. употребляться не в зоозначениях и иметь прагматическую функцию» (Ватлецов 2001). Группа зооморфных признаков анализируемого концепта делится на анималистские (признаки животного), орнитологические (птиц), энтомологические (насекомых).

В структуре концепта *мысль* выявлены признаки 'обуздать', 'непокорный', 'скакать' (*обуздать мысль, скачущая мысль, непокорная мысль*). Указанные признаки данного концепта выражаются с помощью концептуальные метафоры метафора 'мысль – конь': *И сами понесут мою мысль в будущее, где когда-то встанет она во весь рост, как конь блед!* (Арцыбашев. У последней черты).

Кроме того, проанализированный языковой материал позволил также выделить следующие метафоры: 'мысль – змея' (*Мелькнула змейкой мысль* (Булгаков. Мастер и Маргарита), 'мысль – зверь' (*Внезапно из далекого прошлого выбегают серенькие мысли, как маленькие хвостатые зверьки* (Пришвин. За волшебным колобком).

Орнитологические признаки концепта указывают на то, что *мысль* может *летать, кружиться, витать, парить, порхать, биться, иметь крылья, ее можно поймать и посадить в клетку*. Метафорически *мысль* может переосмысляться в образе воробья: *Мысли, как воробьи, разлетались во все стороны* (Гарин-Михайловский. Инженеры). Языковой материал подтверждает существование метафоры 'мысль – голубь': *Не все еще пропало, – плыли, как плывет воск, воркуны мысли – глупые птицы вокруг стынущего трупа* (Ремизов. Пруд).

Самой обширной оказывается подгруппа энтомологических признаков (37,6 %), которые вскрывают способности *мысли ползать, ворочаться, вливаться, копошиться, метаться, шевелиться, суетиться, жужжать, сосать, точить, быть назойливыми*. Важность энтомологических признаков в структуре концепта *мысль* подтверждается такими метафорами, как 'мысль – вошь' (*Мысли – как воши, их не сочтешь* (Горький. В людях), 'мысль – червь' (*...сиделся подавить в себе вечную мысль о золоте, которая, как червь, обвивает душу жиды* (Гоголь. Тарас Бульба), 'мысль – муха' (*...ее непременно засидят мухи мыслишек и вороны злорадства* (Грин. Дорога в никуда), 'мысль – овод' (*Вдруг злая острая мысль ужалила сердце, как овод* (Мережковский. Антихрист). Совокупность *мыслей* может быть осмыслена как рой: *...Скорбных мыслей смутный рой* (Бедный. Печаль).

В структуре концепта *мысль* выделены также вегетативные признаки. Растительные метафоры – наиболее древний способ переноса физических характеристик на явления внутреннего мира. Как отмечает М. В. Пименова, «вегетативный код является одним из универсальных способов описания фрагментов мира» (Пименова 2003). Для русской языковой картины мира свойственно приписывание морфологических характеристик растения концептам внутреннего мира. Реализация модели '*мысль – растение*' позволяет говорить о наличии в структуре концепта группы вегетативных признаков: 'рост', 'корень', 'стебель', 'сплетение', 'цветение' (*мысли укоренялись, мысли сплетались, цветут мысли, мысли – зеленые стебельки*).

Богатый спектр языковых репрезентаций имеет метафора '*мысль – плод*'. В связи с чем *мысль* осмысляется как 'зрелая' или 'незрелая', что указывает на характер результата мыслительного процесса (*А его мысли ведь зреее твоих* (Гарин-Михайловский. Инженеры). *Мысль*, как плод растения, может иметь вкусовые качества: *сладкая мысль, горькая мысль*. Актуализация признака строится по следующей схеме: приятные вкусовые ощущения ассоциируются с положительными эмоциями, удовольствием, комфортом и т.п., тогда как неприятные вкусовые ощущения – с отрицательными эмоциями, дискомфортом и т.п. Для *мысли* не свойственно описание через такие морфологические признаки растений, как 'ствол', 'крона'; признаками растительного массива – 'сад', 'поле', 'лес', 'бор'.

В русской языковой картине мира *мысль* представлена признаками стихий: 'вода', 'огонь', 'воздух' и 'земля'. На функционирование метафоры '*мысль – вода*' указывают признаки 'исчерпаемость', 'кипение', 'лед', 'мутность', 'полнота', 'заполняемость', 'просачивание', 'способность сливаться', 'текучесть' (*изливать мысли, сливались мысли, мысли кипели, мысли заполняли, полный мыслями, просачивались мысли, текли мысли, мутные мысли, ледяные мысли*). Стихия воды как источник метафоризации *мысли* вводит в язык метафоры '*мысль – река*' (*Мысли являются и утекают, как волжские струи* (Гончаров. Обрыв), '*мысль – море*' (*Море времени и мысли бьется в бездне голубой* (Анненский. Книга отражений), '*мысль – туча*' (*Иногда эти и подобные мысли сгущались темною тучей* (Горький. В людях), '*мысль – волна*' (*...вдруг загораются в нем мысли, ходят и гуляют в голове, как волны в море* (Гончаров. Обломов).

Образ огня также служит продуктивной основой для создания метафорических конструкций, которые позволяют выделить в структуре концепта *мысль* ряд признаков: 'горение', 'мелькать',

‘обжигать’, ‘ослеплять’, ‘угасать’. В процессе анализа языкового материала выявлены метафоры ‘мысль – молния’ (*Как зигзажная молния, прорезала мне голову мысль* (Брюсов. Огненный ангел), ‘мысль – солнце’ (...как маленькое дрожащее **солнечное пятнышко, мысль** о ребенке от него (Арцыбашев. У последней черты), ‘мысли – огоньки’ (...давно уж не присяду к столу в ясный час утра, когда **мысли как огоньки**, а душа горяча (Ремизов. Шумы города).

Мысли наделяются воздушными свойствами. Актуализация признаков происходит по следующим метафорам: ‘мысль – туман’ (*И она, сквозь туманы мысли, спрашивала себя: было это или не было?* (Гиппиус. Родина), ‘мысль – ветер’ (...**мысли бежали, как легкий ветерок** в поле под солнцем (Арцыбашев. У последней черты), ‘мысль – вихрь’ (...**вихри мыслей пронесились** в его голове (Гарин-Михайловский. Студенты), ‘мысль – дым’ (**Мысли** ее были громадны и неслись, как **черный дым**, подхваченный ветром (Арцыбашев. Санин).

Наименьшей по количеству признаков в структуре концепта *мысль* представлена стихия ‘земля’. В структуре концепта *мысль* выделены следующие признаки ‘укореняться’, ‘земля’, ‘камень’ (*укорениться в мысли, земная мысль, окаменевшая мысль*).

Спектр предметных признаков в структуре концепта *мысль* достаточно широк: дименсиональные признаки (‘большой’, ‘высота’, ‘глубина’, ‘короткий’, ‘маленький’, ‘широкий’, ‘вес’, ‘глубина’, ‘разделять’: *Твой друг излагает перед тобой **глубокие мысли**, а ты его не слушаешь* (Тургенев. Накануне), качественные (‘порядок’, ‘твердый’, ‘форма’, ‘холодный’), эстетические признаки (‘красивый’, ‘страшный’, ‘чудовищный’) количественные (‘исчисляемость’).

Довольно большое количество признаков подтверждают существование модели ‘мысль – вытянутый предмет’. Именно в виде некоего продолговатого и заостренного предмета ее можно вбить в голову: ...не пришла в голову **мысль** дать людям **выспаться** и отдохнуть перед сном. Наоборот, в это утро особенно ревностно и суетливо **вбивали** им в голову ее и наставления к стрельбе (Куприн. Поединок). Действия, совершаемые с предметами, можно производить и с абстрактными сущностями. В связи с этим *мысль* выкидывают из головы: ...**выкинь** из головы эту **мысль** о болезни (Гиппиус. Сумерки духа); носят на себе: *Они всю жизнь чувства и **мысли** твои будут **носить** на себе* (Достоевский. Записки из подполья); очищают: *Это очень успокаивает и **очищает мысли*** (Замятин. Мы).

В результате анализа удалось выделить следующие артефактные метафоры: 'мысль – острый предмет' ('мысль – гвоздь', 'мысль – игла', 'мысль – нож', 'мысль – заступ'): **Острою мыслью и чуткой душой / Щедро дурнушку она наделила...** (Надсон. Дурнушка), 'мысль – опора', 'мысль – награда', 'мысль – механизм' ('мысль – паровоз', 'мысль – карусель', 'мысль – часы', 'мысль – музыкальный инструмент'), 'мысль – книга', 'мысль – нить' ('мысль – ткань', 'мысль – сукно'), 'мысль – карты', 'мысль – фонарь', 'мысль – опора', 'мысль – колесо'.

Гастрономические признаки. Ассоциирование мысли с пищей представляется развитием восприятия мысли как внешнего, усваиваемого и дающего энергию продукта. Гастрономическая метафора упорядочивает знания о концепте мысль в терминах исходной концептуальной сферы «кухня», к которой «относятся наименования продуктов питания, гастрономических блюд и их ингредиентов, напитков, процессов приготовления и употребления пищи, а также используемой при этом кухонной утвари» (Керимов 2005).

В работе выделены гастрономические признаки концепта мысль – 'питание', мысль можно приготовить: признаки 'варка', 'смешивать'; она может иметь вкусовые качества: 'сладкая', 'горькая', 'острая', 'соленая', в связи с чем мысль осмысливается как продукты питания: 'бальзам', 'пирог', 'эссенция'; по качеству мысль представляется 'аппетитной', 'гнилой', 'некачественной пищей', 'непрожеванной', 'пережеванной', 'тухлой', 'ядом' / 'отравой'. В процессе анализа выявлены следующие метафоры: 'мысль – яд': **Подобные мысли о детях отравляют меня** (Чехов. Скучная история); 'мысль – пирог', 'мысль – бальзам', 'мысль – эссенция'.

Анализ пространственных признаков позволяет определить мысль как объект пространства («внешнего» и «внутреннего» мира человека), в связи с чем выделены признаки 'высота', 'низ', 'задний': **Ты простишь меня, если я скажу, что не могу не видеть в тебе задней мысли и политического элемента...** (Бабель. Конец богадельни). Кроме того, мысль сама выступает как вместилище; зачастую это выражается в конструкции с пространственным предлогом «в», «на» – **в мысли и на мыслях.** Мысль как вместилище характеризуют признаки 'пустота', 'граница'.

Мысли свойственна локализация в мире как мегапространстве: **Мысль болтается в пустом пространстве, где ей не за что ухватиться** (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). Место пространственного расположения мысли может быть различным. М. В. Пименова в монографии по исследованию языковой наив-

ной картины мира делит пространство внутреннего мира человека на два типа: 1) пространство реальное – внутри тела человека и 2) мифологическое (идеальное, воображаемое) пространство внутреннего мира (Пименова 1999). Реальное пространство предполагает расположение субъекта или объекта внутреннего мира в пределах тела человека, внутри реально существующих человеческих органов. Данная метафорическая модель конкретизируется в сочетаниях с глаголами и атрибутивами, реализующими идею проникновения, нахождения или покидания помещения.

Соматическое (телесное), реальное пространство, в котором локализуется *мысль*, делится на три группы. Во-первых, *мысль* пространственно определяется в/на физических частях тела человека. Самый высокий показатель частотности у признака 'голова' (9,2 %): **..мысль, которая сильно засела в его голове и нравилась ему** (Герцен. Былое и думы). Кроме того, соматическими локализаторами *мысли* могут выступать 'тело', 'глаза', 'брови', 'под черепом', 'шея', 'горло', 'руки'. Во-вторых, *мысль* может «располагаться» во внутренних органах человека, прежде всего, в 'сердце': **...не пускают на свободу где-то там, глубоко в голове или в сердце как будто сидящую отчетливую мысль** (Гарин-Михайловский. Детство Тёмы). В-третьих, *мысль* может «размещаться» во «внутреннем мире» человека: в/на 'душе', 'уме' или 'сознании': **Тихие и грустные мысли ложились ей на душу** (Бабель. Мама, Римма и Алла).

В особую группу выделяется пространство слова, как место локализации *мысли*: **Передонов ничего не понимал и запутывался тугими мыслями в словесных петлях сети** (Сологуб. Мелкий бес). Попадая в пространство слова, *мысль* приобретает его функции: *мысль* можно **сказать, высказать, прочитать** и т.п.

Среди признаков концепта *мысль* актуальным является признак 'движение' (11,4 %), связанный с пространственными признаками концепта. 'Движение' *мысли* представлено несколькими реализациями с уточнением способа движения: *мысль* **пришла, бежали мысли, ворочались мысли, мысли бродили, мысли мелькали**.

В структуре концепта *мысль* выделены временные признаки. Временные признаки представлены амбивалентно: с одной стороны, *мысль* не измеряется никакими единицами времени, она бессмертна, вечна: **Всем упоением, всей властью / Бессмертной мысли и мечты** (Лермонтов. Демон). С другой стороны, *мысль* как некий процесс в сознании человека, определяется

временными периодами или отрезками. Чаще всего в языке актуализируются признаки 'прошлое', 'настоящее', 'будущее'; 'век', 'год', 'минута', 'час', 'мгновение'; 'вчера', 'день', 'заря', 'ночь', 'утро': ***Давешняя отчаянная мысль все более и более овладевала его умом*** (Достоевский. Бесы). Описанные признаки отражают время, в которое человека посещает *мысль*, а также способ перемещения во времени с помощью *мысли* (*улететь мыслью в прошлое*). Признаки 'времен года', отдельных 'месяцев', 'сезонов' для концепта *мысль* не релевантны.

Сформулируем основные итоги исследования.

1. Концептуальная система, относящаяся к сфере «внутренний мир человека», отличается многокомпонентностью и культурной обусловленностью. Одним из фрагментов этой системы является концепт *мысль*.

2. Концепт *мысль* имеет сложную структуру, состоящую из различных концептуальных признаков. Основу структуры концепта составляют понятийные признаки.

3. Структуру исследуемого концепта образуют также образные признаки, к которым относятся витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные, стихийные, пространственные, временные, предметные, гастрономические.

4. Концепт *мысль* относится к числу абстрактных концептов, что определяет специфику его содержания – особую значимость образной группы признаков. Все объекты, через сопоставление с которыми происходит актуализация образных признаков данного концепта, являются базовыми для его познания, для выявления конституирующих свойств этого недоступного для непосредственного восприятия фрагмента внутреннего мира человека.

5. Реализация признаков в языке происходит по закреплённым когнитивным моделям, а также с помощью достаточно устойчивой и в то же время лабильной системы концептуальных метафор.

6. Наиболее значимыми в структуре концепта *мысль* оказываются образные признаки. Весь массив образных признаков делится на 9 групп и 5 подгрупп: витальные (9,7 % от всего количества собранного материала); антропоморфные (31,4 %), делящиеся на гендерные (3,7 %), социальные (12,9 %), эмоциональные (12 %), ментальные (2,8 %); зооморфные (4,1 %), вегетативные (4,4 %), стихийные (5,7 %); пространственные (15 %); временные (9,5 %); предметные (13,1 %), в числе которых находятся артефактные (9,7 %) и гастрономические (5,7 %). Наиболее актуальными, значимыми в структуре концепта *мысль* оказываются ан-

тропоморфные признаки (31,4 % от общего числа признаков), предметные (28,5 %), пространственные (15 %).

Актуализация определенных признаков показывает, что когнитивными моделями и концептуальными метафорами в описании концепта *мысль* являются:

1. 'мысль – живое существо' (*мысль рождается, мысль смотрит*),
2. 'мысль – человек' (*мысль играет, мысль радуется*),
3. 'мысль – животное' (*скачущие мысли, мысль – змея*),
'мысль – птица' (*мысли упорхнули, полет мысли*),
'мысль – насекомое' (*рой мыслей, мысль жужжит*),
4. 'мысль – растение' (*мысль укоренялась, плод мысли*),
5. 'мысль – стихия',
'мысль – вода' (*льются мысли, источник мысли*),
'мысль – огонь' (*мысль мелькает, мысль обожгла*),
'мысль – воздух' (*вихрь мыслей*),
'мысль – земля' (*окаменелые мысли, укорениться в мысли*),
6. 'мысль – предмет' (*твердая мысль, тяжелая мысль*),
'мысль – артефакт' (*аппарат мысли*),
7. 'мысль – пища' (*мысли варятся, соленые мысли*),
8. 'мысль – пространство',
'мысль – объект пространства' (*высокая мысль, мысль в голове*),
'мысль – вместилище' (*в мыслях, граница мыслей*),
9. 'мысль – время' (*вековая мысль*).

Таким образом, абстрактная, ментальная сущность концепта *мысль*, непосредственно не воспринимаемая, не данная в ощущениях, познается посредством метафор, основанных на тактильном, зрительном, вкусовом восприятии. *Мысль* описывается известными носителям языка образами (огонь, вода, птица и т.д.), формирующими этот фрагмент картины мира.

Литература

Бондарева Е.П. Витальные признаки концепта *мысль* / Е.П. Бондарева // Матеріали IV міжнародної науково-практичної конференції «Динаміка наукових досліджень – 2005». – Дніпропетровськ: «Наука і освіта», 2005. – Том 61 «Філологічні науки». – С.21-25.

Бондарева Е.П. Пространство в структуре концепта *мысль* / Е.П. Бондарева // Materials of international scientific-practical conference «The science: theory and practice». – Belgorod: «Education and Science», 2005. – V. 30 «Philological science». – С.17-21.

Бондарева Е.П. Антропоморфные признаки концепта *мысль* / Е.П. Бондарева // Мир и язык: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 121-129..

Бондарева Е.П. Изучение синонимического ряда как способ анализа концепта / Е.П. Бондарева // Грамматика. Семантика. Концептология: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 203-209.

Бондарева Е.П. Историко-этимологический анализ имени концепта *мысль* / Бондарева Е.П. // Мир и язык: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 56-61.

Бондарева Е.П. Концептуальная метафора *мысль* – предмет / Е.П. Бондарева // Грамматика. Семантика. Концептология: Сборник научных статей / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 157-164.

Бондарева Е.П. Концептуальная метафора *мысль* – растение / Е.П. Бондарева // Языковые и культурные контакты различных народов. Сб. статей междунар. науч.-метод. конф. – Пенза: Приволжский дом знаний, 2005. С. 19-21.

А.В. Крюков (Волгоград)

ИНТЕЛЛЕКТ

Данная работа посвящена комплексному сопоставительному анализу макроконцепта «интеллект» в русской и английской лингвокультурах. Тема работы находится на стыке и пересечении важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики: лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, аксиологической лингвистики, этнолингвистики и обращена к рассмотрению вербализованных представлений об интеллектуальной сфере внутреннего мира человека в русской и английской языковой картине мира.

Одним из значимых, ключевых концептов практически любого лингвокультурного сообщества, актуальность которого в жизни социума несомненна, является макроконцепт «интеллект». Закономерно, что отдельные факты языковой действительности, имеющие отношение к интеллектуальной сфере человека, неоднократно становились объектом разного рода лингвистических исследований. Интеллектуальная сфера человеческой жизнедеятельности рассматривается современными лингвистами как составная часть глобальной проблемы представления семантических полей, характеризующих человека (Апресян 1995, Урысон

1995, Пименова 1999, Одинцова 2000, Шмелев 2002, Убийко 2004).

В последние годы исследовались русские и английские пословицы об уме и глупости (Дубровская 2000), фразеологическое поле «безумие» на материале русского языка (Жевайкина 2004), концепты душа, сердце и ум на материале древнерусских летописей (Кондратьева 2004), диалектные, просторечные и жаргонные обозначения интеллектуального действия и интеллектуальной бессилия в русском языке (Леонтьева 2003), репрезентации лингвокультуры *дурак* в русском языке (Бусурина 2004), образное выражение концептов *ум* и *разум* как самостоятельных явлений в русской культуре (Сергеева 2004). В каждой из указанных работ уделяется внимание какому-либо одному аспекту проблемы. Несмотря на интерес современных лингвистов к данному феномену, исследование концептуализации интеллектуальной сферы человеческой жизнедеятельности нельзя назвать завершённым. Комплексного сопоставительного исследования макроконцепта «интеллект» на материале двух языков не проводилось.

Суть гипотезы данной работы состоит в том, что макроконцепт «интеллект» является сложным культурно-языковым образованием, имеющим в своем составе базовые концепты интеллектуальной сферы внутреннего мира человека; данный макроконцепт обладает определенными субкатегориальными признаками, которые частично совпадают в английской и русской лингвокультурах.

Цель исследования – выявить содержательную структуру макроконцепта «интеллект» и раскрыть в содержании концепта культурно-обусловленные образные и ценностные составляющие.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Определение понятия лингвокультурного макроконцепта.
2. Описание многоаспектной природы интеллекта человека, его основных характеристик в научной и наивной картине мира.
3. Определение состава лексических единиц, служащих для выражения макроконцепта «интеллект» в английском и русском языках, и определение направлений логико-понятийной конкретизации исследуемого макроконцепта.
4. Выявление и классификация характерных метафорических моделей, на основе которых происходит репрезентация знаний о макроконцепте «интеллект».
5. Выявление корпуса прецедентных текстов пословичного характера, выражающих ценностные характеристики макроконцепта «интеллект» в русской и английской лингвокультурах.

Обобщение взглядов различных исследователей позволило выделить пять основных подходов к термину «концепт», существующих в современной когнитивной лингвистике и лингвокультурологии:

1. КОНЦЕПТ-ЗАМЕСТИТЕЛЬ, заменяющий предмет реального мира при осуществлении логических операций (впервые такое понимание концепта появилось в работе С.А. Аскольдова «Концепт и слово» и получило развитие в трудах Д.С. Лихачёва и К.Н. Чеснокова);

2. КОНЦЕПТ-ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, содержащий культурные и ценностные установки (этот подход нашёл отражение в работах зарубежных лингвистов, в том числе А. Вежбицкой);

3. КОНЦЕПТ-ПОСРЕДНИК как универсальная социокультурная единица, обобщающая опыт этноса в какой-либо сфере жизнедеятельности; с ее помощью осуществляется взаимодействие между субъектом и окружающим его миром (отражен в работах Ю.С. Степанова и Н.Д. Арутюновой).

4. КОНЦЕПТ-КВАНТ, структурирующий знание, накопленное социумом (достаточно распространенная точка зрения на данный термин, встречающаяся в работах Ю.Н. Караулова, З.Д. Поповой и И.А. Стернина);

5. КОНЦЕПТ-КОМПЛЕКС, в составе которого выделяются не только понятийный, но и образный и ценностный компоненты (интегративное понимание концепта, предложенное С.Х. Ляпиным, В.И. Карасиком, С.Г. Воркачевым, Г.Г. Слышкиным).

Согласно последнему подходу, наиболее приемлемому с точки зрения настоящего исследования, концепт понимается как многомерное культурно-значимое образование, которое покрывает предметные области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, существует в коллективном сознании, опредмечивается в той или иной форме.

Комплексный подход к исследованию концептов помогает выйти на новый уровень интеграции в лингвистических исследованиях, он требует решения проблем типологии концептов, их иерархии, взаимовлияния и взаимопроникновения. С данных позиций в рамках концептосферы (совокупности вербализованных концептов языка) следует разграничивать понятия, иерархически связанные между собой: суперконцепты, макроконцепты и базовые концепты. В.И. Убийко (2004) так определяет объем этих понятий: «Суперконцепты, макроконцепты и базовые концепты представляют собой объемные ментальные образования, вбирающие в себя не только инвариант значений репрезентирующего

слова, но и инвариант его словообразовательного гнезда и одновременно семантического поля. Этот объем заполняет его параметры. Чем больше параметры, тем больше объем концепта». Таким образом, под суперконцептами следует понимать наиболее объемные по значению ментальные единицы, состоящие из единиц более низкого порядка – макроконцептов, которые, в свою очередь, имеют в своем составе базовые концепты, формирующие ядро представлений о том или ином явлении окружающей действительности.

По мнению ряда исследователей, интегрирующим суперконцептом в концептосфере языка является концепт «человек» (Одинцова 2000, Пименова 1999, Убийко 2004, Урысон 1995). Через имплицитные и эксплицитные компоненты отношений он связан абсолютно со всеми сферами. Основные параметры суперконцепта «человек» определяют его отношение к миру. Главные из этих отношений преломляются в макроконцептах взаимодействия человека с внешним миром («жить», «работать», «двигаться», «иметь») (Апресян 1995, Убийко 2004) и макроконцептах внутреннего мира человека. В рамках последних может быть выделен и описан макроконцепт «интеллект».

Непосредственный объект анализа макроконцепта «интеллект» включает динамику соотношения семантической структуры языка и картины мира конкретного лингвокультурного сообщества. Такой анализ должен предваряться исследованием потенциальных возможностей макроконцепта. В данном случае имеется в виду язык в потенции, язык, не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации (Караулов 1999). Именно с этой целью в последующих разделах данной работы представлена многоаспектная природа феномена «интеллект человека» в научной и наивной картине мира.

Наиболее значимыми для настоящего исследования являются научные представления об интеллекте человека, сложившиеся в философии, психологии и лингвистике. Эволюция философских взглядов на интеллект представлена в различных философских течениях от античности до наших дней: интеллектуализм – рационализм – картезианский дуализм – космизм (Гераклит, Аристотель, Р. Декарт, К. Юнг, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, М. Мамардашвили и др.). Философы, принадлежащие к разным эпохам и научным школам, исследовали противопоставления или взаимосвязи в человеческой жизнедеятельности идеального и материального (духа и плоти), а также интеллектуального и эмоционального (сердца и разума). Современное философское обоснование научной картины мира отходит от традиций антро-

поцентризма, понимающего *Homo Sapiens* в качестве венца космической эволюции разума. С позиций постклассической научной картины мира допускается возможность появления нового сверхбиологического человека – *Homo Sapiens autocreator* – человека разумного самосозидающего. Планета Земля рассматривается в рамках этой теории как один из этапов эволюции разумного человека.

С точки зрения психологии интеллект рассматривается как относительно устойчивая структура умственных способностей индивида, которые поддаются объективному измерению и всестороннему экспериментальному исследованию (Г. Айзенк, Ж. Пиаже, В. Штерн). Например, широко распространенная в современном мире методика измерения интеллектуальных способностей человека – «коэффициент интеллектуальности» (*IQ*), разработанный Г. Айзенком. В психологии существует противопоставление двух форм интеллекта – теоретического (академического) и практического (социального). Последней форме, связанной с решением индивидом жизненно необходимых задач, уделяется наибольшее внимание в психологических исследованиях.

В лингвистических исследованиях интеллект рассматривается как составная часть глобальной проблемы семантических полей, характеризующих человека. Можно отметить внимание к данному феномену в языковедческих работах, посвященных более широким проблемам (Апресян 1995, Вежбицкая 1997, Карасик 2002, Урысон 1995 и др.), а также в частных исследованиях, затрагивающих лишь определенную область рассматриваемой проблемы (Бусурина 2004, Дубровская 2000, Кондратьева 2004, Леонтьева 2003, Сергеева 2004 и др.). Выявляется национально-культурное своеобразие отдельных групп лексических и фразеологических единиц, относящихся к семантическим полям «ум» или «глупость». При этом исследования интеллектуальных характеристик человека ограничены как объемом рассматриваемого материала (пейоративной лексика, диалектная лексика, жаргон, пословичный фонд, древнерусские летописи и др.), так и временными и территориальными рамками.

В наивной картине мира, по мнению многих исследователей (Вежбицкая 1996, Телия 1996, Пименова 2002), наиболее ярко концептуальные свойства явлений отражают прототипы. Это эталонные образы, которые являются типичными, центральными членами наших представлений об объекте, вокруг них в сознании носителей языка группируются все другие элементы, имеющие отношение к тому или иному лингвокультурному концепту.

К типичным текстам, на основании которых формируются национально специфичные прототипические представления об интеллекте человека, относятся, в первую очередь, произведения фольклора.

В русской лингвокультуре особое место занимает образ фольклорного дурака (*Иван-дурак, Иванушка-Дурачок, Емеля, младший сын* и т.п.). Однако существуют две противоположные модели данного образа. Дурак в бытовых сказках – это объект издевок и всеобщего осмеяния. За алогичные действия, приносящие вред окружающим, дурака наказывают и бьют односельчане, родные братья и родители. Они противопоставляют дураку как «умные» персонажи, поведение которых соответствует норме социального интеллекта: поступают так, как положено по обычаям, правилам, законам, практическому опыту. *Иван-Дурак* в волшебных сказках – собирательный образ, отражающий типичные представления о национальном положительном герое. При общепризнанно невысоком уровне развития умственных способностей этот герой обладает такими качествами, как доброта, честность, отсутствие стремления к личной выгоде.

Женские фольклорные персонажи актуализируют интеллектуальные качества высокого порядка (*Василиса Премудрая/Прекрасная, Марфа-царевна, Елена Премудрая/Прекрасная*). Их практическая женская мудрость, и изобретательность сочетается с другими положительными качествами русской женщины – красота, доброта, верность, трудолюбие.

Имена данных фольклорных персонажей употребляются в речи современных носителей русского языка для характеристики глупцов в простачков (*дурак, Иванушка-Дурачок*) или красивых умных женщин (*Василиса Премудрая*). Обобщенный образ мудрой женщины нередко противопоставляется образу глупого мужчины: *Наша женщина – Василиса Премудрая и Елена Прекрасная, но муж у нее – дурак, комическая фигура* (Изв. 27.01.2005).

В англоязычном фольклоре нами не обнаружен единый прототипический персонаж, носитель обобщенного качества «глупость». Носителем этого качества могут быть разные в возрастном, социальном и гендерном аспекте герои. Все они, как и русский Иван-Дурак, являются угнетенными персонажами – бедняки, младшие дети в семье, обделенные отцовским наследством, жители отдаленных деревень. В универсальных для русской и английской лингвокультур представлениях интеллект неразрывно связан с другими характеристиками личности. Выделяется особый практический интеллект (хитрость), который ценится намного ниже, чем такие качества, как честь, доброта, совесть, милосер-

дие и высокий (в морально-этическом плане) интеллект (мудрость), неотделимый от представлений о высокой духовности человека.

К специфическим прототипическим взглядам на интеллект человека в английской лингвокультуре относится представление о глупости как о коллективном качестве. В англоязычном фольклоре широко представлены семьи глупцов и целые деревни глупцов. Носители коллективной глупости подвергаются резкому осуждению со стороны умных персонажей, это качество традиционно высмеивается или наказывается. Наиболее известной в английском фольклоре является реальная деревня *Готэм* (от англ. *goat* – козел), которая фигурирует в народных рассказах о дураках и детских народных стихах. Вашингтон Ирвинг сравнил деревню дураков с Нью-Йорком, после чего название «Готэм» закрепилось за этим городом. В качестве имени вымышленного мегаполиса, населенного дураками и сумасшедшими, оно появилось и в первом комиксе о Бэтмене. От названия города образован фразеологизм *wise man of Gotham/man of Gotham* ('дурак', 'проstack'), а также пейоратив *gothamite* ('дурак', 'житель Нью-Йорка').

Рассмотренные прототипические представления постоянно обогащаются и видоизменяются в современном русском и английском языковом сознании. Это положение подтверждают данные проведенного нами анкетирования и интервьюирования носителей русского и английского языков (100 русских и 85 англоязычных респондентов).

В результате эксперимента был выявлен круг имен, являющихся эталонными для характеристики интеллектуальной способности на современном этапе развития лингвокультуры. Так, например, русскоязычные информанты в большей степени упоминали имена политических деятелей в качестве типичных носителей того или иного интеллектуального качества (более 70% опрошенных). При общем троекратном преобладании негативных оценок, наиболее употребительной характеристикой явилось слово *тупой*, которое часто связывалось с неспособностью определяемого субъекта внятно излагать свои мысли в процессе устной коммуникации. Примечательно, что данный факт пока не нашел отражения в толковых словарях. Среди прецедентных имен в связи с указанной выше характеристикой в большинстве случаев упоминаются имена В.С. Черномырдина и телеведущей Даны Борисовой.

Среди англоязычных информантов наиболее частотны упоминания американского президента Джорджа Буша-младшего в качестве эталонного носителя низко развитых интеллектуальных

способностей (для характеристики используются лексемы *dumb* и *silly*). Наряду с этим именем, в ответах участников опроса фигурируют мультипликационный персонаж Гомер Симпсон и популярная певица Бритни Спирс. Основным поводом для признания человека интеллектуально несостоятельным признаётся речевая дисфункция. В пропорции 1:2 преобладают негативные оценки интеллектуальных способностей.

В следующем задании информантам было предложено определить разницу между *дураком* и *сумасшедшим*. Примечательно, что глупость воспринимается русскоговорящими респондентами как константная характеристика, которая не меняется со временем, в то время как безумие является болезнью, подлежащей лечению. Анализ ответов англоязычных участников исследования показал, что в английской лингвокультуре не существует четкой границы между этими двумя проявлениями интеллектуальной характеристики.

В результате анализа логико-понятийной составляющей, выраженной средствами словарных фондов обоих языков, были выделены четыре лексико-семантические группы:

ЛСГ-1 прилагательных, обозначающих характеристику интеллектуальных способностей субъекта, указывающих на присутствие/отсутствие смысла, логики в продуктах интеллектуальной деятельности или детерминирующих степень психического расстройства;

ЛСГ-2 существительных, обозначающих носителя умственных способностей, развитых в той или иной степени;

ЛСГ-3 существительных, выражающих значения *ума*, *глупости*, *безумия* как абстрактных понятий, а также обозначающих действие, характеризующее с точки зрения его осмысленности или уместности;

ЛСГ-4 глаголов, обозначающих интеллектуальное действие, качественное изменение интеллектуальной характеристики индивида или переход в состояние психического дисбаланса.

После компонентного анализа дефиниций глаголов, образующих ЛСГ-4, нами было определено, что интеллектуальная способность отражена в языке в своих трех основных ипостасях, которые обозначаются следующими номинациями: *знать/know*, *соображать/grasp*, *рассуждать/reason*. Таким образом, в ходе исследования нами были выявлены три классифицирующих семантических признака, опредмечивающих базовые критерии оценки интеллектуальных способностей. Каждый из этих признаков является градуируемым. Следовательно, группы существительных и прилагательных, образованные вокруг этих признаков, можно

представить в виде градуальных лексико-семантических парадигм.

Первую группу представляют лексические единицы, характеризующие образованность, опыт и компетенцию субъекта (например: *невежественный, эрудит, начитанность, enlightened, simpleton, erudition*). Глагольное выражение определяемой способности – *знать/know*. Эта группа формирует логико-понятийное содержание базового концепта «**образованность**».

Во вторую группу включены лексические единицы, характеризующие способность быстро реагировать, принимать решения (например: *смекалистый, тупица, непонятливость, smart, ignominus, astuteness*). Глагольное выражение определяемой способности – *соображать/grasp*. Эта группа формирует логико-понятийное содержание базового концепта «**сообразительность**».

Лексические единицы третьей группы характеризуют разумность действий субъекта, т.е. интеллектуально обусловленные способности к достижению результата, намеченной цели (например: *здравомыслящий, идиот, благоразумие, reasonable, booby, sagacity*). Глагольное выражение определяемой способности – *рассуждать/reason*. Эта группа, формирующая логико-понятийное содержание базового концепта «**разумность**», отличается от остальных структурой отрицательных значений. В результате образуется трехполюсная система.

Исследование показало, что слова, находящиеся в области минусовых значений градуальных шкал (т. е. обозначающие низкий уровень развития интеллектуальных способностей), не всегда несут негативную коннотацию, что обусловлено разными факторами чисто языкового и социокультурного характера. Примечательно также, что, помимо различий в степени градации основного семантического признака между словами, составляющими вышеуказанные смысловые группы, в составе их значений выделено некоторое количество менее значимых признаков (таких, как *стремление к познанию, склонность к демонстрации субъектом своих интеллектуальных способностей, способность к креативной умственной деятельности* и др.). Этот факт демонстрирует возможность дальнейшей разработки семантических полей, образуемых данными признаками.

Также в значении лексических единиц обоих языков, обозначающих низкий уровень развития интеллектуальных способностей, замечена тенденция к десемантизации. Слова *дурак* и *dumb*, а также их производные часто используются как эксплетивы, в контекстах, которые явно демонстрируют отсутствие каких-

либо интеллектуальных характеристик: *Stop your dumb singing!*
Эта дурацкая машина опять не заводится!

Выявленные базовые концепты, составляющие ядро представлений об интеллекте человека в русской и английской лингвокультурах, были рассмотрены на предмет их образно-метафорического переосмысления.

Проведенный анализ показал, что в качестве образно-метафорической структуры исследуемых концептов выступают аниматные (живая природа) и инаниматные (неживая природа) признаки.

1. Аниматные метафоры являются наиболее характерными для образной конкретизации трех базовых концептов. При концептуализации интеллектуальных характеристик человека в рамках образов живой природы используются антропоморфные и зооморфные метафоры. Они структурируют знание об интеллекте при помощи ментальных и функциональных характеристик человека со свойственными ему способами чувственного восприятия действительности (персонификация интеллектуальной способности) с одной стороны, и при помощи поведенческих моделей представителей животного мира – с другой.

1. При этом *антропоморфные* метафоры равномерно представлены в обоих языках, как в области положительных, так и в области отрицательных значений. В ходе анализа фактического материала (толковые и фразеологические словари, тексты художественной литературы и средств массовой информации) в рамках антропоморфных метафор нами было выявлено шесть метафорических моделей, имеющих отношение к выражению значения трех базовых концептов макроконцепта «интеллект», и приблизительно в равной степени представленных в обеих лингвокультурах:

а) «Интеллект – человеческий орган». Особое место в русском и англоязычном языковом сознании занимают такие органы, как *мозг* и *голова*, которые являются средоточием интеллектуальной жизни человека, местом локализации мысли. *Голова* позволяет человеку здраво рассуждать (базовый концепт «разумность»); про человека, наделенного этой способностью, говорят *светлая (ясная) голова, человек с головой*, а о том, кто лишен этой способности, замечают – *каша в голове, без головы*. Кроме того, *голове* и *мозгу (мозгам)* принадлежит решающая роль в способности эффективно и быстро решать жизненно важные задачи (базовый концепт «сообразительность»).

Данные метафоры достаточно частотны и в английском языке: *brain dead* – глупый; *turn smb's brain* – сводить кого-л. с ума; *go off*

one's head – рехнуться; *to have an old head on young shoulders* – быть смышленным; *to have one's head screwed on right* – быть смышлёным, сообразительным (буквально: 'голова прикручена правильно'). Примечательно, что метафорическое осмысление *головой* и *мозга* не имеет ничего общего с научными (медицинскими) представлениями об этих органах: *have more brains in one's little finger than one has in his whole body*.

В последние десятилетия у лексики *мозги* (во множественном числе) развилось новое значение – «интеллектуальный потенциал, научные кадры» (базовый концепт «образованность»). В современной речи достаточно частотны выражения *покупать/скупать мозги* ('создавая лучшие условия работы, жизни, способствовать переезду ученых, инженеров в другую страну') и *утечка мозгов* ('отъезд ученых за пределы страны в силу экономических, политических и т.п. причин'). Последнее выражение является калькой английских устойчивых выражений *brain drain* ('выезд английских учёных, педагогов, врачей за границу, в США, из-за лучших условий труда и более высоких зарплат') и *brain drainer* ('ученый, специалист, эмигрировавший в другую страну, где ему предоставляют лучшие условия').

б) «Интеллект – здоровье/болезнь». Интеллектуально полноценный человек воспринимается как здоровый (*здравый рассудок*), а интеллектуально неполноценный – как больной (просторечное *больной на всю голову*) (базовый концепт «разумность»). Отсутствие/утрата органа может квалифицироваться как отсутствие/утрата закреплённых за ним функций: *потерять голову* – утратить способность понимать, принимать решения.

Аналогичные средства выражения идеи утраты мыслительной способности характерны и для английского языка. В частности, необдуманно глупый поступок может определяться посредством употребления слов *headless*, *mindless*, *brainless* и устойчивого оборота *to lose one's head/brain/mind*.

в) «Интеллект – зрение/слепота»: *И ведь как раньше глуп был, слеп Бенедикт, как все равно слепцы на торжище: поют-заливаются, а сами во тьме живут, им и в полдень темно!* (Т. Толстая); *How blind we were in days of youth...* (J. La Brie).

г) «Интеллект – речь». Одним из главных критериев оценки интеллекта человека является степень развития его речи (базовый концепт «образованность»). Работа ума ассоциируется с успешной реализацией речевой способности, а нарушение речи служит показателем интеллектуальной неполноценности человека (*Двух слов связать не может*). Ср. также употребление этнонимов для характеристики человека, который говорит непонятно (*турок*,

нерусь). С другой стороны, глупый человек может характеризоваться как болтливый (*Одна голова – два языка*). Английское прилагательное *dumb*, первоначально означавшее 'немой', со временем приобрело второе значение – 'тупой, глупый, невежественный':

д) «Интеллект – сила, власть». Как качество, которым в идеале языковое сознание наделяет правителей, высоко развитый ум сравнивается с властью и силой (базовый концепт «разумность»): *Там царят разумность и порядок, там помогут* (Б. Акунин). *There's still something which is greater than magic ... it's the power of mind* (J. Rowling).

Для англоязычного пословичного фонда характерна персонификация ума путем согласования слов *wisdom* и *reason* со словами женского рода (ум называется *госпожой, повелительницей, королевой*) и местоимением *she*: (*Wisdom/Reason is the mistress and queen of all things. If you will not hear reason, she will surely rap your knuckles*). Кроме того, этот факт позволяет судить о различной родовой концептуализации той мыслительной способности человека, которая обозначена лексемами *разум* и *reason* в словарных фондах двух культурных обществ.

е) «Интеллект – богатство». С богатством ассоциативно связаны представления об образованности и эрудиции: *Ума палата* (по В. И. Далю *палата* – 'дворец; покои, где хранятся замечательные древности'); *Столько лет на земле прожил, а ума не нашёл* (Т. Толстая); *She inherited her mother's wit...* (Hawthorne); *Who else could boast off such a brilliant mind?* (A. Kiedis). Значительно реже отмечаются случаи образного сравнения глупости с бедностью: *Сам-то Корней умом был беден...* (Б. Акунин); *He had a poor mind*.

2. Зооморфные метафоры, в отличие от антропоморфных, представлены преимущественно в области отрицательных значений. Для разнообразных характеристик интеллекта человека в русской и английской лингвокультурах используются зооморфные образы осла и курицы.

Со словами *осёл* и *ass/jackass* конвенционально ассоциируется представление об упрямстве, тупости и (реже) беспечности как признаках, ингерентно присущих человеку и проецируемых на модель поведения животного. В английском языке слово *ass* активно употребляется в составе фразеологизмов, таких, как *all asses wag their ears* – 'дуракам присущ глубокомысленный вид', *never bray at an ass* – 'не связывайся с дураком', *to act/play the ass* 'глупо, необдуманно себя вести': *Daria I am proud that you felt you*

could talk to us about this so openly even if I did act the ass at first (Arrows).

Хотя осел не является типичным персонажем русского фольклора, этот образ хорошо знаком носителям русского языка по басням И.А. Крылова, выступая в них символом тупости и невежества.

Зооморфный образ *курицы* относится к типичным русским мифологическим образам. Современные носители русского языка могут обращаться к образу курицы для характеристики глупого и бестолкового человека, обычно женщины – (*куриный ум, куриные мозги*) (РКП: 107). Например: – *Когда она тебя сдавала, о чем думали ее куриные мозги?* (Ф. Незнанский). В английской лингвокультуре образ курицы для обозначения глупости менее типичен. Его употребление встречаем лишь в составе устойчивого выражения *a headless chicken*.

Остальные зооморфные образы культурно специфичны.

Примечательно, что на поведенческую модель *совы* в двух языках проецируются полярно противоположные качества. В сознании носителей английского языка сова символизирует глупость (базовый концепт «сообразительность»): *They are just like stupid owls ... All they do is blink at you* (Anti-Furby Manifesto). С образом совы в сознании носителей русского языка связано представление о мудрости (базовый концепт «разумность»). Он входит в число русских мифологических образов. Хотя сова не относится к типичным русским сказочным персонажам, ее образ встречается в поверьях, песенной и обрядовой поэзии: *Летела сова – умная голова* (РКП: 160). Сова – весьма распространенный символ мудрости в современном российском обществе.

Для русского языка характерно сравнение глупого человека с *бараном*. Так, в русской культуре бытует представление о баране как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе, но при этом упрямом. Русские люди могут называть бараном человека глупого, «тупого», упрямого (РКП: 58). Например: – *Эти бараны? Да у них хватает ума только на то, чтобы не пронести ложку мимо рта* (Л. Филатов).

В английской лингвокультуре также возможны (но менее частотны) сравнения тупого человека с *зайцем, быком, совой, свиной, гусем* (*harebrain, as stupid as an ox, ...as an owl, to stare like a pig* соответственно). Встречаем данные образы и в составе устойчивых выражений: *dumb ox* и *hare-brained*.

II. В группе **инаниматных метафор** наиболее полно представлены концептуальные модели двух типов: «интеллект – фи-

зические свойства» и «интеллект – объекты материального мира».

1. Первый тип представлен четырьмя метафорическими признаками – объем, пространство, скорость и свет.

а) Общей для трех базовых концептов в обеих лингвокультурах является метафора объема. Этот объем может быть тесен для обилия мыслей: *В уме, подавленном тоской, // Теснится тяжких дум избыток...* (А.С. Пушкин); его можно изолировать от проникновения нежелательных идей и тем: *But his mind was closed on the subject* (F.S. Fitzgerald).

Мысль, не находящая моментального словесного выражения, формулировка которой представляется неясной, находит различное образное осмысление в английской и русской лингвокультурах. Для носителей английского языка проблема выражения трудноформулируемой мысли связана с ее удалением «на задний план»: *«Yet something had been nagging at the back of his mind all day»* (J. Rowling). В русском языке та же идея выражается путем указания на постоянное перемещение мысли в пределах отведенного ей объема (*ума, головы* и т. д.), её «неуловимость»: *Крутится в голове, да на язык не соскочит.*

О развитии интеллектуальных способностей человека можно судить по образной наполненности этого объема знаниями, рациональными идеями (*у него в голове кое-что имеется; full of reason, wisdom*). Значит, ум как (высокий) уровень развития интеллектуальной способности является тем, что заполняет этот объем. Ум сравнивается с неким запасом, который каждому необходимо постоянно иметь при себе, которого может не хватить: *Беда привалила, ума не хватило; Reason is the least burdensome traveling pack.*

Как для русской, так и для английской языковой культуры характерно осмысление *глупости* как некоей *пустоты*, т. е. незаполненности объема: *Ни за что не доверю этому пустоголовому ослу такое важное дело!* (В. Каверин). Ср.: *empty-headed* – глупый, бездумный.

Остальные метафорические признаки в составе метафорической модели «интеллект – физические свойства» характеризуют какой-либо один из базовых концептов.

б) Пространственная метафора используется для характеристики образованности. За словами и выражениями, обозначающими высокий уровень развития интеллектуальных способностей, закрепляется универсальная ориентационная метафора верха: *He is by all means a highly educated person* (CELIL); *и почти достиг вершин познания* (И. Губерман). Соответственно низ

в антропоцентричной системе координат будут занимать интеллектуальные способности, находящиеся на уровне развития «ниже среднего» (*низкий уровень развития, low Intellect*).

В сознании носителей русской лингвокультуры образовалась параллельная система координат, противоположная по векторной направленности общепринятой универсальной системе полюсов «добра» и «зла» — *верх ↔ низ*. Часто при градации интеллектуальных способностей, а именно, образованности, профессиональной компетентности (например, в науке, образовании и т. д.) или способности к аналитической умственной деятельности, можно встретить такие выражения, как глубокий ум/поверхностный ум (вероятно, от глубокое/поверхностное знание): *Он не хранил в своем запасе // Глубоких замыслов и дум...* (А.С. Пушкин); *Он поверхностный человек; Он погрузился в раздумья*. Наличие дополнительной системы координат свидетельствует о более детальной концептуализации данного сегмента в русской лингвокультуре.

Ещё одним из вариантов пространственно ориентированных образных сравнений может выступать метафорический признак узость/широта: *Блажен, заставший время славное во весь размах ума и плеч...* (И. Губерман); *Сергея Петровича относили в разряд ограниченных, хотя никогда не высказывали этого ему прямо в лицо* (Л. Андреев). *This book is sure to help you to widen your scope. It is very narrow-minded to claim Jesus is the only means to get to heaven* (<http://www.kentchurch.com/jesonly.html>).

в) Метафора света также используется для характеристики образованности. Эта модель генетически связана с рассмотренной выше антропоморфной метафорой «интеллект – зрение»: *He is a very bright guy; She is a dim person; He can always shed light on a problem; Он очень умный, просвещённый человек; Эх ты, темнота; От вас требуется только ясный ум; Мой разум угаснет* и т.д.

г) Метафора скорости характеризует сообразительность человека: *Боярин сразу, не дожидаясь ответа, задал еще несколько вопросов, так что стало видно – человек ума скорого, нетерпеливого* (Б. Акунин). Ср.: *a quick-witted person*.

2. Концептуальная метафорическая модель «интеллект – объекты материального мира» представлена четырьмя типами метафор.

а) Метафора орудия/оружия используется для характеристики разумности. Этот тип распространен в обеих лингвокультурах: *He копьём побивают, а умом. Soon he was completely defeated by my reasonable arguments*.

Остальные типы метафор данной метафорической модели в большей степени характерны для русского языка.

б) В русском языковом сознании идея монолитности воплотилась в сравнении глупости с деревом. Носителям языка свойственно воспринимать *глупость* как *непроходимость*, *непробиваемость*. Для обозначения несообразительного или невежественного человека используются следующие лексические и фразеологические единицы русского языка: *дубина*, *дубина стоеросовая*, *дуб*, *дубовая голова*, *бревно*, *чурбан*, *чурка*, *поле-но*, *пень*, *балда* ('шишка, нарост на дереве'), *болван* ('отрубок бревна, чурбан'), *балбес* ('увесистая деревянная колотушка'). Последние три метафоры являются стертыми, давно утратившими свою двуплановость.

Видимо, причиной формирования древесной метафоры в русскоязычной картине мира послужили природные условия, являвшиеся естественным фоном формирования славянской культуры и развития ремесел.

Сравнения с деревом для английского языка менее характерны. Можно отметить слово *dense*, (в первом словарном значении – 'густой, частый, непроходимый лес'), используемое для характеристики несообразительности субъекта (*You have to repeat twice. He has always been so dense!*) и существительное *block-head*, также характеризующее тупого, несообразительного человека (ср. *block* — 'a large solid piece of wood, stone, or other material').

в) Для характеристики интеллектуальной неполноценности в русской просторечной лексике и фразеологии используются образы дороги и дома (базовый концепт «разумность») – преимущественно «отклонение от дороги» (*съехать с ума*, *своротить с ума*), «отъезда из дома» (*тронуться умом*), «повреждение жилища» (*крыша поехала*), «отсутствие в доме близких людей» (*не все дома*). Соответственно *ум* воспринимается как надежное пристанище: *Своим умком – своим домком* (поговорка). Анализируя русскую диалектную лексику, Е.Л. Березович видит в случаях, подобных рассмотренным, единую логику: отсутствие дома, полноценной семьи, «вечное странствование» воспринимается оседлым народом как антинорма (2004: 12). Эта метафорическая модель не является характерной для английского языка.

г) Для характеристики интеллектуальной неполноценности в русской лингвокультуре также используется техническая метафора, которая является самой молодой из рассмотренных метафорических моделей (базовые концепты «сообразительность» и «разумность»). О ее недостаточной распространенности говорит

тот факт, что она представлена преимущественно в русской просторечной и жаргонной лексике. В данном случае неадекватность поведения, связанная с недостатком интеллектуального развития, ассоциируется с поломкой механизма (*шарики за ролики заходят, сдвиг по фазе, сойти/съехать с катушек*), а человек с замедленными мыслительными процессами – с остановкой движения (*стопор, тормоз*).

Положительная характеристика интеллектуального действия представлена в просторечных глаголах, обозначающих работу механизма *фурычить, шурупить*, т.е. «хорошо разбираться в чем-либо». Аналогичные данные получены и Т.В. Леонтьевой (2004) при исследовании лексики русского жаргона.

Разнообразные характеристики интеллекта человека, выявленные в ходе анализа логико-понятийной и образной составляющих, позволили рассмотреть наиболее значимые ценностные характеристики исследуемого макроконцепта. Лингвокультурный макроконцепт «интеллект» можно определить как один самых важных элементов как английской, так и русской ценностной картины мира.

Ценностные характеристики интеллектуальных качеств человека выявлялись на основе анализа прецедентных текстов пословичного характера – устойчивых высказываний (пословиц, поговорок, крылатых выражений), представляющих собой клише, использующихся в номинативных целях и обладающих высоким индексом цитируемости в аутентичных текстах и живой речи. Наиболее значимые негативные и позитивные характеристики интеллекта человека были сведены в логемы (обобщающие исходные мысли, объединяющие конкретные характеристики и культурно-значимые оценки).

Анализ **негативного отношения** к интеллектуальным характеристикам человека позволил заключить, что глупость в русской и английской лингвокультурах оценивается как константное явление, не поддающееся исправлению (*Дурака никакими лекарствами не вылечишь; 20 лет – ума нет и не будет; A fool at forty is a fool indeed*), которое широко распространено (*Дураков у нас непочатый край. One fool makes many*), может передаваться от одного человека к другому (*One fool makes many; С умным братьяся — ума набраться, с дураком мириться — свой растерять*) и представляет опасность для окружающих (*Услужливый дурак опаснее врага. Children and fools must not play with edged tools*).

Глупость неотделима от таких характеристик личности, как чрезмерное усердие (*Заставь дурака богу молиться – весь лоб*

расшибет; Дурная голова ногам покоя не дает; *Zeal is only for wise men, but is found mostly in fools*), бедность (Без ума – человеку сума; *Every poor man is counted a fool*), болтливость, смешливость (*Wise men silent, fools talk*; Дурак кричит – умный молчит; Смех без причины – признак дурачины), беспомощность (*The wise man must carry the fool on his shoulders*). Причем смешливость как негативная характеристика интеллекта человека представлена только в русской лингвокультуре, а беспомощность – только в английской. Обращает на себя внимание более терпимое ценностное отношение к глупым людям в русском языковом сознании (*С дурака меньше спросу; На дурака обижаться грех; На дурака суда нет*).

Негативное отношение к интеллектуальным характеристикам высокого порядка проявляется в том, что ум является непостоянным атрибутом, и, проявляясь в избыточном количестве (выпячиваясь, выступая предметом хвастовства), выступает в качестве осуждаемого порока (*Не умничай; умней тебя в тюрьме сидят!*), приводит к несчастьям (*Беда привалила — ума не хватило*) и к бедности (*И с умом, да с сумой*). Отмечается непрактичность и наивность умного человека (*На всякого мудреца довольно простоты; Умная голова дураку досталась*). В современной русской речи достаточно активно употребляется выражение *горе от ума* (от названия комедии А.С. Грибоедова), которое дает оценку уму как качеству, препятствующему жизненному успеху. и выражение *не мудрствуя лукаво* (из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»), призывающее не демонстрировать свою образованность и эрудированность. Кроме того, в русском языковом сознании наличие ума связано с такими эмоциональными состояниями человека, как грусть и печаль. (*Во многой мудрости есть много печали*).

Выражение негативной оценки интеллектуальных характеристик человека демонстрируют причинно-следственные отношения макроконцепта «интеллект» с другими концептами, входящими в структуру суперконцепта «человек»: «бедность/богатство», «речь», «грусть/печаль» и др.

Анализ **позитивного отношения** к интеллектуальным характеристикам человека позволил сделать вывод, что интеллектуальные характеристики высокого порядка в русской и английской лингвокультурах оцениваются как жизненно необходимые (*The greatest treasure in life is wisdom*), но долго накапливаемые (*No man is born wise or learned; Ум окрыляется с годами*) и редко встречающиеся качества (*A wise man is a great wonder; Старые умники вымерли, а молодые не нарождаются*).

Примечательно, что осознание ума как позитивной ценности по-разному объективируется в разных языках (*Better wit than wealth; Был бы ум, будет и рубль*). Для русского человека ум важнее красоты (*Не краса красит человека, а ум; Не кудри золотят человека, а ум*), а с другой стороны, он представляет собой источник прибыли, средство обогащения (*С умом собину нажить*). В сознании же англо-говорящей языковой личности ум – нечто несоизмеримое с богатством, стоящее выше денег в общей иерархии ценностей (*Wisdom is more precious than wealth; Poverty can never disgrace the wise man*).

Позитивное отношение к глупому человеку связано с его удачливостью (*Дуракам везет; Дураку везде счастье; Fools for luck*), искренностью и правдивостью (*Только ребенок да дурак правду скажут; Children and fools tell the truth*).

Анализ фактического материала показывает, что как при негативной, так и при позитивной оценке интеллекта человека преобладают единицы, относящиеся к выражению базового концепта «разумность». Это позволяет сделать вывод, что разумность является наиболее ценностно обусловленной социально-этической характеристикой интеллекта человека, а сообразительность и образованность можно рассматривать как более объективные характеристики.

Выводы о ценностном отношении к интеллектуальным характеристикам человека подтверждаются в работе примерами употребления прецедентных текстов пословичного характера в русской и английской художественной литературе, публицистике и интернет-коммуникации.

Основные итоги проведенного исследования сводятся к следующим положениям:

1. Лингвокультурный концепт «интеллект», объективирующийся различными концептуальными признаками, является макроконцептом, который интегрируется в суперконцепт «человек» в качестве одного из важных компонентов системы, описывающей внутренний мир человека.

2. Макроконцепт «интеллект» имеет прототипический характер. Представитель лингвокультуры хранит в памяти сложившиеся в древности представления о типичных персонажах, носителях интеллектуальных качеств высокого и низкого порядка, об их действиях и реакциях применительно к тем или иным ситуациям. Данные представления постоянно обогащаются и видоизменяются в современном русском и английском языковом сознании. Идет активное формирование новых прецедентных феноменов, характеризующих глупого и умного человека.

3. В логико-понятийной структуре макроконцепта «интеллект» выделяются три базовых концепта, организованные вокруг инвариантных смысловых признаков, являющихся градуируемыми: «образованность» (эрудиция и компетенция субъекта); «сообразительность» (способность быстро реагировать, принимать решения); «разумность» (интеллектуально обусловленные способности к достижению результата, намеченной цели).

4. Образная репрезентация знаний о макроконцепте «интеллект» происходит на основе когнитивных метафор живой и неживой природы. Общими для образной конкретизации трех базовых концептов являются антропоморфная, зооморфная, древесная метафоры и метафора объема. Пространственная метафора и метафора света используются для характеристики образованности, метафоры скорости и механизма – для характеристики сообразительности, метафоры механизма, орудия/оружия и дома/дороги – для характеристики разумности.

5. Выделяется четкое противопоставление негативного и позитивного ценностного отношения к интеллектуальным характеристикам человека. Разумность является ценностной характеристикой человека, которая в большей степени обусловлена социально-этическими параметрами, тогда как сообразительность и образованность оцениваются на более объективных основаниях.

Рассмотренные признаки являются общими для обеих лингвокультур. Расхождения заключаются в количественной представленности языковых единиц и в своеобразии аллюзий, возникающих при метафоризации ценностно значимых языковых единиц в русском и английском языковом сознании.

Литература

Крюков А.В. Структура объективного содержания концепта 'intelligence' // Вестник СНО, № 18. Сер. «Филология». – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 87-91.

Крюков А.В. Образная конкретизация значения лингвокультурного концепта «ум/глупость» // VII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области: Тезисы докладов. Напр. 13. Филология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 99-101.

Крюков А.В. Понятийное ядро концепта «интеллект» в перспективе лингвокультурологического анализа // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума. Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 19-20.

Крюков А.В. Выражение оценки интеллектуальной способности в русской лингвокультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: Тезисы докладов. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 66-67.

Крюков А.В. Экспериментальное исследование интеллектуальной характеристики личности // Человек в коммуникации: аспекты исследований. – Волгоград: Перемена, 2005. – С. 33-39.

Крюков А.В. Образно-метафорическая конкретизация концепта «интеллект» в русской и английской лингвокультурах // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук. Вып. 1. – Филология и лингвистика. – Волгоград: Изд-во ВГСХА, 2005. – С. 94-101.

А.А. Осипова (Магнитогорск)

СМЕРТЬ

Концепт «Смерть» занимает важное место в ряду ценностных понятий носителей русского языка. Выбор концепта «Смерть» как объекта исследования обусловлен его важностью в русской концептуальной картине мира. Данный концепт уже описывался лингвистами (Дзюба 2001, Кудрина 2005, Миронова 2004, Павлович 1996, Салалыкина 2003, Хо Сон Тэ 2001, Чернейко 2001, Юминова 1999) как отдельно, так и в сопоставлении с концептом-антонимом «Жизнь»; в данной статье продолжается исследование концепта «Смерть» как одного из базовых концептов русской национальной концептосферы. Исследование выполнено в рамках научной школы «Историческая фразеология и крылатология» доктора филологических наук, профессора кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета С. Г. Шулежкова.

Под концептом в работе понимается когнитивное (мыслительное) образование полевой структуры, объединяющее связанные с каким-либо явлением понятия, представления, знания, ассоциации, переживания, часть которых составляет инвариантное коллективно выработанное и понятийно структурированное, оформленное ядро, а остальные – индивидуальную периферию. В настоящем исследовании концепт рассматривается как составная часть концептуальной картины мира (концептосферы), причем в данном случае корректно говорить лишь о вербализованной части концепта, которая представлена в языковой картине мира (семантическом пространстве языка). Для более четкой организации и удобства восприятия знаний о концепте «Смерть» применяется прием построения фрейма. Фрейм – обобщенное представление о какой-либо типичной жизненной ситуации, ее схема, «структура знаний, представляющая собой пакет информации об определенном фрагменте человеческого опыта (объекте (стереотипной) ситуации)» (Кобозева 2000, с. 65).

Мы исследуем концепт «Смерть» как элемент языковой картины мира носителей современного русского языка (инвариантная часть) и как элемент индивидуально-авторской картины мира (алловариантная часть), вербализованный в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг.

В ходе анализа различных лингвистических словарей реконструировалось инвариантное значение (содержательное ядро) концепта. В результате исследования функционирования различных вербализаторов концепта «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. устанавливались индивидуально-авторские особенности этого концепта.

Концепт «Смерть» является значимым в произведениях В. П. Астафьева 80-90-х гг. XX в. В рассказах 1980-х гг. тема смерти почти везде является сопутствующей основному повествованию, в произведениях о войне, написанных в 1990-х гг., она становится основной. В. П. Астафьев, по общепринятому мнению, стал виднейшим представителем той прозы, которую долгое время условно именовали «деревенской». В его «высокохудожественных произведениях, органично сочетающих философичность, социальный пафос, углубленный психологизм, рассматриваются наиболее важные слагаемые современного народно-национального бытия» (Большев 1986, с. 10).

Объектом исследования в данной работе стали слова и сверхсловные языковые единицы (626 единиц, употребленные 2348 раз), вербализующие концепт «Смерть» в русской языковой картине мира (по лексикографическим данным) и в языковой картине мира В. П. Астафьева.

Предметом анализа стали состав и структура поля вербализаторов (ПВ) концепта «Смерть» в системе русского языка и в творчестве В. П. Астафьева, а также парадигматические, синтагматические, словообразовательные, ассоциативные связи между вербализаторами поля как отражение признаков концепта «Смерть», существующего в языковой картине мира и в индивидуальной картине мира писателя.

В качестве источников исследования концепта «Смерть» как фрагмента русской концептосферы выступили различные словари русского языка (толковые, словообразовательные, этимологические, ассоциативный; словари синонимов, антонимов, сочетаемости слов); дополнительными источниками послужили энциклопедические словари (философский, этики) и результаты проведенного в 2004 г. ассоциативного эксперимента. В качестве источников исследования особенностей вербализации концепта «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева были использованы про-

изведения 1980-1990х гг., включенные в отдельные тома пятнадцатитомного собрания сочинений В. П. Астафьева.

В качестве основных методов и приемов исследования в работе использовались *метод моделирования семантического поля*, позволяющий изучать значения языковых единиц в их связях друг с другом; *метод свободного ассоциативного эксперимента*, дающий необходимые результаты для обнаружения когнитивных признаков концепта; *метод компонентного анализа* для установления отнесенности слов и сверхсловных образований к числу вербализаторов концепта; *метод контекстуального анализа* при исследовании функционирования вербализаторов концепта «Смерть» в условиях контекста; *описательный метод* с использованием приемов *интроспекции, интерпретации, сопоставления, обобщения и типологизации* при классификации языковых средств вербализации концепта; *прием построения и анализа минимального содержательного ядра ключевого слова, вербализующего концепт в языке*, для выявления ядра ПВ концепта «Смерть» и его связи с другими лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) имени концепта; *прием анализа синонимов ключевого слова*, дающий возможность выявить дифференциальные признаки исследуемого концепта, появляющиеся при сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду; *прием анализа лексической сочетаемости ключевого слова* для получения наибольшего числа семантических признаков лексемы-имени концепта; *прием количественных подсчетов* для выявления соотношения разных групп вербализаторов концепта. Использование сразу нескольких перечисленных выше методов и приемов анализа концепта связано с нашим представлением о концепте как «кванте знания», различные признаки которого могут эксплицироваться в языке и речи. Многоаспектное описание языковых репрезентаций концепта и их текстового функционирования позволяет наиболее полно представить содержание и структуру изучаемого концепта.

Анализ лексического значения слова *смерть* является необходимым условием описания концепта «Смерть», так как значение имени концепта своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, хотя это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Анализ имени (ключевого слова) концепта «Смерть» по данным русских словарей периода до XIX в. и XIX-XX вв. позволил выявить все ЛСВ слова *смерть*: 1) 'процесс прекращения жизнедеятельности и переход из одного состояния в другое'; 2) 'смертная казнь'; 3) 'конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтоже-

ние чего-л.'; 4) 'очень, в высшей степени, чрезвычайно'; 5) 'плохо, нехорошо; горе, беда'; 6) 'мор, моровая язва'; 7) 'погибель'; 8) 'умирание'; 9) 'бессмертие души' – и определить минимальное содержательное ядро (или инвариант) концепта с учетом корректировки значений лексемы *смерть*, предложенных толковыми словарями. Инвариант выглядит следующим образом: '*прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия*'. Соименами концепта «Смерть» являются синонимы *конец* и *кончина*. В целом синонимические парадигмы выделяют тройную культурную доминанту *смерть* – *кончина* – *конец*, которая в обыденном сознании составляет ядро концепта «Смерть». Однако «Новый объяснительный словарь синонимов» (НОСС) фиксирует свойственные этим словам различия культурных смыслов.

Явление смерти предполагает определенный процесс, который манифестируют глаголы *умирать/умереть*; связь существительного и глаголов устанавливается с помощью этимологических словарей (ср. прасл. *merĭ связывается с русск. *мерть* 'умирать'. К форме инфинитива, по своему происхождению являющегося отглагольным именем, позже присоединяется приставка *с-*, которая, вероятно, связана с др.-инд. *su-* «хороший, благой», первоначально «благая смерть» и далее со **svo-* (см. свой)). Опираясь на данные этимологических словарей, считаем возможным включить глаголы *умирать/умереть* в ядро анализируемого концепта.

Переход от понятия к слову можно проследить, используя данные «Русского семантического словаря» (РСС 1983), в котором сделана попытка получения информации о лексическом окружении любой единицы. В статье дескриптора «Смерть» в словаре объединено 41 слово, структура лексического значения которых включает некоторые из 9-ти базовых семантических множителей (*гиб-*, *нежи-*, *распа-*, *уби-*, *смерт-*, *умер-*, *прекра-*, *уничт-*, *организм-*). Самым продуктивным среди них является семантический множитель (СМ) *уби-*, так как он объединяет в дескрипторной статье наибольшее количество лексем (16). Чуть менее продуктивным оказался СМ *смерт-* (объединяет 12 лексем). СМ *организм-* оказался «не работающим», так как не входит ни в одно из слов в статье дескриптора. Нужно отметить, что самым эффективным, по данным РСС, стал СМ, отражающий смерть как неестественный процесс. Идея неестественной смерти отражается в более разнообразном списке лексем, что косвенно можно объяснить превалированием в русском языке единиц, содержащих пейоративную оценку. Вслед за Л. Н. Чурилиной, мы

считаем, что единицы, вошедшие в состав дескриптора, образуют, в свою очередь, более частные объединения – семантические микрополя в составе рассматриваемого семантического поля («способ смерти», «следствие», «состояние», «эмоции»), которые позволят реконструировать концепт «Смерть» в лексико-системном варианте его представления.

Полевая модель структуры концепта подобна полевой модели значения слова, поэтому далее нами были описаны основные языковые средства репрезентации ядра и периферии концепта «Смерть» (состав поля вербализаторов (ПВ) – ядро-основное значение (ЛСВ 1) и 8 ЛСВ лексемы *смерть*, распределенные по характеру семантических отношений с ядром – околядерные, зоны ближней и дальней периферии, – а также родовые, видовые, синонимические, антонимические элементы, связанные с каждым ЛСВ). Само слово *смерть* в качестве видового имени можно отнести к лексико-семантическому полю *Прекращение* (гипероним). В эквиполентной оппозиции с именем анализируемого концепта находятся его согипонимы по полю *Прекращение* – *кончиться* 'прийти к концу, прекратиться', *пройти* 'о чем-нибудь бывшем, длившемся: миновать, протечь, прекратиться', *перестать* 'кончиться (о том, что длилось, продолжалось)', *затихнуть*, *утихнуть* 'стать тише, перестать, прекратиться', *замереть* 'затихая, прекратиться', *потухнуть* 'ослабевать, терять силы, исчезать'. В нулевой оппозиции с ядерной семемой, выделенной нами ('прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия'), находятся синонимы имени концепта – лексемы *конец* и *кончина* (последний не нашел отражения в РСС). К антонимам ядерной семемы (эквиполентная оппозиция с ядром ПВ) по данным «Словаря антонимов русского языка» Л. А. Введенской мы относим единицы, указывающие на наличие существования или начало существования кого-л.: *жизнь* 'существование человека, животного', *рождение* 'момент появления на свет', *бессмертие* 'вечное существование, не прекращающееся бытие'. В ПВ концепта «Смерть» мы включили и однокоренные слова из словообразовательных гнезд «Смерть» и «Мереть», отражающие ценностный аспект культурной информации о концепте. Кроме основных единиц – лексем, в структуру ПВ концепта «Смерть» входят сверхсловные языковые единицы, играющие важную роль в репрезентации концепта «Смерть» как в русской языковой картине мира, так и в индивидуально-авторской картине мира произведений В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. и распределенные по характеру семного наполнения их значения в секторах каждого из выделенных ЛСВ слова *смерть*. Проанализирован-

ные сверхсловные языковые единицы качественно дополняют ПВ концепта «Смерть», так как несут на себе оценку его имени.

Анализ сочетаемостных возможностей ключевого слова по данным «Учебного словаря сочетаемости слов русского языка» (УСС) позволил определить дополнительные семантические признаки лексемы и установить важнейшие черты концепта «Смерть». Отмечено 19 основных моделей, по которым лексема *смерть* синтаксически сочетается с прилагательными, существительными, глаголами в словосочетаниях. Самую большую группу составили атрибутивные и объектные словосочетания. Основным объектом смерти является человек. Об этом свидетельствует словарная помета *о человеке*. Следовательно, в русской концептосфере понятие смерти связывается главным образом с человеком – типичным объектом смерти в различных высказываниях. В отличие от объекта, субъект смерти в УСС не называется, хотя часто предполагается. Обнаружены некоторые черты явления смерти: смерть может быть естественным и противоестественным процессом, а также добровольным актом; смерть может характеризоваться через временную отнесенность к другому процессу или явлению; смерть – это, с одной стороны, неизбежный процесс, с другой – процесс, который возможно предотвратить; смерть – это то, что однозначно вызывает у людей страх, и др.

Анализ данных «Русского ассоциативного словаря» (РАС) и проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента дал необходимые результаты для обнаружения когнитивных признаков концепта, которые в процессе исследования другими методиками оставались без внимания. Немаловажными являются зеркальные ассоциации (пары слов, являющихся друг для друга реакциями) и так называемые «новые» ассоциации, которые несвойственны семантическим отношениям, выявленным нами в ходе анализа сочетаемости лексемы *смерть* по данным УСС. Так, типичными объектами *смерти* являются родственники (ср. в РАС *мать, бабушка, дядя*), которые воспринимаются русским языковым сознанием как нечто дорогое, ценное, то, что тяжелее всего терять. Устойчивыми являются представления о сосуществовании двух полярных понятий (*смерть – жизнь*), а также о противополжении некоторых явлений (*смерть – здоровье* и многочисленные примеры с частицей *не* в качестве главного члена реакции: *не думать, не люблю, не признавать* и т. д.). Константными остаются и синонимические связи слова-стимула *смерть* (*конец, конец жизни, уйти*), и атрибуты (*черный, кровь*), и при-

чинность смерти (реакции с предлогом *от*: **от жажды**, **от пожара**, **от раны**, **от яда** и т. д.).

В ходе нашего ассоциативного эксперимента респондентами стали студенты 1-5 курсов филологического, исторического факультетов и факультета информатики Магнитогорского государственного университета (281 человек). Сопоставление данных, полученных авторами РАС в ходе ассоциативного эксперимента 1988-1991 гг., и данных эксперимента, проведенного нами в 2004 г., показало, что совпадает или является сходной лишь малая часть реакций (59), а основная масса слов-ответов характеризуется несхожестью. Это, с одной стороны, свидетельствует об устойчивости определенного числа реакций, собранных РАС и нами, а значит, доказывает прочность концептуальных связей, которые отражаются в данных ассоциациях. С другой стороны, большое количество разных реакций указывает на подвижность самого концепта «Смерть», объективирующегося в разные временные промежутки разными языковыми средствами. Количественные показатели частотности реакций по данным РАС в ходе нашего эксперимента не подтвердились (ср., например, реакции в РАС и результаты нашего эксперимента соответственно: *жизнь* – 50 реакций и *жизнь* – 7 реакций; *гроб* – 10 реакций и *гроб* – 61 реакция; *кладбище* – 1 реакция и *кладбище* – 19 реакций; *могила* – 1 реакция и *могила* – 32 реакции; *похороны* – 1 реакция и *похороны* – 18 реакций; *страх* – 16 реакций и *страх* – 48 реакций; *черный* – 2 реакции и *черный* – 26 реакций и т. п.). Такое положение дел ставит под сомнение надежность выделения основных реакций.

Используя методику, предложенную И. А. Морозовой (см. Попова, Стернин 2002, с. 115-117), мы распределили основной материал по семантическим группам (5 групп: объектные ассоциаты, синонимы/антонимы, видовые имена, чувственные ассоциаты, когнитивные ассоциаты) и установили, что когнитивные ассоциаты – самая многочисленная группа (в количественном отношении это 617, то есть 75 % от всех полученных реакций). Такие ассоциаты и составляют базовый слой концепта – «культурный» образ смерти. Результаты эксперимента также позволили получить интересную информацию о специфике в понимании и оценке современной молодежью явления *смерти*. Так, в отличие от данных РАС, почти все реакции содержат мрачные коннотации, позитивные же единичны (*кайф*, *любовь*, *радость*, *хорошо*). Более того, частотными становятся реакции, которых вообще нет в РАС (ср. *слезы* 28, *крест* 22, *боль* 12, *земля* 11, *рай* 10, *мрак* 9). Это

связано с тем, что в последнее десятилетие смерть стала неотъемлемой частью развития общества (в отличие от общества середины 1980-х гг.), данное явление прочно вошло в будничную жизнь каждого отдельного человека посредством предоставления ежедневной информации смертельного характера телевидением и другими СМИ. В сознании молодого человека смерть стала утрачивать элемент культовости, особой трагичности, избирательности и даже нереальности.

В ходе анализа индивидуально-авторского концепта «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. определились общие для всех носителей русского языка и специфические для писателя концептуальные признаки. Поле вербализаторов (ПВ) концепта «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева указанного периода обширно. В качестве репрезентантов концепта рассматривались все извлеченные из художественных текстов единицы, включающие сему *‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’*. При этом не дифференцировались случаи употребления единиц, вербализующих концепт «Смерть», в речи автора и в речи персонажей. Это, во-первых, связано с тем, что речь персонажей создана автором, то есть В. П. Астафьев в процессе продуцирования анализируемых текстов выбрал из всего многообразия предлагаемого языком материала (языковой системы) то, что соответствует устойчивым связям между понятиями и концептами в его картине мира. Во-вторых, мы не дифференцировали случаи употребления единиц, вербализующих концепт «Смерть», в речи автора и в речи персонажей потому, что В. П. Астафьеву свойственно не только прямо высказывать свою точку зрения в авторских комментариях к описываемым событиям, но и выражать свои мысли через речь персонажей.

Концепт «Смерть» в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. вербализуется словами и сверхсловными образованиями, которые распределяются в ПВ концепта «Смерть» по следующим зонам: 1) ядерная зона, включающая единицы со стержневой семой *‘процесс прекращения жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’*, – 0,7 % от общего числа вербализаторов концепта (8,9 % употреблений); 2) зона вербализаторов с дополнительной семой, подчеркивающей естественный характер смерти – 3,8 % (2,5 % употреблений); 3) зона единиц с дополнительной семой, указывающей на неестественный характер смерти – 57,9 % (47,5 % употреблений); 4) зона, включающая единицы с дополнительной семой *‘следствие смерти’* – 21,2 % (29,6 % употреблений); 5) зона ближней периферии,

охватывающая единицы, семантика которых связана с представлением о состоянии умирающего/умершего и о бытии души после смерти – 6, 2 % (4, 1 % употреблений); 6) зона дальней периферии, объединяющая вербализаторы, не содержащие в значении стержневую сему, но контекстуально призванные дополнить и расширить рамки фрейма *смерть* – 9, 9 % (7, 1 % употреблений).

Центр поля (ядро) занимает ключевая лексема, именуемая концепт, – лексема *смерть* (в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. она употребляется 108 раз), которая репрезентирует инвариантное значение *'процесс прекращения жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия'*. Среди сочетаемостных моделей со словом *смерть* самую большую группу составляют словосочетания, носящие атрибутивный характер и охватывающие ряд частных значений (атрибутивно-качественные – *адская, верная, гадская смерть*; атрибутивно-субъектные – *бессмысленность, жар, лагерь смерти*; атрибутивно-временные – *близкая, преждевременная смерть* и др.). Частотными являются и словосочетания, носящие объектный характер, в свою очередь, также имеющие частные значения (объект-адресат – *смерть красноармейца, шпионам, немецко-фашистским захватчикам*; объект желания, поиска, достижения, удаления – *ждать, желать смерти, молить о смерти, прятаться от смерти*; объект восприятия речи – *говорить о смерти*; объект эмоционального отношения – *безразличие к смерти, пережить смерть*). С опорой на функционирование лексем *смерть* в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. можно уточнить структуру фрейма *смерть* (конкретизация образа субъекта смерти; объединение элементов неязыковых знаний, также входящих в единый когнитивный образ: перцептивные характеристики смерти (*жар смерти, холод смерти*), олицетворение смерти (*ходит смерть, бьет смерть*), отношение к смерти, навык, которые может выработать объект (*забывать смерть, привыкать к смерти, приучиться к смерти*), призыв к действию (*Смерть врагу*).

В ядро также входят слова *конец* и *кончина* (синонимы лексемы *смерть*), которые употребляются в произведениях В. П. Астафьева значительно реже (14 и 6 раз соответственно), но привносят в общее основное значение 'окончание жизни кого-л.' особые дифференцирующие смысловые признаки. Например, слово *кончина* может подчеркивать особое отношение к смерти и уважение к умершему или задавать повествованию торжественный тон; слово *конец* в некоторых случаях подчеркивает близость смерти. Продуктивным в творчестве В. П. Астафьева стало ис-

пользование экспрессивных или сниженных слов-синонимов лексем *конец* (*капут, хана, копец, кранты*), которые, употребляясь в речи персонажей и будучи экспрессивными и ненормативными, располагаются за пределами ядра ПВ концепта «Смерть». Ядро концепта «Смерть» также характеризуют нейтральные глаголы *умирать/умереть*, в самом общем виде манифестирующие определенный процесс, который предполагает явление смерти (82 употребления). Слова *умирать/умереть* в художественных произведениях В. П. Астафьева могут обозначать процесс смерти как **‘естественный/неестественный** переход из состояния бытия в состояние небытия’. Неестественный переход конкретизируется в контекстах и осложняется дополнительными частными семами (‘гибель кого-л.’, ‘уничтожение чего-л.’).

Самую большую зону в творчестве В. П. Астафьева образуют единицы, манифестирующие неестественную смерть (314 слов и 50 сверхсловных образований). Значения слов и сверхсловных образований данной области находятся в видородовых отношениях с ядром анализируемого ПВ и содержат интегральные семы ‘смертная казнь’, ‘погибель’ и ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’ (отмеченные нами в ПВ концепта «Смерть» ЛСВ 2, ЛСВ 3 и ЛСВ 7). С учетом субъектно-объектных отношений выделяются 2 ниженазванные группы единиц с интегральными семами, отражающими наиболее важные представления о неестественной смерти.

I. Группа, объединенная общей семой ‘насильственное лишение жизни’, где субъект и объект неестественной смерти различаются, причем ими могут быть и люди, и растения/животные, и внешние обстоятельства, и нечто неодушевленное. В данной группе, в свою очередь, выделяется несколько подгрупп:

1) подгруппа единиц, манифестирующих общее представление о неестественной смерти (171 слово и 31 сверхсловное образование: *бить, губить/погубить, dokonать, запласнуть, ликвидировать, мокрятник, мясничать, проливать/пролить кровь, разгромить, убийство* и др.);

2) подгруппа единиц, манифестирующих частные представления о неестественной смерти. Эти представления, в основном, связаны с конкретными причинами смерти, способами лишения жизни, отраженными в семантике каждого слова или сверхсловного образования (120 и 9 единиц соответственно). Так, в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. описывается умерщвление кого-, чего-либо при помощи огнестрельного оружия (*завалить, застрелить, перестрелять, подбить, пострелявший, расстреливать/расстрелять* ‘кого-что. подвергнуть сильному

обстрелу на коротком расстоянии', *угрохать* и др.), колюще-режущих предметов (*вырезать, зарубить, засечь, кишки выпустить из кого, колоть/заколоть* и др.), при взаимодействии с водой (*перетопить, сделать буль-буль* и др.), путем сдавливания горла (удушения) (*душить/задушить, задушивать, удавить* и др.), силой действия одного тела (в общем смысле) на поверхность другого (*давить/задавить, дотоптать, размичкать, растоптать* и др.), при помощи разделения на части (*в (на) клочья, в щепки, дотерзать, расщепать* и др.), при взаимодействии с огнем (*жечь/сжечь, испепелить*), путем употребления в качестве пищи (*выедая, есть/съесть, каннибальство, слопать* и др.), при помощи яда (*травить/отравить*), с помощью ударов клювом (*доклевывать*);

3) подгруппа единиц репрезентирующих представления о насильственном лишении жизни кем-л. кого-л. как высшей карающей мере (13 слов и 6 сверхсловных образований). Наличие субъекта действия проявляется в семантике переходных глаголов (*вешать, казнить, расписать, расстреливать/расстрелять* и др.), а наличие объекта действия в семантике существительных или субстантиватов со значением лица (*висельник* ('устар. тот, кто повешен на виселице'), *смертник, расстрелянный*), которыми в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. является человек.

II. Группа единиц, объединенная общей семой 'неестественное прекращение жизни', где смерть становится добровольным актом субъекта. Интегральная сема 'самопожертвование' представлена в данной группе одним словом (*переместь*) и 4 сверхсловными единицами (*костями лечь, сложить голову (живот покласть), стоять/стать насмерть*).

III. Группа единиц, объединенная общей семой 'насильственное лишение жизни', где субъект и объект неестественной смерти совпадают, причем ими является человек. Интегральная сема 'насильственное намеренное лишение жизнедеятельности кем-л. самого себя и перевод из состояния бытия в состояние небытия' объединяет в данной группе 9 лексем и 4 сверхсловных единицы (*задушиться, наложить на себя руки, повеситься, самоистребление, стрелиться* и др.).

IV. Группа единиц, объединенная общей семой 'неестественное прекращение жизни', где действующий субъект смерти отсутствует. В данной группе объединяются слова и сверхсловные образования, манифестирующие смерть кого-, чего-либо в силу внешних обстоятельств (война, несчастный случай), отдельных причин (болезнь, ранение). Данная группа состоит из 81 слова и

7 сверхсловных образований. В IV группе выделяется 2 подгруппы со своими интегральными семами: 1) подгруппа единиц, манифестирующих общее представление о неестественной смерти в силу внешних обстоятельств, – 52 слова и 6 сверхсловных образований (*вымирание, гибель, загинуть, испускать/испустить дух, погибать/погибнуть* и др.); 2) подгруппа, включающая единицы, манифестирующие частные представления о неестественной смерти в силу внешних обстоятельств, – 29 слов и 1 сверхсловная единица (*домучиваться, дошаять, замерзать, захлебнуться, перетонуть, сгореть, умерать с голоду* и др.).

Все единицы внутри подгрупп с учетом грамматического значения объединяются в разряды.

Обширной в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. является зона ПВ концепта «Смерть», включающая единицы с дополнительной семой, подчеркивающей следствия смерти (128 слов и 5 сверхсловных образований). Значения слов и сверхсловных языковых единиц данной области актуализируют одну из составляющих фрейма *смерть* – результатив и связаны с именем анализируемого ПВ посредством нескольких интегральных сем. На основании этих сем в данной зоне выделяется 3 группы.

I. Единицы, манифестирующие представление о мертвом теле человека или животного, об остатках чего-либо уничтоженного (41 лексема и 2 сверхсловные единицы). Среди имеющихся вербализаторов выделяется несколько подгрупп: 1) подгруппа единиц, репрезентирующих представления о мертвом теле человека/животного; останках кого/остатков чего-л. разрушенного как следствии прекращения жизнедеятельности (*мертвечина, мясо, отбросы, пушнина, труп, человечина, шкура* и др.); 2) подгруппа единиц, вербализующих представления о распаде мертвого тела человека/животного; останках кого/остатков чего-л. разрушенного (*гнить/сгнить, разлагаться, раскисший* и др.); подгруппы единиц, характеризующих мертвое тело человека/животного; останки кого/остатки чего-л. разрушенного (*дохлый, трупный, омертвелый, трупелый* и др.).

II. Единицы, манифестирующие представления о различных атрибутах, возникающих только после смерти кого-л. (62 лексемы и 3 сверхсловные единицы). Здесь также выделяются подгруппы, объединенные общими семами: 1) подгруппа единиц, дающих представление о профессии, возникшей в связи с прекращением чьей-л. жизнедеятельности (*гробовщик, палач*); 2) подгруппа единиц, содержащих в семантике указание на особые документы, записи, возникающие вследствие прекращения чьей-л. жизнедея-

тельности (*завещание, некролог, похоронка, эпитафия* 'стихотворение, написанное по поводу чьей-нибудь смерти'); 3) подгруппа единиц, актуализирующих представления о принадлежностях умершего и его местопребывании (*братская могила, гроб, домовина, кладбище, морг, обелиск* и др.); 4) подгруппа единиц, манифестирующих представления об обрядах, традициях, действиях, совершаемых после смерти кого-либо (*зарывать/зарыть, поминки, предать земле кого, траурный, хоронить/похоронить* и др.). Две последние подгруппы являются многочисленными, слова и сверхсловные образования в них с учетом грамматического значения объединяются в несколько разрядов.

III. Единицы, манифестирующие представления о статусе кого-либо, возникающем вследствие прекращения чьей-л. жизнедеятельности (27 лексем). Здесь выделяются подгруппы, объединенные интегральными семами: 1) подгруппа единиц, репрезентирующих представления о статусе кого-л. как следствии прекращения его жизнедеятельности (*мертвец, покойник, убиенный* (субст.), *убитый* (субст.), *упокойник, утопленник* и др.); 2) подгруппа единиц, актуализирующих представление о статусе родственника как следствии прекращения чьей-л. жизнедеятельности (*вдова, вдовец, сирота, сиротство*); 3) подгруппа единиц, в семантике которых есть указание на признак, который возник вследствие прекращения чьей-л. жизнедеятельности (*новопреставленный, сиротский*).

Значения единиц данной области актуализируют одну из составляющих фрейма *смерть* – результативная, которая логично истекает из предыдущей составляющей этого фрейма – модификатора (изменяемости). Следствия смерти проявляются в возникновении в сценарии фрейма *смерть* определенных новых предметов (*гроб, звезда, крест, памятник* и др.), мест (*крематорий, могильник, яма* и др.), обрядов (*поминки, похороны, сороковины*). Отсюда налицо явное количественное преобладание подобных единиц: почти половина (64 из 133) вербализаторов выделенной зоны концепта «Смерть» приходится на вторую группу, где объединяются единицы, манифестирующие представление о различных атрибутах, возникающих только после смерти кого-либо.

Лексемы и сверхсловные образования рассматриваемой зоны реализуют в произведениях В. П. Астафьева не только свое узкое значение, но могут приобретать и узально-диалектное значение (ср. слова *домик* в значении 'гроб', *зарывать/зарыть* в значении 'хоронить/похоронить', *яма* в значении 'могила' и др.). Контекстное употребление некоторых вербализаторов расширяет

сферу их применения, ограниченную узусом (так, словарная дефиниция лексем *дохлятина*, *падаль* предполагает их использование только по отношению к телу животного, а В. П. Астафьев употребляет их по отношению к мертвому телу человека; слово *туша* в узусе номинирует тело животного, а у В. П. Астафьева оно описывает и «тело» понтона; словом *останки* по традиции называется тело умершего человека, а у В. П. Астафьева оно используется и по отношению к уничтоженному лесу, машине и др.).

Вербализаторы концепта «Смерть», манифестирующие представления о естественной смерти в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг., немногочисленны (17 слов и 7 сверхсловных образований). Это связано с тем, что языковое сознание соотносит естественную смерть, в основном, с зрелым возрастом (старостью) кого-, чего-либо. 23 единицы из 24 здесь содержат процессуальную сему при общем значении 'закономерное прекращение существования кого-, чего-л. и переход из состояния бытия в состояние небытия' (*землеумирание, кончиться, покидать/покинуть, примереть, стереться с земли, умереть своей смертью* и др.). При обращении к единицам данной области необходимо всегда учитывать их контекстуальное употребление, так как они могут обозначать как естественную, так и неестественную смерть.

Вербализаторы – слова и сверхсловные языковые единицы, манифестирующие состояние умирающего/умершего и его бытие после смерти в произведениях В. П. Астафьева 1980-1990-х гг., также немногочисленны, но они занимают важное место в ПВ. Вербализаторы этой зоны репрезентируют представление о состоянии прекращающегося/прекратившего существование (*вечный покой, вечный сон, возноси́ться, забыться, спать* и др.). Данные единицы включают образную составляющую, причем ярче всего проявляется представление о состоянии после смерти как о сне, отдыхе. Единицы, включенные в анализируемую зону, вербализуют также представления о загробной жизни человеческой души, которая, по христианскому учению, является бессмертной. Так, загробный мир может быть христианским раем (*верхний мир, лучший мир*) или адом (*ад, геенна огненная, преисподняя*); он населен обитателями – отрицательными или положительными персонажами (ср. *бог, боженька, господь – дьявол, сатана*). Причем в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» зачастую мир земной изображен не менее страшным, чем мир загробный; война становится для героев сущим адом (это подтверждается употреблением вербализаторов *преисподняя* и *геенна огненная*). Кроме двуполюсного соотношения (ад – рай), представленного

вышеназванными единицами, у В. П. Астафьева выделяется ряд лексем и сверхсловных образований, не содержащих в семантике указания на конкретный загробный мир, а, скорее, просто обозначающих его как иную жизнь (ср. *другая жизнь, оттуда, там, тот свет* и др.). Необходимо отметить, что современная лексикографическая традиция отказывается от понимания смерти как возможности перехода в иную жизнь; ни один толковый словарь современного русского языка не включает в дефиницию лексемы *смерть* соответствующего значения. Но для русского миропонимания представление о загробной жизни является очень важным, так как порождает определенную надежду на бессмертие. И в творчестве В. П. Астафьева подобные представления отражаются достаточно четко и устойчиво.

Немногочисленны единицы периферийной зоны, входящей в ПВ концепта «Смерть». Это лексемы и сверхсловные образования, дополнительно вербализующие названный концепт в творчестве В. П. Астафьева 1980-1990-х гг. Подобные репрезентанты указывают, например, благодаря контекстному окружению, на предельную степень проявления чувств, настроений, действий (ср. *до смерти, загнать в гроб кого, смертельный* и др.); свидетельствуют о не свершившемся процессе смерти с помощью частицы *не* (*не бить, не изрубить, не убивать/не убить* и др.); вносят представления об определенном месте, где гибель людей оказывалась неизбежной (*Курская дуга, передовая, штрафная рота* и др.). Качественно дополняют концепт «Смерть» в произведениях В. П. Астафьева вербализаторы, семантика которых связана с кинетическими признаками смерти (ср. *заупокойный, мертвенно-голубенький, одеревенелый, остывать/остыть* и др.). Подобные единицы репрезентируют дополнительные слуховые, зрительные, осязательные признаки, сопровождающие смерть или являющиеся следствием смерти. Эти признаки, реализуясь в языковых единицах, выявляют еще одно семантическое отношение в составляющей фрейма *смерть* – результате – ‘кинетические признаки смерти’. В периферийной зоне ПВ размещаются также лексемы, манифестирующие определенные эмоции, состояния, оценку, возникающие у живых после смерти кого-либо (ср. *горе, скорбнуть, утрата* и др.). Они подчеркивают в произведениях В. П. Астафьева те душевные переживания, которые испытывают живые по отношению к умершим. Подобные вербализаторы составляют один из терминальных узлов фрейма *смерть*, связанный семантическим отношением ‘эмоции, оценка смерти’ с ядерным значением.

Литература

Миронова Ю. В. К вопросу о ментальном содержании концепта «смерть» в художественном тексте (на материале рассказа И. С. Тургенева «Смерть») / Ю. В. Миронова. Отражение русской ментальности в языке и речи : матер. всерос. науч. конф. – Липецк : Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та, 2004. – С. 179-186.

Осипова А. А. Ассоциативные возможности имени концепта «Смерть» как характеристика концепта (по данным свободного ассоциативного эксперимента) / А. А. Осипова // Современные проблемы науки и образования: тез. докл. XLIII внутривуз. науч. конф. преподавателей МаГУ. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2005. – С. 256 – 257.

Осипова А. А. Репрезентация индивидуально-авторского концепта «Смерть» в произведениях В. П. Астафьева 1980 – 1990-х гг. (на примере функционирования фразеологических единиц) / А. А. Осипова // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исслед. / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2004. – Вып. 5. – С. 24 – 30.

Осипова А. А. Структура ядерной и околядерных зон поля вербализаторов концепта «Смерть» в творчестве В. П. Астафьева 1980 – 1990-х гг. / А. А. Осипова // Виноградовские чтения-2005: материалы Всерос. науч.-пр. конф. – Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2005. – С. 123 – 126.

Осипова А. А. Фрагмент концепта «Смерть» сквозь фразеологическую призму (по материалам произведений В. П. Астафьева 1980 – 1990-х гг.) / А. А. Осипова // VII Ручьевские чтения: Литературный процесс в зеркале рубежного сознания (философский, лингвистический, эстетический, культурологический аспекты): сб. материалов Междунар. науч. конф. – М.; Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2004. – С. 434 – 438.

Павлович Т. Семантика слов с корнями «-жи/в/-» и «-мер/мор-» в русском и сербскохорватском языках на фоне культурных концептов «жизнь» и «смерть» : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996. — 218 с.

Салалыкина Ж. В. Понятие «смерть» в русском языке (опыт концептуального анализа семантического поля): дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 202 с.

Хо Сон Тэ. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001. — 24 с.

Чернейко Л. О. Концепты *жизнь* и *смерть* как фрагменты языковой картины мира / Л. О. Чернейко // Филологические науки. — 2001. — № 5. — С. 50-59.

Юминова А. Б. Культурологический аспект развития семантики идиом поля «смерть» в современном русском языке (по результатам психолингвистического эксперимента) / А. Б. Юминова // Фразеология в контексте культуры: матер. Междунар. симпозиума. — М. : «Языки рус. культуры», 1999. — С. 221-226.

Антология концептов

Том 3

Научное издание

Подписано к печати 06.08.06. Формат 60x84x16.
Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 21,9. Уч.-изд.л. 22,2.
Тираж 200 экз. Заказ 153.

Издательство «Парадигма»
400006, Волгоград, ул. Академическая, 22.
Типография «Светокопия»
400001, Волгоград, ул. Академическая, 22